

С Е Т Е В О Й   Н А У Ч Н Ы Й   Ж У Р Н А Л

НОМОТНЕТІКА: ФІЛОСОФІЯ. СОЦІОЛОГІЯ. ПРАВО

S C I E N T I F I C   J O U R N A L

NOMOTHETIKA: PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. LAW

2023. Том 48, №4

НОМОТНЕТІКА:
Філософія. Соціологія. Право
2023. Том 48, № 4

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ», Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Заместители главного редактора:

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари:

Новикова А.Е., доктор юридических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Вангородская С.А., доктор социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Нифонтова О.И., кандидат философских наук, старший преподаватель (НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Петар Боянич, доктор философских наук, профессор (Белградский университет, Сербия)

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор (МГУ)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор (Российский университет дружбы народов)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Институт государства и права РАН)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (Институт социально-политических исследований РАН)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (НИУ «Высшая школа экономики»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Мареева Е.В., доктор философских наук, профессор Московского государственного института культуры (Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор Всероссийского государственного университета юстиции, профессор (Саратов, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

Савчук В.В., доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

Сивков Ц.Г., доктор юридических наук, профессор (Софийский университет имени Св. Климента Охридского, Болгария)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Шпопер Дариуш, доктор юридических наук, профессор (Поморская академия, Польша)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор (Московский городской педагогический университет)

Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор (Высшая школа экономики)

Ярычев Н.У., доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, член СП России (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова)

ISSN 2712-746X

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Ивахненко. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; rosheptsov@bsu.edu.ru. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 21,8. Дата выхода 30.12.2023. Оригинальный макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 657 Казаков Д.А., Лыткин В.В. Антрополатрия как обожествление человека: критическая позиция К.Н. Леонтьева

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- 665 Адань, Дроботова Н.А., Дмитраков Р.А. Культурно-историческая практика: к истории понятия

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 675 Авхачева Н.А. Влияние интернетизации и виртуализации социальной реальности на предоставление стоматологических услуг
683 Зайцева А.А. Внутрироссийская академическая мобильность студенческой молодежи: особенности институциональной регуляции и саморегуляции
693 Насриддинов Т.Г. Медиапотребление как социокультурная детерминанта ценностных иерархий и идеологических предпочтений россиян
704 Реутов Е.В. Влияние специальной военной операции на процессы социальной консолидации в Белгородской области

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 710 Беляев В.П., Бидова Б.Б., Беляева Г.С. Правовая природа интереса как предтеча определения понятия национальных интересов
718 Евтушенко И.В. Возникновение и развитие антиконкурентного и антимонопольного законодательства Русского государства X–XVII веков: историко-правовой анализ
726 Ярошук И.А. Метафора в языке права: условия допустимости

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- 735 Голобородько Ю.С. Развитие административно-правовых методов регулирования санитарно-эпидемиологических отношений: правовая диагностика (региональный аспект)
745 Лукьянова И.Ю. Абсолютные права: вымысел или реальность?
756 Мокроусова К.А., Нифанов А.Н. Эволюция правового регулирования территорий с особенностями организации местного самоуправления
765 Росенко М.И. Взаимодействие органов исполнительной власти и бизнес-сообществ при реализации программ комплексного развития Севастополя

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. НРАВСТВЕННОСТЬ

- 780 Сали Азар, Паниотова Т.С. Защита культурных ценностей в ситуации вооруженных конфликтов
791 Сухоруких А.В., Куркина А.С. Философские модусы экзистенциального диалога в практике реконструкции литературного стиля
803 Трунов А.А. Субкультурная революция 1968 года в контексте цивилизационной динамики модерна
812 Хасуев А.Э., Балиев И.В. Субкультура кибербездомных: философско-культурологический аспект

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 821 Горячев Д.А., Дагаев Р.Р. Патриархальная теория Аристотеля о происхождении государства и её значение для социального учения Церкви

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- 830 Варава М.В. Понятие «народное настроение» в работе П.И. Новгородцева «Политическая народная поэзия в Италии во времена Возрождения»
839 Ткач Н.В., Аотгенхуар. Семантика трагического в фортепианной музыке Л. Бетховена

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 850 Рудь И.С., Липич В.В. Угрозы формированию национально-религиозной идентичности российской молодежи

NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law 2023. Volume 48, No. 4

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House. Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Rimskiy, V.P., Doctor of philosophy, Professor
(Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

Babintsev, V.P., Doctor of philosophy, Professor
(Belgorod National Research University)

Tonkov, E.E., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

Responsible Secretary

Novikova, A.E., Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod National Research University)

Vangorodskaya, S.A., Doctor of sociology (Belgorod National Research University)

Nifontova O.I., Candidate of Philosophical Sciences, Senior lecturer (NRU "BelSU")

Members of editorial board:

Belyaeva, G.S., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Borisov, S.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research)

Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor
(Belgrade University, Serbia)

Barkov, S.A., Doctor of sociology, Professor (Moscow State University)

Vlasenko, N.A., Doctor of law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

Gabov, A.V., doctor of law, corresponding member of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of state and law of the RAS

Drach, G.V., Doctor of philosophy, Professor
(Southern Federal University)

Zubok, Y.A., Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

Kalinina, G.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State Institute of Arts and Culture)

Klimova, S.M., Doctor of philosophy, Professor (Higher School of Economics)

Maydanskiy, A.D., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Mareeva E. V., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russia)

Malko A.V., Doctor of Law, Professor of the All-Russian State University of Justice, Professor (Saratov, Russia)

Nazarov, V.N., Doctor of philosophy, Professor (Tolstoy Tula State Pedagogical University)

Prokazina, N.V., Doctor of sociology, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Savchuk V.V., Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg State University)

Sivkov, C.G., Doctor of law, Professor (University of Sofia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

Starilov, Y.N., Doctor of law, Professor (Voronezh State University)

Turanin, V.Yu., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Dariusz Shpopier, Doctor of law, Professor (Akademia Pomorska, Poland)

Kuksin, I.N., Doctor of law, Professor (Moscow City University)

Tabolin, V.V., Doctor of law, Professor (Higher School of Economics)

Yarychev N.U., Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, member of the Joint Venture of Russia (Kadyrov Chechen State University)

ISSN 2712-746X

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФЦ77-77840 от 31.01.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor YU.V. Ivakhnenko. Editing, computer imposition O.G. Tomusyak. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 21,8. Date of publishing 30.12.2023. The layout was prepared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85, Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 657 **Kazakov D.A., Lytkin V.V.** Anthropolatry as the Idolization of Man: The Critical Position of K.N. Leontiev

LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

- 665 **Adan, Drobotova N.A., Dmitrakov R.A.** Cultural-Historical Practice: To the History of One Concept

SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

- 675 **Avkhacheva N.A.** The Impact of Internetization and Virtualization of Social Reality on the Providing of Dental Services
683 **Zaytseva A.A.** Intra-Russian Academic Mobility of Students: Features of Institutional Regulation and Self-regulation
693 **Nasriddinov T.G.** Media Consumption as a Socio-Cultural Determinant of Value Hierarchies and Ideological Preferences of Russians
704 **Reutov E.V.** Influence of Special Military Operation on the Processes of Social Consolidation in the Belgorod Region

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- 710 **Belyaev V.P., Bidova B.B., Belyaeva G.S.** The Legal Nature of Interest as a Forerunner of the Definition of the National Interests
718 **Evtushenko I.V.** The Emergence and Development of Anti-competitive and Antitrust Legislation of the Russian State of the X–XVII Centuries: Historical and Legal Analysis
726 **Yaroshchuk I.A.** Metaphor in the Language of Law: Conditions for Admissibility

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 735 **Goloborodko Y.S.** Development of Administrative and Legal Methods for Regulating Sanitary and Epidemiological Relations: Legal Diagnostics (Regional Aspect)
745 **Lukyanova I.Y.** Absolute Rights: Fiction or Reality?
756 **Mokrousova K.A., Nifanov A.N.** Evolution of the Legal Regulation of Territories with the Peculiarities of the Organization of Local Self-government
765 **Rosenko M.I.** Interaction of Executive Authorities and Business Communities in the Implementation of Integrated Development Programs of Sevastopol

HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

- 780 **Saly Azar, Paniotova T.S.** Protection of Cultural Property in Situations of Armed Conflict
791 **Sukhorukikh A.V., Kurkina A.S.** Philosophical Moduses of Existential Dialogue in the Practice of Literary Style Reconstruction
803 **Trunov A.A.** The Subcultural Revolution of 1968 in the Context of the Civilizational Dynamics of Modernity
812 **Khasuev A.E., Baliev I.V.** Subculture of the Cyber Homeless: Philosophical and Cultural Aspect

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- 821 **Goryachev D.A., Dagaev R.R.** Aristotle's Patriarchal Theory of the Origin of the State and Its Significance for the Social Teaching of the Church

CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

- 830 **Varava M.V.** The Concept of the "Folk Spirit" in the Work of P.I. Novgorodtsev "Political Folk Poetry in Italy During the Renaissance"
839 **Tkach N.V., Aotgenhuar.** Semantics of the Tragic in L. Beethoven's Piano Music

THESIS

- 850 **Rud I.S., Lipich V.V.** Threats to the Formation of National-Religious Identity of Russian Youth

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 124

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-657-664

Антрополатрия как обожествление человека: критическая позиция К.Н. Леонтьева

Казаков Д.А., Лыткин В.В.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
Россия, 248023, Калуга, ул. Степана Разина, 26
vlad-lytkin@yandex.ru, kazak51@yahoo.com

Аннотация. Необходимость рассмотрения антрополатрии диктуют современные тенденции к снижению роли Бога в бытие человека. Цель исследования заключается в описании предпосылок возникновения антрополатрии, характеризуемой как обожествление человека, вера в идеальную и самобытную личность. В ходе анализа трудов Леонтьева с антропологической точки зрения и работ исследователей, была выявлена его суровая моральная позиция, основанная на византийских началах, символизирующих смирение перед Богом. Такое религиозное восприятие бытия непременно отразилось на критике Леонтьевым политики либерализации и однообразия, «розового христианства». Тем самым Леонтьевым была сформулирована главная цель антрополатрии – искажение христианских смыслов, для распространения прав и свобод, утверждении человека в «центр Вселенной»

Ключевые слова: гуманизм, византизм, либерально-эгалитарный процесс, средний человек, обожествление человека

Для цитирования: Казаков Д.А., Лыткин В.В. 2023. Антрополатрия как обожествление человека: критическая позиция К.Н. Леонтьева. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 48(4): 657–664. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-657-664

Anthropolatry as the Idolization of Man: The Critical Position of K.N. Leontiev

Daniil A. Kazakov, Vladimir V. Lytkin

Tsiolkovsky's Kaluga State University
26 Stepan Razin St., Kaluga 248023, Russian Federation
vlad-lytkin@yandex.ru, kazak51@yahoo.com

Annotation. The need to consider anthropolatry is dictated by modern trends towards reducing the role of God in human existence. The purpose of the article is to describe the prerequisites for the emergence of anthropolatry, characterized as the deification of man, faith in an ideal and original personality. During the analysis of Leontiev's works from an anthropological point of view and the work of researchers, his harsh moral position based on Byzantine principles symbolizing humility before God was revealed. Such a religious perception of being was certainly reflected in Leontiev's criticism of the policy of liberalization and monotony, "pink Christianity". Thus, Leontiev formulated the main goal of anthropolatry – the distortion of Christian meanings, for the dissemination of rights and freedoms, the establishment of man in the "center of the universe".

Keywords: humanism, byzantism, liberal-egalitarian process, average man, deification of man

For citation: Kazakov D.A., Lytkin V.V. 2023. Anthropolatry as the Idolization of Man: The Critical Position of K.N. Leontiev. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 657–664 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-657-664

Введение

На сегодняшний день многими исследователями констатируется кризис современной цивилизации, основанной на техногенно-потребительской модели развития. Данная модель стала стержнем, определяющим жизнедеятельность человечества последние четыре века. Она создавалась развитыми странами Запада и на сегодняшний день является их олицетворением. Техногенно-потребительская модель стала универсальным подходом, на который остальные страны вынуждены равняться ввиду господства глобалистского подхода к мировоззренческим установкам и ценностям.

Исторически способ существования общества, обусловленный техногенно-потребительской моделью развития, берет свое начало в эпохе Возрождения. Атрибуты данной модели развития давно известны, и среди них можно обозначить несколько основных: европейская культура как вершина мировой истории и ценностей; торжество научно-технического прогресса; природа должна быть освоена и подчинена человеком; непосредственные связи между людьми (семейные, дружеские, духовные) уступают опосредованным (правовым и экономическим) и так далее. Отношения человека и Бога в данном мировоззрении предстают как «забвение духовной "вертикали" бытия и абсолютизации "горизонтального", "телесного" измерения мира» [Иванов и др., 2011, с. 11].

Уже в эпоху Ренессанса идеалы и ценности личности формировались не на духовной и нравственной основах, а исходя преимущественно из материальных интересов. Именно они стали главенствующими потребностями и мотивами, культивировавшими в дальнейшем безграничное творчество и свободу. В результате формируется апология неограниченного нравственными законами и религиозными догмами существования, в ходе которого человек начинает ассоциировать себя с Богом, что оборачивается антрополатрией. Земной и телесный индивид трактует себя хозяином всего сущего. Технико-экономический прогресс становится «разумом» и «сердцем» индивида, подчиняя себе культуру, философию и искусство. В эпоху Просвещения отвергается традиционная мораль и строится новая, рационально-прагматичная. Таким образом, трансформируется его представление о сущности. Пребывав как существо духовное и бесконечное, человек стал конечным и смертным. Все его бытие направлено на получение психологического комфорта, чувственных удовольствий и социального признания. Культивирование данных ценностей на протяжении нескольких десятилетий привело человека на современном этапе его существования к зависимости от материальных потребностей. Их отсутствие он воспринимает все более болезненно, нарушается его душевный и физический покой.

Стоит отметить, что человек в психологических и социальных потребностях никогда не останавливался. Рост потребностей, сопровождавшийся научно-техническим прогрессом, привел к превосходству в мировоззрении человека материального над духовным. Одним из первых проблему утраты религиозных начал и распространение материализма затронул русский философ конца XIX века К.Н. Леонтьев, обличая феномен либерализма, получивший популярность после французской революции и распространявшийся по всей Европе. Равноправие, стремление к однообразию в культуре приводят к появлению среднего человека. Проблема утраты духовных начал у человека вследствие установления антрополатрии как высшей точки гуманизма, по мнению авторов статьи, является ключевой в творчестве Леонтьева.

Исследователи к данной проблеме подходят с разных сторон. Так, Д.Д. Романов подходит к критике антрополатрии Леонтьевым через исследование нигилизма в русской

литературе и философии. Противопоставляя сентиментальную мораль Л.Н. Толстого и страх смиренности перед Богом у Леонтьева, Романов констатирует: «Под "антрополатрией" понимается возведение человека в статус божества, преклонение перед ним. Без смиренного осознания в своей природе греховного начала, человек не выйдет из порочного круга, где рациональное, стремясь подчинить себе мир и бунтуя против мировой несправедливости, оборачивается нигилизмом» [Романов, 2018, с. 246]. С других позиций к анализу антрополатрии подходит протоирей В. Леонов. Он не упоминает Леонтьева, но в анализе антрополатрии в эпоху постмодерна на примере интернет-лекций протоиерея Вячеслава Рубского приходит к тем же выводам в определении антрополатрии, к которым пришел Леонтьев еще в XIX веке: изгнание Бога человеком из религиозного культа; вместо библейско-языческого богообщения человек должен общаться с другими людьми или внутренним «Я» [Леонов, 2023, с. 172]. В конце XIX века, пока сторонники либеральных течений доминировали в интеллектуальной западноевропейской мысли, Леонтьев понял, что Европе уже не спасти, она находится на стадии упрощения, но в России, если опереться на византийские начала, еще можно спасти человека от катастрофы.

Похожая картина мира сохранилась и на сегодняшний день. Российское государство посредством проведения культурной политики пытается сохранить традиционные ценности, веками формировавшие образ жизни русского человека, в то время как Европа пытается свести все многообразие культур и народов к одному единому стандарту.

В качестве цели данного исследования предпринят анализ становления такого явления, как антрополатрия, с опорой на работы Леонтьева, так как именно он на протяжении своего творчества пытался предупредить российское общество о надвигающихся с Запада антирелигиозных практиках.

Византизм Леонтьева против антрополатрии

Русская философия всегда носила антропоцентричный характер. Нравственное и религиозное бытие человека затрагивались в трудах русских философов достаточно часто. Такая проблематика объединила философов и исследователей различных мировоззрений и направлений. Одним из таких философов и предстал К.Н. Леонтьев с позицией «эстетического аморализма». Труды Леонтьева насыщены эстетическими высказываниями, но одно из них наиболее точно характеризует его взгляды: «Характер трагического в жизни народа в высшей степени важен» [Леонтьев, 2005, с. 110]. Под «трагическим» в данном случае понимаются идеалы византизма, разочарование в земном. Данная особенность творчества Леонтьева еще в начале XX века была отмечена религиозным философом В. В. Зеньковским: «...моральные идеи Леонтьева пронизаны сознанием испорченности современного человека и современной культуры (с ее "поэзией изящной безнравственности"). Леонтьев гораздо более моралист, чем эстетизирующий мыслитель (как его изображают), но его мораль, суровая, окрашенная сознанием трагичности жизни, вытекала из его религиозного восприятия современности» [Зеньковский, 2001, с. 580]. Следствием такой суровой морали как раз и становится критика среднего человека и культуры, которая прослеживается в антропологических построениях Леонтьева. Зеньковский также призывает обратиться именно к его антропологическим взглядам, отрицающим оптимистическое понимание человека, т. е. антрополатрию.

Философ-ницшеанец Ф.Ф. Куклярский делает акцент на отрицании человека и ценностей мира в творчестве Леонтьева. Куклярский приходит к мысли, что в большинстве работ Леонтьева такое отрицание настолько заметно и выражено, что его можно считать фактом. Куклярский в данном случае ссылается на слова в статье «О всемирной любви»: «Благоденствие земное вздор – и невозможность; царство равномерной и всеобщей правды человеческой на земле – вздор и даже обидная неправда, обида лучшим» [Леонтьев, 1997, с. 74]. Здесь он поясняет, что «отрицание человека у Леонтьева не довлеет себе, а, согласно духу монастырского православия, рассматривается лишь как необходимое

условие спасения души человеческой и, следовательно, в конечном счете человек как бы утверждается через отрицание его» [Куклярский, 1995, с. 279]. В духе монастырского православия как раз и заключено разочарование в земном. Противопоставляя антрополатрии византийские идеалы, Леонтьев тем самым борется с буржуазией, «средним европейцем».

Стоит отметить, что антрополатрия является продолжением секулярной идеологии. Такая идеология начинает проявляться в трудах философов XIX–XX вв. и становится ведущей стратегией дальнейшего развития западного общества. Здесь интересна точка зрения немецкого социолога М. Вебера, определившего секуляризацию как «расколдовывание мира» [Вебер, 1990, с. 751]. Материализм и рационализм становятся господствующими мировоззрениями. Ценно только то, что можно объяснить и познать. Материальное превалирует над духовным. Традиции начинают подавляться модернизацией и научно-техническим прогрессом, а традиционные принципы признаются архаикой, которая только мешает развитию общества. Естественно, сюда попадает и религия.

Следует также обозначить основное отличие секуляризма от атеизма. В отличие от последнего секуляризм не борется с верой как таковой. Она просто отодвигается на задворки общественной жизни. Человек сам решает во что верить, что первостепенно, а что вторично. Секуляризм продемонстрировал человеку, что есть вещи поважнее, чем строгое следование религиозным догматам.

Применительно к антропологии Леонтьева необходимо акцентировать внимание не на отрицании самого человека, а на его обожествлении, чем и является антрополатрия. Верно, на наш взгляд, замечание А.В. Скворцовой, что Леонтьев «не принимал антрополатрию – веру в идеальное, самостоятельное, автономное достоинство человеческой личности, рассматривая последнюю только в свете служения обществу» [Скворцова, 2009, с. 178]. Авторы данной статьи считают, что в обществе XVIII–XIX века начинает формироваться новая религия, где христианство сменяется человекобожием. Смена теоцентризма на антропоцентризм предстает характерной чертой либерального западноевропейского общества. В эпоху Просвещения антропоцентризм становится ведущим направлением мысли, прежде всего в теориях французских просветителей, у которых ничто не может быть выше прав и свобод человека. Он становится «центром Вселенной», формируется идолопоклонство человеку, из чего в последствии рождается эгалитаризм.

В русской философии тема антрополатрии была затронута не только Леонтьевым, но и русскими философами начала XX века. При объяснении кризиса метафизики С.Л. Франк приходит к факту «обоожествления человека». При этом в работе «Свет во тьме» Франк прослеживает эволюцию антрополатрии в сатанолатрию, которая является «идолопоклонством перед сатаной как истинным «князем мира сего» [Франк, 2011, с. 60]. Таким образом Франком, на наш взгляд, были выделены стадии антрополатрии, на которых теоцентризм сменяется безоговорочной верой в человека, ведущей к стадии отрицания Бога как высшей инстанции. Уже упомянутый Зеньковский находит антрополатрию в учении Н.А. Бердяева, решившего средневековую дифференциацию конечного и бесконечного создателя. Зеньковский характеризует творчество Бердяева как «апофеоз человека, такое возвышение его, что ни к кому в русской философии не относится знакомый уже вам упрек Леонтьева в антрополатрии (т. е. в возведении человека в предмет поклонения), как именно к Бердяеву» [Зеньковский, 2001, с. 717]. Человек, униженный аскетическим средневековым христианством, в духе романтической традиции должен творить не только мир, но и самого себя. С.Н. Булгаков также обращается к антрополатрии Бердяева, отмечая его склонность к имманентному обожествлению человека, что «составляет отличительную черту антропологии Бердяева с ее своеобразным мистическим фейербахианством» [Булгаков, 1994, с. 82].

Леонтьев тоже приходит к данному рода закономерности, но становление антрополатрии из антропоцентризма он видит прежде всего в искажении христианских смыслов. На это влияют два фактора: зарождение массовой культуры, сопровождающейся либераль-

но эгалитарным процессом, и «розовое христианство» Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Отрица еуропеизм, философ сформулировал закон, по которому цивилизация проходит три стадии развития: первичную простоту, цветущую сложность и вторичное смешительное упрощение, влекущее гибель общественного организма [Леонтьев, 2023, с. 183]. По мнению Леонтьева, Европа находится на стадии смешительного упрощения, вступая в процесс усреднения. Переосмысливая ценности западной цивилизации, Леонтьев выступает с критикой культурных процессов, происходящих в западноевропейском обществе. Разрушительный либерально-эгалитарный процесс превращает равенство и в однообразие. В результате смешения отдельные социальные слои образовали серую массу, способную ничего создать.

Процесс демократизации повлиял и на ценности буржуазного общества, где на первый план выдвигается польза человека. Здесь Леонтьев обращается к английскому историку Г. Боклю. В работе Бокля «История цивилизации в Англии» при рассмотрении истории Испании раскрывается истинная мораль буржуазии. Бокль восхищается «рыцарскими идеалами» испанского общества, но при этом утверждает, что такое мировоззрение ведет к закреплению человека различными догмами, не имеющими под собой логического фундамента [Бокль, 2002, с. 503]. Отсюда следует, что бескорыстие и самоотверженность становятся личными свойствами, но, по мнению прогрессистов, во имя пользы ими можно и пренебречь. Именно в возможности выбора идеалов или даже отказа от них в зависимости от ситуации Леонтьев раскрывает всю философскую идею «среднего европейца» – результат на первом месте. Данное мировоззрение уже закрепится в XX веке в виде корпоративной и профессиональной этики. Уничтожение рыцарской культуры буржуазией, а затем создание на ее основе демократии и распространение идей о правах человека гипертрофировало чувство собственного достоинства. В отношении человека и Бога кроется различие между Европой и Россией. По мнению К.Н. Леонтьева, российское государство не предназначено для эгалитарных тенденций, навязанных западноевропейскими странами.

Рассматривая вопрос о «розовом христианстве» Толстого и Достоевского, следует учитывать, что Леонтьев подходит к религиозному творчеству писателей со стороны истинного православия, усвоенного им на горе Афон и в Оптиной Пустыни. У Толстого он подчеркивает любовь писателя ко всему человечеству, которая заменяет христианскую любовь к ближнему и нации на идолопоклонство народу. Такая своевольная любовь, по мнению Леонтьева, не является истинно церковной, не основывается на ее учениях, а потому заимствуется с Запада, представляя собой «самовольный плод антрополатрии, новой веры в земного человека и в земное человечество – в идеальное, самостоятельное, автономическое достоинство лица и в высокое практическое назначение "всего человечества" здесь, на земле» [Леонтьев, 2013, с. 4].

Его критика Достоевского совершенно иная, особенно когда он ссылается на речь писателя на открытии памятника Пушкину. Он признает, что речь его очень приятна для чтения и демонстрирует ясный и проницательный ум, веру, смелость, основанные на справедливом взгляде на народ, отличающем простых людей от православных. Более того, Достоевский верит в реформирование человека, а не общества, в то время как интеллигенция мыслит только в абстрактных терминах социальных структур, которые необходимо ограничить. У Достоевского концепция человека уже давно с большим чувством и успехом представляет христианскую мысль о любви и прощении, которая предвосхищает любую человеческую реформу. Однако сердечная теплота, исходящая от его великих романов, не может служить единственной основой православия. Эти добрые чувства должны быть закреплены в форме православия. Соблюдение его обрядов, его практик (чтение отцов церкви, а не только Евангелия), почитание чудотворных икон, соблюдение постов и аскезы, общественная дисциплина, противоположная спонтанным порывам сердца, имеет решающее значение. Еще более важным для Леонтьева является повиновение догматам, провозглашенным авторитетом непогрешимой, высоко иерархизированной и патриархальной церкви, то есть византийской. И поэтому мыслитель особенно сурово относится к

отсутствию догматики у Достоевского: он действительно не придерживался катехизации, требующей подчинения всех православных, и позволил себе переступить границы, установленные церковью. В статье Кузнецова можно увидеть, как Леонтьев обрекает человека на страх Божий и страдания, потому что без страданий не было бы ни веры, ни любви к людям, основанной на вере в Бога [Кузнецов, Соколов, 2017, с. 6].

В антропологии К.Н. Леонтьева на поверхности лежит противостояние развития культуры и развития человека. Когда западноевропейское общество пошло по рациональному вектору развития, оно нарушило историческое развитие культуры. Началось противостояние антропоцентрических идей, пропагандируемых западноевропейскими философами эпохи Просвещения, и оригинальной русской культуры. Об антропоцентрическом подходе просветителей к проблемам внешней природы свидетельствует и то обстоятельство, что особое внимание они уделяли не проблемам «неживой» природы, а проблемам жизни в природе и происхождения человека [Пустарнаков, 2002, с. 68]. Культура у К.Н. Леонтьева определяет допустимые границы и возможные пределы абсолютистских и эгоистических стремлений индивида. В отличие от западного антропоцентризма, в своей философско-антропологической теории К.Н. Леонтьев трактует культуру как способ, направленный на ограничение самопроизвольного развития личности. Сторонники же либеральных учений постоянно нацелены на снятие сдерживающих форм. Он приходит к выводу, что развивая европейское просветительское и буржуазно-мещанское антропоцентрическое мировоззрение, западное общество придет к упрощению культуры, а не к ее активной эволюции и усложнению. Культура у К.Н. Леонтьева на метафизическом и онтологическом уровне всегда стоит над человеком. Человек остается самим собой только при условии, когда есть кто-то над ним. Культура в творческом плане способна показать человеку, что он вторичен и зависит от Бога.

Заклучение

Таким образом, антрополатрия предстает как вера в «земного» человека – самостоятельного и автономного. Сопровождаясь политикой либерализма, она гиперболизирует понятие свободы, распространяя ее на все сферы жизни человека. В своем подлинном смысле свобода может быть только духовной и выражаться в возможности жить без греха. Вместо этого преувеличиваются личные права человека и уважение к человеческой личности. Получается, что такой индивидуализм губит настоящую уникальность. Данную особенность увидел и в своих антропологических взглядах Леонтьев. Подходя к рассмотрению антрополатрии с позиции истинного православия, основанного на византийских началах, он раскрыл ее основу как попытку игнорирования внутренних пороков человека вместо обуздания внутреннего зла. Такая ценностная система достаточно проста в освоении, но одновременно очень непрочна, так как всегда присутствует фактор личной ответственности.

Борьба с антрополатрией проходит красной нитью через труды философа. Она проявляется и в разоблачении феномена «среднего европейца» как творения либерально-эгалитарного процесса, и в критике розового христианства русских литераторов. Данные мысли Леонтьева можно назвать пророческими, так как и на сегодняшний день последователи постмодернизма и экзистенциализма не оставляют попыток устранить незыблемость Бога в религиозных учениях. Таким образом, антрополатрия становится продолжением политики отказа от объективных истин и устойчивых принципов познания, а также исторической относительностью и неопределенностью знания.

Список литературы

- Бокль Г.Т. 2002. История цивилизаций. История цивилизации в Англии. М., Мысль, 509 с.
Булгаков С.Н. 1994. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., Республика, 415 с.
Вебер М. 1990. Избранные произведения. Пер. с нем. М., Прогресс, 808 с. (Weiss J. 1975 Max Webers Grundlegung der Soziologie. München, 240 s.)

- Зеньковский В.В. 2001. История русской философии. М., Академический Проект, Раритет, 880 с.
- Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. 2010. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. Барнаул, Изд-во АГАУ, 133 с.
- Кузнецов Н.В., Соколов А.М. 2017. Константин Леонтьев: эстетика религиозного вдохновения и таинство национального духа. *Дискурс*, 1: 3–13. DOI: 10.32603/2412-8562-2017-0-1-3-13
- Куклярский Ф.Ф. 1995. К. Леонтьев и Фр. Ницше как предатели человечества. В кн.: К.Н. Леонтьев: Pro et contra (Русский Путь). Санкт-Петербург, Изд-во Рус. Христианского гуманитарного ин-та: 271–293.
- Леонов В. 2023. Антрополатрия в эпоху постмодерна, или О «Богообщении» протоиерея Вячеслава Рубского. *Сретенское слово*, 2(6): 151–176. DOI: 10.55398/27826066_2023_2_6_151151
- Леонтьев К.Н. 2005. Грамотность и народность. В кн.: Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. В. А. Котельникова. Санкт-Петербург, Изд-во «Владимир Даль»: 90–131.
- Леонтьев К.Н. 1997. О всемирной любви. Речь Ф.М. Достоевского на пушкинском празднике. В кн.: Властитель дум. Ф.М. Достоевский в русской критике конца XIX – начала XX века. Под ред. Н. Т. Ашимбаева. Санкт-Петербург, Художественная литература: 68–103.
- Леонтьев К.Н. 2013. Страх Божий и любовь к человечеству. По поводу рассказа гр. Л.Н. Толстого «Чем люди живы?». URL: <https://reader.lanbook.com/book/6225> (дата обращения: 30 ноября 2023).
- Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. В кн.: Леонтьев К.Н. Избранные сочинения. URL: <https://urait.ru/viewer/izbrannye-sochineniya-v-3-t-tom-1-513553#page/1> (дата обращения: 30 ноября 2023).
- Пустарнаков В.Ф. 2002. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М., ИФРАН, 341 с.
- Романов Д.Д. 2018. Нигилизм как проблемное поле русской литературы и философии. В кн.: Литература и религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева. Под ред. Е.А. Тахо-Годи. М., Водолей: 236–248.
- Скворцова А.В. 2009. Социально-философские концепции европейского и русского консерватизма (на примере Э. Берка и К. Н. Леонтьева). *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*, 1: 176–180.
- Франк С.Л. 2011. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 832 с.

References

- Bokl' G.T. 2002. Istoriya tsivilizatsiy. Istoriya tsivilizatsii v Anglii. [History of Civilizations. The History of civilization in England: vol. 2.]. Moscow, Publ. Mysl, 509 p.
- Bulgakov S.N. 1994. Svet nevecherniy: Sozertsaniya i umozreniya. [The light of the evening: Contemplation and speculation]. Moscow, Publ. Republic, 415 p.
- Veber M. 1990. Izbrannye proizvedeniya. [Selected works] Translated from German. Ed. by Yu.N. Davydov. Moscow, Progress, 808 p. (Weiss J. 1975 Max Webers Grundlegung der Soziologie. München, 240 s.)
- Zen'kovskiy V.V. 2001. Istoriya russkoy filosofii. [History of Russian philosophy]. Moscow, Publ. Academic Project, Rarity, 880 p.
- Ivanov A.V., Fotieva I.V., Shishin M.Yu. 2010. Dukhovno-ekologicheskaya tsivilizatsiya: ustoi i perspektivy: monografiya. [Spiritual and ecological civilization: foundations and prospects: monograph]. Barnaul, AGAU Publishing House, 133 p.
- Kuznetsov N.V., Sokolov A.M. 2017. Konstantin Leont'ev: estetika religioznogo vdokh-noveniya i tainstvo natsional'nogo dukha. [Konstantin Leontiev: aesthetics of religious inspiration and the mystery of the national spirit]. *Diskurs*, 1: 3–13. DOI: 10.32603/2412-8562-2017-0-1-3-13
- Kuklyarskiy F.F. 1995. K. Leont'ev i Fr. Nitsche kak predateli chelovechestva. [K. Leontiev and Fr. Nietzsche as traitors to humanity]. In: K.N. Leont'ev: Pro et contra (Russkiy Put'). [K.N. Leontiev: Pro et contra (The Russian Way)]. St. Petersburg, Publ. House of Rus. Christian Humanitarian Institute: 271–293.
- Leonov V. 2023. Antropolatriya v epokhu postmoderna, ili O "Bogoobshchenii" protoiereya Vyacheslava Rubskogo. [Anthropolatry in the postmodern era, or On the “Communion with God” of Archpriest

- Vyacheslav Rubsky]. *Sretenskoe slovo*, 2(6): 151–176. DOI: 10.55398/27826066_2023_2_6_151151
- Leont'ev K.N. 2005. Gramotnost' i narodnost'. [Literacy and nationality]. In: Leont'ev K.N. Polnoe sobranie sochineniy i pisem. [Complete collection of works and letters]. Ed. by V.A. Kotel'nikov. St. Petersburg, Publ. house Vladimir Dal: 90–131.
- Leont'ev K.N. 1997. O vsemirnoy lyubvi. Rech' F. M. Dostoevskogo na pushkinskom prazdnike. [About universal love. Speech of F. M. Dostoevsky on the Pushkin holiday]. In: Vlastitel' dum. F.M. Dostoevskiy v russkoy kritike kontsa XIX – nachala XX veka. [The Ruler of thoughts. F.M. Dostoevsky in Russian criticism of the late XIX – early XX century]. Ed. by N.T. Ashimbaev. St. Petersburg, Publ. Fiction: 68–103.
- Leont'ev K.N. 2013. Strakh Bozhiy i lyubov' k chelovechestvu. Po povodu rasskaza gr. L.N. Tolstogo «Chem lyudi zhivy?». [The fear of God and love for humanity. About the story of Mr. L.N. Tolstoy "How are people alive?"]. Available at: <https://reader.lanbook.com/book/6225> (accessed: 30 November 2023).
- Leont'ev K.N. Vizantizm i slavyanstvo. [Byzantium and Slavs]. In: Leont'ev K. N. Izbrannye sochineniya. [Selected works. Vol. 1.]. Available at: <https://urait.ru/viewer/izbrannye-sochineniya-v-3-t-tom-1-513553#page/1> (accessed: 30 November 2023).
- Pustarnakov V.F. 2002. Filosofiya Prosveshcheniya v Rossii i vo Frantsii: opyt sravni-tel'nogo analiza. [Philosophy of Enlightenment in Russia and France: the experience of comparative analysis]. Moscow, Publ. IFRAN, 341 p.
- Romanov D.D. 2018. Nihilizm kak problemnoe pole russkoy literatury i filosofii. [Nihilism as a problematic field in Russian literature and philosophy]. In: Literatura i religiozno-filosofskaya mysl' kontsa XIX – pervoy trety KhKh veka. K 165-letiyu Vl. Solov'eva. [Literature and religious and philosophical thought of the late XIX - first third of the XX century. To the 165th anniversary of Vl. Solovyova]. Ed. by E.A. Takho-Godi. Moscow, Publ. Vodoley: 236–248.
- Skvortsova A.V. 2009. Sotsial'no-filosofskie kontseptsii evropeyskogo i russkogo kon-servatizma (na primere E. Berka i K.N. Leont'eva). [Socio-philosophical concepts of European and Russian conservatism (by the example of E. Burke and K. N. Leontiev)]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*, 1: 176–180.
- Frank S.L. 2011. Svet vo t'me. Opyt khristianskoy etiki i sotsial'noy filosofii. [Light in the dark. The experience of Christian ethics and social philosophy]. Minsk, Publ. Belorusskogo Ekzarkhata, 832 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.03.2023
Поступила после рецензирования 20.06.2023
Принята к публикации 30.07.2023

Received March 20, 2023
Revised June 20, 2023
Accepted July 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Казак Даниил Алексеевич, преподаватель кафедры философии, культурологии и социологии, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия.

Лыткин Владимир Владимирович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии и социологии, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Daniil A. Kazakov, lecturer at the Department of Philosophy, Culturology and Sociology, Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia.

Vladimir V. Lytkin, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Culture and Sociology, Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 111.85

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-665-674

Культурно-историческая практика: к истории понятия

Адань, Дроботова Н.А., Дмитраков Р.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85,

1034387@bsu.edu.ru

Аннотация. Понятие культурно-исторической практики, история которого прослеживается с Античности, достаточно популярное в философии XX века, сегодня оказалось вытесненным на периферию философского дискурса, тогда как оно все еще сохраняет потенциал для осмысления устройства постколониального мира, актуальных проблем многообразия культур и практик. Для выработки адекватной этим проблемам философской методологии необходимо изучение истории понятия культурно-исторической практики, что является целью данного исследования. Авторами показаны изменения в смысловом содержании понятия «практика» от античной философии до советской философской традиции; динамика ключевых смыслов практики от изначальной активности человека до разделения на теоретическую и практическую деятельность, а также специфики исторического изменения практики. Сделан вывод о сохранении потенциала понятия культурно-исторической практики для анализа современных проблем мироустройства.

Ключевые слова: деятельность, человек, культура, история, практика, диалог, коммуникация

Для цитирования: Адань, Дроботова Н.А., Дмитраков Р.А. 2023. Культурно-историческая практика: к истории понятия. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 48(4): 665–674. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-665-674

Cultural-Historical Practice: To the History of Concept

Adan, Natalya A. Drobotova, Roman A. Dmitrakov

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation

1034387@bsu.edu.ru

Abstract. The concept of cultural-historical practice, the history of which can be traced back to Antiquity, quite popular in the philosophy of the 20th century, today has turned out to be pushed to the periphery of philosophical discourse, while it still retains the potential for understanding the structure of the post-colonial world, topical problems of the diversity of cultures and practices. To develop a philosophical methodology adequate to these problems, it is necessary to study the history of the concept of cultural-historical practice, which is the goal of the current study. The authors show changes in the semantic content of the concept of “practice” from ancient philosophy to the Soviet philosophical tradition. The article also shows the dynamics of the key meanings of practice from the initial activity of a person to the division into theoretical and practical activity, as well as the specifics of historical changes in practice. A conclusion is made about the preservation of the potential of the concept of cultural and historical practice for the analysis of modern problems of the world order.

Keywords: activity, person, culture, history, practice, dialogue, communication

For citation: Adan, Drobotova N.A., Dmitrakov R.A. 2023. Cultural-Historical Practice: To the History of One Concept. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 665–674 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-665-674

Введение

Культурно-историческая практика – достаточно известное и устоявшееся понятие классической философии, сегодня утратившее свою популярность. Восходящее к понятию *πρακτικὸς* еще античных авторов, оно проходит сквозь всю историю философии, вплоть до настоящего времени, при этом сохраняя свой потенциал тем, что присутствует, можно сказать, скрыто или имманентно в целом ряде актуальных понятий и концептов современной философской мысли. Мы не ставим перед собой цели проследить трансформацию этого понятия с момента зарождения и по сей день, скорее – реконструировать основные смысловые линии, в своем итоге приведшие к понятиям культурно-исторической и культурно-антропологической практики.

Античные смыслы практики: изобретение подлинно человеческого

В самом общем виде наша попытка представляет собой возвратное движение, переоткрытие настоящего через обращение к основаниям. Для европейской философии основаниям античным, для которых слово практика есть *πρακτικὸς* (деятельный, действующий), а также *πράσσω* (проходить, делать, работать) [Фасмер, 1987, с. 353]. И это изначальное весьма простое и понятное значение действия, совершения некоторой работы получает философскую интерпретацию, как нам кажется, достаточно рано, уже у Аристотеля. Из предисловия к четвертому тому Аристотеля, обзора, сделанного Ф.Х. Кессиди, можно соотнести действие с самой непосредственной жизнью человека, вплоть до отождествления: «По Аристотелю, жизнь есть деятельность (*energeia*), а деятельность, активность, есть жизнь» [Кессиди, 1984, с. 31]. Использование слова *жизнь* при этом есть только исходная позиция в осмыслении деятельности – практики, поскольку погружает это понятие в контекст дискуссии о жизни человека, раздвоенной между миром природы и миром собственно человеческим, *bios* и *zoe*. Деятельность есть то, что неразрывно связано с разумом: «...назначение человека – в разумной (*kata logon*) деятельности» (EN, I6, 1098 a 5) [Кессиди, 1984, с. 31]. Высшей же формой жизни, а значит, и деятельности является, по Аристотелю, *bios theoretikos* – созерцательная жизнь, которую можно назвать деятельностью, всецело связанной с работой разума.

Вместе с тем пара категорий противопоставления животной жизни и разумной не является единственной в смысловом поле концепта «практика». Другой категорией аристотелевой мысли, относящейся к деятельности, является *episteme*, что есть «познание строя вещей» [Кессиди, 1984, с. 9]. Деятельность познавательная, направленная на поиск цели самого действия: «познает цель, ради которой надлежит действовать» (Met. I 2, 982 b 5) [Кессиди, 1984, с. 9]. Эпистема также есть деятельность, только теоретическая, отличающаяся от деятельности практической, по созданию предметов, необходимых для жизни или активности по совместному проживанию, – *dzoon politikon*. Различие между теорией и практикой есть еще один контекст осмысления практики у Аристотеля. И если соотнесение ремесленной практики с деятельностью выглядит очевидной, то теоретическая деятельность может быть подкреплена цитатой об *episteme* как совокупности знания и его реализации: «учение соблюдать правильные нормы поведения и вести нравственный образ жизни...» [Кессиди, 1984, с. 9], сюда же включены навыки по созданию и производству чего-либо.

Поскольку составляющей *episteme* является этика, которая ставит вопрос о правилах и нормах, можно выделить еще один аспект трактовки практики в Античности. В формате проблемы – это свобода человека в принятии норм или ее изменении. У Платона ответ

дан в изначальном стремлении человека к Благу, в процессе приближения к которому деятельность как-бы «очищается» от единичного и неистинного. У Аристотеля другой ответ, поскольку Блага как сущности нет, а есть деятельность человека, которая определяется многими факторами: моралью, эмоциями, волей, страстями, так же как и разумом, что дает возможность изменения деятельности, «...воспитание добродетели – это не только воспроизведение прошлых знаний, но и упражнения, совершенствование соответствующих действий: «...при определенной деятельности возникают [определенные нравственные] устои...». Это значит также, что «добродетель мы обретаем, прежде [что-нибудь] осуществив (*energesantes*)... Ибо [если] нечто следует делать, пройдя обучение, [то] учимся мы, делая это...» (EN II 1, 1103 ф 30) [Кессиди, 1984, с. 27]. То есть речь идет о передаче знания, которое уже не равно добродетели, что и позволяет редактировать свою деятельность, изменять практику, сталкиваясь с опытом прошлого, «прежним опытом мышления и поведения», как пишет Ф.Х. Кессиди [1984, с. 27]. Отсюда – проблема воспитания, тесно связанная с законом и государством, и как продолжение – образовательные практики, в том числе высшая форма «созерцательной жизни» – практики философские.

Средневековые «практики себя»: на пути к Богу

Поздняя Античность еще более обостряет значимость интеллектуальных практик, «практик себя», формируя некий запрос, ответом на который стало христианское понимание практики, отчасти возникшее на основе античных трактовок, но также существенно измененных. Вся революционность произошедшего смыслового сдвига, как нам кажется, может быть оценена только в эсхатологической перспективе. Именно ее мы находим в работе Дж. Агамбена «Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления», которая была опубликована на русском языке в 2018 году и получила меньшую долю внимания, чем его предыдущие работы, а скорее, целая серия работ с общим названием « *homo sacer*» [Агамбен, 2011, 2011, 2012]. Можно предположить, что античный контекст проблемы власти, выстраиваемая Агамбеном диспозиция противостояния *zoe* и *bios*, оказался ближе, в том числе и более известной линии европейской традиции политической философии и антропологии, оперирующей идеей «отсутствующего основания». В «Царство и слава» Агамбен берет другой аспект власти, более периферийный для философии, но достаточно известный в теологии, как пишет автор, дающий начало двум парадигмам: «политическая теология, которая в едином Боге утверждает трансцендентность суверенной власти, и экономическая теология, которая замещает эту идею концепцией ойкономии, понятой как имманентный порядок – домашний, а не политический в узком смысле – как божественной, так и человеческой жизни» [Агамбен, 2018, с. 13]. Оптика «тринитарной ойкономии» раскрывает власть через противостояние в ней власти как управления и власти как Славы. И если в модусе «эффективного менеджмента» власть воспринимается нами вполне привычно, то Слава вызывает вопросы только в своей теологической ипостаси. Слава в своем секулярном выражении, взятая как репрезентация, коммуникация, более привычна. Возможно, сегодня, в эпоху цифровизации и медийных технологий, когда управление неотлично от PRa, этот аспект власти актуален как никогда, как и реконструкция его теологических оснований. Они же позволяют выйти за границы привычного взгляда на власть, распознать в Славе или «за» ней «решающее значение бездеятельности как собственно человеческой и политической практики...» [Агамбен, 2018, с. 12].

Причем экспликация экономических или управленческих практик как исходно христианских была достаточно ярко представлена Мишелем Фуко, особенно в его лекциях 1982–1983 годов [Фуко, 2011]. Интерпретация проблемы управления Дж. Агамбеном идет несколько дальше, ставя вопрос о понимании власти как без-деятельности в эсхатологической перспективе. В этом противопоставлении власти и бездеятельности власть занимает место деятельности. Власть и деятельность при этом нуждаются в уточнении своего места в глобальном делении мира на земной и божественный. Это важно, поскольку позволяет

отнести проблему власти и деятельности по шкале времени, в горизонте до его окончания и после. И если исходно человеческая деятельность начинается с момента грехопадения: «Ныне проклята из-за тебя земля: в муках будешь ее плоды добывать, день за днем, всю твою жизнь. Колючки и репей она тебе произрастит, полевою травую питаться будешь и в поте лица добывать свой хлеб» (Быт 3:17-18), – то власть связана с отсрочкой последних дней и избавлением от тяжелого труда. Так Агамбен обосновывает идею о двух парадигмах, теолого-политической и экономической, которые в фокусе понятия деятельности будут разграничиваться по отношению к ней.

Агамбен реконструирует историю парадигмы ойкономии опираясь на интерпретации Петерсона и Шмитта, с отсылками к христианским богословам. Исходя из того, что время задержки или откладывания Апокалипсиса есть время деятельности человека, возможность для существования и реализации власти как экономики, а зависимость божественного и действующего была сформулирована уже в Античности, где Бог есть сила, а сила – основа действия и деятельности. Для христианских мыслителей, в частности Евсевия, более актуальным было обоснование монотеизма, в том числе через отражение идеи единого в единственности власти земной, монархии [Агамбен, 2018, с. 28]. Проблема единства осложнялась триединым пониманием Бога в христианстве и необходимостью обоснования перехода триединства в единство власти.

Обращение Агамбена к цитате Григория Назианзина проясняет связь, в том числе практического и политического свойства, между пониманием природы божественного и категориями единства и множественности: «Существуют три древнейших мнения относительно Бога: анархия, полиархия и монархия. С первыми двумя играют дети греков – и пусть играют себе в волю. Анархия в самом деле есть отсутствие порядка; полиархия есть гражданская война [stasiōdes], в этом смысле анархичная и беспорядочная. Обе они ведут к одному и тому же исходу – беспорядку, влекущему за собой распад. Беспорядок действительно предваряет распад. Мы же почитаем монархию; но не ту монархию, которую определяет одна-единственная личность, — ибо даже единственная личность, если она войдет в состояние гражданской войны [stanazon pros heauto] с самой собой, порождает множественность, — но ту монархию, которая строится на равенстве природного достоинства, на единении ума, на тождестве движения, на стремлении ее элементов к единству и схождении в нем: все это недоступно природе сотворенного. Таким образом, даже если она различается численно, в сущности своей она неделима. Поэтому монада, которая изначально стремилась к диаде, обрела покой в триаде. Это и есть для нас Отец, Сын и Святой Дух; первый производитель [gennētōr] и источник [probōleus], безусловно, свободный от страстей, вне времени и бестелесный... [Greg. Naz. Or., χχιχ, 2. P. 694]» [Агамбен, 2018, с. 32]. Как следует из цитаты, Григорий Назианзин различает единство «сотворенного» и единство божественное. Монархия, основанная, скажем условно, на «земном» единстве, не содержит единства в его истинном или подлинном смысле. Только власть, основанная на «равенстве природного достоинства», единстве ума и движения, действия, содержит единство, которое «недоступно природе сотворенного», то есть всему сотворенному человеком. Власть же, исходящая от Бога, ведет к единству, далее – к порядку и миру.

Порядок есть следствие единства и важное понятие, вводимое для описания состояния мира. Экономика есть не что иное, как способ достижения такого состояния. Христианские трактовки экономики отличаются от античных, но также с ними связаны. Если для Аристотеля экономика сосредоточена вокруг дома, ойкоса, чем принципиально отличается от политики и полиса как ее сосредоточения, то уже в эпоху поздней Античности «функциональный порядок» ойкоса дополняется смыслами врачевания и философских практик к уже имеющимся и сосредоточенным вокруг деятельности по наведению порядка: «В одном отрывке Ксенофонта дается точное определение этой «управленческой» природы ойкономии: она связана не только с потребностью в предметах и их использованием, но прежде всего с их упорядоченным расположением... Дом в этой перспективе сна-

чала уподобляецца войску, а затым караблю» [Агамбен, 2018, с. 40]. Дж. Агамбен останавліваецца на учыні стойкоў, якія праз адрасненне к панятню «упарадкаваўчай сілы» выходзілі на сувязь эканомікі і філасофіі, пры ўсіх оговорках і разліччях практыкі і знанія, тэхне і эпістеме.

В хрысціянстве ойконамія захоўвае сваё ісходнае значэнне дзейнасці, імаючай адносіны к дому, прыбывае дапаўняльнае, дзейнасці па рэалізацыі «божэсвеннага плана спасення»: «Смысл "ойконаміі" в даннаму выпадку празрачы, а канструкцыя з іспользаваннем *pisteuō* не астаўляе ніякіх сумненняў: ойконамія ёсць паручэнне (як в Септуагінце Ис. 22:21), даннае Богам Павлу, які ў гэтай сувязі дзействуе не свабодна, як в *negotiorum gestio*, а сагласна абавязальству, аснованнаму на доверіі (*pistis*) в якасці *apostolus* ("пасланніка") і *oikonomos* ("упаўнаважанага ўправяючага"). Ойконамія в гэтым выпадку ёсць нешта такое, што вверяецца: значыць, гэта ёсць дзейнасць і паручэнне, а не "план спасення", ісходзячы з божэсвеннага разума ці волі» [Агамбен, 2018, с. 46–47]. І здысь ужо нет арыстотелева пратывопаставлення ойкоса і поліса, ісключаючай апазіцыі эканомікі і політыкі, скорее сквозная эканоміка, котрая праз адрасненне к кождому, праз спасенне лічнае, ахватае ўсіх людзей. Астаўлясь пры гэтым дзейнасцю, адрлічнай ад *mysterion*, сабсвенна спасення, іменна дзейнасцю в адрсроченны перыяд, да Прышештвія.

Соотвественно, эта дзейнасць саадрасночана на міре зямно, а смыслы упарадкавання начынают саадрасночываць з управляеннем. Очевідно, што секулярызацыя вносіць каррэктывы в смысловое поле эканомікі, адрсекая тэалагічыескія значення. Перспектыва врэменнасці такой дзейнасці затымняецца. Адрсрочка в дзейнасці стааываецца бесканечна, а эканоміка – прымусавенна управляеннем. Важно, што без канечнага цілі, ізначальна спасення. Паэтым неадывідельна, што утрачываецца смысл адрмены дзейнасці, бездзейнасці пасле Апокаліпсіса. Слава влады, па меткому нааблоуденню Дж. Агамбена, астаецца загадачыным і сложно абьяснлым эффектам саамага влады. Амбывалентнасць котрой раскрываецца праз апазіцыі эффектывага дзейнасці і бездзейнасці, управляення і прославленья. Нааконец, дэла і слова, пратывостаянне котрых в профаннаму міре нааблоуде ярко как раз і раскрываюцца в феномене влады і парядка [Жижек, 1999, с. 43], в божэсвеннага рэальнасці пратывостаянне лішены. Вальтер Беньямін в сваём пісьме Мартыну Буберу пішыць аб гэтым сляянні: «...только там, где в несказанной, абсолютной ночи открывается эта сфера бессловесного, между словом и побудительным поступком может пробежать магическая искра, там, где есть единство их, одинаково реальных. Лишь интенсивная направленность слов к средоточию внутреннего онемения достигает истинной действенности. Я не верю в то, что слово каким-то образом отстоит дальше от божественного, чем "реальная" деятельность, поэтому оно не может иначе вести к божественному, нежели через себя самого и собственную чистоту» [Беньямин, 2012, с. 29]. Слово і дзействіе саадыняцца в перспектыве паследніх дней, тогда как сейчас о них можна пісаць аднааывенна как о тайне і наадежде.

Практыка как познание и деятельность. От Нового времени к современности

Гораздо менее поэтично связь слова и дела представлена в европейской философии Нового времени, что отражает некоторый спектр наследуемых значений, равно как и новый сдвиг в понимании практики. Если пытаться объяснить эту связь, наиболее подходящей будет секуляризация – «сжатие» сферы религиозного и «расширение» светского [Осыка, Борисов, 2014]. Причем сама аналогия отсылает к уже обозначенной выше идее «удалившегося» Бога, который создал мир, но не действует в нем, предоставив это право человеку. Дав ему для этого все возможное, что немаловажно, поскольку в этой канве идет размышление многих философов Нового времени, Декарта в частности, который в

предисловии к «Размышлениям о первой философии» говорит о Боге и «человеческом уме» как взаимосвязанных объектах познания прежде всего [Декарт, 1994, с. 10].

Деятельность для Декарта не становится отдельным предметом рассмотрения, однако она присутствует в его философии под другим именем – опыт. Опыт же есть одна из основ познания: «...надо заметить, что мы приходим к познанию вещей двумя путями, а именно посредством опыта или дедукции. Вдобавок следует заметить, что опытные данные о вещах часто бывают обманчивыми, дедукция же, или чистый вывод одного из другого, хотя и может быть оставлена без внимания, если она неочевидна, но никогда не может быть неверно произведена разумом, даже крайне малорассудительным» [Декарт, 1989, с. 81]. Из цитаты ясно, что эта основа признается Декартом весьма сомнительной, но, отметим, применимой человеком в определенных случаях, а также необходимой в том смысле что опыт есть и без него нельзя обойтись. Безусловно, опыт рассматривается здесь в контексте проблемы познания. Сам по себе опыт или тем более деятельность и практика не являются актуальными объектами для новоевропейской философии.

Пожалуй, только К. Маркс возвращает эту тематику, равно как и проблему человека. Именно в таком сочетании деятельности и человека, то есть непосредственный человеческий труд, практика становится объектом философских исследований. Пожалуй, одним из основных тезисов Маркса следует признать фразу: «...как само общество производит человека как человека, так и он производит общество» [Маркс, 1974, с. 118]. Важен коллективный характер человеческого труда. Человек сущностно активен, он не может не преобразовывать реальность вокруг, тем самым изменяя окружающий мир и себя самого. Общественный же характер производства говорит о том, что деятельность человека облекается в определенные формы, которые закрепляются в общественном сознании и бытии. В отношении гносеологии речь также идет о практике, познании в определенных формах, поскольку познание есть также производство, только не вещей, а идей: «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением их материальных действий. То же самое относится к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т.д. того или другого народа. Люди являются производителями своих представлений, идей и т.д., но речь идет о действительных, действующих людях, обусловленных определенным развитием их производительных сил и соответствующим этому развитию общением, вплоть до его отдаленнейших форм» [Маркс, 1966, с. 29].

Центральный характер понятия деятельности в марксизме позволил развить некоторый спектр значений в отечественной гуманитарной науке и философии. Его краткий перечень приводит М.С. Каган в работе «Человеческая деятельность»: «В философской, социологической и психологической литературе деятельность человека рассматривалась в самых различных проекциях. Ее исследовали, например, как некий реальный процесс, складывающийся из совокупности действий и операций (А.Н. Леонтьев); как взаимосвязь противоположных, но предполагающих друг друга акций — опредмечивания и распределенности (Г.С. Батищев); как силу, производящую культуру (Э.С. Маркарян); как совокупность определенных видовых форм, необходимых в реальной жизни каждому индивиду (игра, учение, труд) и играющих поочередно ведущую роль в онтогенезе (Б.Г. Ананьев). Сколь бы правомерными и продуктивными ни были, однако, все эти исследования, каждое из них осуществляло лишь определенный срез человеческой деятельности, не слишком заботясь о том, как сопрягается — и сопрягается ли вообще! — данная плоскость рассмотрения проблемы со всеми другими» [Каган, 1974, с. 34–35]. Отсюда М.С. Каган делает вывод об аналитичности такого подхода, когда сама деятельность не рассматривается как некоторая целостность, а всегда предстает частично, в одной из своих проявлений.

Избежать этого, по его мнению, возможно при обращении к системному подходу как методологической основе, а также к марксизму как общей теоретической модели. Именно она и определяет исходный тезис о человеке как биологическом и социальном существе, транслирующем свою двусоставность на активность – деятельность: «Рассмотренная генетически человеческая деятельность предстает как двухуровневая биосоциальная система, складывающаяся благодаря превращению – как в филогенезе, так и в онтогенезе – жизнедеятельности живых существ в социокультурную деятельность человека как общественного существа» [Каган, 1974, с. 41]. Рассмотренная в таком ключе деятельность возникает не только как отношение человека к миру, но также как формирующийся под влиянием социума феномен. Отметим, что феномен, не только создающий человека и общество, но и изменяемый ими. То есть речь идет о созависимости человека от деятельности и деятельности от человека и общества с тем существенным дополнением, что происходящие трансформации имеют исторический характер: «В самом деле, если биологическая жизнедеятельность животных не знает расчленения действующей особи и природы, на которую ее действия направлены, то человеческая деятельность, как социально сформировавшаяся и культурно организованная активность, имеет в своей основе разделение действующего лица и предмета действия, т. е. субъекта и объекта... В этом смысле человеческая деятельность может быть определена как активность субъекта, направленная на объекты или на других субъектов, а сам человек должен рассматриваться как субъект деятельности» [Каган, 1974, с. 43]. И несмотря на то, что сам М.С. Каган отмечает не только приоритет марксизма, но также ущербность всех других методологий в анализе деятельности, позволим себе феноменологическое включение о данном разделении на субъект и объект деятельности. Нам представляется важным отметить тот факт, что деятельность исторична, поскольку по своей сути является тем, что осмысливается. Она есть активность, направленная на мир, который противостоит человеку и отделен от него, но сама деятельность выступает своеобразным посредником и отличается от инстинкта рефлексивностью и целеполаганием.

Также М.С. Каган останавливается на различии между деятельностью и практикой: «Преобразовательная деятельность, обусловленная различиями в самом характере активности субъекта, может осуществляться на двух уровнях, в зависимости от того, изменяется ли некий объект реально или идеально. В первом случае происходит действительное изменение наличного материального бытия – природного, социального, человеческого, и называется подобная деятельность практикой; во втором случае объект изменяется лишь в воображении» [Каган, 1974, с. 56]. То есть практика – преобразование не только «реального» мира, не только некоторой материальной реальности, но и идеальной. Практика есть упорядоченная деятельность, оформленная активность человека, всегда существующая в готовых формах, но также содержащая возможность изменения и изменяющаяся.

Э.С. Маркарян определяет культуру как «...не что иное, как специфически характерный для людей способ деятельности и объективированный в различных продуктах результат этой деятельности» [Маркарян, 2014, с. 10]. То есть также отталкивается от понятия деятельности, способа деятельности как определяющего для человека и общества. Сама деятельность определяется им как «...активность любых жизненных процессов, выраженных в поведении, т. е. координированных действиях, осуществляемых системой, которые возникают на основе ее отношения к окружающей среде с целью удовлетворения потребностей» [Маркарян, 2014, с. 21], методологически выделяя организацию взаимоотношений между людьми – социальную организацию, средства и способы деятельности – организацию культуры, а также организацию самой деятельности [Маркарян, 2014, с. 18].

Как мы видим, понятие деятельности является ключевым. Коллективный способ деятельности является определяющим как методологически, так и содержательно, поскольку Э.С. Маркарян, выделяя различные «планы» социальности, обращается к марксистской трактовке человека как общественного существа, который производит и воспроизводит

себя на основе «надиндивидуальной и внеорганической системы» накопления и передачи информации. Под информацией здесь следует понимать предельно широкую совокупность всего того, что связано с определенным способом жизнедеятельности – таким способом, который принципиально отличен от животного, инстинктивного. При нем деятельность человека программируется, что достигается через закрепление в традиции типов поведения.

Устойчивость поведения или деятельности есть то, что позволяет говорить о практике, в том числе как о культурно-исторической практике, как устойчивой деятельности, которая передается из поколения в поколение. Вопрос передачи и изменения практики ставит М.К. Петров, философ того же послевоенного поколения. Михаил Константинович опирался на те же методологические основания, что и Э.С. Маркарян. Вопрос наследования в человеческих сообществах проистекает из внебиологического характера кодирования информации, что требует обращения к символическим структурам. Деятельность как опыт жизни конкретного человека аккумулируется в памяти, чтобы после быть отчужденной в мифе [Петров, 2004, с. 52], некой универсальной истории, пересказываемой членам сообщества и содержащей в «свернутом» виде способы деятельности [Римский, 2017]. Отсылка к опыту чрезвычайно важна, поскольку позволяет соотнести унаследованное знание – деятельность – с актуальной ситуацией и, в случае несовпадения, произвести ревизию, изменение. Так осуществляется обновление практик в ходе их трансляции в общем пространстве культуры и потоке истории.

Заключение

Достаточно рано в истории философской мысли, уже у Платона и Аристотеля, изначальное значение слова «практика» усложняется, приобретая значение не просто активности, но действия, которое отличает именно человека, действия «должного» – такого, которому человека научили согласно принятому образцу или идеалу. Не удивительно, что в Средние века идеализация деятельности трактуется как подражание Богу, который имел земное человеческое воплощение, а значит, жизнь человека и его деятельность следует уподобить этому примеру. Сама же деятельность также имеет двойственное значение из-за наличия радикального отличия мира и человека до и после Страшного суда. Поэтому деятельность имеет значение только до этого момента как отложенная деятельность с пониманием бездеятельности, которая ожидает человека после.

За этой общей канвой скрывается также множество смысловых нюансов и полутонов практики, которая от Античности к Средневековью сохраняла внутри себя различия практического и теоретического, непосредственного действия и знания, действия и бездействия, управления и восхваления. В Новое время эти значения выходят на первый план, по крайней мере для философской мысли, которая активно разрабатывает способы познания и обращения с разумом. Интеллектуальные практики с одной стороны, а труд – с другой уже в философии марксизма очерчивают координаты философии вплоть до XX века. Можно сказать, что и то и другое в этот период открыли, во многих смыслах, для европейского человека весь остальной мир во всем его разнообразии, столкнули с другими культурами и, главное для нас, с другими способами деятельности. Творческий марксизм советских философов дает свой ответ на это многообразие через понятия культурно-исторической и культурно-антропологической практик.

Важно, что для того, чтобы этот ответ состоялся, европейская философия должна была проделать определенную работу как по сохранению смыслов понятия практики, таких как активность, допущение ее многообразия, так и обогащения, в том числе через осмысление ее связи с историей, историчности человека и его деятельности, признание ценности разных культур, формулировку проблемы их равенства, и, наконец, оценки потенциала понятия «практика» для осмысления постколониального периода в истории человечества, что еще во многом предстоит сделать.

Список литературы

- Агамбен Дж. 2018. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.-СПб., Изд-во Института Гайдара, 552 с.
- Агембен Дж. 2011. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., «Европа», 256 с.
- Агембен Дж. 2011. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М., «Европа», 148 с.
- Агембен Дж. 2012. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М., Европа, 192 с.
- Беньямин В. 2012. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М., РГГУ, 288 с.
- Декарт Р. 1994. Сочинения в 2 т. Пер. с лат. и фр. Т. 2. М., Мысль, 633 с.
- Декарт Р. 1989. Сочинения в 2 т. Пер. с лат. и франц. Т. 1. М., Мысль, 654 с.
- Жижек С. 1999. Возвышенный объект идеологии. М., Изд-во «Художественный журнал», 235 с.
- Каган М.С. 1974. Человеческая деятельность. М., Политиздат, 328 с.
- Кессиди Ф.Х. 1984. Этические сочинения Аристотеля. Сочинения. Т. 4. М., Мысль, 830 с.
- Маркарян Э.С. 2014. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи. М.: «ЦГИ Принт», 656 с.
- Маркс К. 1974. Экономическо-философские рукописи 1844 года. В кн. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 42, Изд-во Политической литературы, 535 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1966. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М., Политиздат, 152 с.
- Осыка Я.М., Борисов С.Н. 2014. Сакральное в современной культуре: о присутствии сакрального в современности посредством киноэкрана. *Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова*, 4: 236–241.
- Петров М.К. 2004. Язык. Знак. Культура. М., Едиториал УРСС, 328 с.
- Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллектуал в интерьере культурного капитала: моногр. под ред. В.П. Римского. 2017. М., Канон+РООИ «Реабилитация», 456 с.
- Фасмер М. 1987. Этимологический словарь русского языка. М., Прогресс, Т. 3. 830 с.
- Фуко М. 2011. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 уч. году. СПб., Наука, 432 с.

References

- Agamben Dzh. 2018. Carstvo i Slava. K teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya. [Kingdom and Glory. To the theological genealogy of economics and management]. Moscow - St. Petersburg, Publ. Instituta Gajdara, 552 p.
- Agemben Dzh. 2011. Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'. [Homo sacer. Sovereign power and bare life]. Moscow, Publ. Evropa, 256 p.
- Agemben Dzh. 2011. Homo sacer. CHrezvychajnoe polozhenie. [Homo sacer. State of emergency]. Moscow, Publ. Evropa, 148 p.
- Agemben Dzh. 2012. Homo sacer. CHto ostaetsya posle Osvencima: arhiv i svidetel'. [Homo sacer. What remains after Auschwitz: archive and witness]. Moscow, Publ. «Evropa», 192 p.
- Ben'yamin V. 2012. Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya. [The Doctrine of Similarity. Media aesthetic works]. Moscow, Publ. RGGU, 288 p.
- Dekart R. 1994. Sochineniya v 2 t. Trans. of lat. i fr. T. 2. [Works in 2 volumes]. Moscow, Publ. Mysl', 633 p.
- Dekart R. 1989. Sochineniya v 2 t. Trans. of lat. i fr. T. 1. [Works in 2 volumes]. Moscow, Publ. Mysl', 654 p.
- ZHizhek S. 1999. Vozvyshennyj ob"ekt ideologii. [Sublime Object of Ideology]. Moscow, Publ. Hudozhestvennyj zhurnal, 235 p.
- Kagan M.S. 1974. CHElovecheskaya deyatel'nost'. [Human activity]. Moscow, Publ. Politizdat, 328 p.
- Kessidi F.H. 1984. Eticheskie sochineniya Aristotelya. Sochineniya. T. 4., [Ethical writings of Aristotle. Essays. Tom 4.]. Moscow, Publ. Mysl', 830 p.
- Markaryan E.S. 2014. Izbrannoe. Nauka o kul'ture i imperativy epohi. [Favorites. The science of culture and the imperatives of the era]. Moscow, Publ. «CGI Print», 656 p.
- Marks K. 1974. Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. In: Marks K., Engel's F. Essays. Tom 42. Moscow, Publ. Politicheskoy literatury, 535 p.

- Marks K., Engel's F. 1966. Fejebah. Protivopolozhnost' materialisticheskogo i idealisticheskogo vozzrenij. [Feuerbach. The opposite of materialistic and idealistic views]. Moscow, Publ. Politizdat, 152 p.
- Osyka YA.M., Borisov S.N. 2014. *Sakral'noe v sovremennoj kul'ture: o prisutstvii sakral'nogo v sovremennosti posredstvom kinoekrana*. [The Sacred in Modern Culture: On the Presence of the Sacred in Modernity Through the Movie Screen]. Vestnik BGTU im. V.G. SHuhova, 4: 236–241.
- Petrov M.K. 2004. Yazyk. Znak. Kul'tura. [Language. Sign. Culture]. Moscow, Publ. Editorial URSS, 328 p.
- Uchrezhdayushchaya diskursivnost' Mihaila Petrova: intellektual v inter'ere kul'turnogo kapitala: monogr. pod red. V.P. Rimskogo. 2017. [The founding discursiveness of Mikhail Petrov: an intellectual in the interior of cultural capital]. Moscow, Publ. Kanon+ROOI «Reabilitaciya», 456 p.
- Fasmer M. 1987. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Publ. Progress, T. 3. 830 p.
- Fuko M. 2011. Upravlenie soboj i drugimi. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1982–1983 uch. Godu. [Managing Self and Others. A course of lectures delivered at the College de France in 1982–1983]. St. Petersburg, Publ. Nauka, 432 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 30.03.2023
Поступила после рецензирования 30.06.2023
Принята к публикации 30.10.2023

Received March 30, 2023
Revised June 30, 2023
Accepted October 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Адань, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Adan, graduate student, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Дроботова Наталья Александровна, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Natalya A. Drobotova, graduate student, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Дмитраков Роман Андреевич, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Roman A. Dmitrakov, graduate student, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.774

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-675-682

Влияние интернетизации и виртуализации социальной реальности на предоставление стоматологических услуг

Авхачева Н.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
avhacheva@bsu.edu.ru

Аннотация. Виртуализация является одним из факторов гибридизации общественных процессов во всех сферах жизни общества, в том числе и в медицине. В стоматологии ее следствием выступает повышение доступности услуг, создание условий для формирования адекватного представления о них. Однако при этом возникает возможность манипуляции поведением клиентов посредством социальных сетей, ограничивающей выбор стратегии поддержания стоматологического здоровья. Как и в других областях общественной жизни возникает цифровое неравенство, проявляются противоречия между интересами поставщиков стоматологических услуг и их потребителями. Решение данных проблем требует совместных усилий контрагентов стоматологического пространства. Исследование будет полезно специалистам в области стоматологии, информационных технологий и образования, а также студентам и исследователям, интересующимся проблемами виртуализации и цифровой трансформации в медицине и социальной сфере.

Ключевые слова: социальные практики, стоматологическая услуга, онлайн-социальные сети, технологизация, информация, гибридная реальность

Для цитирования: Авхачева Н.А. 2023. Влияние интернетизации и виртуализации социальной реальности на предоставление стоматологических услуг. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 48(4): 675–682. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-675-682

The Impact of Internetization and Virtualization of Social Reality on the Providing of Dental Services

Natalia A. Avkhacheva

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
avhacheva@bsu.edu.ru

Abstract. The article emphasizes that virtualization is one of the factors of social processes hybridization in all spheres of social life, including medicine. In dentistry, its consequence is an increase in the availability of service and the creation of conditions for them to form their adequate understanding. However, this creates the possibility of manipulating client behavior through social networks, limiting the choice of strategy for maintaining dental health. As in other areas of public life, digital inequality is

emerging and contradictions are arising between the interests of dental service providers and their consumers. Solving these problems requires the joint efforts of contractors in the dental space. The article will be useful to specialists in the field of dentistry, information technology and education, as well as students and researchers interested in the problems of virtualization and digital transformation in medicine and the social sphere.

Keywords: social practices, dental service, online social networks, technologization, virtualization, hybrid reality

For citation: Avkhacheva N.A. 2023. The Impact of Internetization and Virtualization of Social Reality on the Providing of Dental Services. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 675–682 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-675-682

Введение

Возможность обмена информацией через Интернет привела к революционным изменениям в сфере информационно-коммуникативных технологий [Корбат, 2014; Kumar, Tiwari, Zimble, 2019]. Широкий доступ в Интернет стал возможен в конце 1990-х годов. И если в 1996 году 66 % всех пользователей Интернета были американцами, то оценка представительства пользователей, проведенная в 2016 году, показала, что 89 % респондентов сети являлись гражданами других стран [Burger, 2017]. Интенсивный рост числа пользователей привел к развитию онлайн-социальных сетей. Изначально они были ориентированы на крупномасштабное однонаправленное распространение информации посредством порталов, сайтов и личных страниц. Первой социальной сетью в Интернете, имеющей возможность реализовывать информационно-коммуникативные и иные социальные, в том числе и коммерческие потребности, была Friendster (2002 г.). В настоящее время наиболее популярными «мировыми» онлайн-социальными сетями являются Facebook (2004 г., открытый для социальной коммуникации только в 2006 г.), YouTube (2005 г.), Twitter (2006 г.), WhatsApp (2009 г.) и Instagram (2011 г.) [Абдрахманова, Баскакова, Вишневский, Гохберг и др., 2020; Burger, Otaka, 2018]. В результате интернетизации, сетевизации и виртуализации сформировался феномен гибридной реальности, сущностной характеристикой которого является взаимопроникновение и взаимообусловленность «физического» (естественного) и виртуального пространства. Наличие «новой реальности» в значительной степени детерминирует все виды социальных практик, существенно меняя их содержание и формы.

Онлайн-социальные сети становятся высокоэффективными инструментами не только формирования моделей публичного поведения, но и преобразования отношений в профессиональной сфере [Копытов, Авхачева, 2021; Маркеева, Гавриленко, 2019; Рихтер, 2021]. Они превращаются в интерактивные площадки для внедрения эффективных социальных технологий профессиональной коммуникации. Этому способствует гибкость сетей, простота использования и низкая стоимость по сравнению с традиционными средствами информации.

Частным случаем таких площадок является сетевое взаимодействие врачей-стоматологов, больных и иных заинтересованных акторов, рассчитывающих на детализацию информации о разнообразных медицинских, в том числе, и стоматологических услугах [Кострубин, Бабенко, 2020; Перхов, 2020; Kleinman, Chen, et al., 2021].

Медицинские организации стоматологического профиля, заинтересованные в повышении уровня медицинских знаний населения России, получили широкую возможность формировать и участвовать в онлайн-социальном общении, что стимулировалось увеличением у населения возможностей подключения к Интернету. К началу 2021 года, по результатам мониторинга 82 регионов РФ Интернетом пользовались в них от 71,6 до 84,4 % медицинских организаций [Копытов, 2015; Пиньковецкая, 2022].

Существенным шагом в направлении внедрения новых социальных технологий стало создание «Ростехом» и «Ростелекомом» совместного предприятия, цель которого – формирование единой цифровой платформы, представляющей возможность реализации широкого спектра медицинских услуг [Шмырова, 2019]. Кроме того, частные коммерческие, в том числе и стоматологические организации, довольно успешно реализуют собственные идеи, направленные на повышение количества потребителей услуг. В настоящее время можно утверждать, что технология онлайн-социального взаимодействия в стоматологии преодолела два барьера, стоявших на пути к тому, чтобы сделать информационно-коммуникативный обмен действительно полезным для большинства больных – нестабильность соединения и недостаточную скорость передачи информации.

Однако возник ряд новых проблем, требующих решения и связанных с теми издержками, которые имманентно присущи процессу гибридизации реальности.

Цель работы заключается в выявлении основных проблем при предоставлении стоматологических услуг в условиях интернетизации и виртуализации социальной реальности.

Влияние интернетизации и виртуализации социальной реальности на процесс предоставления стоматологических услуг

Прежде всего следует отметить, что в процессе сетевизации стоматологической помощи довольно скоро выяснилось: применяемые онлайн-социальные технологии не всегда соответствуют логике, а иногда и законодательным нормам [Джафарова, 2020; Пржиленский, 2020; Шоронов, Шитова, 2022]. Кроме того, начали проявляться негативные следствия гипертрофированной уже в настоящее время зависимости стоматологических учреждений от виртуальной среды. Характерной особенностью их функционирования является все более жесткая связь между представленностью в онлайн-социальной сети и финансовым благополучием стоматологического учреждения. В настоящее время, если стоматологический кабинет (поликлиника) не представлен в социальных сетях, то, как правило, он «выпадает» из поля зрения населения, прежде всего молодежи, что чревато снижением частоты обращения первичных больных. Имеет место и обратная зависимость. Если больной решил обратиться в «ближайшую стоматологию», не выяснив ценовую политику рынка, не исключена возможность оплаты за услугу цены превышающей среднюю. Дело не в том, что люди, не обращающиеся к онлайн-социальным сетям, находятся в менее комфортном состоянии, их положение невыгодно с точки зрения принципиальной возможности получения достаточно широкой и глубокой информации и, соответственно, услуги. В этом, в частности, проявляется новый вид социального неравенства – цифровое неравенство [Положихина, 2017].

В повседневной реальности наблюдается общая тенденция: чем больше информации об особенностях предоставления стоматологических услуг перемещается в онлайн-социальные сети, тем менее целесообразным становится представление этой информации в другом виде. Например, значительно снижаются тиражи газет и журналов, многие из них переходят в онлайн и либо сокращают свои тиражи, либо полностью исключают распространение печатной продукции. Это объясняется удобством и доступностью онлайн-доступа к информации, скоростью получения информации, размещённой в печатном виде значительно ниже, к тому же стоимость получения последней в лучшем случае остаётся неизменной и, скорее всего, будет возрастать.

Вследствие виртуализации реальности стоматологические услуги приобретают гибридный характер. Каждая из них имеет физическую и информационную составляющую. Эти составляющие взаимосвязаны и реципрокны вне зависимости от места получения консультации, клинических и лабораторных исследований и предоставления терапии. Физическая составляющая представляет собой действие, происходящее между больным и медицинским персоналом, предполагающее их активное участие. Напротив, информаци-

онная составляющая нематериальна и состоит из совокупности битов информации помогающих больному найти, выбрать, получить доступ к стоматологическому продукту, услуге. Значимость информационной составляющей определяется двумя причинами: она помогает выбирать, каким образом больному восстановить нарушенные функции организма или преодолеть десоциализацию, как уменьшить сроки реабилитации и увеличить период пользования продуктом или услугой. Чем больше набор фактов, заключённых в информационной составляющей и позволяющих определить оптимальность выбора продукта или услуги, тем большую ценность она приобретает.

Онлайн-социальные сети создали пространство, обеспечивающее легкий доступ к информационной составляющей. Быстродействие поисковых систем, наложенное на массив информации, доступной в сети, расширило возможности организации и поиска информации о продуктах и услугах. Онлайн-социальные сети одновременно обусловили разделение физической и информационной составляющих. Возможность получения информационной составляющей о продукте или услуге не зависит от третьих лиц и предоставляется в режиме самообслуживания точно и в соответствии и меняющимися интересами больного.

При этом технологизация онлайн-социальных сетей создала рынок, где сама информационная составляющая стала прибыльной услугой. Данный сегмент рынка развивается под влиянием противоречия между заинтересованностью больного в получении исчерпывающей, зачастую альтернативной информации и материальным интересом врача. Но это противоречие далеко не всегда разрешается в пользу первого контрагента, что во многом зависит не только от его активности в поиске таких сведений, но и от того, как они представлены в социальных сетях.

Очевидно, что существуют значимый перечень продуктов и услуг, для получения которых обязателен физический доступ к врачу – поставщику продукта или услуги. При этом имеет место почти бесконечный набор информационных составляющих, определяющих привлекательность услуг. Варьируя их, можно манипулировать поведением потенциальных клиентов, руководствуясь не заботой о здоровье потребителя, но задачами получения прибыли учреждением и обеспечения личной выгоды сотрудника. При этом нельзя не учитывать, что интересы потребителя могут быть неверно поняты им самим, и больные вполне способны предпринимать попытки манипуляции медперсоналом, используя для этого тенденциозно подобранную информацию.

Именно поэтому для эффективного восстановления (поддержания) стоматологического здоровья больным нужно нечто большее, чем просто наличие вариантов доступа к физическим составляющим. Эта задача востребует формирование представления о наиболее правильном выборе стратегии лечения, возможность свершить который повышает ценность информационной составляющей охватывающей совокупность свойств и качеств фактической составляющей предлагаемых продуктов или услуг. Но, поскольку в процессе оказания стоматологической помощи предоставление информации пока имеет более низкий приоритет, чем выполнение клинической процедуры, требующей опыта врача, шансы на совершение такого выбора снижаются.

Следовательно, информационная составляющая стоматологических услуг требует большей дифференциации, доступности и адекватности содержания. В свою очередь, доступность в контексте онлайн-социальных сетей определяется рядом качеств: понятностью, возможностью идентификации и достижимостью. Информация, предназначенная для больных, должна быть понятной потребителю вне зависимости от уровня его образования и культуры.

В цифровой коммуникационной среде сложная текстовая информация должна служить исходной поясняющей «раскодировкой», обеспечивающей понимание сложного мультимедийного продукта. Это предполагает, что нормой должно стать объединение нескольких типов мультимедийной информации – текстовой, визуальной и звуковой для

обеспечения детализации интересующей проблемы. По желанию больных она может быть предоставлена им в различных форматах, включая твит, электронную почту, блог, видео, скринкаст и подкаст и т.п. При этом следует обеспечить необходимой информацией большое число потенциальных потребителей. Для этого, в частности, необходимо уделять значительное внимание оптимизации метаданных, составляющих информацию, чтобы сделать ее более доступной для поисковых систем.

К наиболее значимым барьерам получения качественной информации, кроме неоправданного превалирования корпоративного и личного интереса участников интеракции, доминирования стереотипов, следует отнести навыки, необходимые для применения компьютерных инструментов, а также время и усилия, затрачиваемые на создание и обслуживание информации, размещённой в онлайн-социальной сети. Преодоление этих барьеров связано с формированием у коммуникантов представления, что оптимизация размещённой в онлайн-социальной сети информации дает преимущества, которые заключаются в повышении эффективности управления информационной составляющей стоматологического приёма и улучшении связи с пациентами.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что виртуализация социальной реальности оказывает существенное, хотя и неоднозначное по последствиям влияние на процесс предоставления стоматологических услуг. С одной стороны, она делает их более доступными, расширяет возможности формирования адекватных представлений об условиях их получения. С другой стороны, возникает риск манипуляции интересами потребителей посредством онлайн-сетей. Минимизация риска связана с использованием современных социальных технологий прогнозирования развития отрасли, институционализацией практик предоставления услуг, развитием общественного контроля и повышением уровня компетентности граждан.

Список литературы

- Абдрахманова Г.И., Баскакова О.Е., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. и др. 2020. Тенденции развития интернета в России и зарубежных странах: аналитический доклад. Координационный центр национального домена сети Интернет, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., НИУ ВШЭ, 144 с.
- Джафарова Н.Т. 2020. Административно-правовое регулирование отношений, складывающихся в интернет-пространстве. *Юридическая наука и правоохранительная практика*, 4(54): 74–81.
- Копытов А.А. 2015. Технологизация управления информационно-коммуникативным пространством российского вуза как фактор повышения уровня конкурентоспособности. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Орёл, 22 с.
- Копытов А.А., Авхачева Н.А. 2021. Повышение благополучия иностранных студентов как фактор повышения уровня конкурентоспособности информационно-коммуникативного пространства современного вуза. *Тенденции развития науки и образования*, 74-3: 97–102. DOI 10.18411/lj-06-2021-106.
- Корбат Ф.Е. 2014. Информационно-коммуникационная революция как возможность перехода к прямой демократии. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Политика и право*, 3(31): 12–18.
- Кострубин С.А., Бабенко А.И. 2020. Модель и этапы определения приоритетов стоматологических заболеваний при обращении пациентов в стоматологическую поликлинику. *Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики*, 3: 236–250. DOI 10.24411/2312-2935-2020-00070.
- Маркеева А.В., Гавриленко О.В. 2019. Цифровая платформа как новый экономический актор и новая инстанция социального контроля. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*, 5: 29–48.

- Перхов В.И. 2020. Показатели для оценки программ в области общественного здравоохранения. *Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики*, 3: 76–85. DOI 10.24411/2312-2935-2020-00060.
- Пиньковецкая Ю.С. 2022. Оценка уровня использования организациями интернета в регионах России. *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент*, 2: 112–121. DOI 10.17586/2310-1172-2022-16-2-112-121.
- Положихина М.А. 2017. Информационно-цифровое неравенство как новый вид социально-экономической дифференциации общества. *Экономические и социальные проблемы России*, 2: 119–142.
- Пржиленский В.И. 2020. Социальные технологии и принципы уголовного судопроизводства в условиях его цифровизации. *Lex Russica*, 4161): 84–92. DOI 10.17803/1729-5920.2020.161.4.084-092.
- Рихтер С.Г. 2021. О выборе сетевых решений для оказания гибридных услуг. *REDS: Телекоммуникационные устройства и системы*, 4: 51–56.
- Шмырова В. 2019. «Ростех» и «Ростелеком» строят платформу для ИТ в медицине. *CNews*. URL: <https://cnews.ru/link/n491841> (дата обращения: 2 ноября 2023).
- Шоронов О.В., Шитова Е.Н. 2022. Административно-правовое регулирование социальных сетей правоохранительными органами. В сборнике: *Право, история, педагогика и современность. Материалы III Международной научно-практической конференции*. Под редакцией А.В. Яшина, А.А. Грачева, Н.И. Свечникова. Пенза: 215–225.
- Burger L. 2017. *Perspectivas do Cenário Digital Brasil*. URL: <https://www.comscore.com/Insights/Presentations-and-Whitepapers/2017/Perspectivas-do-Cenario-Digital-Brasil-2017> (дата обращения: 2 ноября 2023).
- Burger L, Otaka F. 2018. О Cenário das redes sociais no Brasil Comscore. URL: <https://www.comscore.com/por/Insights/Apresentacoes-e-documentos/2018/State-of-Social> (accessed: 13 November 2023).
- Kumar S., Tiwari P., Zimble M. 2019. Internet of things - a revolutionary approach to improving the technologies of the future: a review. *Journal of Big Data*, 6:1–21. DOI <https://doi.org/10.1186/s40537-019-0268-2>.
- Kleinman A, Chen H, Levkoff SE, Forsyth A, Bloom DE, Yip W, Khanna T, Walsh CJ, Perry D, Seely EW, Kleinman AS, Zhang Y, Wang Y, Jing J, Pan T, An N, Bai Z, Wang J, Liu Q, Habbal F. 2021. Social Technology: An Interdisciplinary Approach to Improving Care for Older Adults. *Front Public Health*. Dec 9;9:729149. DOI 10.3389/fpubh.2021.729149.

References

- Abdrahmanova G.I., Baskakova O.E., Vishnevskij K.O., Gohberg L.M. i dr. 2020. Tendencii razvitija interneta v Rossii i zarubezhnyh stranah: analiticheskij doklad [Trends in the development of the Internet in Russia and foreign countries: an analytical report]. Koordinacionnyj centr nacional'nogo domena seti Internet, Nac. issled. un-t Vysshaja shkola jekonomiki. Moscow, Publ. Higher School of Economics, 144 p.
- Dzhafarova N.T. 2020. Administrativno-pravovoe regulirovanie otnoshenij, skladyvajushhihsja v internet-prostranstve. [Administrative and legal regulation of relations developing in the Internet space]. *Juridicheskaja nauka i pravohranitel'naja praktika*, 4(54): 74–81 (in Russian).
- Kopytov A.A. 2015. Tehnologizacija upravlenija informacionno-kommunikativnym prostranstvom rossijskogo vuza kak faktor povyshenija urovnja konkurentosposobnosti. [Technologization of the management of the information and communication space of the Russian university as a factor of increasing the level of competitiveness.] Abstract. dis. ...cand. social sciences. Orel, 22 p.
- Kopytov A.A., Avhacheva N.A. 2021. Povyshenie blagopoluchija inostrannyh studentov kak faktor povyshenija urovnja konkurentosposobnosti informacionno-kommunikativnogo prostranstva sovremennogo vuza [Improving the well-being of foreign students as a factor in increasing the competitiveness of the information and communication space of a modern university]. *Tendencii razvitija nauki i obrazovanija*, 74-3: 97–102 (in Russian). DOI: 10.18411/lj-06-2021-106.
- Korbat F.E. 2014. Informacionno-kommunikacionnaja revoljucija kak vozmozhnost' perehoda k prjamoj demokratii [The information and communication Revolution as an opportunity to transition to

- direct democracy]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki. Politika i pravo*, 3(31): 12–18 (in Russian).
- Kostrubin S.A., Babenko A.I. 2020. Model' i jetapy opredelenija prioritetov stomatologicheskikh zabolevanij pri obrashhenii pacientov v stomatologicheskiju polikliniku. [The model and stages of determining the priorities of dental diseases when patients apply to a dental clinic]. *Sovremennye problemy zdavoohranenija i medicinskoj statistiki*, 3: 236–250 (in Russian). DOI 10.24411/2312-2935-2020-00070.
- Markeeva A.V., Gavrilenko O.V. 2019. Cifrovaja platforma kak novyj jekonomicheskij aktor i novaja instancija social'nogo kontrolja [The digital platform as a new economic actor and a new instance of social control]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 7. Filosofija*, 5: 29–48 (in Russian).
- Perhov V.I. 2020. Pokazateli dlja ocenki programm v oblasti obshhestvennogo zdavoohranenija [Indicators for evaluating public health programmes]. *Sovremennye problemy zdavoohranenija i medicinskoj statistiki*, 3: 76–85 (in Russian). DOI 10.24411/2312-2935-2020-00060.
- Pin'koveckaja Ju.S. 2022. Ocenka urovnja ispol'zovanija organizacijami interneta v regionah Rossii [Assessment of the level of Internet usage by organizations in the regions of Russia]. *Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Serija: Jekonomika i jekologicheskij menedzhment*, 2: 112–121 (in Russian). DOI 10.17586/2310-1172-2022-16-2-112-121.
- Polozhihina M.A. 2017. Informacionno-cifrovoe neravenstvo kak novyj vid social'no-jekonomicheskoi differenciacii obshhestva [Information and digital inequality as a new type of socio-economic differentiation of society] *Jekonomicheskie i social'nye problemy Rossii*, 2: 119–142 (in Russian).
- Przhilenskij V.I. 2020. Social'nye tehnologii i principy ugolovnogo sudoproizvodstva v uslovijah ego cifrovizacii [Social technologies and principles of criminal justice in the context of its digitalization]. *Lex Russica*, 4(161): 84–92 (in Russian). DOI 10.17803/1729-5920.2020.161.4.084-092.
- Rihter S.G. 2021. O vybore setevyh reshenij dlja okazanija gibridnyh uslug [On the choice of network solutions for the provision of hybrid services]. *REDS: Telekommunikacionnye ustrojstva i sistemy*, 4: 51–56 (in Russian).
- Shmyrova V. 2019. «Rosteh» i «Rostelekom» strojat platformu dlja IT v medicine [Rostec and Rostelecom are building a platform for IT in medicine.]. CNews. Available at: <https://cnews.ru/link/n491841> (accessed: 2 November 2023).
- Shoronov O.V., Shitova E.N. 2022. Administrativno-pravovoe regulirovanie social'nyh setej pravoohranitel'nymi organami [Administrative and legal regulation of social networks by law enforcement agencies.]. In: *Pravo, istorija, pedagogika i sovremennost'* [Law, history, pedagogy and modernity]. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. Edited by A.V. Yashin, A.A. Grachev, N.I. Svechnikov. Penza: 215–225.
- Burger L. 2017. Perspectivas do Cenário Digital Brasil 2017. URL: <https://www.comscore.com/Insights/Presentations-and-Whitepapers/2017/Perspectivas-do-Cenario-Digital-Brasil-2017> (accessed: 2 November 2023).
- Burger L, Otaka F. 2018. O Cenário das redes sociais no Brasil Comscore. 2018. URL: <https://www.comscore.com/por/Insights/Apresentacoes-e-documentos/2018/State-of-Social> (accessed: 13 November 2023).
- Kumar S., Tiwari P., Zimpler M. 2019. Internet of things – a revolutionary approach to improving the technologies of the future: a review. *Journal of Big Data*, 6:1–21. DOI <https://doi.org/10.1186/s40537-019-0268-2>.
- Kleinman A, Chen H, Levkoff SE, Forsyth A, Bloom DE, Yip W, Khanna T, Walsh CJ, Perry D, Seely EW, Kleinman AS, Zhang Y, Wang Y, Jing J, Pan T, An N, Bai Z, Wang J, Liu Q, Habbal F. 2021. Social Technology: An Interdisciplinary Approach to Improving Care for Older Adults. *Front Public Health*. Dec 9;9:729149. DOI 10.3389/fpubh.2021.729149.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 16.11.2023

Поступила после рецензирования 27.11.2023

Принята к публикации 04.12.2023

Received November 16, 2023

Revised November 27, 2023

Accepted December 4, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Авхачева Наталья Алексеевна, аспирант кафедры социальных технологий и государственной службы Института экономики и управления, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

 [ORCID: 0000-0003-4748-6143](https://orcid.org/0000-0003-4748-6143)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia A. Avkhacheva, Postgraduate student of the Department of Social Technologies and Public Administration, Institute of Economics and Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID: 0000-0003-4748-6143](https://orcid.org/0000-0003-4748-6143)

УДК 316.4

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-683-692

Внутрироссийская академическая мобильность студенческой молодежи: особенности институциональной регуляции и саморегуляции

Зайцева А.А.

Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
Россия, 19333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1
aa.zaytseva23@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении факторов и механизмов, влияющих на развитие внутрироссийской академической мобильности студенческой молодежи, а также саморегуляционных оснований мобильности, их связи с более широкими представлениями молодежи об образовании. В результате выявлено, что формат межвузовской академической мобильности студентов в России находится на стадии становления. Институциональное регулирование данного процесса проявляется в наличии формальных законодательных норм для сетевых обменов и создании в вузах организационных условий, связанных с возможностью построения индивидуальных образовательных траекторий, финансирования перемещений и проживания иногородних студентов, создания гибких образовательных планов. Специфика саморегуляции жизнедеятельности молодежи проявляется в высоких установках на миграцию в другие российские регионы, особенно распространенных среди студентов.

Ключевые слова: студенты, институциональная регуляция, образование, саморегуляция жизнедеятельности

Для цитирования: Зайцева А.А. 2023. Внутрироссийская академическая мобильность студенческой молодежи: особенности институциональной регуляции и саморегуляции. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 48(4): 683–692. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-683-692

Intra-Russian Academic Mobility of Students: Features of Institutional Regulation and Self-regulation

Anastasiya A. Zaytseva

Institute of Social-Political Studies Federal Research Sociological Center
Russian Academy of Sciences
6 Fotieva Str., build. 1, Moscow 19333, Russian Federation
aa.zaytseva23@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify the factors and mechanisms influencing the development of domestic academic mobility of students, as well as the self-regulatory foundations of mobility, their connection with broader ideas of youth about education. As a result, it was revealed that the format of interuniversity academic mobility of students in Russia is at the stage of formation. The institutional regulation of this process is manifested in the presence of formal legislative norms for network exchanges and the creation of organizational conditions in universities related to the possibility of building

individual educational trajectories, financing the movement and residence of nonresident students, and creating flexible educational plans. The specificity of self-regulation of youth's life activity is manifested in high attitudes towards migration to other Russian regions, especially common among students.

Keywords: students, institutional regulation, education, self-regulation of life

For citation: Zaytseva A.A. 2023. Intra-Russian Academic Mobility of Students: Features of Institutional Regulation and Self-regulation. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 683–692 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-683-692

Введение

Академическая мобильность студенческой молодежи – явление не новое. Еще в советское время молодые люди переезжали в другие регионы для продолжения образования и, прежде всего, для получения высшего.

До 2009 года российские вузы принимали студентов на основе внутренних экзаменов. Поскольку даты вступительных испытаний часто совпадали, это делало одновременное поступление в разные вузы крайне затруднительным. Большинство абитуриентов предпочитали не рисковать и поступали в региональные вузы – «лучше синица в руке».

После введения системы ЕГЭ как обязательного экзамена при поступлении, миграционные потоки в России стали изменяться. По исследованиям ВШЭ, после 2010 года в Москве и Санкт-Петербурге произошло увеличение числа молодых людей в возрасте 18–19 лет, которые переехали с учебными целями. Причем в результате осуществления реформы поведение выпускников школ в двух столицах не изменилось, а вероятность мобильности молодежи из провинциальных городов выросла вдвое¹.

Другое дело – такая форма академической мобильности, как обучение в других вузах в течение одного или нескольких семестров по программам обмена. Она возникла в связи с утверждением Болонской системы в европейских и российских университетах. Реализация такой мобильности была связана преимущественно с отъездом за рубеж. Постепенно повышалось количество российских студентов, обучающихся за рубежом, – с 2012 по 2016 год оно выросло на 12 % до 56,8 тыс. человек. Это на 32 % больше 2007 года (43 тыс.) и на 127 % — 2000 года (25 тыс.)². Численность российских студентов, обучающихся за рубежом, варьировалась год от года, но при этом не превышала 1–2 % от их общего числа.

В 2022 году на фоне санкций, введенных вследствие проведения СВО, когда развитие системы высшего образования в России пошло по пути отказа от бакалавриата и увеличения продолжительности обучения, возможности для зарубежного учения существенно сократились. Однако актуализируется развитие другой формы академической мобильности – внутрироссийской, проявляющейся в возможности частичного обучения в течение семестра или учебного года в другом российском вузе³. Развитие внутрироссийской мобильности призвано способствовать обмену знаниями, повышению качества вузовского образования, коммуникаций между вузами, развитию внутренних связей.

Насколько разные формы академической мобильности смогут получить развитие, зависит от того, каким образом выстраивается институциональная регуляция этого процесса.

¹ Введение ЕГЭ повысило мобильность выпускников. URL: <https://iq.hse.ru/news/177663806.html> (дата обращения: 30.09.2023).

² Россия: поток студентов в заграничные вузы растет, возвращается лишь малая часть. URL: <https://russian.eurasianet.org/россия-поток-студентов-в-заграничные-вузы-растет-возвращается-лишь-малая-часть> (дата обращения: 30.09.2023).

³ Бакалавриата не будет. Что означает указ Путина о переходе на национальную систему высшего образования. URL: <https://www.kp.ru/daily/27502.5/4762085/> (дата обращения: 30.09.2023).

Но в не меньшей степени зависит это и от саморегуляционных установок самих молодых людей в сфере высшего образования. Институциональная регуляция представляется собой целенаправленную разработку и внедрение различных мер, направленных на поощрение перемещений студентов между российскими вузами, поддержание в них мотивации к таким перемещениям. А саморегуляция выражается в собственных жизненных выборах учащихся по поводу обучения в разных вузах.

Большинство российских научных исследований посвящены изучению международной академической мобильности: как входящей, проявляющейся в обучении иностранных студентов в российских вузах, так и исходящей – обучение студентов российских вузов за рубежом. К основным барьерам исходящей академической мобильности исследователи относят низкий уровень владения иностранным языком, социальную и психологическую неподготовленность к участию в международных программах, низкую степень информированности обучающихся [Алиева, Фомина, 2019], а также недостаток финансов [Ватолкина, Федоткина, 2015].

В работах исследователей анализируются механизмы целенаправленного регулирования, к которым можно отнести меры государственной поддержки исходящей академической мобильности, реализуемые в виде стипендий для обучения за рубежом, а также совместные образовательные программы с вузами стран, являющихся ведущими партнерами России [Ватолкина, Федоткина, 2015], а также организацию академической мобильности в отдельных университетах [Денисова, 2019; Емельянова и др., 2020].

Кроме вышеперечисленных аспектов, изучаются социальные сети как инструмент целенаправленного формирования межкультурной среды для иностранных студентов в России – элементы входящей академической мобильности [Стабровская, 2020]. С точки зрения управления образовательными траекториями отмечается высокая готовность молодежи к смене места жительства с целью получения качественного образования [Емельянова и др., 2020], на что может быть сделан акцент и при формировании стратегии внутрироссийской мобильности посредством целенаправленной поддержки соответствующих установок молодых людей.

Отдельные типы академической мобильности выделяются по географическому признаку (внутрирегиональная, внутригосударственная, международная), по сферам деятельности (образовательная, с целью повышения квалификации, научная, преподавательская), по продолжительности (краткосрочная и долгосрочная) [Рязанцев и др., 2019].

В 2023 году стали более подробно рассматриваться возможности конструирования отечественной системы высшего образования, построенной на принципах фундаментальности, системности, междисциплинарности и творческого индивидуального подхода. И в качестве одного из актуальных направлений исследователи рассматривают развитие академической мобильности студентов через стимулирование студенческих обменов во внутрироссийском образовательном пространстве [Алешковский и др., 2023]. Исследователи утверждают, что такая стратегия актуальна в связи с неудовлетворенностью первичным выбором специальности современными российскими студентами, качеством вузовского образования и уровнем подготовки. Создание более гибких образовательных программ, включающих возможность обучения в другом российском вузе по аналогичной или смежной программе, получение двойного диплома способствуют повышению мотивации к обучению и соответствию запросам современной молодежи.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования в данной статье выступает социальная регуляция академической мобильности, а предметом – особенности институциональной регуляции и саморегуляции внутрироссийской академической мобильности студентов.

В рамках настоящего исследования под внутрироссийской академической мобильностью студенческой молодежи понимается добровольное перемещение студентов между

российскими вузами с целью образовательной или научной деятельности. Методологические основания исследования строятся на идеях П.А. Сорокина, изучавшего социальную мобильность в контексте культурных трансформаций [Sorokin P., 1927]. Сегодня российское общество представляет собой некое пограничное состояние между статичной и динамичной системой. Несмотря на то, что критического рассогласования жизненных миров нет и заданность прошлых параметров международной академической мобильности обладает определенными границами регуляции, существующая ситуация, обусловленная грядущей трансформацией системы высшего образования, создает неопределенность и задает ее динамичность. Кроме того, теоретические основания исследования строятся на идеях Д. Александера о влиянии культурных паттернов на практики мобильности [Alexander, 2006], В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок о саморегуляции жизнедеятельности студентов, включающей аспект терминальных и инструментальных ценностей [Чупров, Зубок, 2022], Лубского А.В. о консервативных и либеральных ментальных программах, проявляющихся у молодежи в том числе в образовательной сфере [Ментальные программы..., 2016]. Актуальной представляется также теория мобильностей Урри Дж [2012], с позиции которой академическая мобильность студентов включает и индивидуальную образовательную стратегию, и обучение в другом вузе с помощью онлайн-перемещения, и классическое географическое передвижение в другой регион.

Результаты исследования и обсуждение

Процессы социальной регуляции представляют собой сложный комплекс взаимодействующих механизмов целенаправленного регулирования и саморегуляции. Если целенаправленное регулирование заключается в деятельности институтов по упорядочению социальных взаимодействий, путем создания условий и стимулов, то саморегуляция – это собственный жизненный выбор индивидов и групп, движимых собственными представлениями о целях жизнедеятельности и средствах их достижения [Зубок, Чупров, 2008]. Институциональная регуляция внутрироссийской академической мобильности проявляется в формальных, неформальных нормах и создании внешних условий для реализации этого процесса. А саморегуляция – в готовности молодых людей к участию в ней, их смысловой мотивации.

Формальные нормы, регламентируемые нормативными актами федерального уровня в России на сегодняшний день, существуют. В Федеральном законе об образовании в Российской Федерации № 273-ФЗ есть несколько пунктов, посвященных академической мобильности обучающихся. Первый пункт связан с организацией сетевых форм реализации образовательных программ, где в части 3 статьи 15 отражена необходимость указания порядка организации «академической мобильности обучающихся (для обучающихся по основным профессиональным образовательным программам), осваивающих образовательную программу, реализуемую с использованием сетевой формы». Второй пункт связан с организацией международной академической мобильности (статья 105), которая содействует развитию сотрудничества российских и иностранных образовательных организаций¹. То есть первый пункт дает возможности формального регулирования сетевых обменов между российскими вузами, включая программы академической мобильности, но без детальной регламентации осуществления подобных образовательных программ.

Поскольку нормативная база для развития внутрироссийской мобильности в рамках сетевых форм обучения создает формальные условия для подобных практик, необходимо понять, есть ли в российских вузах организационные условия для обеспечения обменов студентов.

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 28.09.2023).

Внедрение практик внутрироссийской мобильности тесно связано с понятием индивидуальных траекторий обучения, которые предполагают возможность вариативности дисциплин даже в рамках единой подготовки по специальности. В такой системе и при таком подходе студент, отправляющийся на семестровое обучение в другой вуз в России, не должен обязательно сдавать все дисциплины за семестр в дочернем вузе. При этом понимание значимости индивидуальных траекторий выражается в желании 80 % современных студентов попробовать такой формат обучения [Зайцева, 2022].

Анализируя социальную реальность, можно отметить, что сегодня в российской образовательной системе внутрироссийская академическая мобильность проявляется в практиках участия студентов в конференциях, образовательных школах и в обучении по сетевым программам. В исследовании 2019 года авторами было показано, что 47 % студентов принимали участие в конференциях в других вузах России, 16 % обучались в другом российском вузе в течение не менее одного семестра, 14 % участвовали в совместном проекте российских вузов и 3 % стажировались в другом российском вузе [Емельянова и др., 2020].

На волне трансформаций в системе высшего образования в 2022 году появилась первая программа внутрироссийской мобильности «ДВИЖ», которая организована для студентов пяти вузов: ИТМО, МИФИ, РУДН, РАНХиГС и ВАВТ ¹. Согласно условиям этой программы, в течение семестра студенты обучаются в другом российском университете. В 2022 году на участие в программе было подано 184 заявки, в 2023 году программа продолжается. Финансовые затраты на проезд и проживание компенсируют университеты. Одним из акцентов, на котором делают упор организаторы, является фактор неопределенности, потребность в адаптации путем выстраивания гибкой образовательной траектории и сложных межвузовских коммуникаций. Разрабатываемая и внедряемая программа направлена на развитие таких навыков. Внутрироссийская мобильность рассчитана на бакалавров 2–4 курса, каждый из которых должен выбрать дисциплины из представленных принимающим вузом и согласовать свой индивидуальный план обучения ².

Таким образом, полноценные программы по развитию внутрироссийской академической мобильности, появившиеся в межвузовском взаимодействии, становятся частью механизма целенаправленного регулирования. Для их эффективного функционирования необходимы следующие условия: возможность организации индивидуальной образовательной траектории, способность создать условия для проживания иногородних студентов, гибкие образовательные курсы, предполагающие включение в этот процесс новых студентов, возможности финансирования перемещений студентов из одного региона в другой.

Вторым фактором, влияющим на развитие внутрироссийской академической мобильности, является объективное снижение возможностей для ее международной формы. Этому есть подтверждение. Так, статистический анализ отчетов о самообследовании российских вузов за 2022 год показывает сокращение числа международных договоров и связей российских вузов с зарубежными вузами. При этом глобальных изменений в удельном весе студентов по исходящей и входящей международной академической мобильности не наблюдалось: в некоторых случаях это рост, в некоторых случаях – сокращение [Зайцева, 2023]. Таким образом, российские вузы продолжают работать в рамках международной академической мобильности с теми вузами, с которыми сохранились партнерские связи, и увеличивают число студентов, направляемых в эти вузы по программам мобильности. Однако данное предположение требует дальнейшей верификации.

¹ Семестр другой жизни: чему будут обучаться участники первой программы внутрироссийской академической мобильности ДВИЖ. URL: <https://news.itmo.ru/ru/education/cooperation/news/12770/> (дата обращения: 30.09.2023).

² ДВИЖ. Программа академической мобильности. URL: <https://движ-студент.рф/> (дата обращения: 30.09.2023).

Двумя основными барьерами для развития международной мобильности студенты называют ограниченные финансы и недостаточный уровень знания иностранного языка. Соответственно, первый фактор, связанный с финансированием, во многом может обеспечиваться государственными программами по поддержке внутрироссийской академической мобильности: предоставлением мест иногородним студентам в общежитии принимающего вуза на весь срок обучения по программе, компенсацией проезда и бесплатным обучением в рамках данной программы. Расходы на жизнь в другом российском городе не будут отличаться кардинально внутри России, если это не мегаполисы; культурная адаптация так же будет минимальной или отсутствовать. А вопрос незнания иностранного языка и вовсе снимается с повестки.

Таким образом, в российском образовательном пространстве посредством институционального регулирования создаются предпосылки для развития внутрироссийской академической мобильности, появляются программы по внедрению сетевых обменов. Вместе с тем, возникает вопрос о готовности самих студентов к таким практикам на уровне саморегуляции. Подобная готовность может определяться множеством различных обстоятельств, начиная с отношения к переезду и заканчивая смысловыми установками в отношении образования.

Отношение к мобильности в российском обществе имеет свои национальные особенности. Отмечается, что для российской культуры мобильность не является типичной чертой, гораздо чаще проявляется оседлость, стремление находиться на одном месте, развивать быт, низкая географическая мобильность и повышенная привязанность россиян и русских к малой родине [Миронова, 2014]. Но цель внутрироссийской академической мобильности не состоит в смене местожительства. В ее основе лежит необходимость углубления знаний, навыков, компетенций, которые возможно получить в рамках другого российского университета. При этом многие студенты, готовые к внутрироссийской академической мобильности, основными мотивами называют желание расширить знания и познакомиться с другими вузами России. Однако необходимо учитывать, что такие установки характерны именно для студентов с консервативными взглядами, для которых образование рассматривается как возможность получения интересной профессии. В то же время студенты с либеральными взглядами на образование, которое представляется им основой для получения материальных благ и высокого дохода, отмечают, что не готовы к внутрироссийской мобильности, так как это сложно организовать и могут быть проблемы в своем вузе [Зайцева, 2022].

Рассмотрим, каково отношение разных групп учащихся к миграции как таковой. Для этого сравним три группы – школьников, учащихся лицеев и техникумов и студентов вузов. Согласно результатам кросс-распределений по формам обучения и миграционным установкам молодежи, в случае представленной возможности большая часть респондентов готовы к переезду из мест проживания. Оставаться там, где живут, планируют от 17 % до 23 % опрошенных в зависимости от формы обучения. Специфика проявляется в том, что учащиеся школ и гимназий обладают наиболее неустойчивыми установками относительно миграции – 23 % хотели бы остаться в месте проживания, 20,1 % затруднились ответить. Это связано с младшим возрастом данной группы и зависимостью от места проживания родителей.

Учащиеся лицеев, техникумов, университетов и институтов в большей степени, чем учащиеся школ и гимназий настроены на переезд в другой регион страны (22,9 и 21,7 % против 12,9 %). Наиболее устойчивые миграционные установки характерны для учащихся университетов и институтов – только 14,7 % затруднились ответить. Причем именно эта категория молодежи не готова ехать в более крупный город в своем регионе (только 9,9 % готовы), что свидетельствует о недостаточности возможностей для специалистов с высшим образованием – они уехали бы или в другой регион страны, или за рубеж (табл. 1).

Значимым основанием саморегуляции является понимание сути образования, наде-
 ление его определенным смыслом. В таком случае значимыми представляются связи пе-
 ременных «образование как ценность» и «миграционные установки» (рис. 1).

Таблица 1
 Table 1

Связь форм обучения и миграционных установок молодежи ¹
 Cross-distribution by forms of education and migration attitudes of young people

Если Вы учитесь, то где?	Если Вам представится возможность уехать из места проживания, что вы предпочтете?				
	Останетесь там, где живете	Уедете в более крупный город в своем регионе	Переедете в другой регион страны	Уедете из страны	Затрудняюсь ответить
В школе, в гимназии	23,00 %	18,00 %	12,90 %	25,90 %	20,10 %
В лицее, в техникуме	17,70 %	19,40 %	22,90 %	22,90 %	17,10 %
В университете, институте	21,00 %	9,90 %	21,70 %	32,70 %	14,70 %

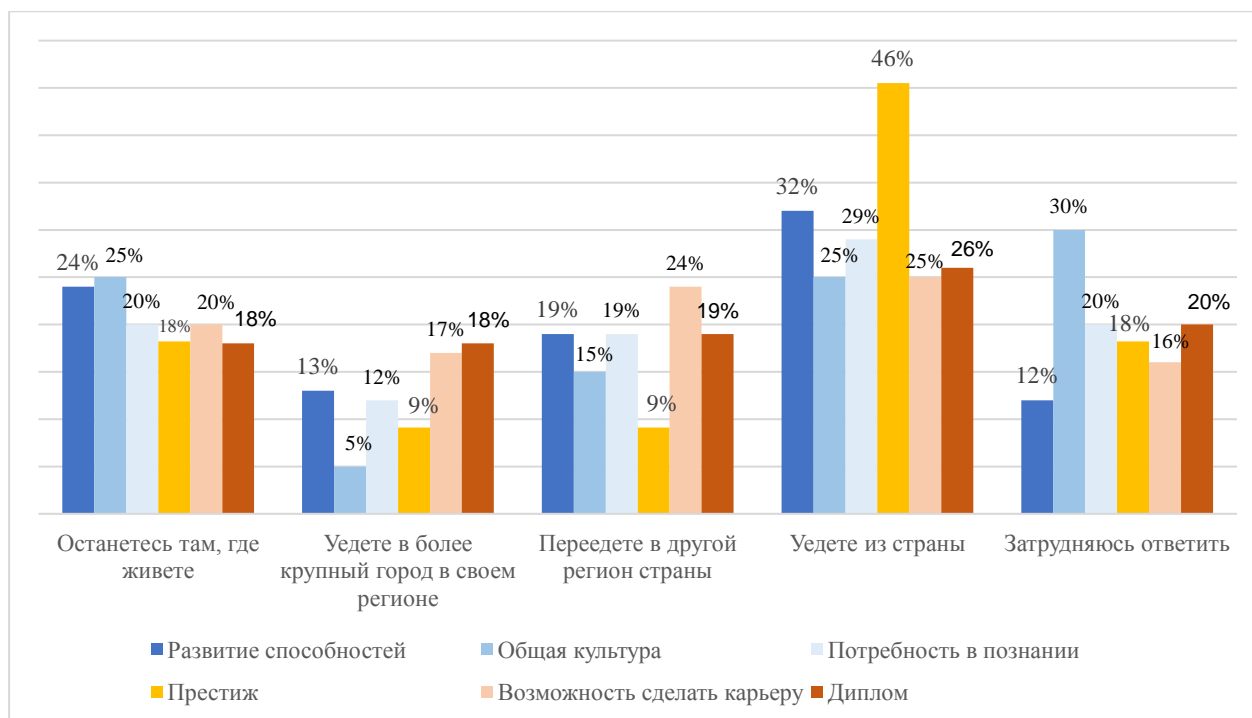

Рис. 1. Кросс-распределения переменных «Образование как ценность»
 и «Миграционные установки»

Fig. 1. Cross-distributions of variables «Education as value» and «Migration attitudes»

¹ Источник: результаты исследования Центра социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН

Под терминальными ценностями образования понимаются развитие способностей, общая культура, потребность в познании, а под инструментальными – престиж, возможность сделать карьеру, получение диплома. Высокая готовность переехать за рубеж характерна для тех, для кого образование представляет собой инструментальную ценность – престиж (46 %), а также терминальную ценность – развитие способностей (32 %). Респонденты, рассматривающие образование как возможность сделать карьеру, в значительной степени настроены на переезд в другой регион страны (24 %) или за рубеж (25 %), нежели оставаться там, где живут (20 %) или уехать в другой крупный город в своем регионе (17 %). Если сравнить установки на переезд в крупный город в своем регионе или в другой регион России, то во втором случае молодежь видит больше возможностей в развитии способностей (13 % против 19 %), усвоении общей культуры (5 % против 15 %), в познании (12 % против 19 %). В целом установки на переезд в другой регион страны выше, чем переезд в более крупный город в своем регионе. Такие распределения вновь подтверждают тезис о том, что молодежь не видит для себя перспективы в рамках отдельных российских регионов.

Таким образом, исследования демонстрируют, что в целом у молодежи достаточно высокие миграционные установки. Заметная часть молодежи готова к перемещениям. Это означает, что молодые люди являются весьма подвижной в социальном и физическом смысле социальной группой. Наиболее привлекательными для молодых респондентов являются другие регионы нашей страны и зарубежье. Причем высокая готовность покинуть регион проживания характерна скорее для студентов вузов, что связано с ограниченными перспективами для развития в своем регионе, в том числе и в сфере образования. В таком случае формат внутрироссийской мобильности, то есть переезд в другой регион страны для получения образования, представляется перспективным.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что формат межвузовской академической мобильности студентов в России находится на стадии становления. Институциональное регулирование данного процесса проявляется в наличии формальных законодательных норм для сетевых обменов и создании в вузах организационных условий, связанных с возможностью построения индивидуальных образовательных траекторий, финансирования перемещений и проживания иногородних студентов, создания гибких образовательных планов. Специфика саморегуляции жизнедеятельности молодежи проявляется в высоких миграционных установках в другие российские регионы, особенно среди учащихся профессиональных лицеев, техникумов и студентов вузов. Именно переезд в другой регион страны для получения образования связывается с возможностью развития способностей, изучения общей культуры, углублением знаний, на что и нацелен формат внутрироссийской академической мобильности.

Для продолжения изучения данного направления необходимо проведение комплексного социологического исследования об особенностях организации программ внутрироссийской академической мобильности между российскими вузами с выявлением установок и потребностей студентов, изучением отношения преподавателей к подобному формату обучения, административных возможностей и финансирования отдельных российских вузов.

Список литературы

- Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е. 2023. Особенности формирования образовательных траекторий российских студентов: оценка и возможности. *Высшее образование в России*, (32)4: 137–155. DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-4-137-155.

- Алиева Л.Р., Фомина Е.А. 2019. Организация исходящей академической мобильности в вузе: современная ситуация и направления развития. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*, 5(74): 119–127. DOI: 10.37493/2307-907X-2019-74-5-119-127.
- Ватолкина Н.Ш., Федоткина О.П. 2015. Академическая мобильность студентов в условиях интернационализации образования. *Университетское управление: практика и анализ*, 2: 17–26.
- Денисова Е.С. 2019. Организация международной академической мобильности в Сахалинском государственном университете. *Филологический журнал*, 23: 51–54.
- Емельянова И. Н., Теплякова О. А., Тепляков Д. О. 2020. Мобильность студентов российских вузов как явление и управленческая проблема. *Университетское управление: практика и анализ*, 24(2): 131–144. DOI 10.15826/umpra.2020.02.019.
- Зайцева А.А. 2022. Академическая мобильность студентов: ценности, установки и социальные практики на Юге России. *Научный результат. Социология и управление*, 8(3): 137–154. DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-10](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-10).
- Зайцева А.А. 2023. Изменения в международной академической мобильности студентов – возможность для внутрироссийской? Материалы XIII международной социологической Грушинской конференции «Переустройство мира: исследования (в) новой реальности», 25–27 мая 2023 г. М.: ВЦИОМ: 139–144.
- Зубок Ю.А., Чупров В. И. 2008. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2(86): 142–155.
- Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе. 2016. Отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 392 с.
- Миронова С.П. 2014. Социально-профессиональная мобильность: специфика русского менталитета. Социально-профессиональная мобильность в XXI веке: сборник материалов и докладов Международной конференции, Екатеринбург, 29–30 мая 2014 года. Под редакцией Г.М. Романцева, В.А. Копнова. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет: 176–181.
- Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Скоробогатова В.И., Безвербный В.А. 2019. Международная академическая мобильность в России: тенденции, виды, государственное стимулирование. *Экономика региона*, 15(2): 420–435. DOI 10.17059/2019-2-9.
- Стабровская А.В. 2020. Информационные технологии как ресурс социокультурного взаимодействия участников академической мобильности в высшей школе. *Преподаватель XXI век*, 4-1: 67–74. DOI 10.31862/2073-9613-2020-4-67-74.
- Урри Дж. 2012. Мобильности. М., Праксис, 576 с.
- Чупров В.И., Зубок Ю.А., 2022. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности: монография. М., Норма : ИНФРА-М, 304 с.
- Alexander J. 2006. *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Oxford: Oxford University Press.
- Sorokin P. 1959. *Social and Cultural Mobility*. N.Y: The Free Press, 645 p.
- Sorokin P. 1927. *Sociology of Revolution*. Michigan University: Lippincot Press.

References

- Aleshkovsky I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V., Narbut N.P., Savina N.E. 2023. Peculiarities of the Formation of Educational Trajectories of Russian Students: Assessment and Opportunities. *Higher Education in Russia*, 32(4): 137–155 (in Russian). DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-4-137-155
- Alieva L.R., Fomina E.A. 2019. Organization of outgoing academic mobility at the university: modern situation and directions of development. *Newsletter of North-caucasus Federal University*, 5(74): 119–127 (in Russian) DOI: 10.37493/2307-907X-2019-74-5-119-127.
- Vatolkina N.S., Fedotkina O.P. 2015. Students academic mobility in the context of education internationalization. *University Management: Practice and Analysis*, 2: 17–26. (in Russian)
- Denisova E.S. 2019. Organizacija mezhdunarodnoj akademicheskoy mobil'nosti v Sahalinskom gosudarstvennom universitete [Organization of international academic mobility at Sakhalin State University]. *Filologicheskij zhurnal*, 23: 51–54.

- Emelyanova I.N., Teplyakova O.A. Teplyakov D.O. 2020. Mobility of Russian University Students as a Phenomenon and a Management Problem. *University Management: Practice and Analysis*, 24(2): 131–144 (in Russian). DOI 10.15826/umpa.2020.02.019.
- Zaytseva A.A. 2022 Academic mobility of students: values, attitudes and social practices in the South of Russia. *Research Result. Sociology and management*, 8(3): 137–154. (in Russian) DOI 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-10.
- Zaytseva A.A. 2023. Izmeneniya v mezhdunarodnoj akademicheskoy mobil'nosti studentov – vozmozhnost' dlja vnutrirossijskoj? [Changes in international academic mobility of students – an opportunity for Intra-russian?]. Materials of the XIII International Sociological Grushin Conference The Reconstruction of the world: Research (in) a new reality, May 25–27, 2023, Moscow. Publ. VTsIOM: 139–144.
- Zubok Ju. A., Chuprov V. I. 2008. Social'naja reguljacija v uslovijah neopredelennosti. Teoreticheskie i prikladnye problemy v issledovanii molodezhi. [Social regulation in conditions of uncertainty. Theoretical and applied problems in the study of youth] *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2(86): 142–155.
- Mental'nye programmy i modeli social'nogo povedeniya v rossijskom obshhestve: monografija 2016. Otv. red. A.V. Lubskaa [Mental programs and models of social behavior in Russian society. Ed. A.V. Lubskaa]. Rostov n/D. Publ. Fond nauki i obrazovaniya, 392 p.
- Mironova S.P. 2014. Social'no-professional'naja mobil'nost': specifika russkogo mentaliteta [Social and occupational mobility: specifics of Russian mentality: Social and professional mobility in the XXI century: collection of materials and reports of the International Conference, Yekaterinburg] Ekaterinburg, Publ. Rossijskij gosudarstvennyj professional'no-pedagogicheskij universitet: 176–181.
- Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., Skorobogatova V.I., Bezverbnij V.A. 2019. International Academic Mobility in Russia: Trends, Types, State Stimulation. *Economy of Regions*, 15(2): 420–435. (In Russian). DOI 10.17059/2019-2-9.
- Stabrovskaya A.V. 2020. Information technologies as a resource for sociocultural interaction between participants of academic mobility in higher school. *Prepodavatel XXI vek*, 4-1: 67–74 (in Russian). DOI 10.31862/2073-9613-2020-4-67-74.
- Urri Dzh. 2012. Mobil'nosti. [Mobility] M., Publ. Praxis, 576 p.
- Chuprov V.I., Zubok Ju.A., 2022. Molodezh' v kul'turnom prostranstve: samoreguljacija zhiznedejatel'nosti: monografija [Youth in the cultural space: self-regulation of life activity: monograph]. Moscow, Publ. Norma, INFRA-M, 304 p.
- Alexander J. 2006. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. Oxford: Oxford University Press.
- Sorokin P. 1959. Social and Cultural Mobility. N.Y: The Free Press, 645 p.
- Sorokin P. 1927. Sociology of Revolution. Michigan University: Lippincot Press.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 25.10.2023

Поступила после рецензирования 27.11.2023

Принята к публикации 30.11.2023

Received October 25, 2023

Revised November 27, 2023

Accepted November 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайцева Анастасия Андреевна, кандидат социологических наук, научный сотрудник, Центр социологии молодежи Института социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский центр Российской академии наук, г. Москва, Россия.

 [ORCID: 0000-0002-2923-0497](https://orcid.org/0000-0002-2923-0497)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasiya A. Zaytseva, Candidate of Sociology, Researcher, Center for Youth Sociology of the Institute of Socio-Political Studies, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

 [ORCID: 0000-0002-2923-0497](https://orcid.org/0000-0002-2923-0497)

УДК 316.4.066

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-693-703

Медиапотребление как социокультурная детерминанта ценностных иерархий и идеологических предпочтений россиян

Насриддинов Т.Г.

Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
Россия, 19333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1
T.Nasriddinov@mail.ru

Аннотация. Стремительное развитие цифровизации радикально трансформирует каналы медиапотребления и ведет к фрагментации информационного пространства, чем изменяет социокультурный контекст воспроизводства ценностных иерархий в массовом сознании. Ценностные иерархии играют определяющую роль в формировании идеологических предпочтений россиян, что пока еще в недостаточной степени нашло осмысление в социологической теории. Цель исследования: определить взаимосвязь и взаимовлияние медиапотребления, ценностных иерархий и идеологических ориентаций. В качестве рабочей гипотезы был выдвинут тезис о том, что характер и структура медиапотребления зависит от возраста, а само оно влияет на формирование субъективных ценностных иерархий и идеологических предпочтений. Анализ основан на результатах массового опроса «Россияне о перспективах – 2023», проведенного в 2023 году Центром социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН в ряде регионов России. По результатам анализа сделаны выводы о подтверждении наличия взаимосвязи показателей медиапотребления с межпоколенческими различиями ценностных иерархий и идеологических ориентаций в современном российском массовом сознании. Тем самым дополнена теоретико-методологическая основа для изучения социокультурных детерминант идеологических процессов в современном российском социуме.

Ключевые слова: социокультурные факторы, медиапотребление, ценностные ориентации, ценностные иерархии, идеология

Для цитирования: Насриддинов Т.Г. 2023. Медиапотребление как социокультурная детерминанта ценностных иерархий и идеологических предпочтений россиян. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 48(4): 693–703. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-693-703

Media Consumption as a Socio-Cultural Determinant of Value Hierarchies and Ideological Preferences of Russians

Temur G. Nasriddinov

Institute of Social-Political Studies
Federal Research Sociological Center
Russian Academy of Sciences
6 Fotieva Str., build. 1, Moscow 19333, Russian Federation
T.Nasriddinov@mail.ru

Abstract. The rapid development of digitalization radically transforms the channels of media consumption and leads to the fragmentation of the information space, which changes the socio-cultural context of the reproduction of value hierarchies in the mass consciousness. Value hierarchies play a

decisive role in the formation of ideological preferences among modern Russians, which has not yet been sufficiently understood in sociological theory. The purpose of the study is to determine the relationship and mutual influence of media consumption, value hierarchies and ideological orientations. As a working hypothesis, the thesis was put forward that the nature and structure of mass consumption depends on age, and it itself affects the formation of subjective value hierarchies and ideological preferences. The analysis is based on the results of a mass survey «Russians about prospects – 2023» conducted in 2023 by the Center for the Sociology of Ideological and Socio-Cultural Processes of the ISPI FNSC RAS in a number of regions of Russia. Based on the results of the analysis, conclusions are drawn about the confirmation of the relationship between media consumption indicators and intergenerational differences in value hierarchies and ideological orientations in the modern Russian mass consciousness. Thus, the theoretical and methodological basis for the study of socio-cultural determinants of ideological processes in modern Russian society was supplemented.

Keywords: sociocultural factors, media consumption, value orientations, value hierarchies, ideology

For citation: Nasriddinov T.G. 2023. Media Consumption as a Socio-Cultural Determinant of Value Hierarchies and Ideological Preferences of Russians. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 693–703 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-693-703

Введение

В условиях информационного общества медиапотребление является значимой частью социальной и культурной жизни общества. Причем, если еще несколько лет назад образцы медиапотребления можно было условно назвать «консолированными» или единообразными (на первом месте было телевидение, с синхронизированным унифицированным информационным продуктом, доставляемым потребителям в одно время, в едином формате), то сейчас, одновременно с ростом новых технологических платформ доставки контента, происходит фрагментация информационного пространства, когда информационный продукт достигает разных частей аудитории в разное время, в разных форматах, в разной «интерпретационной упаковке» [McLuhan, 1964; Robinson, 2016].

Как отмечают эксперты, «трансформация медиапотребления обусловлена изменением технических и социальных параметров массовой коммуникации. Сегодня она представляет собой установление отношений с помощью централизованного, децентрализованного и общедоступного распространения смыслопорождающих сообщений» [Коломиец, 2017, с. 6; Полуэхтова, 2022].

Как характер медиапотребления, так и медиасреда, в целом, влияют на личность и имеют основополагающее значение при формировании системы ценностей и ориентаций наряду с образованием, воспитанием и культурным потреблением. Так называемые «информационные пузыри», возникающие вследствие дифференциации и фрагментации медийного пространства, в котором находятся индивиды и различные группы, сужает их социальную реальность и разрушает общее смысловое пространство реальности. Возникает множество смысловых полей, на которых формируются разнообразные, мало связанные друг с другом ценностные ориентации. А система ценностных ориентаций определяет отношение человека к окружающему миру и составляет основу мировоззрения [Маслоу, 2002]. В свою очередь, ценностные ориентации выступают социокультурными регуляторами различных сторон жизнедеятельности [Чупров, Зубок, Романович, 2022]. Влияют они и на особенности медиапотребления.

Цель исследования: определить взаимосвязь и взаимовлияние медиапотребления, ценностных иерархий и идеологических ориентаций. В качестве рабочей гипотезы выступает предположение о том, что характер медиапотребления зависит от возраста, а само оно влияет на формирование субъективных ценностных иерархий и идеологических предпочтений.

Объекты и методы исследования

Анализ основан на результатах исследования «Россияне о перспективах – 2023», проведенного в 2023 году Центром социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН совместно с Северным (Арктическим) федеральным университетом имени М.В. Ломоносова, при поддержке социологического факультета РГСУ и Адыгейского государственного университета. Опрос проведен с 1 апреля по 30 июня 2023 года в семи субъектах Федерации из четырех федеральных округов: ЦФО (г. Москва и Московская область), СЗФО (Архангельская область, Мурманская область, Ненецкий автономный округ), ЮФО (Республика Адыгея), ПФО (Нижегородская область). Общее количество опрошенных составило 5 017 человек. После процедур перевзвешивания по пропорциям возрастных когорт получен репрезентативный по полу и возрасту массив ответов респондентов европейской части России. Перевзвешивание производилось по коэффициентам, полученным из данных Бюллетеня Росстата «Население России» за 2023 год¹.

Результаты и их обсуждение

Медиапотребление – это не только потребление контента, доставленного различными способами, но также отношение людей к медиа в сочетании с индивидуальным опытом взаимодействия с ними, с выбором «меню» медиаканалов и контента в условиях цифровизации [Moore, 2012; Sundar, Limperos, 2013; Теоретические аспекты..., 2019].

Одним из ключевых социальных регуляторов медиапотребления выступает доверие респондентов к различным источникам социально-политической информации. Как показало исследование (рис. 1), телевидение и интернет-издания занимают примерно равное положение в списке доверительных источников, а с учетом социальных сетей совокупная доля интернет-источников, пользующихся доверием, превышает 65 %, опережая телевидение почти вдвое. Предположительно, данное превышение говорит не только и не столько о доверии как таковом, сколько о популярности и доступности интернета как технологической основы доставки информации, причем любой, а не только социально-политической.

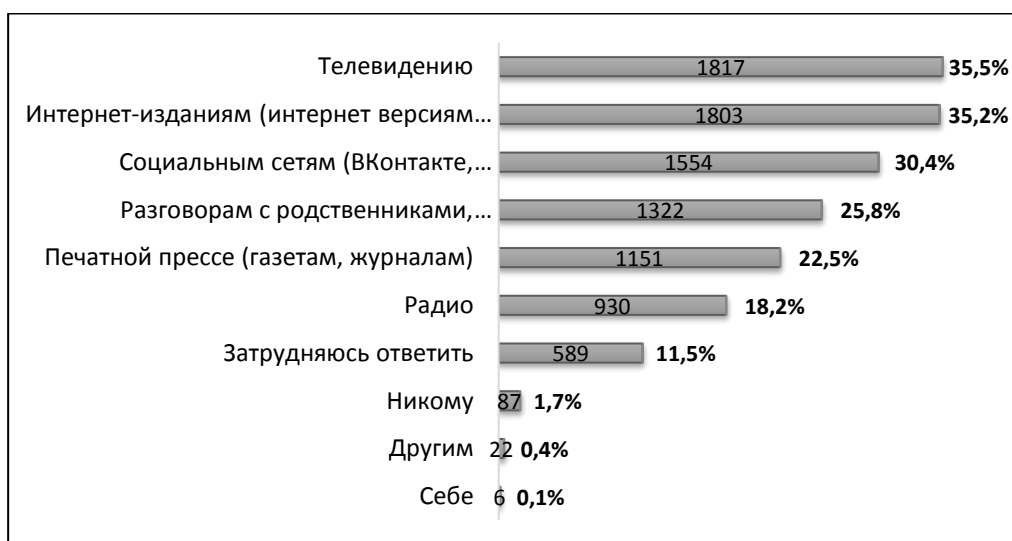

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Каким источникам социально-политической информации Вы доверяете больше всего?» (до трех вариантов ответа) (2023, N = 5017)

Fig. 1. Distribution of answers to the question «Which sources of socio-political information do you trust the most?» (up to three possible answers) (2023, N = 5017)

¹ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) : офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения : 12.08.2023).

Молодежь 18–24 лет по данному показателю заметно отличается от старших категорий, демонстрируя наибольший уровень доверия (50,6 %) социальным сетям как источнику информации. На втором месте по уровню доверия у молодежи такие источники, как интернет-издания (43,8 %), на третьем – разговоры с близкими (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Доверительные источники социально-политической информации
по возрастным группам (2023, N = 5017)
Trusted sources of socio-political information by age group (2023, N = 5017)

Каким источникам социально-политической информации Вы доверяете больше всего?	Количество выбранных ответов, %				
	Возраст (лет)				
	18–24	25–35	36–50	51–65	> 65
Телевидению	17,5	16	31,6	47,7	50,3
Интернет-версиям СМИ	43,8	47,1	41,7	30,6	17,9
Социальным сетям	50,9	45,6	34,4	21,4	14,1
Радио	5,6	8,9	15,7	22,3	29,9
Печатной прессе (газетам, журналам)	8,8	11,4	18,5	25,2	40,1
Разговорам с родственниками, друзьями, знакомыми	22,7	22,7	23,8	27,6	30,7
Другим	1,3	0,8	0,2	0,4	0,2
Затрудняюсь ответить	12,6	13,9	11,3	9,4	11,8
Никому	2,9	2,1	1,1	2,1	1,2
Себе	0	0,3	0,2	0,1	0

Примечание: суммы процентов больше 100, поскольку вопрос о доверяемых источниках допускал множественный выбор (до трех вариантов).

Данные об используемых источниках информации показывают, что разные поколения живут в разных информационных полях: старшие продолжают пользоваться телевизором, младшие – смещены в интернет и соцсети.

Обращает на себя внимание высокий процент опрошенных, указавших доверительным источником социально-политической информации разговоры с родственниками, друзьями, знакомыми (25,8 %), которые по уровню доверия выше, чем печатная пресса. Это может свидетельствовать в том числе о высоком уровне восприимчивости россиян к слухам и распространенности неформальных каналов распространения общественно значимой социально-политической информации, мнений и настроений в формате «кухонных разговоров».

Ценности выступают регуляторами всех сторон жизнедеятельности, социальных отношений и практик. Отражая ориентации на высшие принципы, ценности определяют обращение к разным источникам информации и доверие им, влияя, в конечном счете, на параметры медиапотребления. Рассмотрим, как выстраивается иерархия ценностей в массовом сознании россиян. Наиболее значимыми для большинства респондентов европейской части России стали «Семейные ценности» (38,8 %), «Патриотизм, национальная гордость» (31,1 %) и «Свобода и права человека» (29,4 %). «Семья, Родина, Свобода» – так выглядит сегодня ценностная «триада» россиян (рис. 2). Однако для различных возрастных групп набор приоритетных ценностей выглядит по-разному при том, что семья сохраняет свои позиции практически во всех категориях (табл. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных ниже идей или ценностей Вы считаете наиболее значимыми лично для Вас?» (2023, N = 5017)

Fig. 2. Distribution of answers to the question «Which of the following ideas or values do you consider the most significant for you personally?» (2023, N =5 017)

Таблица 2
Table 2

Иерархии ценностей по возрастным группам (2023, N = 5017)
Hierarchies of values by age group (2023, N = 5017)

Какие из перечисленных идей или ценностей Вы считаете наиболее значимыми лично для Вас?	Количество выбранных ответов, %				
	Возраст (лет)				
	18–24	25–35	36–50	51–65	> 65
Патриотизм, национальная гордость	24,70	21,20	28,70	39,40	35,70
Свобода и права человека	40,60	38,70	27,40	27,60	21,70
Безопасность и общественный порядок	31,90	25,80	28,00	27,40	27,80
Социальная справедливость	20,90	25,10	23,90	31,00	24,40
Демократия	17,80	18,80	17,90	13,50	13,10
Частная собственность и свобода предпринимательства	17,70	17,10	13,10	13,90	12,90
Вера, религия	10,90	12,20	14,30	18,40	23,90
Национальные традиции	9,20	12,10	16,80	15,70	17,30
Семейные ценности	29,50	32,80	43,00	40,60	39,70
Терпимость, толерантность к правам меньшинств	14,60	9,70	9,60	6,30	10,60
Свобода передвижения (выезда-въезда)	19,70	17,80	12,00	10,50	4,40
Другое	0,10	0,30	0,10	0,40	0,20
Не хочу отвечать на этот вопрос	2,30	3,00	2,20	1,10	2,60
Затрудняюсь ответить	2,00	1,70	2,70	1,30	6,80

Примечание: Суммы процентов больше 100, поскольку вопрос о ценностях допускал множественный выбор (до трех вариантов).

Для молодежи 18–24 лет на первом месте оказалась ориентация на свободу и права человека (40,3 %), на втором – на безопасность и общественный порядок (31,9 %), на третьем и четвертом, соответственно, на семью (29,5 %) и патриотизм (27,4 %). Для категорий 25–35 и старше наряду с патриотизмом и семейными ценностями заметно возрастает значимость социальной справедливости.

Свободу въезда-выезда как значимую ценность указали почти 20 % молодежи 18–24, почти 18 % респондентов 25–35 лет. Для более старших поколений значимость свободы въезда-выезда плавно снижается: 12 % у 36–50-летних, 10 % у категории 51–65 и 4 % у тех, кому более 65 лет.

Пропорции распределения ценностных предпочтений у различных возрастных групп подтверждают наличие ценностной инверсии (от лат. *inversio* – перестановка), которую неоднократно отмечали многие российские исследователи. Между старшими и младшими возрастными группами заметны различия ценностных иерархий, характеризующееся изменением комбинаторики ценностных установок [Покровский, 2006].

Указанные межпоколенческие различия ценностных иерархий и вытекающие из этого особенности фундаментальных социокультурных регуляторов чаще связаны со ценностными установками, усвоенными в процессе социализации. Заложенные в них смысловые компоненты восходят к различным типам культуры, признаки которых наблюдаются в массовом сознании. «Различия в ценностных иерархиях между поколениями могут иметь существенное влияние на социокультурные регуляторы» [Инглхарт, Вельцель, 2011]. Различные культурные образцы проецируются на представления респондентов о социальной реальности, на понимание актуальных и перспективных целей жизнедеятельности и средств их достижения [Зубок, Селиверстова, 2023, с. 42].

Рассмотрим, как связано медиапотребление с ценностными ориентациями респондентов. Для этого произведем корреляцию доверительных источников социально-политической информации и анализируемых ориентаций (табл. 3).

Семейные ценности, патриотизм и безопасность получили наибольшие проценты среди респондентов, доверяющих телевидению как источнику социально-политической информации. Для аудитории интернета и соцсетей на первом месте также оказались семейные ценности, на втором месте – свобода и права человека, причем те, кто указали предпочтительным источником информации интернет-версии газет и журналов, почти с теми же процентными показателями отметили приоритетность патриотизма и безопасности. Заметное место среди отмеченных ценностей занимает социальная справедливость, набирая почти одинаковые показатели для всех аудиторий, как «телевизионной», так и «интернетной» (возле 26 %).

Как подтверждают многие исследования, в современном российском обществе функционирует несколько разнополюсных систем ценностей и мировоззренческих типов, между которыми возникает напряжение. Основной раскол происходит по ценностной оси «общее – индивидуальное» и определяет базовые ценностные иерархии граждан: «солидаристскую – на общие цели и индивидуалистскую – на задачи персонального существования» [Андреев, 2007].

Так, у российской молодежи основные жизненные цели и ценностные ориентации носят по преимуществу прагматичный и утилитарный характер: «молодые люди хотят иметь семью, достаток, работу, собственную квартиру и хорошее образование» [Ценностные ориентации..., 2017]. Удовлетворение социальных и духовных потребностей, работа на общее благо смещены на вторые-третьи места [Шестопап, 2018].

Таблица 3
 Table 3

Связь доверительных источников информации с ценностными ориентациями (2023, N = 5017)
 Relationship of information sources with value orientations (2023, N = 5017)

Какие идеи или ценности Вы считаете наиболее значимыми лично для Вас?	Каким источникам социально-политической информации Вы доверяете больше всего?									
	ТВ	Интернет вер-сиям	Социальным сетям	Радио	Печатной прессе	Разговорам	Другим	Затрудняюсь ответить	Никому	Себе
	Количество выборанных ответов, %									
Патриотизм, национальная гордость	44,90	30,40	25,70	28,20	28,20	25,80	16,70	29,80	18,70	57,60
Свобода и права человека	24,30	31,40	30,70	23,50	24,70	27,60	51,20	35,20	26,50	42,40
Безопасность и общественный порядок	30,30	30,00	28,10	28,40	23,70	26,00	40,00	31,80	29,90	27,00
Социальная справедливость	26,20	26,70	25,80	28,00	24,20	22,70	23,70	23,00	42,10	29,10
Демократия	11,60	17,00	18,00	24,00	24,70	20,30	21,10	9,40	16,40	13,50
Частная собственность и свобода предпринимательства	10,10	16,40	17,30	18,60	20,30	19,00	23,60	10,00	15,50	27,40
Вера, религия	20,70	13,70	15,40	23,90	22,70	19,60	4,50	14,80	6,50	0,00
Национальные традиции	17,50	14,50	14,80	22,90	22,30	18,80	29,50	12,10	8,50	27,40
Семейные ценности	47,80	38,40	35,60	27,10	35,80	37,40	33,40	45,30	35,50	42,40
Терпимость, толерантность к правам меньшинств	6,90	11,20	14,70	9,70	11,70	12,00	4,60	4,50	8,00	0,00

Среди идеологических ориентаций на первом месте оказалась социал-демократия (21,1 %, рис. 3). На втором месте коммунистическая идея (16,9 %). Не считают близкой к своим взглядам никакую идеологию почти 15 %, затруднились ответить почти 16 %, отказались отвечать 6,5 %. Сумма этих уклонившихся от ответа категорий (37,4 %) отражает масштаб «серой зоны» идеологического спектра в массовом сознании. При этом из полу-

ченних даних заметны различия идеологических ориентаций в зависимости от возраста. Среди респондентов 18–24 лет не смогли определиться в выборе близкой своим взглядам идеологии 44 % (!). Для остальных на первом месте оказалась социал-демократия (23 %) и либерализм (14,6 %).

Рис.3. Распределение ответов на вопрос «Какая идеология представляется Вам наиболее близкой к Вашим взглядам?» (2023, N = 5017)

Fig.3. Distribution of answers to the question "Which ideology seems to you the closest to your views?" (2023, N = 5017)

Респонденты возрастной группы 25–35 лет также показали высокий процент отказа отвечать на этот вопрос (35 %); 28 % выбрали социал-демократию, 18 % – либерализм. В категории 36–50 лет 30 % не дали ответ, 20 % – считают ближе к своим взглядам социал-демократию, 16,1 % – коммунизм и 14,7 % – консерватизм.

В группе 51–65 лет 31 % не ответили, 23,5 % – за коммунизм, 19,1 % – за социал-демократию, 17 % – за консерватизм. Из числа респондентов старше 65 лет не ответили 30 %; 20,8 % выбрали коммунизм, 18,2 % – социал-демократию, 14,1 % – консерватизм.

В Таблице 4 представлена взаимосвязь доверительных источников информации с идеологическими предпочтениями.

Те, кто больше доверяет телевидению, чаще выбирали из предложенного списка идеологий «коммунизм». Среди аудитории интернета и соцсетей наибольшей популярностью пользуется «либертарианство» и «анархизм», показавший также наивысший процент среди тех, кто в наибольшей степени доверяет разговорам с родственниками, друзьями, знакомыми. Эти различия подтверждают нашу рабочую гипотезу о том, что характер медиапотребления зависит от возраста, а само оно влияет на формирование субъективных ценностных иерархий и идеологических предпочтений.

Таблица 4
 Table 4

Связь доверительных источников информации с идеологическими предпочтениями (2023, N = 5017)
 Relationship of trusted sources of information with ideological preferences (2023, N = 5017)

Каким источникам социально-политической информации Вы доверяете больше всего?	Какая идеология представляется Вам наиболее близкой к Вашим взглядам?											
	Либерализм	Социал-демократия	Консерватизм	Коммунизм	Национализм	Анар-хизм	Либертарианство	Религиозная	Ни одна из идеологий	Другое	Не хочу отвечать	Затр. отв.
	Количество выбранных ответов, %											
Телевидению	24,7	28,2	36,7	44,5	22,8	13,4	19,3	38,4	40,1	38,2	28,0	42,7
Интернет-изданиям	41,7	34,4	31,5	32,1	41,2	35,1	50,5	30,1	34,8	29,4	33,1	32,6
Соцсетям	32,2	29,6	27,7	23,3	39,0	54,0	52,7	33,8	28,8	31,9	36,9	26,7
Радио	21,0	22,2	35,3	27,3	19,2	24,2	22,6	29,9	8,1	7,3	16,8	8,8
Печатной прессе	30,6	29,1	35,1	30,6	24,0	30,5	41,0	30,8	12,0	2,6	19,5	12,4
Разговорам с родственниками	38,5	27,3	29,7	30,3	29,8	47,5	24,4	36,8	24,9	33,1	22,9	17,2
Другим	0,4	0,4	0,3	0,2	0,4	1,4	0,2	0,2	1,0	0,0	0,0	0,4
Затр. отв.	6,7	9,2	10,3	11,5	5,5	6,9	4,7	7,0	11,6	5,7	14,5	20,1
Никому	1,0	1,9	0,9	1,3	0,4	0,8	0,5	0,3	1,6	7,3	4,2	2,1
Себе	0,0	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,2	2,3	0,0	0,1

Примечание: суммы процентов по строкам и по столбцам больше 100, поскольку оба вопроса допускали множественный выбор (до трех вариантов).

Заключение

Приведенные результаты исследования позволяют заключить, что трансформации информационного поля, связанные с взрывным развитием новых каналов доставки контента и форматов медиапотребления, оказывают значительное влияние на различия ценностных ориентаций и идеологических установок.

Российское общество на современном этапе является в значительной степени деидеологизированным, с подвижной иерархией систем ценностей, заметно различающейся в зависимости от возраста и от доверяемых медиаканалов социально-политической информации. На межпоколенческом переходе развиваются сложные процессы переоценки ценностей, вызывающие изменения их структуры и иерархии [Inglehart, 1971]. При этом предпочтения в сфере идеологии у более старших категорий респондентов (от 31 года и выше) ориентированы в сторону идеологий левого толка, значительное внимание уделяющих тематике социальной справедливости.

Список литературы

- Андреев А.Л. 2007. Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства. *Социологические исследования*, 9: 38–44.
- Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А. 2023. Представления молодежи о будущем страны в проекции культуры. *Наука. Культура. Общество*, 29(3): 39–52. DOI <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1>.
- Коломиец В.П. 2017. Социология массовой коммуникации в обществе коммуникационного изобилия. *Социологические исследования*, 6: 3–14.
- Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. Пер. с англ. М., Новое издательство, 464 с.
- Маслоу А. 2002. Психология личности. М., МГУ, 247 с.
- Покровский Н.Е. 2006. Что происходит с гуманитарным образованием? *Социологические исследования*, 12: 95–98.
- Полуэхтова И.А. 2022. Медиапотребление в цифровой среде: к вопросу о методологии исследований. *Знание. Понимание. Умение*, 3: 206–218. DOI <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2022.3.19>.
- Дунас Д.В., Варганов С.А., Кульчицкая Д.Ю. 2019. Теоретические аспекты изучения медиапотребления российской молодежи: к пересмотру теории использования и удовлетворения. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 2: 3–28.
- Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования. 2017. Москва : ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», 131 с. ISBN 978-5-215-02993-0.
- Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. 2022. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. Москва, Норма: ИНФРА-М, 352 с. ISBN 978-5-91768-444-4.
- Шестопап Е.Б., Селезнева А.В. 2018. Социокультурные угрозы и риски в современной России. *Социологические исследования*, 10: 90–99. DOI [10.31857/S013216250002161-0](https://doi.org/10.31857/S013216250002161-0).
- Inglehart R. 1971. The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies. *The American Political Science Review*, 65(4): 991-1017.
- Hepp A. 2020. Deep mediatization. London & New York, Routledge, 248 p.
- McLuhan M. 1964. Understanding Media: The Extensions of Man. New York: McGraw-Hill.
- Moore, M. 2012. Interactive media usage among millennial consumers. *Journal of Consumer Marketing*, 29 (6): 436–444.
- Robinson, J.P. 2016. The Routledge Handbook of Media and Cultural Production. London: Routledge.
- Sundar S.S., Limperos A.M. 2013. Uses and grats 2.0: New gratifications for new media. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 57(4): 504–525.

References

- Andreev A.L. 2007. Cennostnye i mirovozzrencheskie aspekty social'nogo neravenstva. [Value and behavioral aspects of social inequality]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 9: 38–44 (in Russian).
- Zubok YU.A., Seliverstova N. A. 2023. Predstavleniya molodezhi o budushchem strany v proekcii kul'tury [Young people's perceptions of the future of the country in the projection of culture]. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, 29(3): 39–52 (in Russian). DOI <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1>.
- Kolomiec V.P. 2017. Sociologiya massovoj kommunikacii v obshchestve kommunikacionnogo izobiliya [Sociology of Mass Communication in a Society of Communication Abundance]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 6: 3–14 (in Russian).
- Inglhart R., Vel'cel' K. 2011. Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya. M., Publ. Novoe izdatel'stvo, 464 s.
- Maslou A. 2002 Samoaktualizaciya [Self-actualization]. In: Psihologiya lichnosti. Teksty. [Psychology of personality. Texts]. M., Publ. MGU, 108–117.
- Pokrovskij N.E. 2006. Chto proiskhodit s gumanitarnym obrazovaniem? [What's happening with liberal arts education?]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 12: 95–98 (in Russian).

- Poluekhova I.A. 2022. Mediapotreblenie v cifrovoj srede: k voprosu o metodologii issledovaniy [Media Consumption in the Digital Environment: A Question of Research Methodology]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 3: 206–218 (in Russian). DOI <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2022.3.19>.
- Dunas D.V., Vartanov S.A., Kul'chickaya D. YU. 2019. Teoreticheskie aspekty izucheniya mediapotrebleniya rossijskoj molodezhi: k peresmotru teorii ispol'zovaniya i udovletvoreniya [Theoretical Aspects of Studying Media Consumption of Russian Youth: Toward a Revision of the Theory of Use and Satisfaction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 2: 3–28 (in Russian).
- Cennostnye orientacii rossijskoj molodezhi i realizaciya gosudarstvennoj molodezhnoj politiki: rezul'taty issledovaniya [Value Orientations of Russian Youth and the Implementation of State Youth Policy: Research Results]. 2017. M., Publ. FGBOU VO "Gosudarstvennyj universitet upravleniya", 131 p. ISBN 978-5-215-02993-0.
- Chuprov V.I., Zubok YU.A., Romanovich N.A. 2022. Otnoshenie k social'noj real'nosti v rossijskom obshchestve: sociokul'turnyj mekhanizm formirovaniya i vosпроизводства [Attitude to social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction]. M., Publ. Norma: INFRA-M, 352 p. ISBN 978-5-91768-444-4.
- Shestopal E.B., Selezneva A.V. 2018. Sociokul'turnye ugrozy i riski v sovremennoj Rossii. Sociologicheskie issledovaniya [Sociocultural Threats and Risks in Modern Russia]. 10: 90–99 (in Russian). DOI 10.31857/S013216250002161-0.
- Inglehart R. 1971. The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies. *The American Political Science Review*, 65(4): 991-1017.
- Hepp A. 2020. Deep mediatization. London & New York, Routledge, 248 p..
- McLuhan M. 1964. Understanding Media: The Extensions of Man. New York: McGraw-Hill,
- Moore M. 2012. Interactive media usage among millennial consumers. *Journal of Consumer Marketing*, 29(6): 436–444.
- Robinson, J.P. 2016. The Routledge Handbook of Media and Cultural Production. London, Publ. Routledge.
- Sundar S.S., Limperos A.M. 2013. Uses and grats 2.0: New gratifications for new media. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 57(4): 504–525.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 14.11.2023
Поступила после рецензирования 29.11.2023
Принята к публикации 01.12.2023

Received November 14, 2023
Revised November 29, 2023
Accepted December 1, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Насриддинов Темур Геннадьевич, кандидат философских наук, руководитель Центра социологии идеологических и социокультурных процессов, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия.

Temur G. Nasriddinov, Candidate of Philosophy, Head of the Center for the Sociology of Ideological and Socio-Cultural Processes, Leading Researcher, Institute of Socio-Political Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

УДК 316.455
DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-704-709

Влияние специальной военной операции на процессы социальной консолидации в Белгородской области

Реутов Е.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
reutov@bsu.edu.ru

Аннотация. Социальная консолидация рассматривается как многоуровневый и нелинейный процесс, сущность которого заключается в укреплении социальных связей, ценностного консенсуса и в усилении коллективной идентичности в территориальных сообществах, социальных группах иного рода, общества в целом. На основании результатов регионального социологического исследования выявляется тенденция к консолидации регионального социума в контексте специальной военной операции одновременно с усилением потенциала ценностных расколов и конфликтности. При этом одна из наиболее заметных линий ценностных расхождений и оценок ситуации имеет межпоколенческий характер.

Ключевые слова: социальная консолидация, сплоченность, межпоколенческий разрыв

Финансирование: исследование проведено в рамках программы «Приоритет-2030» № 23 320 016 «Разработка научно-методической базы мониторинга изменений социума приграничного региона в условиях специальной военной операции».

Для цитирования: Реутов Е.В. 2023. Влияние специальной военной операции на процессы социальной консолидации в Белгородской области. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 48(4): 704–709. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-704-709

Influence of Special Military Operation on the Processes of Social Consolidation in the Belgorod Region

Yevgeny V. Reutov

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
reutov@bsu.edu.ru

Abstract. The influence of a special military operation on consolidation processes in the society of the border region is investigated. Social consolidation is considered as a multi-level and non-linear process, the essence of which is to strengthen social ties, value consensus and strengthening of collective identity in territorial communities, other social groups, and society as a whole. Based on the results of a regional sociological study, a tendency towards consolidation of regional society in the context of a special military operation is revealed, simultaneously with an increase in the potential for value splits and conflict. At the same time, one of the most noticeable lines of value differences and assessments of the situation is of an intergenerational nature.

Keywords: social consolidation, cohesion, intergenerational gap

Funding: The article was prepared within the framework of the Priority-2030 program No. 23 320 016 "Development of a scientific and methodological base for monitoring changes in the society of the border region in the conditions of a special military operation".

For citation: Reutov E.V. 2023. Influence of Special Military Operation on the Processes of Social Consolidation in the Belgorod Region. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 704–709 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-704-709

Введение

Социальная консолидация представляет собой многоуровневый и нелинейный процесс, сущность которого заключается в укреплении социальных связей, ценностного консенсуса и в усилении коллективной идентичности в территориальных сообществах, социальных группах иного рода, общества в целом. Последний – макросоциальный – аспект социальной консолидации является наиболее последовательным отражением сущности социальной консолидации как таковой, укрепляющей единство социальных структур и институтов в границах всего общества и преодолевающей, таким образом его внутренние противоречия и конфликты.

Социальная консолидация является одним из комплекса родственных понятий, обозначающих социальные процессы, повышающих степень сплоченности, единства, интеграции социума. Наиболее близким к нему по содержанию, хотя и фиксирующим социальную реальность, скорее в статике, нежели в динамике, является понятие социальной солидарности, трактуемой как разделяемое большинством социума представление о принципиальной общности целей и интересов индивидов и групп, формирующейся посредством их включенности в процессы социальной коммуникации на макро- и микроуровнях социума и соответствующей самоидентификации [Звоновский, Меркулова, 2015; Климова, 2013; Реутов, 2017].

В основе социальной консолидации лежит множество факторов, имеющих экономическую, географическую, этнорелигиозную и пр. природу. Так, А.С. Капто в качестве основных форм утверждения социальной консолидации выделяет такие, как «гармонизация социально-стратификационной панорамы общества путем умелого разрешения накопившихся в нем противоречий объективного и субъективного плана; формирование неконфронтационных общественных отношений; созидание гражданского мира; преодоление социальных кризисов; противостояние внешней экспансии, угрожающей целостности государства и национальному суверенитету; борьба с внутренним и международным терроризмом <...>, обеспечение гарантированной безопасности страны и нерушимости ее границ, концентрация усилий на решении стратегических вопросов строительства гражданского общества, правового, социального государства» [Капто, 2017, с. 98]. Рассматривая прежде всего организующую общество силу власти и системы политического управления, Н.М. Великая считает, что «консолидация связана с унификацией мировоззренческих установок и норм политического поведения, усвоенных и добровольно принимаемых гражданами, участвующими в политическом процессе» [Великая, 2022, с. 3633]. Особое внимание ряд исследователей обращает на фактор социальной коммуникации – как по вертикали, так и, главным образом, в системе горизонтальных связей, считая, что консолидация в нестабильной социальной реальности может осуществляться лишь как регулируемый нелинейный процесс, ориентированный на установление прочных межличностных и межгрупповых коммуникаций, взаимного доверия и лояльности [Бабинцев и др., 2023].

Таким образом, ключевым фактором и одновременно наиболее явным параметром консолидации является социокультурное (ценностное) единство или, по крайней мере, консенсус по поводу базовых культурных ценностей: «высокий уровень консолидированности общества обеспечивается единством интересов и потребностей, целей и ценностей, является процессом социокультурно и ценностно обусловленным» [Рожкова, Васильева, 2014, с. 128].

Вместе с тем, рассматривая значимость социокультурной идентичности и ценностного консенсуса как фактора и параметра социальной консолидации, нельзя обойти проблему общественного участия, гражданской активности и общественной мобилизации в целях реализации тех или иных векторов социального развития. В конечном счете социальный смысл ценностному единству, коллективной идентичности придает их организующая и мобилизующая способность. В пассивном и атомизированном обществе даже наличие коллективной идентичности и общей идеологии не будет иметь практического значения, когда возникнет необходимость масштабного социального действия. Как правило, подобные ситуации связаны с формированием вызовов и угроз привычному социальному порядку, являющихся результатом управляемых и неуправляемых социальных изменений внутри и вне общества. Применительно к современному российскому социуму роль такой ситуации сыграл масштабный геополитический конфликт России со странами Запада, «горячей» и, возможно, кульминационной фазой которого стала специальная военная операция.

Соответственно, ключевым исследовательским вопросом применительно к проблематике социальной консолидации в актуальных условиях является следующее – стала ли и в какой мере СВО триггером консолидации российского (регионального) социума, а также проявляется ли данная консолидация (ее рост) за пределами оценок, ценностей и др. компонентов общественного сознания – в более или менее масштабных актах социального поведения. Особую значимость данный вопрос приобретает применительно к приграничным регионам, одним из которых является Белгородская область – по той причине, что именно они, их жители испытывают наибольшие социально-психологические нагрузки, материальный и физический ущерб в ходе конфликта, являются пространством военного транзита и базирования. И если на общероссийском уровне, судя по результатам общероссийских социологических мониторингов, «скачки тревожности, обусловленные ситуативными обстоятельствами (например, началом частичной мобилизации), впоследствии практически полностью компенсируются, то в приграничных регионах тревожность практически постоянно (по крайней мере, с конца лета 2022 г.) находится на высоком уровне, существенно отличаясь от общенационального» [Реутов и др., 2023, с. 89].

Целью исследования является определение характера влияния специальной военной операции на процессы социальной консолидации в Белгородской области.

Объекты и методы исследования

При написании статьи использован комплекс эмпирических данных, полученных в ходе проведенного Лабораторией развития гражданского общества НИУ «БелГУ» в августе 2023 г. в Белгородской области масштабного социологического исследования. Одним из главных источников информации о социальной и социокультурной динамике регионального социума в контексте социальной консолидации и отдельных ее параметров был массовый анкетный опрос жителей Белгородской области (N = 1200), основанный на репрезентативной выборке, учитывающей половозрастную и поселенческую структуру населения. Опрос проводился во всех муниципальных образованиях Белгородской области – в 9 городских округах и 13 муниципальных районах. Также в целях верификации данных массового опроса, для объективации представлений о социокультурной динамике был проведен экспертный опрос, данные которого также нашли отражение в статье. В качестве экспертов (N = 37) выступали государственные и муниципальные служащие, руководители НКО, ученые, исследователи, преподаватели, депутаты, сотрудники средств массовой информации, представители бизнес-сообщества, предприниматели.

При оценке консолидационных процессов в регионе учитывались, прежде всего, параметры субъективной оценки динамики сплоченности населения в связи с СВО; социальной ответственности жителей области; ментальных расхождений в оценке СВО; уровня конфликтности в «ближних» кругах коммуникации респондентов.

Результаты исследования и обсуждение

С утверждением, что сообщество жителей региона стало более сплоченным, помогая фронту, жителям новых регионов, переселенцам, в ходе опроса в той или иной степени согласились 78,0 %. Не согласны с этим 8,6 %. И достаточно большая доля респондентов – 13,4 % – затруднилась с ответом на этот вопрос. Существенная разница оценок прослеживается у представителей разных возрастных групп. Если среди респондентов старше 60 лет рост сплоченности регионального сообщества отметили 90,7 %, то среди тех, кому 18–29 лет – 66,4 %. Соответствующим образом изменяются и доли отрицательных ответов. Правда, наиболее высока она у тех, кому 30–45 лет, – 12,7 % против 0,9 % у тех, кому более 60 лет.

С тем, что у жителей региона повысилось чувство ответственности за свое дело, будущее своей страны, согласны 74,2 %, не согласны 9,7 %. Затруднились с ответом 16,1 %. В этом случае также прослеживается зависимость оценок от возраста респондентов – еще более отчетливая, чем в предыдущем случае. Среди респондентов 18–29 лет согласны с данным утверждением 60,2 %, не согласны – 14,2 %; среди респондентов старше 60 лет – согласны 87,1 %, не согласны 1,9 %.

Таким образом, с точки зрения подавляющего большинства респондентов, общий тренд на консолидацию, выраженный в усилении сплоченности и социальной ответственности жителей региона, является одним из наиболее очевидных следствий СВО. Однако, судя по дальнейшим ответам респондентов, а также данным других опросов, эту оценку можно охарактеризовать как во многом спонтанную реакцию на предложенные социологами формулировки.

Так, отвечая на вопрос «Есть ли в Вашем ближнем круге общения (близкие родственники, друзья) люди, имеющие принципиально противоположный Вашему взгляд на военно-политические события, происходящие в Белгородской области и рядом с ее границами?» большая часть респондентов – 58,8 % дала утвердительный ответ. Лишь у 33,8 % ближний круг общения оказался более или менее консолидирован во взглядах на СВО и ее контекст. Чаще всего наличие противоположных взглядов на актуальные военно-политические события в своем окружении отмечает молодежь 18–29 лет (73,7 %), реже – респонденты старше 60 лет (39,8 %). То есть параллельно с общим трендом роста сплоченности, отмеченным респондентами, образовался если и не раскол по ключевой для актуальной ситуации повестке, то, по крайней мере, «капсулирование» альтернативных взглядов в достаточно больших масштабах.

Наличие личных конфликтов на почве разногласий, связанных с противоречиями взглядов на военно-политические события в период СВО, отметили 33,4 % опрошенных, отсутствие таких конфликтов – 61,3 %. В этом случае уровень конфликтности также находится в прямой зависимости от возраста респондентов: от 22,7 % среди тех, кому более 60 лет, до 45,3 % среди молодежи 18–29 лет. Достаточно высокий уровень межличностной конфликтности, пусть и субъективной, на почве СВО также характеризует процесс консолидации регионального сообщества под влиянием СВО как нелинейный, а общественный консенсус – как базовый, но не полный. При этом очевиден межпоколенческий разрыв в восприятии ситуации, которая, с точки зрения молодежи и близкой к ним по возрасту группы 30–45-летних, обладает куда большей неоднозначностью, нежели в восприятии более старших поколений.

Эксперты (N = 37), отмечая наиболее существенные изменения в отношениях между людьми под воздействием СВО, на первые места по значимости поставили консолидирующие социум параметры: увеличение уровня взаимопомощи и поддержки (86,5 %), усиление интенции к консолидации (40,5 %), рост ответственности (27,0 %). Но на четвертом месте в ряду этих тенденций оказался рост конфликтности (16,2 %). То есть ряд экспертов, признавая доминирование консолидационных процессов под влиянием СВО, в то же время обратил внимание и на противоположные тенденции.

Заключение

Таким образом, геополитический конфликт и специальная военная операция как его экстраординарное выражение и самое значимое для российского социума событие последних десятилетий оказали консолидирующее влияние на российский социум и в его составе – на региональные сообщества. Это влияние прослеживается в усилении национально-гражданской самоидентификации граждан, в росте поддержки власти со стороны населения и даже в росте социального оптимизма, а также – в значительной мере – в развитии реального, а не инициированного «сверху» волонтерства и взаимопомощи. Вместе с тем процессы социальной консолидации зачастую имеют поверхностный характер, выражаясь в декларациях большинством населения патриотизма и иных социально одобряемых ценностей. Наряду с этим «в глубине» социальной реальности формируются расколы по ключевым проблемам текущей политики и растет латентная конфликтность, проявляющаяся зачастую в самых неожиданных и диких формах. При этом межпоколенческие границы становятся одними из наиболее заметных линий этих расколов.

Список литературы

- Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. 2023. Консолидация регионального сообщества в глокальной социальной реальности: социокультурные ограничения. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 16(1): 186–207. DOI 10.15838/esc.2023.1.85.10
- Бабинцев В.П., Реутов Е.В. 2011. Региональное солидарное общество – утопия или проект? *Власть*, 5: 18–23.
- Великая Н.М. 2022. Идеологические и институциональные доминанты консолидации российского общества и государства. *Вопросы политологии*, 11(87): 3632–3646. DOI 10.35775/PSI.2022.87.11.003
- Звоновский В.Б., Меркулова Д.Ю. 2015. Конкуренция и солидарность в новых территориальных сообществах. *Вестник Самарского государственного экономического университета*, 2(124): 35–40.
- Капто А.С. 2017. Плюрализм истолкования категории «социальная консолидация». *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 9(88): 97–101.
- Климова С.Г. 2013. Идеи и практики солидарности в добровольческом движении. *Социологические исследования*, 6: 32–41.
- Реутов Е.В. 2017. Социальная солидарность в общественном дискурсе (опыт регионального исследования). *Социологическая наука и социальная практика*, 3: 111–125.
- Реутов Е.В., Гармашев А.А., Полухин О.Н., Реутова М.Н. 2023. Трансформация восприятия проблематики безопасности в приграничном регионе в условиях специальной военной операции. *Власть*, 31(4): 86–94. DOI <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9695>
- Рожкова Л.В., Васильева Н.Д. 2014. Гражданственность и патриотизм как основания социальной консолидации российского общества. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3(123): 123–129.

References

- Babincev V.P., Gajdukova G.N., SHapoval ZH.A. 2023. Konsolidaciya regional'nogo soobshchestva v global'noj social'noj real'nosti: sociokul'turnye ogranicheniya [Consolidation of a regional community in a glocal social reality: Socio-cultural barrier]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 16(1): 186–207 (in Russian). DOI 10.15838/esc.2023.1.85.10
- Babincev V.P., Reutov E.V. 2011. Regional'noe solidarnoe obshchestvo – utopiya ili proekt? [Regional Solidary Society – utopia or project?]. *Vlast'*, 5: 18–23 (in Russian).
- Velikaya N.M. 2022. Ideologicheskie i institucional'nye dominanty konsolidacii rossijskogo obshchestva i gosudarstva [Ideological and institutional dominants of consolidation of the russian society and state]. *Voprosy politologii*, 11(87): 3632–3646 (in Russian). DOI 10.35775/PSI.2022.87.11.003

- Zvonovskij V.B., Merkulova D.YU. 2015. Konkurenciya i solidarnost' v novyh territorial'nyh soobshchestvah [Competition and solidarity in new territorial communities]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2(124): 35–40 (in Russian).
- Капто А.С. 2017. Plyuralizm istolkovaniya kategorii "social'naya konsolidaciya" [Pluralism of interpretation of the category "social consolidation"]. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 9(88): 97–101 (in Russian).
- Klimova S.G. 2013. Idei i praktiki solidarnosti v dobrovol'cheskom dvizhenii [Ideas and practices of solidarity in the volunteer movement]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 6: 32–41 (in Russian).
- Reutov E.V. 2017. Social'naya solidarnost' v obshchestvennom diskurse (opyt regional'nogo issledovaniya) [Social Cohesion in Public Discourse (Local Research Experience)]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 3: 111–125.
- Reutov E.V., Garmashev A.A., Poluhin O.N., Reutova M.N. 2023. Transformaciya vospriyatiya problematiki bezopasnosti v prigranichnom regione v usloviyah special'noj voennoj operacii [Transformation of the perception of security problems in the border region under conditions of a special military operation]. *Vlast'*, 31(4): 86–94 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9695>
- Rozhkova L.V., Vasil'eva N.D. 2014. Grazhdanstvennost' i patriotizm kak osnovaniya social'noj konsolidacii rossijskogo obshchestva [Citizenship and Patriotism as the foundations of social consolidation of Russian society]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 3(123): 123–129 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 10.10.2023

Поступила после рецензирования 14.11.2023

Принята к публикации 25.11.2023

Received October 10, 2023

Revised November 14, 2023

Accepted November 25, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Реутов Евгений Викторович, кандидат социологических наук, доцент, кафедра социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

ORCID: 0000-0003-0270-168X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yevgeny V. Reutov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

ORCID: 0000-0003-0270-168X

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-710-717

Правовая природа интереса как предтеча определения понятия национальных интересов

¹ Беляев В.П., ² Бидова Б.Б., ³ Беляева Г.С.

¹ Юго-Западный государственный университет,
Россия, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

² Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Россия, 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

³ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

belvp46@mail.ru

Аннотация. Россия является одним из крупнейших государств в мире с развитой экономикой и многонациональным составом населения, что накладывает свой отпечаток на сущность, содержание, виды национальных интересов, которые опосредуют задачи в сфере обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина, устойчивого развития. В отечественной юриспруденции наблюдается дефицит исследований в области правового обеспечения национальных интересов, что создает существенные трудности в их правовом понимании и формализации в текущем законодательстве. Цель исследования – на основе установления правовой природы интереса сконструировать определение национального интереса. В этой связи представлен анализ источников, в том числе и в исторической ретроспективе, содержащих понятия природы интересов вообще. Наряду с этим изучены подходы к определению интересов в правовой и других науках. Научная значимость работы выражается в авторской дефиниции национальных интересов как исторически сложившихся, признаваемых, соблюдаемых и защищаемых на государственном уровне объективно значимых личных, общественных и государственных потребностей в безопасности и устойчивом развитии.

Ключевые слова: интересы, природа, сущность, мотивация, деятельность, потребности, национальные интересы, правовое обеспечение

Для цитирования: Беляев В.П., Бидова Б.Б., Беляева Г.С. 2023. Правовая природа интереса как предтеча определения понятия национальных интересов. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(4): 710–717. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-710-717

The Legal Nature of Interest as a Forerunner of the Definition of the National Interests

¹ Valery P. Belyaev, ² Bela B. Bidova, ³ Galina S. Belyaeva

¹ Southwestern State University,
94 50 years of October St, Kursk 305040, Russian Federation

² Berbekov Kabardino-Balkarian State University,
173 Chernyshevsky St, Nalchik 360004, Russian Federation

³ Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

belvp46@mail.ru

Abstract. Russia is one of the largest states in the world with a developed economy and a multinational population, which puts its imprint on the essence, content, types of national interests, which, in turn,

mediate tasks in the field of ensuring national security, protecting human,–civil rights, freedoms, and sustainable development. In Russian jurisprudence, there is a shortage of research in the field of national interests legal support which creates significant difficulties in their legal understanding and formalization in the current legislation. The main purpose of the study is to construct a definition of national interest on the basis of establishing the legal nature of interest. In this regard, the paper presents an analysis of sources, including those in historical retrospect, containing concepts of the nature of interests in general. Along with this, approaches to the definition of interests in legal and other sciences have been studied. The scientific significance of the work is expressed in the author's definition of national interests as historically established, recognized, respected and protected at the state level objectively significant personal, public and state needs for security and sustainable development.

Keywords: interests, nature, essence, motivation, needs, national interests, legal support

For citation: Belyaev V.P., Bidova B.B., Belyaeva G.S. 2023. The Legal Nature of Interest as a Forerunner of the Definition of the National Interests. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 710–717 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-710-717

Введение

В отечественной юридической науке внимание ученых в основном сосредоточено на изучении отдельных вопросов, связанных с политико-правовой институционализацией национальных интересов и их социально-политическим обеспечением [Киричек, 2016; Саидов, Кашинская, 2005; Сальников В.П., Сальников и др., 2015; Фомин, 2023]. При этом целостная теория национальных интересов, как и концепция их правового обеспечения, признаваемая большинством исследователей – теоретиков права и адекватная правовой реальности до сих пор отсутствует, что не дает возможности для решения других, более узких вопросов правоведения, касающихся, к примеру, отраслевых подходов, вопросов правотворчества и правоприменения, правовой политики государства в целом.

В этой связи непосредственным направлением научного поиска для нас являются национальные интересы в их правовом измерении (правовом обеспечении). Поэтому методологически оправданным и логичным представляется первоначальное уяснение природы самого понятия интереса, которая представлена в довольно широком формате в различных источниках. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать научные труды, в которых содержатся подходы к понятию интереса, выявить природу, сущность интереса, установить связь интереса как такового с правом, а также с национальными интересами.

Дореволюционная наука о природе интереса

Если обратиться к работам французских просветителей XVIII века, то можно констатировать, что интерес ими определялся как движущая сила поведения человека: объект, с которым человек олицетворяет свое представление о счастье (П. Гольбах); нечто нужное или полезное для государства, индивида (Д. Дидро); начало всех мыслей и поступков (К. Гельвеций). Вместе с тем в то время, как правило, интерес не соотносился с потребностями человека, что, по нашему мнению, является стержневым в его природе, сущности.

Во взаимосвязи с критикой практического разума и системы морали рассматривал проблему интереса И. Кант. Он выводил понятие интереса из побуждения воли разумного существа: «...интерес есть то, благодаря чему разум становится практическим, то есть становится причиной, определяющей волю. Поэтому только о разумном существе говорят, что оно проявляет к чему-нибудь интерес; существа, лишённые разума, имеют только чувственные побуждения. Непосредственный интерес в поступке разум находит только тогда, когда общезначимость максимы этого поступка служит достаточным определяющим основанием воли» [Кант, 1965, с. 306]. Тем самым И. Кант сформулировал один из

существенных признаков интереса – принадлежность его только разумному существу, обусловленность потребностями (убеждениями).

Учение И. Канта оказало определенное влияние на концепцию интереса, изложенную в учении Гегеля, согласно которому интерес является предпосылкой любой деятельности. В философии Гегеля на основе критики учения И. Канта интерес представлен как «все движение в целом», «весь путь развития», т. к. содержание абсолютной истины «есть живое развитие идеи...» [Гегель, 1934, с. 270]. Нетрудно заметить, что при таком подходе интерес сопряжен с деятельностью. Однако артикулируемая ученым проблема достижения баланса частных и публичных интересов представляется умозрительной и практически неосуществимой, так как на практике гармонизации «всеобщего» и «особенного» интересов в полном объеме достичь невозможно, и, следовательно, государство всегда будет уязвимо, а полной реализации личных интересов индивид сможет достичь лишь в рамках саморегулируемых отношений, например в семье и других институтах гражданского общества.

Определенный вклад в понимание природы интереса внесли и классики марксизма-ленинизма, подчеркнувшие особую роль интересов в сложной динамике человеческой деятельности и государственно-правовых процессов. Так, в трудах К. Маркса была отмечена движущая роль интереса для личности: «Все то, за что человек борется, связано с его интересом» [Маркс, Энгельс, 1954, с. 72]. В «Святом семействе» интерес характеризуется как сила, которая «сцепляет друг с другом членов гражданского общества» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 134]. Соответственно, интерес в марксизме трактуется как категория объективная (в отличие от идеи), выражается во взаимодействии субъектов в системе общественного разделения труда. В.И. Ленин также призывал корни общественных явлений искать в производственных отношениях, поэтому говорил об обусловленных производственными отношениями интересах определенных классов [Ленин, 1958, с. 532]. Аналогичного свойства идеи можно найти в трудах Г.В. Плеханова.

Современные подходы к понятию природы интересов

В основу современного подхода к определению природы интересов может быть положена их интерпретация, представленная в Большой советской энциклопедии: интерес (социальный) есть «реальная причина социальных действий, событий, свершений, стоящая за непосредственными побуждениями — мотивами, помыслами, идеями и т. д. — участвующих в этих действиях индивидов, социальных групп, классов» [Большая советская энциклопедия, 1989, с. 495]. Таким образом, сущностными признаками природы интереса выступают потребности, побуждения (мотивы, идеи, помыслы), формализованные в деятельности (действиях) различных субъектов, как индивидуальных, так и коллективных.

Полагаем, убедительно многозначность природы рассматриваемого понятия передана в словарной трактовке А. Ребера, согласно которой интерес относится к понятиям, не отмеченным психологическим словарем; имеет вольное толкование – как участие, внимание, увлекательность, целенаправленность, стремление, компетенция и т. д.; употребляется исследователями интуитивно [Ребер, 2000, с. 321]. Однако изложенным характеристика термина все же ограничена, в ней о потребностях речь вообще не идет, тогда как, и мы считаем это аксиоматичным, интересы всегда связаны с потребностями, они взаимосвязаны и взаимообусловлены.

А.М. Васильев пишет, что данный термин в современном русском языке применяется в ряде значений: «неравнодушие, заинтересованность, завлекательность, любопытность, занятность; то, что лежит в основе помыслов, радений и желаний; вес, значимость; прок, преимущество, толк, доход, благополучие, выгода; нужды, потребности, устремления, запросы» [Васильев, 1976, с. 134]. Из этого ряда характеристик интереса выделим слово «потребности», что будет нами учтено при выработке определения понятия национальных интересов.

Интерес в правовой науке

Правовая наука, согласно сложившемуся мнению, обязана появлению понятия интереса (в юридическом контексте) чешскому педагогу-гуманисту, религиозному и общественному деятелю XVII века Я.А. Коменскому, который посредством интереса определял стимулы учебно-познавательной деятельности [Коменский, 1957]. В дореволюционный период категория «интерес» изучалась в трудах отечественных философов права – П.И. Новгородцева, В.С. Соловьева, Б.Н. Чичерина, Е.П. Трубецкого и других.

В частности, В.С. Соловьев, подчеркивая лежащий в основе природы права компромисс, баланс интересов, детерминировал последнее как «...исторически-подвижное определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов – личной свободы и общего блага». И далее: «Право в интересе свободы позволяет людям быть злыми, не вмешивается в их свободный выбор между добром и злом; оно только в интересе общего блага препятствует злему человеку стать злодеем, опасным для самого существования общества» [Соловьев, 1988, с. 455, 454, 457]. Схожие в своих концептуальных началах идеи относительно обусловленности права интересами были высказаны и Н.М. Коркуновым [1901–1903].

Взаимосвязь интереса и права, а также роль интереса в правообразовании стали предметом исследования Р. Иеринга. По его мнению, цели и интересы индивидов выступают конечным практическим основанием процесса правообразования: «Права существуют не для того, чтобы осуществить идею абстрактной "правовой воли", а для того, чтобы служить интересам, потребностям, целям оборота» [Иеринг, 1880, с. 134]. Философ обосновал наличие двух классов интересов: материальных (имеющих внешние цели, опосредованных денежной мерой, имущественным содержанием, материальной выгодой), и идеальных (основанных на внутренних целях, относящихся к духовной культуре, религиозным чувствам, справедливости, и т.д.). На основе учения об интересе рождается представление ученого о праве в субъективном смысле, которое позже экстраполируется на право объективное, служащее, по Р. Иерингу, защите частных интересов.

Что же касается непосредственно интересов в праве, то данной проблеме посвящен ряд научных исследований. В частности, В.В. Болгова в качестве условия, необходимого для возникновения интереса, называет осознанную потребность, а также цели и способы ее удовлетворения, которые, в свою очередь, также составляют интерес [Болгова, 2009, с. 162]. Со своей стороны, еще раз отметим: интерес есть осознанная необходимость в удовлетворении той или иной возникшей потребности – в этом заключается его сущность, природа.

Одновременно нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что в междисциплинарном аспекте коллизии точек зрения о природе интереса имеет большие масштабы, чем в рамках одной науки. Подтверждением сложившейся ситуации могут служить примеры из справочно-энциклопедических источников, где традиционно закрепляется сложившаяся общеупотребительная интерпретация смысла и содержания терминов.

На этом фоне обращает на себя внимание довольно странный факт: правовые справочники (словари) практически не уделяют внимания понятию «интерес». Исключение составляют трактовки понятий «публичный интерес» и «действие в чужом интересе», а также определение интереса в праве, данное в В.Е. Вавилиным в Большой российской энциклопедии, как «стремления субъекта сохранить или получить материальные и нематериальные блага, пользу, выгоду» [Вавилин, 2022].

Обратим внимание на указанную связь правового интереса с деятельностью, что в полной мере отражает природу интереса, его сущность, причем, с правовой точки зрения. Кроме этого, справедливости ради, следует отметить наличие в научной литературе ряда работ, подробно рассматривающих проблему интереса в публичном праве (или публично-

го интереса). В качестве примера можно сослаться на фундаментальную работу В.В. Болговой, посвященную основам публичного права, где имеется отдельный параграф, рассматривающий правовое регулирование публичного интереса [Болгова, 2009].

Другими словами, в рамках юридической науки интерес, его понятие, природа и сущность (в соотношении с правом), является предметом научных исследований.

Интересы в иных научных отраслях

Наряду с изложенным, в контексте заявленной темы целесообразно рассмотреть подходы к определению понятия «интерес» и в других отраслях науки. Так, достаточно подробно данная категория разработана в справочной экономической литературе, согласно которой интерес есть «предмет заинтересованности, желания и побудительных мотивов действий экономических субъектов. Выделяют материальные, духовные, денежные, имущественные интересы, а также интересы человека, социальной группы, фирмы, отрасли, региона, коллективов, национальные» [Большой экономический словарь, 1999, с. 312]. В данном словаре содержатся также интерпретации образованных от интереса терминов, таких как «экономический интерес», «жизненный интерес», «контрактный отрицательный (положительный) интерес», «страховой интерес», «страхуемый интерес», то есть представлена дифференциация (классификация) интересов.

В социологических энциклопедических источниках интерес определяется как «реальная причина социальных действий, событий, свершений, стоящая за непосредственными побуждениями – мотивами, помыслами, идеями и т. д. – участвующих в этих действиях индивидов, социальных групп, сообществ» [Социология: энциклопедия, 2023, с. 166]. В данном случае имеет место четкая диалектическая взаимосвязь «деятельность – потребностей – интерес».

«Осознание индивидами, группами, классами своих объективных возможностей участия в политической жизни общества; идеальные стремления этих субъектов к политико-управленческой деятельности с целью стабилизации или улучшения своего положения» составляют сущность интересов политических [Анцупов, Шипилов, 2010, с. 90]. Здесь также не трудно заметить выделяемые учеными-политологами связи интересов с потребностями; кроме того, показано содержание национальных интересов, представлены их уровни (виды).

Политическая наука оперирует тремя ключевыми концепциями интереса как общественного феномена. Согласно первой из них, интерес базируется на психологическом понимании индивидом потребностей. Относительно второй можно сказать, что она рассматривает интерес как отражение реальных потребностей общества. При этом не берется во внимание тот факт, что объективно наличествующие интересы могут быть не осознаны индивидом или осознаны недостаточно. Существует мнение, что предельно точно выражает суть интереса третья доктрина, исходящая из объективно-субъективного характера понятия «интерес». Данную точку зрения поддерживают такие современные исследователи, как Т.А. Алексеева, И.Г. Яковенко, П.А. Цыганков, Э.Н. Цыганкова и другие.

Справочная литература по психологии также содержит различные интерпретации понятия интереса в соотношении с познавательной деятельностью, волей, потребностями, мотивацией, побуждением и т. д. Так, согласно Большому психологическому словарю, интерес трактуется как «потребностное отношение или мотивационное состояние, побуждающее к познавательной деятельности, развертывающейся преимущественно во внутреннем плане» [Большой психологический..., 1999, с. 162].

Продуктивно также обратиться и к философскому словарю, где интерес интерпретирован как «реальная причина социальных действий, событий, свершений, стоящая за непосредственными побуждениями – мотивами, помыслами, идеями и т.д. – участвующих в этих действиях индивидов, социальных групп, классов» [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 213–214].

Другими словами, интересами обуславливается всякая активность социальных субъектов; интересами связываются побуждения и деятельность. В этом заключены их философский смысл и сущностная природа.

Следовательно, в изложенных выше научных подходах к определению понятию природы интереса предпочтение также отдается таким определяемым словам, как деятельность, побуждения и потребности.

Заключение

Выявленные в ходе аналитического обзора источников о природе интереса смыслы свидетельствуют о том, что, рассматривая понятие «интерес», представители различных научных отраслей гуманитарного знания в его содержание включают понятие, категории, закономерности и т.д., соответствующие предмету, целям, задачам собственной области.

Вместе с тем ценным для правовой науки представляется обобщение, согласно которому природа интересов на протяжении всей истории ее изучения и попыток интерпретации тесно соприкасалась с правом в субъективном и объективном смысле, социальными и правовыми регуляторами, осознанием, оценкой, оформлением, формированием и реализацией, то есть с правовым обеспечением, применительно к интересам личности, общества и государства в контексте их защищенности от внешних и внутренних угроз, обеспечения реализации конституционных прав и свобод граждан, достойного качества и уровня их жизни, гражданского мира и согласия в стране, охраны суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономического развития страны¹, то есть национальным интересам.

Наряду с этим по результатам проведенного исследования можно выделить два понятийных ряда значения и природы интересов. Для первого из них свойственна связь с лексической системой языка, для второго – с понятийно-категориальным аппаратом науки, посредством которого передаются представления об интересе, устоявшиеся в различных гуманитарных отраслях научных знаний. Механическим путем, соединяя компоненты первого ряда, нельзя добиться полного понимания сущности этого понятия. Думается, что метод индукции, применяемый при логическом анализе элементов второго ряда, принесет более весомые результаты в формулировании авторской дефиниции национальных интересов.

Таким образом, аналитический обзор и сравнительный анализ научных подходов и источников, включая словарные определения интереса, дают возможность в полной мере сделать вывод о том, что самыми употребляемыми утверждениями в понимании его природы есть: потребность, мотивация, деятельность, побуждение, осмысление, намерение, направленность человека (субъекта). Одновременно определяющим, фактически – главным, признаком в характеристике природы интереса выступают все же потребности; интерес всегда прочно связан с потребностью, ею обусловлен.

Отсюда, национальные интересы – исторически сложившиеся, признаваемые, соблюдаемые и защищаемые на государственном уровне объективно значимые личные, общественные и государственные потребности в безопасности и устойчивом развитии.

Список источников

- Большая советская энциклопедия. В 30 т. Глав. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Москва : Сов. энциклопедия. 1969–1978.
Ребер А. 2000. Большой толковый психологический словарь. Пер. с англ. Е.Ю. Чеботарева. Москва : Вече : АСТ. Т 1. 559 с.

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

- Большой экономический словарь : 25000 терминов. Авт. и сост. А.Н. Азрилиян ; под ред. А.Н. Азрилияна. Изд. 6-е, доп. Москва : Институт новой экономики. 2004. 1376 с.
- Социология: Энциклопедия. Сост: А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин и др. Минск, Книжный Дом. 2003. 1312 с.
- Анцупов А.Я. Шипилов А.И. 2010. Словарь конфликтолога: более 1700 понятий. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Эксмо. 652 с.
- Большой психологический словарь. Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. 4-е изд., расш. Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак. 2009. 811 с.
- Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев. Москва : Сов. энциклопедия. 1983. 839 с.
- Коменский Я.А. 1957. Мир чувственных вещей в картинках, или Изображение и наименование всех важнейших предметов в мире и действий в жизни. Москва, Учпедгиз. 352 с.
- Коркунов Н.М. 1901–1903. Русское государственное право. Введение и общая часть. Т. 1. С.-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича. 573 с.

Список литературы

- Кант И. 1965. Основы метафизики нравственности. Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. Москва, Издательство Мысль 1965. 544 с.
- Гегель Г.В.Ф. 1934. Сочинения: в 14 т. Т. 7. Москва; Ленинград: Гос. изд-во. 380 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1954. Сочинения: в 30 т. Т. 1. Москва: Госполитиздат. 699 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Сочинения: в 30 т. Т. 2. Москва: Госполитиздат. 652 с.
- Ленин В.И. 1958. Полное собрание сочинений. Т.1. Москва : Госполитиздат. 662 с.
- Васильев А.М. 1976. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. Москва, Юрид. лит. 264 с.
- Соловьев В.С. 1988. Сочинения: в 2-х т. Т.1. Москва, Мысль. 822 с.
- Иеринг Р. 1880. Интерес и право. Ярославль : тип. Губ. зем. управы. 268 с.
- Болгова В.В. 2009. Основы публичного права. Самара, Самарское отд-ние Литфонда. 351 с.
- Вавилин Е.В. 2022. Интерес в праве. *Общенациональный интерактивный энциклопедический портал «Знания»*, 7. DOI: 10.54972/00000017_2022_7_17

References

- Kant I. 1965. Fundamentals of the metaphysics of morality. Essays: in 6 v. V. 4. P. 1. Moscow, Publ. Mysl' 1965. 544 p. (in Russian)
- Gegel' G.V.F. 1934. Essays: in 14 v. V. 7. Moscow; Leningrad. Publ. Gospolitizdat. 380 p. (in Russian)
- Marks K., Engel's F. 1954. Essays: in 30 v. V. 1. M., Publ. Gospolitizdat. 699 p. (in Russian)
- Marks K., Engel's F. 1955. Essays: in 30 v. V. 2. M., Publ. Gospolitizdat. 652 p. (in Russian)
- Lenin V.I. 1958. Essays. V. 1. M., Publ. Gospolitizdat. 662 p. (in Russian)
- Vasil'ev A.M. 1976. Pravovye kategorii: Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorij teorii prava [Legal Categories: Methodological Aspects of the Development of a System of Categories of the Theory of Law]. M., Publ. YUrid. lit. 264 p.
- Solov'ev V.C. 1988. Sochineniya [Essays]: in 2-v. V. 1. M., Publ. Mysl'. 822 p. (in Russian)
- Iering R. 1880. Interest and right. YAroslavl', Publ. tip. Gub. zem. upravy. 268 p. (in Russian)
- Bolgova V.V. 2009. Osnovy publichnogo prava [Fundamentals of Public Law]. Samara: Samarskoe otd-nie Litfonda. 351 p.
- Vavilin E.V. 2022. Interes v prave [Interest in law]. *Nationwide interactive encyclopedic portal "Knowledge"*, 7. (in Russian). DOI: 10.54972/00000017_2022_7_17

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 25.10.2023

Поступила после рецензирования 27.11.2023

Принята к публикации 30.11.2023

Received October 25, 2023

Revised November 27, 2023

Accepted November 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляев Валерий Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия.

Бидова Бэла Бертовна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия.

Беляева Галина Серафимовна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой административного права и процесса юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valery P. Belyaev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Theory and History and Law, Southwestern State University, Kursk, Russia.

Bela B. Bidova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Galina S. Belyaeva, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 340.151

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-718-725

Возникновение и развитие антиконкурентного и антимонопольного законодательства Русского государства X–XVII веков: историко-правовой анализ

Евтушенко И.В.

Федеральная служба по контролю за алкогольным и табачным рынками
125993, г. Москва, Миусская пл., д. 3 стр. 4

77712@live.ru

Аннотация: История создания механизма государственного регулирования рыночных отношений, вопросы становления в Российском государстве антиконкурентного и антимонопольного законодательства не так часто рассматриваются в российской юридической литературе и являются достаточно непроработанными в историко-правовой науке. Приведенный анализ законодательства Древнерусского государства показывает, что первые правовые нормы антиконкурентной и антимонопольной направленности содержались в более ранних нормативных актах, чем обычно принято считать в историко-правовой литературе, посвященной исследованиям в данной области. Так, в первом кодифицированном акте Древней Руси – «Русской правде» – содержатся правовые нормы, касающиеся государственного регулирования процентной ставки по выдаваемым населению денежным займам. Положения антиконкурентной и антимонопольной направленности содержали и другие нормативные акты Древней и Средневековой Руси: «Новгородский устав Великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых», «Рукописание князя Всеволода», Соборное уложение (сборник постановлений) церковно-земского Собора, прошедшего в 1551 году в Москве, известный как «Стоглав», и другие. Многие правовые нормы антиконкурентной и антимонопольной направленности получили свое развитие в первом в истории Русского государства систематизированном и кодифицированном нормативном акте, охватывающем практически все отрасли права того времени – Соборном Уложении 1649 года. Результаты исследования дополняют научное знание об истории государственного строительства и права в России и других государствах мира.

Ключевые слова: историко-правовая преемственность, антиконкурентное и антимонопольное законодательство, протекционизм, Древнерусское государство, Русской правда, Новгородский устав, Рукописание князя Всеволода, Стоглав, Соборное Уложение 1649 года

Для цитирования: Евтушенко И.В. 2023. Возникновение и развитие антиконкурентного и антимонопольного законодательства Русского государства X–XVII веков: историко-правовой анализ. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 48(4): 718–725. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-718-725

The Emergence and Development of Anti-competitive and Antitrust Legislation of the Russian State of the X–XVII Centuries: Historical and Legal Analysis

Ivan V. Evtushenko

Federal Service for Control of Alcohol and Tobacco Markets
3-4 Miuskaya Sq., Moscow 125993, Russian Federation

77712@live.ru

Abstract. The history of the creation of a mechanism for state regulation of market relations, issues of the formation of anti-competitive and anti-monopoly legislation in the Russian state are not so often

© Евтушенко И.В., 2023

considered in Russian legal literature and are rather undeveloped in historical and legal science. The analysis of the Ancient Rus legal system carried out in the article shows that the first legal norms of anti-competitive and antitrust orientation were contained in earlier legal acts than is usually considered in the historical and legal literature devoted to research in this area. Thus, the first codified act of Ancient Rus – "Russkaya Pravda" (Russian Truth) – contains legal norms concerning state regulation of interest rates on cash loans issued to the population. Anti-competitive and antitrust provisions were also contained in other normative acts of Ancient and Medieval Rus: "The Novgorod Charter of Grand Duke Vsevolod on Church Courts, People and Trade Standards", "The Manuscript of Prince Vsevolod", the Cathedral Code (collection of decrees) of the Church and Zemsky Council, held in 1551 in Moscow, known as "Stoglav", and others. Many anti-competitive and antitrust legal norms were developed in the first systematized and codified normative act in the history of the Russian state, covering almost all branches of law of that time – the Council Code of 1649. The results of the study supplement the scientific knowledge about the history of state building and law in Russia and other countries of the world.

Keywords: historical and legal continuity, anti-competitive and anti-monopoly legislation, protectionism, Old Russian state, Russian truth, Novgorod charter, Manuscript of Prince Vsevolod, Stoglav, Council Code of 1649

For citation: Evtushenko I.V. 2023. The Emergence and Development of Anti-competitive and Antitrust Legislation of the Russian State of the X–XVII Centuries: Historical and Legal Analysis. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 718–725 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-718-725

Введение

Исследование становления механизмов государственного регулирования в различных областях представляет интерес не только с исторической точки зрения, но и со стороны осознания логики развития правовой системы государства и правопреемства правовых норм в отдельных отраслях. Например, становление в Российской Федерации рыночной экономики и института частной собственности неизбежно влекут необходимость не только учета мирового опыта их правового регулирования, но и изучение практики Русского государства, накопившего к 1917 году солидную законодательную базу в данной сфере [Поткина, 2009].

Проблема становления антиконкурентного и антимонопольного законодательства как составная часть механизма правового регулирования рыночных отношений в Российском государстве являются злободневным и в то же время, как показал анализ научных публикаций в данной области, историко-правовой аспект вопроса не получил достаточно подробного освещения. Как правило, в научных трудах последних лет начало становления механизма правового регулирования в сфере антиконкурентного и антимонопольного законодательства связывают с именем второго русского царя из династии Романовых – Алексеем Михайловичем, а конкретно – с принятием во время его царствования Соборного Уложения 1649 года [Серегин, 2017; Трыкалова, 2021], а также с правлением царя Феодора Алексеевича [Тесленко, 2020], петровскими преобразованиями [Голомолзин, 2019] и т. д. Более ранние законодательные акты, как правило, не рассматриваются.

Объекты и методы исследования

При написании данной работы использованы такие классические методы, как диалектический, функциональный, историко-системный, метод синхронизации и ретроспективный метод. В ряде случаев для более полноценного рассмотрения отдельных аспектов данной проблемы использовались специальные, научно-исследовательские методы, такие как формально-логический, историко-сравнительный, сравнительно-правовой и др.

Эмпирическую базу исследования составили такие основополагающие правовые документы времен становления Древнерусского государства и времен средневековой Руси, как пространная редакция «Русской правды», «Новгородский устав Великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых», «Рукописание князя Всеволода», «Стоглав», Соборное Уложение 1649 года и т. д.

Общетеоретическую и специальную базу исследования составили труды как историков, так и исследователей в области истории государства и права, антиконкурентного и антимонопольного законодательства (А.И. Никитский, П.П. Смирнов, О.И. Чистяков, Л.В. Черепнин, О.В. Кириченко, С.А. Пузыревский, М.А. Егорова, Д.А. Гаврилов, Д.И. Серегин и др.).

Антиконкурентные и антимонопольные правовые нормы законодательства Древней Руси

Анализ законодательства Древнерусского государства показывает, что первые правовые нормы антиконкурентной и антимонопольной направленности, касающиеся государственного регулирования процентной ставки по выдаваемым населению денежным займам, относятся к временам первого кодифицированного акта – «Русской правды». «Пространная редакция Русской правды» – важнейший законодательный акт Древнерусского государства, относящийся по разным оценкам историков и правоведов к X–XII векам, – устанавливает в статьях 51 и 53 размеры процентов по коротким (месячным) кредитам в размере «...10 кун на гривну...» (это примерно 20 %) и длинным (до года и более) кредитам в размере «...куны в треть...» (примерно 50 %). «Русская правда» также устанавливала, что просрочивший возврат краткосрочного кредита должен был бы выплачивать проценты по ставке долгосрочного кредита¹.

Данная правовая норма, вводящая четко установленные проценты по выдаваемым ссудам и препятствующая конкуренции, в том числе недобросовестной, на рынке, помимо антиконкурентного характера, носила и явно антимонопольный характер и была направлена против сговора ростовщиков и купцов, выдающих ссуды населению. Именно бесконтрольное повышение в результате сговора процентов по кредитам, взимаемых ссудодателями, и особенно необоснованное завышение пеней в случае просрочки платежа, зачастую приводящих к длительному и массовому закабалению должников, было одной из основных причин народного восстания в Киеве в 1113 году после смерти киевского князя Святополка Изяславича. Одним из первых шагов его приемника – князя Владимира Мономаха – стало данное нормативно-правовое закрепление ограничения размеров процентов по вкладам. Необходимо отметить, что такого рода ограничения не предусматривали другие нормативные акты того времени – ни нормативный акт «О суде и о закладе на наездники и на грабешики»², более известный как «Новгородская судная грамота», ни Псковская судная грамота³, хотя вопросы правового обеспечения долговых обязательств, возвраты ссуды и взимания просроченных кредитов ими также рассматривались.

Сталкивались во времена Древнерусского государства и с нормативным противодействием нарушениям принципа свободы конкуренции, носящим откровенно коррупционный характер. Об этом свидетельствует «Новгородский устав Великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых». Статья 13 устава говорит, выражаясь сего-

¹ Пространная редакция. Правда русская // Российское законодательство X–XX веков: в 9 тт. / под общей редакцией О.И. Чистякова. М., Юридическая литература. 1984. Том 1. Законодательство Древней Руси. С. 64–73.

² О суде и о закладе на наездники и на грабешики // Российское законодательство X–XX веков: в 9 тт. / под общей редакцией О. И. Чистякова. М., Юридическая литература. 1984. Том 1. Законодательство Древней Руси. С. 304–308.

³ Псковская судная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9 тт. / под общей редакцией О.И. Чистякова. М., Юридическая литература. 1984. Том 1. Законодательство Древней Руси. С. 331–342.

дняшним языком, о недопустимости антиконкурентных действий определённых должностных лиц, связанных с выполнением поставленных, скорее всего, связанных с финансовыми вопросами, поручений великого князя. Речь в статье идет о «...своих боярах...» – тех боярах, которым великий князь доверяет, но которые при выполнении его поручений стремятся «...обидеть гостей, а где живут, тым нороят...», то есть притесняют коммерсантов из других городов и стран, и оказывают предпочтение местным, так сказать, своим «прикормленным» купцам.

При этом данный нормативный акт, основной задачей которого является фиксация разделения полномочий основных органов власти Новгородской республики: светской князя, выборной городской верхушки, а также представителей купеческих и ремесленных организаций города, и церковной власти, игравшей в Великом Новгороде значительную роль, не определяет меру наказания за данное деяние. В статье только говорится, что подобные действия «...князю душу топать...» в понимании, по всей видимости, «причиняют душевные муки». А предыдущая, 12-я статья устава обещала, что «Аже тем, кто преобидит наш устав, таковым непрощенном быть от закона божия, и горе себе наследуют, и мука вечная ждет их»¹.

Древнерусскому законодательству было известно и искусственное создание монопольных объединений со стороны государства. Показательным в данном вопросе является «Рукописание князя Всеволода» – устав купеческой корпорации в древнерусской Новгородской республике, образованной при церкви святого Ивана на Петрятином дворище (церковь сохранилась в Новгороде до наших дней и известна как храм Рождества Иоанна Предтечи на Опоках) и оставшейся в истории под названием «Ивановское сто», несмотря на то, что данное название в самом нормативном акте не упоминается [Кириченко, 2012].

По оценке летописцев той эпохи, данное купеческое объединение было одним из самых влиятельных и привилегированных торговых объединений в Новгороде, руководство которого входило в состав руководства города [Калашников, 2018, с. 137], в связи с тем, «...что устав Всеволода сообщал ей некоторый правительственный характер, сделав её органом торгового управления» [Никитский, 1893, с. 18]. Оценкой престижности членства в данной организации является установленный «Рукописанием князя Всеволода» вступительный взнос в размере «50 гривен серебра», что являлось очень значительной суммой – около 10 килограммов серебра².

Членство в данном купеческом братстве являлось наследственным и давало особые права: из их числа «пошлых» (т. е. исконных, потомственных) купцов назначались двое из трех старост церкви святого Ивана на Петрятином дворище. В их компетенцию входило «...управляти им всякие дела торговые, Ивановские и гостинные...» (то есть разбор общих торговых споров, внутренних проблем храма Святого Ивана на Петрятином дворище и конфликтных вопросов, связанных с гостями – иногородними и иноземными купцами). Кроме того, избранные старосты «...вес весити в притворе святого Ивана...» в связи с тем, что старостам было дано монопольное право на взвешивание в пристроенном помещении (притворе) воска, привезенного для торговли в Новгороде, и взимание установленной «Рукописанием...» пошлины на воск, мед и другие сопутствующие товары для различных категорий торговцев. Подобные льготы давали купеческой корпорации «Ивановское сто» огромные преимущества и привилегированное, практически монопольное положение на рынке торговли воском и, по всей видимости, другими медопродуктами [Тарасенко, 2021].

¹ Новгородский устав Великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых // Российское законодательство X–XX веков: в 9 тт. / под общей редакцией О. И. Чистякова. М., Юридическая литература. 1984. Том 1. Законодательство Древней Руси. С. 250-253.

² Рукописание князя Всеволода // Российское законодательство X–XX веков: в 9 тт. / под общей редакцией О. И. Чистякова. М., Юридическая литература. 1984. Том 1. Законодательство Древней Руси. С. 269-275.

Антиконкурентные и антимонопольные правовые нормы Русского централизованного государства

В истории российского законодательства можно встретить примеры, когда антиконкурентную направленность несли нормы церковного права, причем в этом случае ставка по выдаваемой ссуде не просто ограничивалась, а уменьшалась до нуля. Так, глава 76 «Стоглава» – соборного уложения (сборника постановлений) церковно-земского Собора, прошедшего в 1551 году в Москве, и уникального кодифицированного источника церковного права XVI века – «Ответ о святительских и монастырских деньгах без росту и о хлебе без наспу» запретила священнослужителям и монастырям давать ссуды под проценты, а также требовать возврата взятого в долг зерна с платой, в том числе натуральной, за его предоставление. В ответ на 16-й вопрос царя всея Руси Ивана Грозного Стоглавый собор постановил, что «...отныне по священным правилам святителям и всем монастырям деньги давати по своим селам всем крестьянам без росту и хлеб без наспу (добавки) для того, чтобы за ними крестьяне были, и села их были не пусты»¹.

Можно, конечно, рассуждать, какую подоплеку имел подобный ответ – религиозно-нравственную или носил чисто экономическую составляющую с учетом того, что беспроцентные кредиты предоставлялись крестьянам «по своим селам», то есть проживающим на церковных и монастырских землях и, соответственно, имеющим другие формы зависимости от церковных организаций. Определенная степень зависимости в той или иной форме все равно сохранялись, даже если предположить, что в данной правовой норме имелись в виду крестьяне просто близлежащих сел, входящих в приход. В этом случае необходимо констатировать, что осознание того, что религиозным объединениям – церквям и монастырям – экономически выгоднее иметь на принадлежащим им землям более благополучных и зажиточных крестьян, получило свое нормативное оформление.

Проводимая государством политика протекционизма как ограничение внешней торговли, свободы предпринимательства иностранных граждан и лиц без гражданства однозначно является по сути антиконкурентными и в связи с тем, что искусственно дается преимущество одной группе предпринимателей (в данном случае – отечественным), антимонопольными действиями государства. История государства Российского знает и подобные действия верховной власти.

Достаточно привилегированное положение иностранных купцов в Русском государстве в XVII веке, обусловленное массовой раздачей Посольским Приказом иностранным купцам грамот на беспошлинную торговлю [Смирнов, 1912, с. 7], вызвало возмущение русских купцов и привело к подаче череды челобитных царю и патриарху, которые подавались от имени всех торговых людей России. До наших дней дошли тексты челобитных 1627, 1642, 1646 и 1649 годов [Смирнов, 1912, с. 20].

Уже первая челобитная 1627 года имела некоторый успех. Несмотря на общую царскую резолюцию: «Быти по-прежнему», была крайне ограничена выдача новых жалованных грамот. Иностранные купцы, их не имеющие, в Москву не пропускались, и им было разрешено торговать только в Архангельске. Беспрепятственно приезжавшие ранее в Москву купцы с восточных стран после этого дальше Казани не пропускались. Рассмотрение последующих челобитных привело к еще большему ограждению русского рынка от иностранной конкуренции и выдавливанию с него иностранных купцов, «...чтоб нашим торговым людям в том оскудения не было» [Смирнов, 1912, с. 7]. Так, например, после челобитной 1649 года на фоне казни в Англии короля Карла I из России многие английские купцы были высланы из страны, а вновь прибывающим разрешалось торговать только в Архангельске [Смирнов, 2008, с. 18]. Дальнейшее ужесточение правил ведения меж-

¹ Стоглав. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общей редакцией О.И. Чистякова. М., Юридическая литература. 1984. Том 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 253–379.

дународной торговли и пребывания иноземных купцов, равно как и четкая правовая регламентация процессов экспорта и импорта и введение повышенной таможенной пошлины были заложены в принятых в 1653 году Торговом уставе и особенно в Новоторговом уставе 1667 года. Например, статья 12 Новоторгового устава устанавливала единую 5 % ставку с «прямой продажной цены со всяких вещей товаров...», «...а не с вещей...» (за исключением рыбы и ворвани) – 4 %. А статья 42 устава запрещала иностранным купцам заниматься розничной торговлей. «На Москве и в городах всем иноземцам ни каких товаров врозь не продавать. А будут продавать, и те товары иметь на великого государя». Ограничения вводились и на ввоз в Россию иностранных вин. Помимо повышенной пошлины на ввозимые иностранные спиртные напитки, устав постановил, что «...заморского никакого питья в галенки и в скляницы не продавать...», т. е. ввел запрет на их продажу в емкостях малого размера¹.

Антиконкурентные и антимонопольные правовые нормы Соборного Уложения 1649 года

Вопросы ограничения прав иноземных купцов рассматривались и в первом в истории Российского государства систематизированном и кодифицированном нормативном акте, охватывающем практически все отрасли права того времени – Соборном Уложении 1649 года. Кроме того, Соборное Уложение – первый печатный памятник русского права, дважды изданный в 1649 году тиражами по 1200 экземпляров. Статьей 40-й XIX главы нормативного акта устанавливался запрет на продажу русскими подданными иностранцам московских землевладений – «дворов». На нарушителей накладывалось наказание в виде «...им за то от государя быти в опале». Эта же статья запрещала иностранцам строительство в Москве церквей. Соборное Уложение постановило, что «...быти им за городом за Земляном, от церквей божиих в дальних местах».

Соборное уложение содержало и прямые нормы антиконкурентного права, касающиеся, правда, достаточно узкой сферы применения. Как уже упоминалось в статье, Д.И. Серегин выделяет в качестве антиконкурентных норм [Серегин, 2017, с. 30] статьи 5 и 7 главы VII Соборного уложения «О службе всяких ратных людей Московского государства». Первая из указанных статей предписывает продавать ратным и служивым людям, «...идучим на государеву службу... покупати людской и конские корма прямой ценой, а лишних денег на ратных людях ни за что не имати (не брать)».

В рамках анализа данной нормы Соборного Уложения важное значение приобретает определение понятия «правильная цена». В большинстве случаев в комментариях к данному нормативному акту данное понятие трактуется как нормальная, среднерыночная цена. Недопустимость, выражаясь современным языком, монопольного сговора и возможность применения в случае его выявления санкций против нечистоплотных торговцев предусматривает статья 7 главы VII Соборного уложения, которая наказывает тем, кто «...учнут ратным людям продавать людской и конский корм дорогой ценою, тем людям по суду и по сыску, по тому же наказание чинить, а лишнее взятое отдавать»². В то же время статья не предусматривала конкретных санкций за нарушение установленных ею требований, предоставляя возможность должностным лицам, рассматривающим данное антимонопольное правонарушение, решить этот вопрос.

Соборное уложение 1649 года содержит и правовые нормы, которые, наоборот, оберегают государственную монополию. Речь идет о главе XXV уложения «Указ о корчмах», посвященной борьбе с незаконным производством и торговлей спиртными напит-

¹ Новоторговый устав // Российское законодательство X–XX веков: в 9 тт. / под общей редакцией О.И. Чистякова. М., Юридическая литература. 1984. Том 4. Законодательство периода становления абсолютизма. С. 117–136.

² Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX веков: в 9 тт. / под общей редакцией О.И. Чистякова. М., Юридическая литература. 1984. Том 3. Акты земских соборов. С. 83–257.

ками. Двадцать одна статья данной главы предусматривала широкий набор санкций против тех, кто посягает на государственную монополию в данной сфере: от штрафов тем, «у кого корчму вымут впервые...» (ст. 1) до «...бити кнутом по торгом и сажать в тюрьму на год» (ст. 4). Учитывая серьезность данного преступления и его опасность для государства того времени, статья 4 данной главы предусматривала возможность применения пыток в ходе следствия: «...и будет купец с пытки не заговорит, и против того пытати продавца, и после пытки указ учинить, до чего доведется».

Еще большое наказание Соборное Уложение в главе XXV предусматривало тем, кто нарушал государственный запрет на торговлю, потребление и просто хранение табака: «...кто русские люди и иноземцы табак учнут держати, или табаком учнут торговати... тем людям чинити наказание болшое бес пощады, под смертной казнию, и дворы их и животы имая, продавати, а деньги имати в государеву казну».

Выводы

Проведенный в работе сравнительный и историко-правовой анализ становления антиконкурентного и антимонопольного законодательства как в Древнерусском государстве, так и в Средневековой России позволил сделать вывод о том, что первые правовые нормы антиконкурентной и антимонопольной направленности восходят еще к временам первого кодифицированного акта Древнерусского государства – «Пространной редакции Русской правды». Правовые нормы антиконкурентной и антимонопольной направленности содержали и другие нормативные акты Древней и Средневековой Руси – «Новгородский устав Великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых», «Рукописание князя Всеволода», Соборное уложение (сборник постановлений) церковно-земского Собора, прошедшего в 1551 году в Москве, известный как «Стоглав» и так далее. Многие правовые нормы антиконкурентной и антимонопольной направленности получили свое развитие в первом в истории Русского государства систематизированном и кодифицированном нормативном акте, охватывающий практически все отрасли права того времени – Соборном Уложении 1649 года.

Результаты данного исследования, в том числе в ряду комплексного изучения становления антиконкурентного и антимонопольного законодательства в Русском государстве, представляют интерес как дополняющие научное знание об истории государственного строительства и права в России и других государств мира.

Список литературы

- Голомолзин А.Н. 2019. Исторические уроки защиты и развития конкуренции. *Российское конкурентное право и экономика*, 4(20): 6–21.
- Калашников В.Д. 2018. Падение Новгорода Великого. *Научные вестни*, 5: 129–161.
- Кириченко О.В. 2012. Отношение к богатству в русской церковной традиции (X–XVII вв.). *Традиции и современность*, 13: 3–32.
- Никитский А.И. 1893. История экономического быта Великого Новгорода. М., Университетская типография. 307 с.
- Поткина И.В. 2009. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России, XIX – первая четверть XX в. М., Изд-во НОРМА, 304 с.
- Серегин Д.И. 2017. Становление законодательства о защите конкуренции в России. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*, 9: 29–37.
- Смирнов П.П. 1912. Новая челобитная московских торговых людей о высылке иноземцев (из общественных настроений горожан XVII в.). Киев: Типография Т.Г. Мейнандера. 32 с.
- Смирнов С.А. 2008. Правовые основы предпринимательства иностранцев в России до середины XIX в. *Вестник Волгоградского государственного университета*, 5(10): 16–27.
- Тарасенко Ю.А. 2021. О торговых объединениях средневековой Руси. В кн.: Наука. Исследования. Практика: Сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции. (Санкт-Петербург, Апрель 2021). СПб., Нацразвитие: 148–150.

- Тесленко А.В. 2020. Уголовная ответственность за картели: ретроспективный анализ отечественного законодательства. *Российское конкурентное право и экономика*, 2(22): 16–25.
- Трыкалова С.А. 2021. Основные этапы развития Российского законодательства о защите конкуренции. В кн: Актуальные проблемы развития антимонопольного законодательства. Сборник научных докладов по итогам Всероссийской научно-практической конференции к 30-летию антимонопольного регулирования в России. Шадринск, Шадринский Дом печати: 129–137.

Refereces

- Golomolzin A.N. 2019. Istoricheskie uroki zashhity i razvitija konkurencii [Historical Lessons of Protection and Development of Competition]. *Rossijskoe konkurentnoe pravo i jekonomika*, 4(20): 6–21.
- Kalashnikov V.D. 2018. Padenie Novgoroda Velikogo. [Fall of Novgorod the Great]. *Nauchnye vesti*, 5: 129–161.
- Kirichenko O.V. 2012. Otnoshenie k bogatstvu v russkoj cerkovnoj tradicii (X–XVII vv.) [Attitude to Wealth in the Russian Church Tradition (X–XVII centuries)]. *Tradicii i sovremennost'*, 13: 3–32.
- Nikitskij A.I. 1893. Istorija jekonomicheskogo byta Velikogo Novgoroda [History of economic life of Veliky Novgorod]. Moscow, Publ. Universitetskaja tipografija. 307 p.
- Potkina I.V. 2009. Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoj deja-tel'nosti v Rossii, XIX – pervaja chetvert' XX v. [Legal Regulation of Business Activities in Russia in XIX – First Quarter of the XX century]. Moscow, Publ. NORMA, 304 p.
- Seregin D.I. 2017. Stanovlenie zakonodatel'stva o zashhite konkurencii v Rossii [The Formation of Legislation on the Protection of Competition in Russia]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*, 9: 29–37.
- Smirnov P.P. 1912. Novaja chelobitnaja moskovskih torgovyh ljudej o vysylke inozemcev (iz obshhestvennyh nastroyenij gorozhan XVII v.) [New Petition of Moscow Merchants for the Expulsion of Foreigners (From the Public Sentiments of the Townspeople of the XVII Century)]. Kiev, Publ. Tipografija T.G. Mejnandera. 32 p.
- Smirnov S.A. 2008. Pravovye osnovy predprinimatel'stva inostrancev v Rossii do serediny XIX v. [Legal Foundations of Entrepreneurship for Foreigners in Russia Until the Mid-XIX Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 5(10): 16–27.
- Tarasenko Ju.A. 2021. O torgovyh ob#edinenijah srednevekovoj Rusi [About Trade Associations of Medieval Rus']. In: Nauka. Issledovaniya. Praktika [The Science. Research. Practice]. Collection of selected articles based on the materials of the International Scientific Conference, April, 2021, St. Petersburg, Publ. Nacrazvitie: 148–150.
- Teslenko A.V. 2020. Ugolovnaja otvetstvennost' za karteli: retrospektiv-nyj analiz otechestvennogo zakonodatel'stva [Criminal Liability for Cartels: a Retrospective Analysis of Domestic Legislation]. *Rossijskoe konkurentnoe pravo i jekonomika*, 2 (22): 16–25.
- Trykalova S.A. 2021. Osnovnye jetapy razvitija Rossijskogo zakonodatel'stva o zashhite konkurencii [The Main Stages of Development of Russian Legislation on Competition Protection]. In: Aktual'nye problemy razvitija antimonopol'nogo zakonodatel'stva [Current Problems in the Development of Antimonopoly Legislation]. Collection of scientific reports on the results of the All-Russian Scientific and Practical Conference for the 30th anniversary of antimonopoly regulation in Russia, 2021, Shadrinsk, Publ. Shadrinsky Printing House LLC: 129–137.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 13.06.2023

Поступила после рецензирования 25.08.2023

Принята к публикации 30.09.2023

Received June 13, 2023

Revised August 25, 2023

Accepted September 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евтушенко Иван Владимирович, заместитель начальника правового отдела Федеральной службы по контролю за алкогольным и табачным рынками, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan V. Evtushenko, Deputy Head of Legal Department of Federal Service for Control of Alcohol and Tobacco Markets, Moscow, Russian Federation.

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-726-734

Метафора в языке права: условия допустимости

Ярошук И.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
yaroshchuk@bsu.edu.ru

Аннотация. Язык права рассматривается автором в качестве самостоятельной регулирующей силы и репрезентанта правовых реалий. Лексический инструментарий языка права формируется не только из прямономинативных знаков, но и с помощью знаков вторичного семиозиса, а в частности метафоры. Цель работы – доказать, что метафора в языке права выступает в качестве средства юридической техники, что метафорические механизмы не чужды языку права, а понятийное содержание знаков вторичного семиозиса в правовых текстах самодостаточно для его адекватного соотнесения с объектом правового регулирования. Основными методами исследования явились лингво-юридический метод, логико-языковой метод, методы исторического анализа, функционально-стилистического анализа, контекстуального анализа. Анализ эволюции и трансформация научных взглядов на функциональную неоднозначность метафоры позволил определить основные функции метафоры в правовом документе, систематизировать особенности метафорического моделирования в языке права, сформулировать условия, при которых введение метафоры в язык права как ёмкой языковой формы, синтезирующей обширный информационный спектр, является допустимым и оправданным.

Ключевые слова: правовой язык, язык права, слово, метафора, метафорическое моделирование, гносеологическая функция, прагматическая функция

Для цитирования: Ярошук И.А. 2023. Метафора в языке права: условия допустимости. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(4): 726–734. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-726-734

Metaphor in the Language of Law: Conditions for Admissibility

Inna A. Yaroshchuk

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
yaroshchuk@bsu.edu.ru

Abstract. In this article, the language of law is considered as an independent regulating force and a representative of legal realities. The language of law lexical toolkit is formed not only of direct nominative signs, but also with the help of secondary semiosis signs, and in particular – metaphor. The aim of the work is to prove that metaphor in the language of law acts as a means of legal technique, that metaphoric mechanisms are not alien to the language of law, and the conceptual content of the signs of secondary semiosis in legal texts is self-sufficient for its adequate correlation with the object of legal regulation. The main methods of research are linguistic and legal method, logical and linguistic method, methods of historical analysis, functional and stylistic analysis, contextual analysis. The article analyzes the evolution and transformation of scientific views on the functional ambiguity of metaphor; in particular, it defines the main functions of metaphor in the legal document, systematizes the features of metaphorical modeling in the language of law, formulates the conditions under which the introduction of metaphor in the language of law as a capacious language form synthesizing a vast range of information is valid and justified.

Key words: legal language, language of law, word, metaphor, metaphorical modeling, gnoseological function, pragmatic function

For citation: Yaroshchuk I.A. 2023. Metaphor in the Language of Law: Conditions for Admissibility. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 726–734 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-726-734

Введение

Среди исследователей нет единой позиции относительно определения понятия «язык права». Вслед за Н.А. Власенко, отметим, что «правовой язык» и «язык права» не выступают в качестве синонимичных понятий, они организуются по модели родовидовых отношений. Поэтому правовой язык – это языковая система, характерная для юриспруденции в целом, а язык права – это знаковая система, создающая и соотносящая понятийное содержание с конкретными нормативно-правовыми актами и законами, то есть язык права является орудием выражения мыслей нормодателя в отдельных правовых документах [Власенко, 2022, с. 14–15], базисной лексической «подпиткой» которого является правовой язык. В качестве самостоятельного функционального стиля рассматривает язык права А.Н. Шепелев, определяя его результатом эволюции правовой науки [Шепелев, 2002, с. 4]. Именно язык, кодирующий информацию социальной значимости, задает интерпретационный вектор смыслового уровня нормативно-правового акта.

Институциональная специфика правового языка заключается в рационализации социальных отношений и их переводе в коммуникативное пространство нормативно-правовых актов с целью установления приемлемого для данного сообщества в настоящий временной этап консенсуса [Язык права..., 2021 с. 11]. Язык права является эталоном чёткости и ясности формулировок. Его специфика определяется явно выраженным, недвусмысленным представлением воли законодателя за счет нормативного употребления лексических средств русского языка. В основе функционирования языка права оказываются принципы его свободного формирования и развития согласно строгой корреляции формы и содержания норм права, точности используемого терминологического аппарата, что регламентируется нормативными языковыми требованиями. Данный тип информационного кодирования нивелирует противоречия, направляя все события и обстоятельства к единому закономерному результату, определяемому устойчивыми для данного общества социальными ценностями. Используемый правом языковой инструментарий способствует разрешению кризисных ситуаций и конфликтов посредством уравнивания позиций и установления социальной справедливости, что проецирует исполнительную силу правовому документу. Реципиенту, не обладающему профессиональными компетенциями или являющемуся носителем традиций другой лингвокультуры, ввиду возникающих терминологических, стилистических, грамматических и в целом когнитивных преград зачастую достаточно сложно понять и воспринять текст нормативного акта. Однако данное непонимание не является причиной освобождения от ответственности. В таких ситуациях в целях адекватного восприятия и интерпретирования текста документа необходимым оказывается содействие.

Начиная с момента создания нормативного акта, этапов принятия, вступления в законную силу и заканчивая прекращением действия юридической силы, всё существование правового документа сопровождается интерпретационной деятельностью, в которой участвует и законодатель (координация сведений, приведение к чёткости документа, синтезирующего события в форме юридического акта), и общество в целом, воспринимающее нормативные предписания через призму собственного правосознания и индивидуального опыта. С учётом современных социально-политических реалий наблюдаются тенденции динамического характера, связанные с изменениями и деформациями устоявшегося правосозна-

ния. Поэтому основной целью нормативного акта является достижение консенсуса в постоянно меняющемся мире, и отправной точкой на пути достижения данной цели будет его содержание, которое должно стремиться к гибкости и пластичности.

Язык выступает в качестве основного общесоциального средства юридической техники. От его нормативного использования зависит уровень правотворческих результатов. Выявляется прямая зависимость эффективности применения нормы права от её интерпретации, что определяет необходимость учёта со стороны законодателя при нормотворчестве доступности юридического документа для реципиента. Правовое содержание, которым законодатель наделяет разрабатываемое и моделируемое действие законодательного акта, должно быть выражено в соответствующей языковой форме, исключающей противоречивые, неоднозначные в семантическом плане конструкции и нагроможденную терминологию при сохранении аксиологической направленности смысловой нагрузки текста. «Регулирование эффективно только тогда, когда смысл правовых текстов представляется субъектам понятным, доступным и приемлемым. Но эти качества зависят не только от буквального содержания предписаний, их логико-грамматической стороны. Право как текст должно иметь определенное ценностное содержание» [Беляев, 2017, с. 7]. В этом отношении актуальным является суждение, высказанное ещё Г. В. Ф. Гегелем: «Развешивать законы так высоко, чтобы их не мог прочесть ни один гражданин, как это делал тиран Дионисий, или похоронить их в просторном научном аппарате ученых книг, сборников, отклоняющихся от решений, суждений и мнений, обычаев и т.п., да еще все это на чужом языке, так что знание действующего права становится доступным лишь тем, кто подходит к нему с достаточной образованностью, – все это неправомерно» [Гегель, 1990, с. 253].

Как известно, нормативно-правовой текст (текст права) обладает специфическими характеристиками, среди которых – отсутствие экспрессивности, связность и последовательность, точность и ясность, простота изложения, лаконичность и компактность [Власенко, 2022 с. 19–23]. А.С. Пиголкин в качестве особенностей языка законодательных актов определяет следующие:

- официальный характер, документальность;
- ясность и простота;
- максимальная точность выражения;
- экономичность языковых средств;
- логическая связность и последовательность изложения;
- экспрессивная нейтральность;
- динамический, а не статический характер;
- безличный, неиндивидуальный характер;
- формализация [Язык закона, 1990, с. 18–35].

В частности, когда исследователь рассуждает о такой характеристике языка нормативного текста, как экспрессивная нейтральность, имеется указание на необходимость со стороны законодателя избегать всех риторических и стилистических фигур – сравнений, метафор и т. д. «Художественные средства изображения, в принципе, чужды языку нормативных актов. Всё это делает его сравнительно скучным, бесцветным и однообразным, но это закономерно» [Язык закона, 1990, с. 29].

Троповая, в частности метафорическая, семантика правового языка является малоизученной [Байтева, 2013, с. 166]. На это обращают внимание М.В. Баранов и Н.А. Власенко, констатируя неразрешенность проблемы употребления метафоры в языке права [Баранов, Власенко, 2019, с. 13]. На современном этапе вопрос о возможности употребления метафоры в языке права стоит особо остро. Однако вслед за Н.А. Власенко отметим, что метафорические механизмы не чужды языку права и, как отмечает ученый, они просто остаются вне поля зрения исследовательского внимания и, более того, большинством отрицаются, но с этим «вряд ли можно согласиться» [Власенко, 2022, с. 51]. Действительно, метафорические механизмы находят свою реализацию в языковой материи

законодательных актов. В процессе человеческого мышления и познании окружающего мира доминирующую роль выполняют образные, метафорические механизмы. Более того, языковую систему в целом отличает превалирующее большинство полисемантов, нежели однозначных языковых единиц, образных лексем, нежели слов, лишённых образности. Даже самая привычная, «стёртая» метафора, будучи включённой в новый контекст, «оживает», развивая новые ассоциативные связи. В этом отношении язык права не является исключением. Адекватная реализация метафорической функции многозначных лексем в языке права обеспечивается строгими контекстуальными условиями, определяющими восприятие и интерпретацию необходимого смысла.

Анализ эволюции научных взглядов на функциональную неоднозначность метафоры

Для того чтобы доказать тезис о допустимости употребления метафоры в языке права, необходим анализ эволюции и трансформации научных взглядов на функциональную неоднозначность данного языкового феномена. Сама история изучения метафоры опровергает бытующую среди ряда современных исследователей её интерпретацию исключительно как художественного, эмоционально-эстетического средства постижения действительности. Уже в трудах Аристотеля имеется указание на возможность её использования не только как украшения языка и речи, но и как языкового средства для кодирования значений и смыслов [Aristotle, 2000, p. 25]. Средневековой философией рассматривалась познавательная значимость метафоры с позиций реализации ею гносеологической функции, когда метафора выступает в качестве инструмента познавательной деятельности [Ермоленко, 2001, с. 22].

Эпоха романтизма возродила философское осмысление метафоры в духе средневековой теологии. Идеи индивидуально-личностного, иррационального начала в процессах человеческого мышления превалируют над рационализмом и конструируют новый взгляд на метафору как неотъемлемый элемент языка и познания.

Философы-иррационалисты конца XIX века признали семиотическую значимость метафоры и её моделирующий потенциал, что привело к утверждению метафоры как неизбежного, одного из ведущих способов формирования и выражения мысли и самого мышления [Арутюнова, 2001, с. 12].

С началом XX столетия метафора всё чётче приобретает черты комплексного объекта исследования с позиций различных областей знаний. Хосе Ортега-и-Гассет рассматривал метафору не только как орудие мышления, но и как «форму научной мысли», утверждая, что «наука прибегает к метафоре, не более того, и не менее того» [Ortega y Gasset, 1990, p. 68]. Согласно исследователю, язык науки, оперируя абстрактными понятиями, как никакой другой язык, нуждается в метафоре. Именно метафора способна изолировать труднопостижимые для мышления абстрактные явления и придать им статус автономности. И её необходимость возрастает в зависимости от приближения нашей мысли к абстрактным категориям. Опираясь на научную метафору, наше сознание способно постичь и интерпретировать универсальное явление посредством доступного частного отношения.

Таким образом, научный текст определяет особенности самого процесса метафоризации, функции, цели метафоры, параметры её употребления. Наука актуализирует ранее не известный потенциал метафоры: посредством семиотической фиксации отвлечённых признаков объектов она выступает конструктивной составляющей в моделировании нового объекта, многофункциональная и многоаспектная метафора в языке науки реализует свой гносеологический потенциал.

Всё большее влияние на понимание метафоры оказывали логические концепции и теории, которые фокусировали научный интерес на логике метафоры и, прежде всего на тех признаках, которые дают возможность один языковой знак употребить вместо другого, что объективно расширяет границы исследования метафоры, выводя её за строгие гра-

ницы стилистики. Так, П. Рикёр рассматривал метафору как внестилевой языковой элемент, выступающий в качестве универсальной формы мышления, который, преодолевая границы внутренней структуры языка, выходит на экстралингвистический уровень ментальной реальности [Ricoeur, 1978, p. 153]. В русле данного направления исследует метафору А. Ричардс [Reinhardt, 1965, p. 44–66], называющий её «вездесущим принципом языка и мышления», без которого не может обойтись даже язык точных наук, потому что «метафорична сама мысль» [Reinhardt, 1965, p. 47]. Метафоризация является неотъемлемой составляющей самых высоких уровней научного абстрагирования.

Аналитическая философия и в частности когерентная концепция истины повлияли на формирование современной теории метафоры. Рассуждая об истинном знании, представители данного направления утверждали, что оно должно иметь внутреннюю упорядоченность, непротиворечивость, логическую правильность и корректность. Изначально знание о конкретном объекте, явлении должно коррелировать с системой знаний о мире в целом. В отношении научного знания – мысль является тогда истинной, когда она не противоречит фундаментальному знанию, существующему в науке. На языковом уровне критерием истинности высказываний выступает их непротиворечие высказываниям, априори интерпретируемым как истина. В свете данной теории метафора рассматривается как когерентно достоверная языковая структура, что обуславливает особую логику метафоры, в основе которой – внутренняя непротиворечивость её модели. Результаты исследований метафоры в свете когерентной концепции оказываются наиболее значимыми для изучения функционирования метафоры в науке, в частности правовой, именно в силу согласованности и непротиворечивости метафорической структуры, посредством которой познаются и затем вербально репрезентируются объекты и явления действительности.

Само понятие модели, изначально используемое в области естественных и точных наук в целях определения способа существования знания в виде виртуальной реальности, имеет гносеологический характер, и в силу развития научной мысли проецируется и на другие области знаний, среди которых гуманитарные, общественные науки. Формируемое посредством модели новое знание является инструментом исследования, фиксации, прогнозирования явлений, отношений. Язык как посредник между реальной действительностью и человеком выполняет моделирующую функцию, направленную на восприятие, хранение и передачу информации. Языковые модели репрезентируют два основных механизма когнитивного процесса – анализ и синтез. Компактной, интегративной языковой моделью является метафора, структурированная посредством идентифицирующих моделей, а именно схем-образов, когнитивных сценариев. Метафора выступает в качестве ключевого механизма в процессе кодирования и обработки информации языковым мышлением. Созданная с помощью метафорического механизма новая семиотическая модель синтезирует свойства основного и вспомогательного объекта [Fauconnier, Turner, 1998, p. 133–187].

В качестве первичной когнитивной синтезирующей модели реальности выступает метафорическая модель: «Метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути... метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны» [Lakoff, Johnson, 2003, p. 5–7]. Как уже было отмечено, метафора, преодолевая строгие границы языковой структуры, выходит на экстралингвистический уровень ментальной реальности, когда метафорический референт выступает в качестве проводника одного смысла в другой. В связи с этим метафора содействует символическому уровню права, предваряющему семантизацию мыслей и идей. Это наблюдается, согласно М. Ямпольскому, при пересечении такого общенаучного понятия, как репрезентация, и такой «неопределенной области, как политическое» [Ямпольский, 2004, с. 19]. Данная установка Т. Лукманом объяснялась триединством процессов экстернализации, объективации и интернализации идей, а именно: мыслительная генерация образов – научная объективизация образов – языковое воплощение

образов в реальность посредством понятий [Luckmann, 1992]. Человеческое мышление по своей сути концептуально и наряду с логическими, чувственно-эмоциональными составляющими включает и метафорические компоненты. В этом отношении не является исключением и юридическое познание, для которого метафорическое начало является неизбежным в силу необходимости постигать новое, необычное, неопределенное. Многие явления правовой действительности вызывают у реципиента затруднения в их понимании, поэтому метафорические модели конструируют известный языковому сознанию ракурс представления и восприятия новой понятийной сферы, формируя аналоговую виртуальную модель именуемых объектов и отношений.

Условия введения метафоры в язык права

Вслед за А.Ф. Черданцевым отметим, что метафора в языке права выступает в качестве средства юридической техники, когда её экспрессивная функция нивелируется гносеологическим потенциалом, определяющим статус метафоры в языке права в качестве термина и/или стереотипного выражения [Черданцев, 2012, с. 288–291]. В языковой системе права метафора занимает прочную позицию. Однако её основные функции – гносеологическая и прагматическая – вуалируют её образный план выражения, и метафора приобретает статус «стёртой». В процессе обыденного познания выбор метафорического выражения является осознанным, когда человек употребляет слово или словосочетание не в прямом номинативном значении. Что касается права, то «стёртые» метафоры прочно ассимилируются в его языковую материю, приобретая терминологический статус и воспроизводясь в качестве готовых фразеологизированных комплексов («юридическое лицо», «источник повышенной опасности» и др.). И тогда они «воспринимаются как средства юридической техники» [Черданцев, 2012, с. 289]. Ведущий гносеологический потенциал метафорических моделей в языке права проецирует конструирование понятий. «Именно гносеологическая функция метафоры в языке права способствует оперированию абстрактными понятиями, ориентируя на известный опыт и позволяя наделять конкретный предмет законодательной регламентации признаками, позволяющими его адекватно интерпретировать» [Ярошук, 2022, с. 605].

Прагматическая природа метафоры, в свою очередь, способствует достижению коммуникативной цели нормодателя с позиций её составляющих – мотива, цели и тактики, раскрывающих функциональные показатели метафоры в языковой материи права. Данные компоненты речевой интенции диктуют необходимость строгого отбора формы и содержания языковых единиц метафорического преобразования в целях достижения коммуникативного успеха, когда метафора будет способствовать моделированию правовых реалий в сознании реципиента. Абстрактность правовых понятий создает условия функционирования метафоры в языке права в силу её функциональной возможности и широкого семантического потенциала закреплять в своей структуре достаточно динамичную и многообразную правовую реальность. Метафора как средство познания позволяет рассматривать общественные отношения и их субъекты посредством системы, относящейся к иной опытной сфере, где данная составляющая представлена очевидно и наглядно. Метафора как когнитивный механизм перекодирует новые, ранее неизвестные понятия в понятия, легко поддающиеся осмыслению, обнаруживая прочную связь между абстракциями правовых реалий и социальной данностью. Несмотря на то, что ведущими функциями метафоры в языке права являются гносеологическая и прагматическая, образный план её выражения полностью не утрачивается, обеспечивая краткость и наглядность выражения мысли. Попадая в правовой контекст, метафора ассимилируется, приобретая новую языковую жизнь.

Информационная сущность метафоры проецируется особенностями её моделирования в языке права, к которым относятся следующие:

1) комплексность рационального и интуитивного начала в репрезентации правовых реалий: выбор образного плана осуществляется на интуитивном уровне, а логика высту-

пает в качестве его адаптивной основы относительно конкретного предмета законодательной регламентации;

2) контаминационная специфика метафорической модели, синтезирующей известный опыт, опорное знание и новые понятия;

3) вектором в определении подходящей языковой единицы в ходе метафорического моделирования выступает система ведущих для объекта правового регулирования признаков и ассоциативные связи, в целом формирующие образ объекта правовой регламентации. Интертекстуальный характер метафоры обуславливает её гармоничное включение в нормативный документ;

4) метафора формирует единую для нормодателя и реципиента когнитивную схему, где основой выступают общие фоновые знания, а целям адекватного восприятия и понимания значения метафоры служит сам контекст правового документа, в котором она реализуется.

Таким образом, к условиям введения метафоры в язык права относятся:

– отнесённость конкретной языковой единицы, подвергающейся метафорическому переосмыслению, к единым фоновым знаниям нормодателя и большинства реципиентов;

– абсолютное семантическое слияние метафоры с текстом правового документа и строгое контекстное закрепление, что исключит возможность её неоднозначного толкования;

– семантическое превосходство метафоры, повышающей степень познавательной доступности объекта по сравнению с прямономинативными языковыми знаками, особенно это актуально по отношению к ранее неизвестным правовым реалиям, свойства и признаки которых могут быть впервые гипотетически представлены лишь на основании уже имеющегося опыта, когда метафора как средство познания позволяет рассматривать неизвестное ранее явление или объект посредством системы, относящейся к иной опытной сфере, где данная составляющая представлена очевидно и наглядно;

– невозможность без использования метафоры максимально точно репрезентировать «юридически значимую деятельность, привлечь внимание к линиям взаимодействия предмета законодательной регламентации со смежными областями, подчеркнуть особую ценность правовой новации, объяснить необходимость изменения правовой политики» [Баранов, Власенко, 2019, с. 17].

Заклучение

Исходя из вышеизложенного, представляется возможным утверждать, что, несмотря на достаточно высокую степень формализации, языку права, как и языку науки в целом, метафора не является чуждой. Метафора выступает не только языковым инструментом, наглядно репрезентирующим абстракции, глубинные свойства, состояния, процессы, но и базисом формирования научной терминологии. Метафоры концентрируют смыслы, обнаруживая новое, ранее неизвестное, заполняя лакуны языковой материи права. Использование метафоры в правовой науке определяют такие факторы, как точность, понятность, наглядность, безусловность и корректность. Метафора является незаменимым инструментом организации текста права в условиях отсутствия подходящего технико-юридического средства вербализации понятий и в том случае, если без неё невозможно репрезентировать с необходимой точностью правовые реалии, акцентировать ценность правовой новации, мотивировать модификации правовой политики.

При этом необходимо соблюдение языкового баланса на уровне использования не прямой номинации во избежание обратного адекватному пониманию коммуникативного эффекта, который способен вызвать трудности в интерпретации текста нормативного документа. Следовательно, введение метафоры в язык права как ёмкой языковой формы, синтезирующей обширный информационный спектр, должен в полной мере отвечать строгим критериям.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. 1990. Метафора и дискурс. Теория метафоры. Пер. с англ., фр., нем., йен., польск. яз. Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М., Прогресс: 5–32.
- Байтеева М.В. 2013. Язык и право. Казань, Отечество, 253 с.
- Баранов М.В., Власенко Н.А. 2019. Метафора в праве: методологическая опасность и перспективы. *Вестник Нижегородской академии МВД России*, 2019, 1(45): 11–19.
- Беляев М.А. Денисенко В.В. 2017. Эффективность правового регулирования: поиск новых ответов на традиционные вопросы (предисловие к коллективной монографии). В кн.: Эффективность правового регулирования. Москва, Проспект: 3–10.
- Власенко Н.А. 2022. Язык права. Москва, Норма, ИНФРА-М, 176 с.
- Гегель Г.В. Ф. 1990. Философия права. Пер. с нем., ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсисянц. М., Мысль, 524 с.
- Ермоленко Г.А. 2001. Метафора в языке философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 22 с.
- Черданцев А.Ф. 2012. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., ИНФРА-М, 320 с.
- Шепелев А.Н. 2002. Язык права как самостоятельный функциональный стиль: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Нижегород. акад. МВД России. Нижний Новгород, 23 с.
- Язык закона. 1990. Под ред. А.С. Пиголкина. М., Юрид. лит., 192 с.
- Язык права: доктрины, практика, тенденции развития. 2021. Под ред. М.Л. Давыдовой, М.Ю. Козловой. Москва, РУСАЙНС, 140 с.
- Ямпольский М. 2004. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М., Новое литературное обозрение, 800 с.
- Ярошук И.А. 2022. Метафора в праве: методологические основания исследования. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, 26(3): 596–610.
- Aristotle. 2000. *The poetics of Aristotle*. A Translation by S.H. Butcher. The Pennsylvania State University, 40 p.
- Fauconnier G., Turner M. 1998. Conceptual Integration Networks. *Cognitive Science*, 22(2): 133–187.
- Lakoff G., Johnson M. 2003. *Metaphors we live by*. London: The university of Chicago press, 193 p.
- Luckmann T. 1992. *Theorie des sozialen Handelns*. Berlin-New York. 179 p.
- Ortega y Gasset José. 1990. Two Great Metaphors. Moscow, Progress, 511 p.
- Ricoeur P. 1978. The Metaphorical Process as Cognition, Imagination and Feeling. *Critical Inquiry*, 5(1): 143–159.
- Reinhardt I. A. 1965. *The philosophy of rhetoric*. New York, Oxford University Press, 138 p.

References

- Arutyunova N.D. 1990. Metafora i diskurs. Teorija metafory [Metaphor and Discourse. Metaphor Theory]. Translated from English, French, German, Jena, Polish. In: The Introduction and Composition by N.D. Arutyunova; Ed. by N.D. Arutyunova and M.A. Zhurinskaya. Moscow, Publ. Progress: 5–32.
- Bajteeva M.V. 2013. Jazyk i pravo [Language and Law]. Monograph. Kazan, Publishing House Otechestvo, 253 p.
- Baranov M.V., Vlasenko N.A. 2019. Metafora v prave: metodologicheskaja opasnost' i perspektivy [Metaphor in Law: Methodological Danger and Prospects]. *Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1(45): 11–19.
- Belyaev M.A., Denisenko V.V. 2017. Effektivnost' pravovogo regulirovaniya: poisk novyh otvetov na tradicionnye voprosy [Effectiveness of legal regulation: the search for new answers to traditional issues] (preface to the collective monograph). *Effektivnost' pravovogo regulirovaniya*. [The effectiveness of legal regulation]. Moscow, Publ. Prospect: 3–10.
- Vlasenko N.A. 2022. Jazyk prava [Language of Law]. Moscow, Publ. Norma. INFRA-M, 176 p.
- Hegel G.W. F. 1990. Filosofija prava [Philosophy of Law]. Moscow, Publ. Mysl, 524 p.
- Ermolenko G.A. 2001. Metafora v jazyke filosofii [Metaphor in the Language of Philosophy]: Ph. Candidate of Philosophy. Sciences. Krasnodar, 22 p.
- Cherdantsev A.F. 2012. Logiko-jazykovye fenomeny v jurisprudencii [Logical and Linguistic Phenomena in Jurisprudence]. Moscow, Publ. INFRA-M, 320 p.

- Shepelev A.N. 2002. Jazyk prava kak samostojatel'nyj funkcional'nyj stil' [Language of Law as an Independent Functional Style: Abstract of the dissertation]: abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Nizhny Novgorod, 23 p.
- Language of law. 1990. Edited by A.S. Pigolkin. Moscow, Publ. Yuridicheskaya literatura. 192 p. (in Russian)
- Language of the law: doctrines, practice, tendencies of development. 2021. Ed. by M.L. Davydova, M.Y. Kozlova. Moscow, Publ. RUSAINS, 140 p. (in Russian)
- Yampolsky M. 2004. Fiziologiya simvolicheskogo [Physiology of the Symbolic]. Book 1. Vozvrashchenie Levifana: Politicheskaya teologiya, reprezentaciya vlasti i konec Starogo rezhima [The Return of Leviathan: Political Theology, the Representation of Power and the End of the Old Regime]. Moscow, Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 800 p. (in Russian)
- Yaroshchuk I.A. 2022. Metafora v prave: metodologicheskie osnovaniya issledovaniya [Metaphor in Law: Methodological Foundations of Research]. RUDN journal of law, 26(3): 596–610.
- Aristotle. 2000. The poetics of Aristotle. A Translation by S.H. Butcher. The Pennsylvania State University, 40 p.
- Fauconnier G., Turner M. 1998. Conceptual Integration Networks. *Cognitive Science*, 22(2): 133–187.
- Lakoff G., Johnsen M. 2003. Metaphors we live by. London: The university of Chicago press, 193 p.
- Luckmann T. 1992. Theorie des sozialen Handelns. Berlin-New York, 179 p. <https://doi.org/10.1515/9783110848922>
- Ortega y Gasset José. 1990. Two Great Metaphors. Moscow, Progress, 511 p.
- Ricoeur P. 1978. The Metaphorical Process as Cognition, Imagination and Feeling. *Critical Inquiry*, 5(1): 143–159.
- Reinhardt I.A. 1965. The philosophy of rhetoric. New York, Oxford University Press, 138 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.05.2023

Поступила после рецензирования 30.06.2023

Принята к публикации 22.09.2023

Received May 15, 2023

Revised June 30, 2023

Accepted September 22, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ярошук Инна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Inna A. Yaroshchuk, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Forensic and Criminalistics, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 342.9

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-735-744

Развитие административно-правовых методов регулирования санитарно-эпидемиологических отношений: правовая диагностика (региональный аспект)

Голобородько Ю.С.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Россия, 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69

asp.rsue@gmail.com

Аннотация. В условиях современности для развития административно-правовых методов регулирования в сфере санитарно-эпидемиологических отношений недостаточно существующих способов и инструментов для эффективного правового обеспечения. Несмотря на многообразие научных публикаций по данной проблематике, вопрос эффективного законодательного обеспечения основных направлений в государственном регулировании сферы санитарно-эпидемиологических отношений остается открытым. Целью исследования является правовая диагностика и оценка состояния и развития административно-правовых методов в деятельности органов власти в системе правового регулирования санитарно-эпидемиологических отношений. Произведена оценка законодательных новелл, обзор судебной практики по регулированию санитарно-эпидемиологической сферы за период 2022–2023 гг. на примере Ростовской области. В результате правовой диагностики выявлена необходимость выработки новых способов решения задач в государственном регулировании и воздействии органов исполнительной власти на сферу данных отношений с позиции действующего законодательства. В результате исследования сформировано новое теоретико-методологическое представление развития административно-правового регулирования в сфере санитарно-эпидемиологических отношений. Автором разработана базовая структура теоретико-правового конструкта «Условная правовая модель» как новый инструмент решения задач в государственном регулировании органами исполнительной власти для устойчивого обеспечения комплексности, системности и качества административно-правового регулирования сферы санитарно-эпидемиологических отношений.

Ключевые слова: административное право, государственное регулирование, законодательство, практикоприменение, оптимизация, механизм административно-правового регулирования

Для цитирования: Голобородько Ю.С. 2023. Развитие административно-правовых методов регулирования санитарно-эпидемиологических отношений: правовая диагностика (региональный аспект). *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(4): 735–744. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-735-744

Development of Administrative and Legal Methods for Regulating Sanitary and Epidemiological Relations: Legal Diagnostics (Regional Aspect)

Yulia S. Goloborodko

Rostov State University of Economics

69 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation

asp.rsue@gmail.com

Abstract. In modern conditions, there are not enough existing methods and tools for effective legal support for the development of administrative and legal methods of regulation in the field of sanitary and

epidemiological relations. Despite the variety of scientific publications on the subject, the issue of effective legislative support of the main directions in the state regulation of the sanitary and epidemiological relations remains open. The purpose of the study is legal diagnostics and assessment of the state and development of administrative and legal methods in the activities of authorities in the system of legal regulation of sanitary and epidemiological relations. The assessment of legislative novelties, review of judicial practice on the regulation of the sanitary and epidemiological sphere for the period 2022-2023 on the example of the Rostov region was made. As a result of legal diagnostics, the need to develop new ways of solving problems in state regulation and the impact of executive authorities on the sphere of these relations from the perspective of current legislation is revealed. As a result of the research, a new theoretical and methodological representation of the development of administrative and legal regulation in the field of sanitary and epidemiological relations has been formed. The author has developed the basic structure of the theoretical and legal construct "Conditional legal model" as a new tool for solving problems in state regulation by executive authorities for sustainable ensuring the complexity, consistency and quality of administrative and legal regulation of the sphere of sanitary and epidemiological relations.

Keywords: administrative law, state regulation, legal diagnostics, legislation, practical application, optimization, mechanism of administrative and legal regulation

For citation: Goloborodko Y.S. 2023. Development of Administrative and Legal Methods for Regulating Sanitary and Epidemiological Relations: Legal Diagnostics (Regional Aspect). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 735–744 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-735-744

Введение

Феномены XXI века, проистекающие процессы правовой глобализации в различных отраслях права, быстрая смена парадигм, изменения доктринальных принципов и субъективизм в исследовании правовых явлений определяют проекцию и внедрение стратегических подходов, способных обеспечить устойчивое и измеримое развитие в разных областях деятельности человека, где закономерно возникают общественные отношения, регулируемые отечественным (в том числе административным) правом и законодательством в условиях новых вызовов и угроз. Состояние развития административно-правовых методов регулирования санитарно-эпидемиологических отношений выступает предметом широких дискуссий, довольно глобально и детализировано затрагивая все сферы жизнедеятельности государства и общества, а сохранение здоровья нации и национальная безопасность приоритетная позиция и ориентированность государства направленная на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Правовое обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения – одно из основных условий реализации конституционных прав граждан на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду (Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ред. от 29.05.2023)¹ (далее – Закон 52)) в механизме государственного регулирования санитарно-эпидемиологических отношений, в частности по выработке, правовому закреплению, установлению, реализации и контролю основных направлений деятельности государственных органов исполнительной власти. Методологические подходы административного и правового регулирования общественных отношений (санитарно-эпидемиологических) органами исполнительной власти всегда вызывали особый государственный, правовой и публичный интерес, а практический опыт закономерно и комплексно влиял на сохранение правовой устойчивости института административного права. К вопросу развития и совершенствования административно-правовых методов регулирования санитарно-эпидемиологических отношений посвящены научные труды: Ю.Г. Федотовой, В.И. Червонюк, А.Д. Ульяновой, А.В. Жаглин, А.И. Сахно, Л.В. Юн, А.Н. Замановой и другие.

¹ Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (с изменениями и дополнениями), (ред. от 29.05.2023). Информационно-правовой портал Гарант.Ру: [сайт]. 2023. URL: <https://www.garant.ru/2023>. (дата обращения: 25.07.2023).

Цель исследования – проведение правовой диагностики и оценки состояния и развития административно-правовых методов в деятельности органов власти в системе правового регулирования санитарно-эпидемиологических отношений.

Методы исследования

Основу исследования составили диалектический метод познания, юридическая логика и техника; юридический анализ; использован формально-юридический метод исследования закономерностей и состояния развития административно-правовых методов в регулировании санитарно-эпидемиологических отношений органами государственной власти.

Эмпирической базой исследования послужили законодательные новеллы; обзор судебной практики на примере Ростовской области за период 2022–2023 гг.; а также научная и специальная литература и иные источники, обращенные к проблеме реализации методов административно-правового регулирования в санитарно-эпидемиологической сфере, которая с 2020 года, ввиду пандемии, посткоронавирусного кризиса, набрала стремительные обороты в развитии и претерпела значительные изменения под влиянием новых вызовов и угроз.

Результаты и их обсуждение

С учетом позиции некоторых исследователей в области права и социологии, возможно, оперировать понятием «диагностика» в рамках науки отечественного административного права и юриспруденции для проведения правового диагностирования результативности при реализации административно-правовых методов регулирования санитарно-эпидемиологических отношений. По образному выражению М.К. Горшкова, сама диагностическая процедура – это «не просто терминологическая транспозиция внешнего языка на язык внутренний, но искусное оперирование внешними измерениями с целью вызвать наружу дух действительности» [Горшков, 2011, с. 5]. Как совершенно справедливо отметил В.И. Червонюк, подвергая оценке прикладные методы научного обоснования в юридических отраслях науки, «диагностика правовой среды выступает конституционной целью всей системы публичной власти» [Червонюк, 2017, с. 64], тем самым способствуя постановке и решению задач для улучшения административно-правового регулирования и практикоприменения в санитарно-эпидемиологической сфере. Значимость и релевантность проведения диагностической правовой процедуры позволит оценить законодательные новеллы, указывающие и измеряющие действие и реализацию норм административного права в аспекте регулирования санитарно-эпидемиологических отношений.

Методы убеждения и принуждения играют значительную роль в правовом обеспечении сферы санитарно-эпидемиологических отношений, так как влияют на приведение в норму приоритетных направлений правовой политики по регулированию данных отношений; систематизацию и упорядоченность административно-правовых норм законодательного регулирования, на выработку мер профилактического характера для совершенствования механизма административно-правового регулирования и исполнения норм действующего законодательства в сфере санитарно-эпидемиологических отношений.

По мнению Ю.Г. Федотова и Э.Т. Сидорова, административная деятельность является властно-организационной, если опирается на власть и подчинение, которые в ряде случаев не могут быть обеспечены без принуждения. Поэтому убеждение и принуждение стоят на первом месте среди общих методов деятельности органов исполнительной власти. Административно-правовые методы принуждения играют значительную роль в обеспечении национальной безопасности, борьбы с терроризмом и экстремизмом, при введении специальных административно-правовых мероприятий [Федотова, 2018, с. 15; Сидорова, 2015, с. 89].

Ученым А.И. Сахно [2021, с. 220], предпринята попытка в рамках фронтального исследования научно обосновать необходимость со стороны государства обратить внимание на действующее национальное законодательство, которое нуждается в применимости развитого правосознания (субъективный фактор) и эффективных корректировках нормативно-правовой базы (фактор оптимальной нормы права (качество законодательства)), обеспечивающей систему условий и принципов рационального и эффективного правоприменения правоприменителем, а не массового правотворчества, «обрамленного» в форму двусмысленного толкования правовых норм. А.И. Сахно в исследовании оценивает статус главных санитарных врачей и других должностных лиц при осуществлении функции государственного санитарно-эпидемиологического надзора и административной юрисдикции; анализирует виды и формы контрольно-надзорной деятельности, реализации иных полномочий, которые законодателем до сих пор рассредоточены по многочисленным законам и подзаконным нормативным правовым актам РФ; указывает на отсутствие точной регламентации всех процедур осуществления государственного санитарно-эпидемиологического надзора, санитарно-эпидемиологического нормирования, социально-гигиенического мониторинга и ведения государственных регистров, лицензирования отдельных видов деятельности, санитарно-карантинного контроля и других процедур. Что, в общем, указывает на отсутствие эффективных методов и направлений в механизме административно-правового регулирования санитарно-эпидемиологических отношений. А.И. Сахно пришел к выводу и обосновал, что необходимо унифицировать и систематизировать правовое поле, регулирующее сферу санитарно-эпидемиологических отношений. Эта мера позволит повысить эффективность правового регулирования деятельности государственных органов и должностных лиц, осуществляющих санитарно-эпидемиологический надзор, с учетом последствий пандемии, посткоронавирусного кризиса. Кроме того, этим автором обоснована целесообразность использования механизма имплементации ряда принципов и норм, международных медико-санитарных правил в РФ. Анализ предложенных вариантов (концепции) по разработке и принятию хотя бы первичной модели Кодекса о санитарно-эпидемиологическом благополучии РФ (условное название – КоСЭБ) [Сахно, 2021] позволит решить проблему кодификации законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения. Несмотря на комплексное и обоснованное научное представление автором данной концепции, до сих пор остались нерешенными проблемы по обеспечению устойчивой системой организационных и правовых отношений в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

В научных трудах Л.В. Юн, А.Н. Замановой [2022, с. 145], Д.В. Камиловой, Д.Б. Джамалутдинова [2019, с. 45], С.В. Ведяшкина, А.В. Илюшина [2019, с. 58] ведутся дискуссии и проводятся исследования проблемы разграничения полномочий государственных органов публичной власти по регулированию санитарно-эпидемиологических отношений.

Нормативно-правовые акты, регулирующие сферу санитарно-эпидемиологических отношений, перечень санитарных требований (предписаний и запретов), действующих в субъектах РФ, реализуются на основании Постановлений Главного государственного санитарного врача РФ в части обязательного исполнения санитарно-эпидемиологических требований по профилактике инфекционных болезней; организации и проведению санитарно-противоэпидемических мероприятий. Введённые законодательные новеллы и дополнения в административно-правовом регулировании сферы санитарно-эпидемиологических отношений претерпели значительные изменения с учетом стремительных перемен в разных отраслях, вызванные факторами влияния пандемии, посткоронавирусного кризиса. Проведенная масштабная аналитическая работа по изучению динамики российского законодательства экспертами компании «Гарант» определила лидером по количеству изменений и дополнений – это КоАП РФ, так как период его стабильности

(длительность условного периода, в течение которого в кодекс не вносятся изменения) 10 и 13 дней соответственно, и в целом практика за последние три года демонстрирует меньшую стабильность, чем в 2017 году¹.

Обзор судебной практики по регулированию санитарно-эпидемиологической сферы за период 2022–2023 гг. на базе региона Ростовской области показывает следующее:

В силу Постановления Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 (ред. от 19.06.2023) «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля»² (далее – Постановление № 336) в 2022 году не проводились плановые контрольные (надзорные) мероприятия, плановые проверки при осуществлении видов госконтроля (надзора), муниципального контроля. Порядок организации и осуществления государственного контроля (надзора) регулируется федеральными законами о госконтроле (надзоре) и муниципальном на территории РФ и о защите прав ЮЛ и ИП при осуществлении госконтроля (надзора) и муниципального контроля³.

При осуществлении госконтроля (надзора) за деятельностью органов государственной власти субъектов РФ и должностных лиц органов государственной власти субъектов РФ и за деятельностью органов местного самоуправления и должностных лиц органов местного самоуправления (включая контроль за эффективностью и качеством осуществления органами государственной власти субъектов РФ переданных полномочий, а также контроль за осуществлением органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий), за исключением случаев (п. 2 Постановления № 336) в 2022 году допускалось проведение запланированных плановых контрольных (надзорных) мероприятий в рамках федерального государственного санитарно-эпидемиологического контроля (надзора). В Постановлении Правительства РФ от 30.06.2021 № 1100 (ред. от 31.08.2022) определены критерии тяжести потенциальных негативных последствий возможного несоблюдения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями требований в области санитарно-эпидемиологического благополучия, установленных федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами РФ⁴ (вместе с «Положением о федеральном государственном санитарно-эпидемиологическом контроле (надзоре)»⁵), в отношении определенных объектов контроля, отнесенных к категории чрезвычайно высокого риска⁶, и в том числе в рамках федерального госнадзора в области промышленной безопасности в отношении опасных производственных объектов, отнесенных ко II классу опасности (п. 2 Постановление № 336).

¹ Законодательство РФ стало менее стабильно//Пресс центр. Информационно-правовой портал Гарант.Ру: [сайт]. 2021. URL: <https://www.garant.ru/company/about/press/news/1441391/> (дата обращения: 10.08.2023).

² Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 (с изменениями и дополнениями) (ред. от 19.06.2023) «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля». Информационно-правовой портал Гарант.Ру: [сайт]. 2023. URL: <https://www.garant.ru/2023>. (дата обращения: 30.07.2023).

³ Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и Федеральным законом «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Информационно-правовой портал Гарант.Ру: [сайт]. 2023. URL: <https://www.garant.ru/2023>. (дата обращения: 20.08.2023).

⁴ Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1100 (ред. от 31.08.2022) «О федеральном государственном санитарно-эпидемиологическом контроле (надзоре)». Информационно-правовой портал Гарант.Ру: [сайт]. 2023. URL: <https://www.garant.ru/2023>. (дата обращения: 23.08.2023).

⁵ Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1100 (ред. от 31.08.2022) «О федеральном государственном санитарно-эпидемиологическом контроле (надзоре)». Информационно-правовой портал Гарант.Ру: [сайт]. 2023. URL: <https://www.garant.ru/2023>. (дата обращения: 28.08.2023).

⁶ Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 (с изменениями и дополнениями), (ред. от 19.06.2023) «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля». Информационно-правовой портал Гарант.Ру: [сайт]. 2023. URL: <https://www.garant.ru/2023>. (дата обращения: 30.08.2023).

Законодательная новелла (Постановление № 336) закономерно расширила практику правоприменения в кассационных и апелляционных судах регионов РФ, в том числе в Ростовском областном и городских судах.

По результату рассмотрения дел по требованию о признании незаконным акта органа власти, о признании незаконным бездействия и об обязанности возложения обязанности проведения внеплановой проверки согласно п. 2 Постановление № 336 из апелляционной жалобы истца на решение Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 06.03.2023 года ¹ в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 227 КАС РФ ² по результатам рассмотрения административного дела № 33а-8629/2023 об оспаривании решения, действия (бездействия) органа, наделенного государственными или иными публичными полномочиями в силу признания их не соответствующими нормативным правовым актам и нарушающими права, свободы и законные интересы административного истца, и об обязанности административного ответчика устранить нарушения прав, свобод и законных интересов административного истца или препятствия к их осуществлению. По смыслу приведенных законоположений для удовлетворения административного иска судом должна быть установлена совокупность 2 условий, которые судом не установлены, – это не только несоответствие оспариваемых решений, действий (бездействия) закону, но и нарушение такими решениями, действиями (бездействием) прав и законных интересов административного истца. И здесь, как следствие, решение районного суда оставлено в силе.

По решению Балокаливинского городского суда РО от 14.03.2023 по делу № 21-442/2023 ³, где в процессе производства по делу исковые требования истца о признании незаконным акта органа власти и о признании незаконным бездействия не были удовлетворены в силу действия ч. 2 ст. 21 Закона 52, которым установлено, что отходы производства и потребления, подлежат сбору, использованию, обезвреживанию, транспортировке, хранению и захоронению, условия и способы которых должны быть безопасными для окружающей среды, здоровья населения и среды обитания и которые должны осуществляться в соответствии с санитарными правилами и иными нормативными правовыми актами РФ⁴. Идентичная ситуация по решению Миллеровского районного суда Ростовской области от 01.08.2022 по делу № 2а-1176/2022 ⁵. В исковых требованиях истца о признании незаконным бездействия остались без удовлетворения в силу действия ч. 2 ст. 21 Закона 52 регулирующие отношения, возникающие в сфере обеспечения санитарных правил и иных нормативно-правовых актов РФ для безопасности жизни, здоровья населения, если это касается от доходов производства и потребления, транспортировка и иное.

Оперируя результатами судебной практики в Ростовской области, выставленные требования со стороны истца о признании незаконными актов органов власти и о признании незаконным бездействия в силу действия Закона № 52, Постановления № 336 остаются без удовлетворения суда. По результату проведенной правовой диагностики дальнейшее развитие механизма административно-правового регулирования и непосредственного

¹ Апелляционное определение СК по административному делу Ростовского областного суда от 05.06.2023 по делу № 33а-8629/2023. Банк судебной практики. Информационно-правовой портал Гарант.Ру: [сайт]. 2023. URL: <https://www.garant.ru/2023>. (дата обращения: 02.09.2023).

² Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., в вступ. в силу с 15.07.2023). Информационно-правовой портал Гарант.Ру: [сайт]. 2023. URL: <https://www.garant.ru/2023>. (дата обращения: 30.08.2023).

³ Решение Балокаливинского городского суда РО от 14.03.2023 г. по делу № 21-442/2023. Информационно-правовой портал Гарант.Ру: [сайт]. 2023. URL: <https://www.garant.ru/2023>. (дата обращения: 01.09.2023).

⁴ Решение Балокаливинского городского суда РО от 14.03.2023 г. по делу № 21-442/2023. Информационно-правовой портал Гарант.Ру: [сайт]. 2023. URL: <https://www.garant.ru/2023>. (дата обращения: 01.09.2023).

⁵ Решение Миллеровского районная суда Ростовской области от 01.08.2022 г. по делу № 2а-1176/2022. Информационно-правовой портал Гарант.Ру: [сайт]. 2023. URL: <https://www.garant.ru/2023>. (дата обращения: 22.08.2023).

воздействия органов исполнительной власти в сфере санитарно-эпидемиологических отношений видится в новых способах и инструментах, для решения задач нацеленных на эффективное правовое обеспечение в данной области.

Эффективное правовое обеспечение зависит от качества законодательства в основе следующих параметров:

1. Правовая определённость и обоснованность законодательных норм.
2. Учет интересов участников общественных отношений.
3. Обеспечение единства и согласованности правовых норм законодательного регулирования, их прогрессивное воздействие на участников общественных отношений и итоговый положительный результат практикоприменения.
4. Отсутствие отрыва норм права от динамики общественных отношений, регулирующих сферу санитарно-эпидемиологических отношений.
5. И, в общем, законодательства, лишённого полисемии и амбивалентности сущности права. И как совершенно справедливо отметила И.Д. Ягофарова, «те ограничения, которые устанавливает государство, часть населения воспринимает как позитивные меры, аргументируя это заботой государства о личности, другая часть видит в этом ущемление их прав и свобод» [Ягофарова, 2021, с. 37].

Следовательно, совокупность представленных параметров качества законодательства устремлены на повышение эффективности административно-правовых норм в сфере санитарно-эпидемиологических отношений.

Соблюдая природу и сущность права, общеправовых теорий, подходы юридической техники, принципы права, в частности принцип ценностной релевантности в правотворческой деятельности разработали базовую структуру теоретико-правового конструкта «Условная правовая модель» (на англ. *Conditionally legal model*, сокр. – РМ_{усл.}) как нового инструмента для решения задач нацеленных на эффективное правовое обеспечение в сфере санитарно-эпидемиологических отношений.

Базовая структура теоретико-правового конструкта РМ_{усл.} представлена в виде записи наиболее оптимального оценочного алгоритма анализируемых и измеримых правовых и юридических действий, включающих комплекс мер исследуемых во времени (t), необходимых для его выполнения:

$$PM_{\text{усл.}} = (a_t + b_t + c_t + d_t + f_t + \dots),$$

где: (a_t) – оперативное реагирование на проблемную (возможно критическую) ситуацию в регулировании сферы санитарно-эпидемиологических отношений, прорабатывая в полном объеме влияние внешних и внутренних угроз; факторы воздействия внешней и внутренней среды, определяющие факторы; прогнозные сценарии специалистов; показатели судебной практики, экспертные оценки, мониторинг показателей здравоохранения и т.д.;

(b_t) – описание проблемной (возможно критической) ситуации в регулировании сферы санитарно-эпидемиологических отношений во взаимной согласованности, обосновании и интерпретации характерных особенностей и признаков;

(c_t) – средне арифметическая взвешенность полученных количественных и качественных оценок анализируемых, измеримых правовых и юридических действий в исследуемой правовой области; установление точной причины проблемной (возможно критической) ситуации;

(d_t) – идентификация проблемной (возможно критической) ситуации в регулировании сферы санитарно-эпидемиологических отношений с целью установление закономерностей, предпосылок и обстоятельств, обуславливающих переход, изменения и усложнения в системном строении нормы административного права, регулирующей сферу санитарно-эпидемиологических отношений.

К основным требованиям оценочного алгоритма модели (РМ_{усл.}) относятся: простота, наглядность, индивидуальность, однозначность, определенность, учет, обратная связь.

Оценочный алгоритм (РМ_{усл.}) имеет эвристическое свойство, тем самым существует возможность внесения новых критериев оценки проблемной (возможно критической) ситуации. И в данном случае императивный и диспозитивный методы станут средствами оптимизации административно-правовых норм. К числу характерных черт императивного метода можно отнести выраженность в форме запретов и обязанностей, наличие неравенства между субъектами правового регулирования, отсутствие вариативности в поведении субъектов (возможен лишь один алгоритм действий, при нарушении которого применяются меры негативной юридической ответственности) [Федоров, 2023, с. 460].

Представленная базовая структура теоретико-правового конструкта РМ_{усл.} влияет на преобразование административно-правового регулирования сферы санитарно-эпидемиологических отношений, способствуя решению актуальных проблем и задач государственного управления. Расширение регулятивных способов административно-правового регулирования в сфере санитарно-эпидемиологических отношений с учетом интенсивности производства законодательных новелл и протекающих процессов правовой интеграции обеспечивают дальнейшее развитие и эффективное правовое обеспечение в данной области.

Заключение

Создание базовой структуры теоретико-правового конструкта «Условная правовая модель» в виде наиболее оптимального оценочного алгоритма анализируемых и измеримых правовых и юридических действий служит новым инструментом решения задач административного правового регулирования и непосредственного воздействия органов исполнительной власти в сфере санитарно-эпидемиологических отношений. В прогнозном сценарии предлагаем скорректировать действия для базовой структуры теоретико-правового конструкта «Условная правовая модель» в условиях критического анализа на этапах процедуры мониторинга для получения точных и достоверных фактических результатов судебной практики по принципу «обратной связи в праве» (feedback in law) за определенный период времени. И здесь обратная связь в праве в основе принципов естественного и позитивного права определяет новые предпосылки для производства качественного законодательства в сфере санитарно-эпидемиологических отношений.

Список литературы

- Федотова Ю.Г. 2018. Элементы механизма административно-правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. *Современное право*, 7-8: 15–22.
- Сидоров Э.Т. 2015. Совершенствование административно-правовых методов осуществления антитеррористической деятельности. *Вестник Московского университета МВД России*, 9: 88–93.
- Горшков М.К. 2011. Российское общество как оно есть. М., Новый хронограф, 672 с.
- Червонюк В.И. 2017. Прикладная юриспруденция и прикладные методы научного исследования в юридической отрасли науки. М., Московский ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 427 с.
- Ульянов А.Д., Жаглин А.В. 2021. Административно-правовые методы в сфере государственного управления. *Вестник Казанского юридического института МВД России. Право*, 2 (44): 270–275. DOI: 10.37973/KUI.2021.21.77.018
- Сахно А.И. 2021. Проблемы кодификации законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения Российской Федерации. *Сибирское юридическое обозрение*, 18(2): 216–227. DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-2-216-227
- Юн Л.В., Заманова А.Н. 2022. Актуальные вопросы разграничения полномочий органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов. *Вестник Российского университета кооперации*, 4(50): 143–146.

- Камилова Д.В., Джамалутдинова Д.Б. 2019. Конституционно-правовая природа разграничения предметов ведения и полномочий между уровнями государственной власти. Диссертационные исследования. *Закон и право*, 05: 43–44. DOI: 10.24411/2073-3313-2019-10191
- Ведяшкин С.В., Илюшин А.В. 2019. Разграничение полномочий федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ. *Вестник Томского государственного университета. Право*, 31: 53–62.
- Ягофарова И.Д. 2021. Амбивалентная сущность права: теоретико-методологический анализ. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*, 18(2): 35–39. DOI 10.24147/1990-5173.2021.18(2).35-39
- Федоров С.М. 2023. Императивность как залог успешного взаимодействия общества с государством. *Вопросы российской юстиции*, 23: 460–465.

References

- Fedotova YU.G. 2018. Elementy mekhanizma administrativno-pravovogo obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Elements of the Mechanism of Administrative and Legal Provision of National Security of the Russian Federation]. *Sovremennoe pravo*, 7-8: 15–22.
- Sidorov E.T. 2015. Sovershenstvovanie administrativno-pravovyh metodov osushchestvleniya antiterroristicheskoy deyatel'nosti [Improvement of Administrative and Legal Methods of Anti-Terrorist Activities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 9: 88–93.
- Gorshkov M.K. 2011. Rossijskoe obshchestvo kak ono est' [Russian Society as It Is]. M., Publ. Novyi khronograf, 672 p.
- СНervonyuk V.I. 2017. Prikladnaya yurisprudenciya i prikladnye metody nauchnogo issledovaniya v yuridicheskoy otrasli nauki [Applied Jurisprudence and Applied Methods of Scientific Research in the Legal Branch of Science]. M., Kikot, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 427 p.
- Ulyanov A.D., ZHaglin A.V. 2021. Administrative and legal methods in public administration. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. Pravo*, 2(44): 270–275. (in Russian). DOI: 10.37973/KUI.2021.21.77.018
- Sahno A.I. 2021. Problemy kodifikacii zakonodatel'stva o sanitarno-epidemiologicheskom blagopoluchii naseleniya Rossijskoj Federacii [Problems of codification of legislation on sanitary and epidemiological welfare of the Russian Federation population]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, 18(2): 216–227. DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-2-216-227
- Yun L.V., Zamanova A.N. 2022. Topical issues of delimitation of powers of state authorities of the russian federation and its subjects. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii*, 4(50): 143–146 (in Russian).
- Kamilova D.V., Dzhamalutdinova D.B. 2019. Konstitucionno-pravovaya priroda razgranicheniya predmetov vedeniya i polnomochij mezhdru urovnyami gosudarstvennoj vlasti [The Constitutional and Legal Nature of the Differentiation of Subjects of Competence and Powers Between the Levels of State Power]. *Dissertacionnye issledovaniya. Zakon i pravo*, 05: 43–44. DOI: 10.24411/2073-3313-2019-10191
- Vedyashkin S.V., Ilyushin A.V. 2019. Razgranichenie polnomochij federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti i organov ispolnitel'noj vlasti sub"ektov RF [Differentiation of Powers of Federal Executive Authorities and Executive Authorities of the Subjects of the Russian Federation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 31: 53–62.
- YAgofarova I.D. 2021. Ambivalentnaya sushchnost' prava: teoretiko-metodologicheskij analiz [Ambivalent Essence of Law: Theoretical and Methodological Analysis. Bulletin of Omsk University]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*, 18(2): 35–39. DOI 10.24147/1990-5173.2021.18(2).35-39
- Fedorov S.M. 2023. Imperativnost' kak zalog uspehnogo vzaimodejstviya obshchestva s gosudarstvom [Imperativeness as a Guarantee of Successful Interaction of Society and the State]. *Voprosy rossijskoj yusticii*, 23: 460–465.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.09.2023
Поступила после рецензирования 27.10.2023
Принята к публикации 15.11.2023

Received September 20, 2023
Revised October 27, 2023
Accepted November 15, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Голобородько Юлия Сергеевна, аспирант кафедры финансового и административного права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия.

Yulia S. Goloborodko, Post-graduate student of the Department of Financial and Administrative Law, Rostov State University of Economics Rostov-on-Don, Russia.

УДК 342.76

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-745-755

Абсолютные права: вымысел или реальность?

Лукьянова И.Ю.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71

Lukyanovalu22@yandex.ru

Аннотация. Современный конституционализм признает права и свободы человека в качестве высшей ценности. Между тем в Конституции Российской Федерации упоминается о возможности правомерного ограничения прав и свобод личности. В доктринальных исследованиях вокруг института ограничения прав и свобод личности ведутся активные дискуссии, что обусловлено отсутствием в законодательстве исключительного перечня прав и свобод абсолютного характера. Указанный пробел формирует размытые границы возможного государственного вмешательства в частную жизнь граждан и, как следствие, создает предпосылки нарушения прав и свобод. В связи с этим возникает необходимость в определении критериев абсолютных прав, на основе которых формируется возможность подтверждения или опровержения их существования. Автором проанализированы различные точки зрения ученых, а также правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации относительно проблемы существования прав абсолютного характера. Показано, что абсолютный характер прав обусловлен невозможностью их ограничения в силу человеческой сущности и правовой природы. На основе научных версий предложены авторские критерии выделения прав абсолютного характера: идентичность, неотчуждаемость, отсутствие противоречий между таким правом и иными конституционными ценностями. Подробно исследованы и охарактеризованы права и свободы человека и гражданина, перечисленные в положении ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации. Несмотря на критическое отношение ряда ученых к абсолютным правам, на основании доктринальных исследований и правовых позиций сделан вывод о существовании таких прав.

Ключевые слова: абсолютные права, ограничение прав и свобод, Конституция Российской Федерации, чрезвычайное положение, конституционные ценности, правовой статус личности

Для цитирования: Лукьянова И.Ю. 2023. Абсолютные права: вымысел или реальность? *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(4): 745–755. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-745-755

Absolute Rights: Fiction or Reality?

Irina Yu. Lukyanova

Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
71 Gorky St., Belgorod 308024, Russian Federation

Lukyanovalu22@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research is mediated by the significance of the institution of individual rights and freedoms at the present stage of the development of modern constitutionalism. In the constitutional text, human rights and freedoms are the highest value, which, however, does not imply unlimited freedom of will of individual social subjects of public relations. Individual rights and freedoms may be restricted by the State for human rights purposes in compliance with mandatory requirements, one of which is the prohibition of absolute rights restriction. However, to date, there is no consensus in the scientific community and in legal practice regarding the existence of such rights. The purpose of the study is to determine the criteria of absolute rights and, based on them, formulate a clear position regarding the confirmation or refutation of the existence of absolute rights. The analysis of the opinions of scientists and the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, in which the institution of

absolute rights is investigated, is carried out. The author proposes his own definition of absolute rights and highlights the criteria for attributing such rights to an absolute group. Special attention in the framework of the study is paid to the content of part 3 of article 56 of the constitutional text, which is quite controversial in legal science and practice. Despite the critical attitude of a number of scientists to absolute rights, on the basis of doctrinal research and legal positions, a conclusion is made about the existence of such rights.

Keywords: absolute rights, restriction of rights and freedoms, Constitution of the Russian Federation, state of emergency, constitutional values, legal status of the individual

For citation: Lukyanova I.Y. 2023. Absolute Rights: Fiction or Reality? *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 745–755 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-745-755

Введение

На современном этапе развития отечественного конституционализма институт прав и свобод человека не утрачивает своей значимости. В ст. 2 конституционного текста права и свободы человека признаются высшей ценностью, что, однако, не предполагает неограниченной свободы воли личности. В Конституции России предусмотрена возможность введения правомерных ограничений основных прав и свобод личности в легитимных целях (ч. 3 ст. 55). Правомерность таких ограничений обусловлена соблюдением ряда требований, одним из которых служит запрет ограничения абсолютных прав.

В доктринальных исследованиях и судебной практике нередко встречается упоминание о правах абсолютного характера, однако на сегодняшний день отсутствует единое мнение относительно интерпретации, правовой природы и факта их существования в целом. Так, Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин [2019, с. 133] основываются на том, что абсолютных прав не существует. Однако в большинстве доктринальных исследований авторы высказывают обратную точку зрения [Гасанов, Стремоухов, 2004, с. 165].

Разброс мнений формирует неоднозначность понятия абсолютного права и способствует размыванию границ государственного усмотрения относительно возможности регулирования отдельных вопросов частной жизни граждан. В связи с этим поставлена цель – определить критерии абсолютных прав и сформировать на их основе аргументы в пользу подтверждения или опровержения существования таких прав.

В рамках данного исследования разделение прав человека на абсолютные и относительные будем осуществлять в зависимости от возможности их правомерного ограничения. Полагаем, абсолютный характер того или иного права не сводится к соответствующей ему обязанности других лиц воздерживаться от нарушения такого права. Абсолютное право определяется исходя из его качественного содержания, а также человеческой природы.

«Абсолют» в переводе с латинского означает безусловный, неограниченный [Пивоваров, 2009, с. 110]. Безусловность свидетельствует об отсутствии каких-либо детерминантов, необходимых для возникновения той или иной категории. В то же время абсолютность рассматривается в научной литературе как единое, всеобщее [Третьяков, 2022, с. 170]. Идея абсолютного права была сформулирована еще в начале XX столетия в рамках разделения права на два полюса: право абсолютное и право относительное [Генкин, 2022, с. 124]. Так, Н.М. Коркунов понятие абсолютного права связывал с временным и историческим критериями, он утверждал, что «абсолютное право неизменно как во времени, так и в пространстве» [Коркунов, 2023, с. 20].

Н.М. Коркунов характеризует абсолютное право как право всеобщее. Понятие всеобщности права обусловлено масштабами его распространения. Абсолютное право существует, по мнению Н.М. Коркунова, в силу его естественной природы и принадлежит каждому человеку вне зависимости от его идентифицирующих признаков. Между тем, на наш взгляд, не совсем корректно утверждать о временной статичности абсолютного права. Это обусловлено цивилизационными различиями в контексте взглядов на право.

Абсолютное право: мириады мнений

Некоторые авторы связывают абсолютное право с существованием общерегулятивных правоотношений, в рамках которых конкретному праву одного лица противостоит соответствующая обязанность всех остальных субъектов права. Так, по мнению Н.И. Матузова, «корреспондирующая любому естественному субъективному праву обязанность может быть возложена на всякого, кто приходит в столкновение с носителем данного права по поводу пользования последним соответствующим благом» [Матузов, 2004, с. 18].

В словарях юридических терминов абсолютные права приобретают характер вещных прав¹. Нередко такое понимание встречается и в доктринальных исследованиях [Генкин, 2022, с. 131]. Между тем некоторые авторы рассматривают абсолютные права в разрезе взаимоотношений личности с органами публичной власти, то есть такие права признаются *государством* неприкосновенными, неограниченными [Соломоненко, 2018, с. 296]. К примеру, А.А. Троицкая утверждает, что абсолютные права – это права, «реализация которых не может быть поставлена в зависимость от результатов балансирования их с аналогичными или другими социальными благами» [Троицкая, 2015, с. 46]. В правовой позиции Конституционного Суда РФ отмечается также, что некоторые права имеют абсолютный характер².

Ч. 3 ст. 56 Конституции Российского государства предусматривает перечень прав и свобод, которые не подлежат ограничению³. Однако положения указанной нормы нередко подвергаются критике.

Наиболее часто встречается мнение, согласно которому ч. 3 ст. 56 Российской Конституции включает в себя перечень абсолютных прав, не подлежащих ограничению ни при каких условиях. Так, Ю.А. Дмитриев утверждает, что «права и свободы, перечисленные в указанной норме, не подлежат ограничению ни в рамках введения чрезвычайного положения, ни в рамках протекания нормальных условий жизнедеятельности» [Конституция..., 2013, с. 279]. Аналогичной позиции придерживаются и другие авторы [Комментарий..., 2023, с. 135], а также Конституционный Суд РФ⁴.

Между тем в комментариях к Конституции Российской Федерации отмечается, что «само закрепление в данной норме конкретных прав и свобод не обуславливает их абсолютный характер и вовсе не означает, что они не подлежат ограничению в обычных условиях жизнедеятельности» [Комментарий..., 2013, с. 441]. А.А. Троицкая отмечает, что «ст. 56 Конституции, будучи посвящена чрезвычайному положению, в своей части 3 устанавливает не абсолютный запрет на ограничение перечисленных в ней прав, а запрет, рассчитанный только на этот особый режим» [Троицкая, 2015, с. 45]. А.А. Подмарев, в свою очередь, утверждает, что «ч. 3 ст. 56 Конституции России является прямым продолжением ч. 1 данной нормы» [Подмарев, 2019, с. 71-72].

Некоторые из вырабатываемых Конституционным Судом РФ правовых позиций по вопросу допустимости и правомерности ограничений конституционных прав и свобод разнятся с содержанием ч. 3 ст. 56 Конституции России. Так, данная норма в качестве абсолютного права предусматривает право каждого на судебную защиту прав и свобод, а также обжалование в суд действий (бездействий) государственных органов и должностных лиц (ст. 46). При этом в постановлении Конституционного Суда РФ от 20 января 2023 года № 3-П отмечается допустимость правомерных ограничений указанного права⁵.

¹ Большой юридический словарь. М. : Проспект, 2011. С. 4.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 05.12.2012 № 30-П // СЗ РФ. 2012. № 51. Ст. 7324.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) (с изм. от 04.10.2022) // Российская газета, № 144. 2020.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 № 448-О // СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1764.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2023 N 3-П // СЗ РФ. 2023. № 5. Ст. 914.

В свою очередь, Конституционный Суд РФ в определении от 18 июля 2017 года № 1447-О утверждает, что гарантии судебной защиты, включая право, предусмотренное ст. 46 Конституции, допускают правомерные ограничения в легитимных целях¹. Анализируя право на свободный доступ к правосудию и законный суд, Конституционный Суд РФ также отмечает, что указанные полномочия «по своей природе требуют законодательного регулирования» с учетом соблюдения «требований разумной соразмерности между используемыми средствами и поставленной целью, с тем чтобы не допустить такого ограничения указанных прав, которое затрагивало бы самое их существо»².

По нашему мнению, абсолютное право в контексте конституционно-правовых отношений представляет собой субъективное право, принадлежащее всем индивидуальным социальным субъектам таких отношений с момента рождения и до момента смерти, при этом не вступающее в противоречие с иными конституционными ценностями.

В качестве обязательного элемента абсолютного права нам видится его всеобщность, идентичность. Данный критерий свидетельствует о признании и гарантированности такого права всеми государствами вне зависимости от его нормативного закрепления. Между тем всеобщность и идентичность абсолютного права как его базовые характеристики необходимо рассматривать в контексте современного состояния общественных институтов. Это обусловлено в первую очередь различиями в содержании и состоянии законодательства, в том числе прав и свобод.

Абсолютное право принадлежит каждому с момента рождения и является неотчуждаемым, не ограничиваемым. Употребляя слово «каждый», мы имеем ввиду физическое лицо – гражданина того или иного государства или иностранца.

Основным критерием выделения из общей массы права абсолютного характера выступает отсутствие противоречий между таким правом и иными конституционными ценностями. В правовых позициях Конституционного Суда РФ встречается упоминание об указанном критерии³. Соответственно, если право не вступает в конфронтацию с другими ценностями, то и балансирование частных и публичных интересов, как один из критериев правомерности ограничений прав и свобод, не является целесообразным.

Диссонанс в понимании Конституции

На основе представленных критериев, а также исходя из анализа перечня прав и свобод, нашедших отражение в ч. 3 ст. 56 Конституции России, попробуем обосновать или опровергнуть существование прав абсолютного характера.

Право на жизнь в конституционном тексте называется в числе первых. Право на жизнь признается в рамках международного сообщества и является неотъемлемым правом каждого человека (ч. 1 ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах⁴, ст. 3 Всеобщей декларации прав человека⁵, ч. 1 ст. 20 Конституции Российской Федерации, ст. 24 Конституции Республики Беларусь⁶, ст. 2 Конституции Германии⁷).

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1447-О // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 2017.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2006 № 3-П // СЗ РФ. 2006. № 16. Ст. 1775.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П // СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1764.

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

⁵ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998.

⁶ Конституция республики Беларусь (принята 15.03.1994 с изменениями, принятыми на республиканском референдуме 27.02.2022) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 1, 1/0.

⁷ Основной закон Федеративной Республики Германия (Принят 23.05.1949) // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учебное пособие. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 164–245.

Исходя из сущности и правовой природы право на жизнь представляет собой в первую очередь право каждого человека на физическое существование [Зайцева, 2015, с. 38]. С другой стороны, право на жизнь обусловлено гарантированным органами публичной власти запретом на произвольное лишение жизни человека. Между тем право на жизнь выступает важнейшим и первостепенным условием реализации остальных прав и свобод личности. Это свидетельствует о том, что указанное право является высшей конституционной и общечеловеческой ценностью.

В «Комментариях к Конституции Российской Федерации «право на жизнь не подлежит никаким ограничениям» [Комментарий..., 2023, с. 63]. Аналогичного мнения придерживаются другие авторы, отмечая при этом, что «право на жизнь по своему существу исключает какие-либо формы или степени ограничений, а лишение лица жизни не может быть признано адекватным ни запрету отменять права и свободы человека, ни допустимости только таких ограничений конституционных прав, которые не посягают на само существование права и являются соразмерными» [Комментарий..., 2013, с. 843–855].

Тем не менее право на жизнь нельзя признать абсолютным в силу следующих факторов. Во-первых, право на жизнь невозможно ограничить, поскольку любое посягательство на жизнь человека (пусть даже в правозащитных целях) будет рассматриваться как лишение этого права.

Международным и национальным законодательством предусмотрен запрет произвольного лишения жизни человека. При этом за особо тяжкие преступления против жизни в качестве наиболее строгой меры наказания предусмотрена смертная казнь. Несмотря на тот факт, что в рамках реализации принципа гуманизма в большинстве государств на применение смертной казни наложен мораторий, на сегодняшний день все-таки существует ряд стран, в которых смертная казнь применяется (Вьетнам, Китай, Саудовская Аравия, Египет и т.д.).

В некоторых случаях право на жизнь может вступать в противоречие с иными конституционными ценностями – правом на жизнь других лиц, общественной или государственной безопасностью, защищенностью основ конституционного строя. Как отечественным, так и зарубежным законодательством предусмотрена исключительная возможность применения силы органами исполнительной власти в связи с отражением опасности для жизни. Так, лишение жизни другого человека допускается российским (ст. 37 УК РФ ¹) и зарубежными законодательствами (ст. 21 УК Испании ², ст. 1 гл. 24 УК Швеции ³) в состоянии необходимой обороны. На основании ст. 22 ФЗ «О противодействии терроризму» правомерное лишение жизни другого человека допускается государственными органами в рамках реализации деятельности по борьбе с терроризмом и пресечению террористического акта ⁴.

Таким образом, приходим к выводу, что право на жизнь не носит абсолютного характера.

На наш взгляд, иначе дело обстоит с правом каждого на защиту достоинства личности (ст. 21 Конституции России). В большинстве международных источников достоинство рассматривается, скорее, не в качестве права человека, а как гуманистический ориентир функционирования демократических государств (Международный пакт о гражданских и политических правах, Всеобщая декларация прав человека, Устав ООН ⁵).

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Кузнецова Н.Ф. Уголовный кодекс Испании. М.: ЗЕРЦАЛО, 1998. С. 4.

³ Кузнецова Н.Ф. Уголовный кодекс Швеции. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 231.

⁴ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

⁵ Устав Организации Объединенных Наций (Принят 26.06.1945) // Действующее международное право. М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 7–33.

Человеческое достоинство, как и право на жизнь, выступает важнейшим элементом и юридическим началом основ правового статуса личности в России. Достоинство личности является общим условием существования основных прав и свобод человека и гражданина. Однако данная категория приобретает различное наполнение в зависимости от конкретной правовой культуры.

Понятие человеческого достоинства напрямую связано с противопоставлением насилию, пыткам, проведению опытов в отношении человека. Такие действия признаются унижающими достоинство личности. Унижение, в свою очередь, предполагает падение значимости и ценности человеческих качеств.

Исходя из сказанного, приходим к выводу о том, что достоинство личности нельзя назвать субъективным правом каждого. Достоинство – природная характеристика каждого человека, которую нельзя отобрать или ограничить. При этом достоинство может выступать критерием соразмерности правомерного ограничения основных прав и свобод личности. Правомерные ограничения не могут в какой бы то ни было степени затрагивать человеческое достоинство.

Однако каждый обладает правом на защиту своего достоинства. В силу абсолютного характера достоинства личности и естественной природы человеческой сущности указанное право не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах.

В числе прав абсолютного характера Конституция России предусматривает право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну существует и в зарубежных конституциях (ст. 37, ст. 38 Конституции Афганистана¹, ст. 38, ст. 28 Республики Беларусь).

Право на неприкосновенность частной жизни свидетельствует об отсутствии контроля за общественными отношениями со стороны органов публичной власти. По определению М.В. Баглая, «частную жизнь составляют те стороны личной жизни человека, которые он в силу своей свободы не желает делать достоянием других»². К таким сторонам можно отнести неформальные связи, личные переживания человека, быт, увлечения и так далее. Право на неприкосновенность частной жизни включает в себя также право на личную и семейную тайну.

Конституционный суд РФ выработал правовую позицию согласно толкования такого права в юридической практике³. Неприкосновенность частной жизни рассматривается как возможность каждого человека контролировать информацию о самом себе. Сюда входит и право препятствовать разглашению сведений о частной жизни лица.

Между тем, раскрывая правовую природу права на неприкосновенность частной жизни и права на личную и семейную тайну, можно утверждать, что они далеко не абсолютны, поскольку могут быть ограничены в установленном законом порядке. Так, в рамках осуществления наблюдения в жилище с применением специальных технических средств каждое из представленных выше прав ограничивается в легитимных целях. Федеральным законодательством предусмотрена прямая обязанность соответствующих структур по предоставлению правоохранительным органам сведений, составляющих ту или иную тайну. При этом ч. 3 ст. 56 Конституции РФ наделяет абсолютным характером право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, минуя при этом право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Однако, как было установлено ранее, указанное право является неотъемлемым элементом права на неприкосновенность частной жизни.

¹ Конституция Исламской Республики Афганистан (Принята 04.01.2004). URL: <https://ecolog.ru/docs/wPmM7Z5r30sozCWfINbib/full> (дата обращения: 25.09.2023).

² Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма: Инфра-М, 2018. С. 181.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 № 248-О // СПС КонсультантПлюс.

Право на защиту своей чести и доброго имени выступает в России как самостоятельное конституционное право. Зарубежное конституционное законодательство не выделяет указанное право в качестве самостоятельного. В научном сообществе юридическая природа указанного права практически не раскрывается. Это может быть обусловлено интегрированием права на защиту чести и доброго имени с правом на неприкосновенность частной жизни, что, полагаем, нецелесообразно.

Право на защиту своей чести предусмотрено ст. 152 Гражданского кодекса РФ¹. Честь рассматривается как «категория нравственного, морального порядка» [Петрова, 2018, с. 10]. В юридическом словаре честь представляет собой «нравственную категорию, которая связывается с оценкой личности в глазах окружающих и отражает конкретное общественное положение человека, род его деятельности и признание его моральных заслуг»².

Феномен доброго имени также необходимо рассматривать как нематериальное благо. При этом некоторые авторы отмечают, что данная категория идентична категории чести [Белых, Пучков, 2021, с. 29]. Другие авторы приходят к выводу о том, что доброе имя является обобщающей категорией для чести, достоинства и деловой репутации [Колосова, 2011, с. 265]. Такое понимание обусловлено отсутствием юридической практики по защите доброго имени. В то же время предполагается, что доброе имя можно рассматривать в качестве совокупности сведений о лице, характеризующих его как законопослушного и благонадежного члена общества.

Исходя из сказанного, приходим к выводу, что честь является общераспространенной категорией в отличие от доброго имени. Однако рассматривая указанные категории как тесно взаимосвязанные, можно утверждать, что в зарубежных конституциях право на защиту доброго имени интегрировано в право на защиту чести и достоинства личности. В связи с этим, полагаем, право на защиту чести и доброго имени обладает абсолютным характером.

В качестве самостоятельного права Конституцией выделяется право на защиту информации о частной жизни лица (ч. 1 ст. 24). Запрещается сбор, хранение, использование и распространение такой информации без согласия указанного лица. Однако можно сразу констатировать, что такое право не может быть признано абсолютным в силу предусмотренной в законе возможности его правомерного ограничения.

Правоохранительные, налоговые, банковские органы, страховые компании, медицинские организации имеют право на сбор, систематизацию, хранение и использование информации о частной жизни физических лиц. Между тем законодательством предусмотрено, что такая информация является конфиденциальной, а ее распространение признается уголовно наказуемым деянием.

Однако в отдельных случаях законодатель вводит исключения. Так, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции» сотрудники полиции имеют право запрашивать и получать необходимую информацию, в том числе персональные данные граждан, от различных органов и организаций, если это необходимо по уголовному делу, делу об административном правонарушении или в рамках проверки поступающих в полицию сообщений, заявлений³. Идентичным правом обладают сотрудники ФСБ России (п. «м» ст. 13 ФЗ «О федеральной службе безопасности»⁴).

Право каждого на возможность ознакомления с информацией, непосредственно затрагивающей права и свободы личности, также не является абсолютным. Во-первых, ч. 2 ст. 24 конституционного текста предусматривает оговорку: «если иное не предусмотрено

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Краткий юридический словарь / под ред. А.В. Малько. М.: Проспект, 2020. С. 112.

³ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

⁴ Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.

законом». Для некоторой информации законодатель предусматривает специальный правовой статус, не позволяющий разглашать такие сведения. Правовая позиция Конституционного суда РФ подтверждает сказанное¹.

Право на защиту информации о частной жизни лица, а также право на ознакомление со сведениями, непосредственно затрагивающими права и свободы личности подлежат ограничению также и в иностранных государствах (ст. 35 Конституции Республики Албания², ст. 38 Конституции Республики Словения³).

В качестве права абсолютного характера ч. 3 ст. 56 Конституции РФ называет право на свободу совести и вероисповедания. В силу того, что Российская Федерация – светское государство, каждый человек вправе исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Каждый человек может самостоятельно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения, а также поступать в соответствии с ними (ст. 28). В некоторых государствах, например, в Ватикане, Монако, Дании, Норвегии, устанавливается официальная государственная религия.

Право на распространение религиозных убеждений также ограничено законом. Запрещается распространять религиозные убеждения, отражающие экстремистскую, террористическую направленность, а также убеждения, содержание призывы к разжиганию ненависти или вражды по отношению к другой религии или религиозной группе.

Закрепленное в Конституции России в качестве абсолютного право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности подлежит ограничению (ст. 34). Так, государственные служащие в Российской Федерации не имеют этого права в силу возложенных на них полномочий. К тому же конституционный текст в содержании указанной нормы содержит оговорку: «не запрещенной законом деятельности».

Право каждого на жилище признается одним из важнейших материальных условий существования человека в обществе. Право на жилище признается международным сообществом, а также конституциями иностранных государств. Указанное право характеризуется как гарантированная возможность каждого человека иметь постоянное место жительства. Между тем право на жилище может быть ограничено в соответствии со ст. 35 ЖК РФ, которая предусматривает возможность правомерного выселения гражданина из жилища⁴.

В ч. 3 ст. 56 Конституции всевозможные гарантии на государственную защиту признаются правами абсолютного характера. Конституционный текст относит к ним следующие права: на судебную защиту прав и свобод (ст. 46), на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48), не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников (ст. 51), на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53), а также другие права и свободы, обеспечивающие государственную защиту.

Гарантии государственной защиты представляют для человека особую значимость, поскольку они способствуют полноценному функционированию правового статуса личности и охране ее достоинства. Указанные гарантии занимают важное место на международной арене и в ряде других государств.

Поддерживая представленную точку зрения, необходимо отметить, что гарантии на государственную защиту прав и свобод личности не могут быть ограничены.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 № 3-П // СЗ РФ. 2000, № 9. Ст. 1066.

² Куприц Н.Я. Конституция и основные законодательные акты Народной Республики Албании. М.: Изд-во иностр. лит., 1951. С. 24.

³ Конституция Республики Словения (Принята 23.12.1991) // Официальный вестник Республики Словения. № 68/06. 2006.

⁴ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 2005. № 1. Ст. 14.

Наряду с правами и свободами, перечисленными в ч. 3 ст. 56 Конституции России, абсолютный характер, на наш взгляд, имеют право на пользование родным языком, а также право определять и указывать свою национальную принадлежность. Указанные права вне зависимости от их нормативного закрепления в законодательстве различных стран возникают у каждого человека с момента рождения и теряют свою необходимость с его смертью. Ограничить представленные права невозможно не только в силу их правовой сущности, но и в силу их значимости для человека в общественной жизни.

Каждое право соответствует выработанным критериям.

Заключение

Таким образом, абсолютные права существуют, но не все права и свободы, перечисленные в ч. 3 ст. 56 Конституции России, являются абсолютными. Их ограничение запрещено исключительно в условиях введения чрезвычайного положения, что обусловлено в первую очередь характером общественной обстановки. Между тем некоторые из перечисленных прав и свобод не подлежат ограничению ни при каких обстоятельствах, в силу чего именуются абсолютными.

Основными критериями, позволяющими выделять права и свободы абсолютного характера, являются следующие. Во-первых, абсолютное право является всеобщим, идентичным. Это означает, что социально-демографические, территориальные, религиозные, политические, расовые, национальные и иные критерии не влияют на обладание той или иной правовой возможностью. Во-вторых, абсолютное право принадлежит человеку с момента рождения и до момента смерти. В-третьих, абсолютное право не может вступать в противоречие с иными конституционными ценностями.

Исходя из выработанных критериев, приходим к выводу, что абсолютные права в Конституции Российской Федерации существуют. К ним относятся следующие права: на защиту достоинства личности, чести и доброго имени, пользование родным языком, право определять и указывать свою национальную принадлежность, а также права, обеспечивающие государственную защиту прав и свобод человека и гражданина.

Список источников

- Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2013. Под ред. В.Д. Зорькина. М.: Норма, ИНФРА-М, 1040 с.
- Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий (постатейный). 2013. Рук. авт. колл. Ю.А. Дмитриев. М., Статут, 686 с.
- Конституция Российской Федерации: комментарий. 1994. Под ред. и со вступ. ст. Б.Н. Топорнина. М., Юрист, 830 с.
- Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. Обращ. к читателям: В.В. Путин. 2023. Под ред. Т.Я. Хабриевой. М., ИНФА-М, 368 с.

Список литературы

- Белых В.С., Пучков В.О. 2021. Концепция доброго имени в отечественном праве и правовой доктрине: социокультурный генезис. *Российский юридический журнал*, 1: 28–45. DOI: [10.34076/20713797_2021_1_28](https://doi.org/10.34076/20713797_2021_1_28)
- Гасанов К.К., Стремouxов А.В. 2004. Абсолютные права человека и ограничения прав. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 1(252): 164–173.
- Генкин Д.М. 2022. Право собственности как абсолютное субъективное право. *Вестник гражданского права*, 22(4): 123–136. DOI: [10.24031/1992-2043-2022-22-4-123-136](https://doi.org/10.24031/1992-2043-2022-22-4-123-136)
- Зайцева А.М. 2015. Ограничение естественного права на жизнь в позитивном праве. *Конституционное и муниципальное право*, 9: 33–44.

- Колосова В.И., Вавилычева Т.Ю. 2011. Деловая репутация: понятие, проблемы правового регулирования и охраны. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 3-1: 258–266.
- Коркунов Н.М. 2023. Лекции по общей теории права. М., Издательство Юрайт, 352 с.
- Матузов Н.И. 2004. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Издательство Саратов. гос. акад. права, 510 с.
- Петрова И.Л. 2018. Защита достоинства и деловой репутации: юрислингвистический аспект. Владимир, Шерлок-пресс, 95 с.
- Пивоваров Д.В. 2009. Абсолютное и относительное: категориальный анализ. *Вестник Уральского института экономики, управления и права*, 2(7): 104–120.
- Подмарев А.А. 2019. Неограничиваемые (абсолютные) права и свободы человека и гражданина в Конституции РФ 1993 г. и международных актах. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 4(84): 69–75. DOI: 0.35750/2071-8284-2019-4-69-75
- Соломоненко Н.Н. 2018. Абсолютные права и свободы человека и гражданина – конституционное закрепление. В кн.: Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: Материалы Международной научно-практической конференции (Краснодар, 10 мая 2018 г.). Краснодар, Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации: 295–298.
- Троицкая А.А. 2015. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного Суда РФ. *Сравнительное конституционное обозрение*, 2(105): 45–69.
- Третьяков С.В. 2022. Д.М. Генкин, дискуссия об абсолютных правах вне правоотношений и некоторые вопросы классификации субъективных гражданских. *Вестник гражданского права*, 22(4): 159–188. DOI: 10.24031/1992-2043-2022-22-4-151-188
- Хабриева Т.Я. Чиркин В.Е. 2019. Теория современной конституции. М., Норма, 320 с.

References

- Belyh V.S., Puchkov V.O. 2021. Konceptsiya dobrego imeni v otechestvennom prave i pravovoj doktrine: sociokul'turnyj genesis [The Concept of a Good Name in Domestic Law and Legal Doctrine: Socio-Cultural Genesis]. *Rossijskij juridicheskij zhurnal*, 1: 28–45. DOI: 10.34076/20713797_2021_1_28
- Gasarov K.K. 2004. Absolyutnye prava cheloveka i ogranicheniya prav. Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij [Absolute Human Rights and Limitations of Rights. News of Higher Educational Institutions]. *Pravovedenie*, 1(252): 164–173.
- Genkin D.M. 2022. Property Right as an absolute Subjective Right. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 4: 123–136 (in Russian). DOI: 10.24031/1992-2043-2022-22-4-123-136
- Zaytseva A.M. 2015. Restriction of the natural right to life in positive law. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 9: 33–44 (in Russian).
- Kolosova V.I., Vavilycheva T.YU. 2011. Delovaya reputaciya: ponyatie, problemy pravovogo regulirovaniya i ohrany [Business Reputation: The Concept, Problems of Legal Regulation and Protection]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 3-1: 258–266.
- Korkunov N.M. 2023. Lekcii po obshchej teorii prava [Lectures on the General Theory of Law]. Moscow, Publ. YUrajt, 352 p.
- Matuzov N.I. 2004. Aktual'nye problemy teorii prava [Actual Problems of the Theory of Law]. Saratov, Publ. Sarat. gos. akad. prava, 510 p.
- Petrova I.L. 2018. Zashchita dostoinstva i delovoj reputacii: yurislingvisticheskij aspekt [Protection of Dignity and Business Reputation: the Legal Linguistic Aspect]. Vladimir: SHERlok-press, 95 p.
- Pivovarov D.V. 2009. Absolyutnoe i otnositel'noe: kategorial'nyj analiz [Absolute and Relative: Categorical Analysis]. *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava*, 2(7): 104–120.
- Podmarev A.A. 2019. Neogranichivaemye (absolyutnye) prava i svobody cheloveka i grazhdanina v Konstitucii RF 1993 g. i mezhdunarodnyh aktah [Unlimited (Absolute) Human and Civil Rights and Freedoms in the Constitution of the Russian Federation of 1993 and International Acts]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 4(84): 69–75. DOI: 0.35750/2071-8284-2019-4-69-75

- Solomonenko N.N. 2018. Absolyutnye prava i svobody cheloveka i grazhdanina – konstitucionnoe zakreplenie. Pravo i gosudarstvo: problemy metodologii, teorii i istorii [The Absolute rights and Freedoms of Man and Citizen – Constitutional Recognition]. In: Pravo i gosudarstvo: problemy metodologii, teorii i istorii [Law and the State: Problems of Methodology, Theory and History]. Materials of the International Scientific and Practical Conference, May 10, 2018, Krasnodar, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: 295–298.
- Troickaya A.A. 2015. Predely prav i absolyutnye prava: za ramkami principa proporcional'nosti? Teoreticheskie voprosy i praktika Konstitucionnogo Suda RF [Limits of Rights and Absolute Rights: Beyond the Principle of Proportionality? Theoretical Issues and Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*, 2: 45–69.
- Tret'yakov S.V. 2022. D.M. Genkin, diskussiya ob absolyutnyh pravah vne pravootnoshenij i nekotorye voprosy klassifikacii sub"ektivnyh grazhdanskih [D.M. Genkin, Discussion of Absolute Rights Outside Legal Relations and Some Issues of Classification of Subjective Civil Rights]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 22(4): 159–188. DOI: 10.24031/1992-2043-2022-22-4-151-188
- Habrieva T.YA. Chirkin V.E. 2019. Teoriya sovremennoj konstitucii [Theory of the Modern Constitution]. Moscow, Publ. Norma, 320 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 25.10.2023

Received October 25, 2023

Поступила после рецензирования 27.11.2023

Revised November 27, 2023

Принята к публикации 30.11.2023

Accepted November 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лукьянова Ирина Юрьевна, преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Irina Yu. Lukyanova lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod, Russia.

УДК 342.1

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-756-764

Эволюция правового регулирования территорий с особенностями организации местного самоуправления

Мокроусова К.А., Нифанов А.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
novikova_a@bsu.edu.ru

Аннотация. Территории с особым статусом представляют научный и практический интерес в силу их специфики, связанной с установлением и организацией на них публичной власти. В доктрине юридической науки до настоящего времени не выработан универсальный подход к содержательной интерпретации заявленных территорий. В части регламентации территорий с особенностями организации местного самоуправления современное российское законодательство находится в переходной стадии обновления согласно конституционному принципу единства системы публичной власти. Учитывая теоретические и прикладные аргументы, авторы в данной работе обратились к раскрытию отечественного опыта законодательного регулирования территорий с особенностями организации местного самоуправления. В этой связи был осуществлен анализ специальных нормативных правовых актов, принятых с 1991 года. Особое внимание уделено проекту федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (2022 г.) в части подхода к легализации территорий с особенностями организации местного самоуправления. В качестве итога предложена авторская периодизация развития российского законодательного регулирования статуса территорий с особенностями организации местного самоуправления.

Ключевые слова: закон, законопроект, военный городок, наукоград, федеральная территория, приграничная территория

Для цитирования: Мокроусова К.А., Нифанов А.Н. 2023. Эволюция правового регулирования территорий с особенностями организации местного самоуправления. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 48(4): 756–764. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-756-764

Evolution of the Legal Regulation of Territories with the Peculiarities of the Organization of Local Self-government

Kseniya A. Mokrousova, Aleksey N. Nifanov

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
novikova_a@bsu.edu.ru

Abstract. Territories with a special status are of scientific and practical interest due to their specifics related to the establishment and organization of public authority on them. The doctrine of legal science has not yet developed a universal approach to the substantive interpretation of the declared territories. With regard to the regulation of territories with the peculiarities of the organization of local self-government, modern Russian legislation is in a transitional stage of renewal according to the constitutional principle of the unity of the system of public power. Taking into account theoretical and applied arguments, the authors in this paper turned to the disclosure of the domestic experience of

legislative regulation of territories with the peculiarities of the organization of local self-government. In this regard, the analysis of special regulatory legal acts adopted since 1991 was carried out. Special attention was paid to the draft federal law "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Unified System of Public Authority" (2022) in terms of the approach to the legalization of territories with the peculiarities of the organization of local self-government. As a result, the author's periodization of the development of the Russian legislative regulation of the status of territories with the peculiarities of the organization of local self-government is proposed.

Keywords: law, draft law, military town, science city, federal territory, border territory

For citation: Mokrousova K.A., Nifanov A.N. 2023. Evolution of the Legal Regulation of Territories with the Peculiarities of the Organization of Local Self-government. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 756–764 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-756-764

Введение

Являясь одной из основ конституционного строя Российской Федерации, «местное самоуправление занимает и занимало особое место в сложноорганизованной и этнотерриториальной системе Российского государства» [Щепачев, 2018, с. 46]. Предваряя раскрытие эволюции правового регулирования территорий с особенностями организации местного самоуправления, уточним соответствующий хронологический период.

Общепризнанно связывать становление и развитие законодательства о местном самоуправлении с принятием Конституции Российской Федерации 1993 года, поскольку советский опыт был представлен органами государственной власти на местах. Вместе с тем все-таки справедливо мнение, что фундамент российской муниципальной идеологии был заложен 9 апреля 1990 г. Законом СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» [Чупилкина, 2016], определившим «стратегию местного самоуправления, соотношение между центральными и местными органами власти» [Постовой, Таболин, Черногор, 2016].

С учетом данной важной ремарки в юридической науке этапы развития законодательства о местном самоуправлении связывают с принятием специальных законов или внесением в них изменений. Так, Е.С. Шугрина, следуя заявленному критерию, выделяет несколько этапов в становлении специального законодательства:

– декабрь 1993 г. – август 1995 г. (правовое регулирование местного самоуправления конституционными нормами и указами Президента Российской Федерации);

– август 1995 г. – октябрь 2003 г. (реформирование местного самоуправления на основе принятого в 1995 году Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»);

– октябрь 2003 г. – май 2014 г. (контрреформы местного самоуправления согласно нормам Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 г., предусмотревшим централизацию власти, сокращение объема полномочий субъектов Российской Федерации по правовому регулированию местного самоуправления и пр.);

– с мая 2014 г. – «контрреформирование контрреформ местного самоуправления» при «сохранении общей централизации власти субъектов Российской Федерации и получении значительного объема полномочий по правовому регулированию местного самоуправления, усилении унификации местного самоуправления, изменении правил определения компетенции органов местного самоуправления, их взаимоотношений с органами государственной власти» [Шугрина, 2014, с. 2–19].

На наш взгляд, современный этап развития законодательства о местном самоуправлении длится с 2020 года, когда в Конституцию Российской Федерации были внесены поправки в части принципа единства системы публичной власти и принципа взаимодействия

органов государственной власти и органов местного самоуправления в интересах населения (ч.ч. 2 и 3 ст. 132). Легализация юридической конструкции публичной власти, на наш взгляд, является начальным юридическим шагом к содержательному наполнению последней, поскольку до настоящего времени законодательно понятие публичной власти не определено.

В доктрине правовой науки однозначная интерпретация публичной власти также отсутствует, но можно привести сложившиеся подходы. Так, общепризнанно, что государственная власть и муниципальная власть представляют собой самостоятельные виды публичной власти [Авакьян, 2014; Белоусова, 2011; Воробьева, 2012]. По мнению В.А. Щепачева, «в настоящее время степень экономической, административной, политической зависимости местного самоуправления от государственной власти различна, но сам факт ее наличия неоспорим. Часть осуществляемых органами местного самоуправления функций имеет ярко выраженную государственно-властную природу, и это дает основание рассматривать их в качестве одного из составных элементов механизма публичной власти» [Щепачев, 2018, с. 46].

По мнению отдельных ученых, после принятия Конституции Российской Федерации термин «публичная власть» стал употребляться в качестве понятия, объединяющего понятия «государственная власть Российской Федерации», «государственная власть субъектов Российской Федерации» и «местное самоуправление» [Минаков, 2008, с. 5].

Рассуждения отдельных ученых о структурировании публичной власти приводят к выводу о занимаемом в ней низовом уровне муниципальной власти [Щепачев, 2018, с. 46]. Противоположностью здесь выступает мнение, позиционирующее публичную власть как «особую и самостоятельную власть, не совпадающую по своему содержанию и объему с властью государственной» [Югов, 1999, с. 52].

Сложный многосоставной характер публичной власти демонстрирует В.Е. Чиркин, включая в нее «суверенную государственную власть как высшую разновидность публичной власти; публичную власть субъекта Российской Федерации как государствовподобную несuverенную публичную власть; публичную власть автономного территориального образования как негосударственную автономная публичную власть, уступающую по своим властным качествам публичной государствовподобной власти субъекта Российской Федерации; негосударственную муниципальную публичную власть» [Чиркин, 2013, с. 42].

Интересной представляется позиция С.А. Авакьяна, отождествляющая публичную власть с властью народа со следующими характерными признаками: «осуществляется с целью достижения общего блага, т. е. публичного интереса; обращена как ко всему обществу в целом, так и к каждому члену этого общества в частности; всеобщая доступность; открытость; реализация всем населением государства либо его частью, проживающей на конкретной территории; использует методы убеждения, воспитания, поощрения, а при необходимости метод принуждения» [Авакьян, 2015, с. 445].

При таком многообразии подходов, на наш взгляд, аргументированно расценивать органы местного самоуправления и органы государственной власти в качестве части системы публичной власти России. Однако справедливо будет разделить высказанное мнение, что указанные две разновидности власти не исчерпывают собой публичную власть, поскольку «она реализуется многонациональным народом России прежде всего посредством форм прямого волеизъявления» [Филиппова, 2020, с. 27].

Законодательное регулирование статуса территорий с особенностями организации местного самоуправления

Представим результаты анализа отечественного законодательства на предмет выявления в нем норм о территориях с особенностями организации местного самоуправления.

Итак, рамочный Закон СССР от 9 апреля 1990 г. № 1417-1 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» в ч. 2 ст. 7 указал, что «действие за-

конов Союза ССР, союзных и автономных республик о местном самоуправлении распространяется также на монофункциональные поселения (территории военных городков, поселения закрытого типа)»¹. Таким образом, в 1990 году на законодательном уровне прообраз территорий с особенностями организации местного самоуправления был легализован в качестве монофункциональных поселений, к которым относились территории военных городков, поселения закрытого типа.

Вслед за рамочном советским законом аналогичная норма была размещена в ч. 2 ст. 3 Закона Российской Федерации от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации»².

В Федеральном законе от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» была закреплена самостоятельная Глава II «Территориальные основы местного самоуправления»³. В ст. 12, помимо общих установлений о порядке реализации местного самоуправления на всей территории Российской Федерации, содержалось предписание, согласно которому «в целях защиты конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства допускается ограничение прав граждан на осуществление местного самоуправления на отдельных территориях федеральным законом». Следовательно, законодательно в установленных целях предусматривалась специфика осуществления местного самоуправления на отдельных территориях. В частности, исходя из формализованных в п. 16 ст. 4 Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ полномочий органов государственной власти Российской Федерации в области местного самоуправления, можно предположить, что такими территориями выступали приграничные территории, закрытые административно-территориальные образования, поскольку именно в отношении них определялись особенности организации местного самоуправления.

В самой ст. 12 Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ отдельное внимание уделялось организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге (осуществляется при сохранении единства городского хозяйства в соответствии с уставами и законами субъектов Российской Федерации, а население городских поселений, входящих в состав субъектов Российской Федерации – городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, не может быть лишено права на осуществление местного самоуправления). Подтверждение специфики осуществления местного самоуправления в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге нашло свое отражение в правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой «Недопустимо лишение населения городских поселений права на местное самоуправление и установление Москвой и Санкт-Петербургом как субъектами Российской Федерации ограничений федеральных гарантий местного самоуправления, если такие ограничения не следуют непосредственно из федерального законодательства»⁴.

¹ Закон СССР от 09.04.1990 № 1417-1 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» (ред. от 23.10.1990) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 16. Ст. 267.

² Закон РФ от 06.07.1991 № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» (ред. от 22.10.1992) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1010.

³ Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 35. Ст. 3506.

⁴ См.: определения Конституционного Суда РФ от 05.06.2003 № 274-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Санкт-Петербургского городского суда о проверке конституционности абзаца второго пункта 3 статьи 6 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и жалобы администрации муниципального образования "Смольнинское" на нарушение той же нормой конституционных прав и свобод» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 6; от 09.06.2004 № 231-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филиппова Андрея Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 статьи 6 и пункта 1 статьи 12 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 1.

Таким образом, полагаем на основании установлений Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ целесообразно говорить о следующих территориях, на которых предусматривалась специфика осуществления местного самоуправления: приграничные территории, закрытые административно-территориальные образования, города федерального значения Москва и Санкт-Петербург.

В современном Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ) территории с особенностями организации местного самоуправления легализованы в Главе 11¹. Уточним, что первоначально в 2003 году данная Глава состояла из четырех статей (79–82). По объективным причинам данные нормы тоже подвергались изменениям. В частности, с 2014 года наименование ст. 79 было изменено с «Особенности организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге» на «Особенности организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения» в связи с пополнением перечня городов федерального значения Севастополем².

С 2007 по 2022 год Глава 11 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ была дополнена 8 статьями об особенностях организации местного самоуправления:

- в муниципальных образованиях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с ограниченными сроками завоза грузов (продукции) (ст. 82.1)³;
- на территории инновационного центра «Сколково» (ст. 82.2)⁴;
- территориях опережающего развития (ст. 82.3)⁵. Уточним, что первоначально данные территории именовались как «территории опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»;
- на территориях инновационных научно-технологических центров (ст. 82.4)⁶;
- на территории свободного порта Владивосток (ст. 82.5)⁷;
- в муниципальных образованиях, территории которых относятся к Арктической зоне Российской Федерации (ст. 82.6)¹;

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6181.

² Федеральный закон от 27.05.2014 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» (ред. от 21.12.2021) // СЗ РФ. 2014. № 22. Ст. 2770; 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

³ Федеральный закон от 18.10.2007 № 230-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий» (ред. от 21.12.2021) // СЗ РФ. 2007. № 43. Ст. 5084; 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

⁴ Федеральный закон от 28.09.2010 № 243-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об инновационном центре "Сколково"» (ред. от 21.12.2021) // СЗ РФ. 2010. № 40. Ст. 4969; 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

⁵ Федеральный закон от 31.12.2014 № 519-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации"» (ред. от 21.12.2021) // СЗ РФ. 2015. № 1 (часть I). Ст. 72; 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

⁶ Федеральный закон от 29.07.2017 № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 28.12.2022) // СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4765; 2023. № 1 (часть I). Ст. 16.

⁷ Федеральный закон от 03.07.2018 № 181-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" и статью 4 Федерального закона "О свободном порте Владивосток"» // СЗ РФ. 2018. № 28. Ст. 4145.

– в федеральных территориях (ст. 82.7)²;
– на территории Военного инновационного технополиса «Эра» Министерства обороны Российской Федерации (ст. 82.8)³.

В настоящее время отдельные из заявленных рассматриваемых нами норм продолжают трансформироваться. Так, с 1 апреля 2024 г. ст. 82.1 излагается в новой редакции, из наименования статьи исключается конкретизация муниципальных образований – расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям⁴. В новой формулировке ст. 82.1 выглядит следующим образом «Особенности организации и осуществления северного завоза в муниципальных образованиях».

Такая трансформация связана с принятием Федерального закона от 4 августа 2023 г. № 411-ФЗ «О северном завозе»⁵. До появления указанного правового акта деятельность в сфере северного завоза не была урегулирована. Вместе с тем населенные пункты, относящиеся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям с ограниченными сроками завоза грузов, ныне получившие наименование «территории северного завоза», располагаются в 25 субъектах Российской Федерации и характеризуются отсутствием собственной технологической базы для производства большинства товаров, необходимых для жизнеобеспечения населения и функционирования экономики, низким уровнем развития транспортной инфраструктуры и сложными природно-климатическими условиями⁶.

В целях построения эффективной системы управления северным завозом Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 411-ФЗ закрепил распределение полномочий между уровнями власти – федеральным, региональным и местным.

Современная законопроектная деятельность о статусе территорий с особенностями организации местного самоуправления

Необходимо отметить, что с высокой долей вероятности в самое ближайшее время территории с особенностями организации местного самоуправления поучат дальнейшее законодательное развитие. Так, в целях реализации положений Конституции Российской Федерации о единой системе публичной власти и закрепления одноуровневой модели организации местного самоуправления в Российской Федерации был разработан проект Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (редакция, принятая Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в I чтении 25.01.2022)⁷.

Конституционный принцип единства системы публичной власти предполагает «согласованное действие различных уровней публичной власти как единого целого во благо

¹ Федеральный закон от 13.07.2020 № 194-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации"» (ред. от 21.12.2021) // СЗ РФ. 2020. № 29. Ст. 4504.

² Федеральный закон от 19.11.2021 № 376-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» // СЗ РФ. 2021. № 47. Ст. 7745.

³ Федеральный закон от 14.07.2022 № 253-ФЗ «О Военном инновационном технополисе "Эра" Министерства обороны Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 29 (часть II). Ст. 5220.

⁴ Федеральный закон от 04.08.2023 № 418-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6150.

⁵ Федеральный закон от 04.08.2023 № 411-ФЗ «О северном завозе» // СЗ РФ. 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6143.

⁶ Пояснительная записка к законопроекту № 301981-8 (Комитет Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики) // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/301981-8?ysclid=lozslfk3xp144338399> (дата обращения 11.05.2023).

⁷ <https://www.consultant.ru/law/review/208193849.html?ysclid=lobior68y7386674266> (дата обращения 11.05.2023).

граждан»¹. Данным законопроектом предлагается, в частности, закрепить обновленные территориальные, организационные, функциональные основы организации местного самоуправления, а также особенности организации местного самоуправления на отдельных территориях.

В проекте Федерального закона № 40361-8 особенностям организации местного самоуправления посвящена Глава 10, состоящая из четырех статей (84–87). В действующем Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ аналогична по наименованию Глава 11, в настоящее время включившая в себя 12 статей (79–82.8). С точки зрения юридической техники считаем целесообразной ст. 84 проекта Федерального закона № 40361-8, исчерпывающим образом перечислившую отдельные территории, на которых могут быть установлены особенности организации местного самоуправления.

Заметим, что в действующем Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ подобного рода норма отсутствует, а каждая разновидность территорий, на которых могут быть установлены особенности организации местного самоуправления, представлена самостоятельной статьей.

В рассматриваемом законопроекте и действующем законодательстве изменилась не только последовательность перечисления территорий. В проекте Федерального закона № 40361-8 добавилась разновидность территорий административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации; территории опережающего развития вновь трансформировались по наименованию в территории опережающего социально-экономического развития; исключена территория Военного инновационного технополиса «Эра» Министерства обороны Российской Федерации.

В целом считаем, что проект Федерального закона № 40361-8 на основе правил юридической техники оптимизировал многочисленные изменения Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ. Приведенный в законопроекте перечень отдельных территорий, на которых могут быть установлены особенности организации местного самоуправления, являясь исчерпывающим, предполагает обращение к специальному законодательству. В этой связи не требуется дополнительного изложения бланкетных норм, как это имеет место в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, считаем целесообразным предложить авторскую периодизацию развития законодательного регулирования статуса территорий с особенностями организации местного самоуправления:

- 1991–1995 гг. – законодательная легализация монофункциональных поселений (военные городки и поселения закрытого типа);
- 1995–2003 гг. – законодательная легализация в контексте территориальных основ местного самоуправления и полномочий органов государственной власти в области местного самоуправления (приграничные территории, закрытые административно-территориальные образования, города федерального значения Москва и Санкт-Петербург);
- 2003–2022 гг. – специальная законодательная легализация территорий с особенностями организации местного самоуправления (с 2003 по 2007 год – города федерального значения, закрытые административно-территориальные образования, наукограды и приграничные территории; с 2007 по 2022 год – приращение 8 разновидностями);

---

¹ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

– 2022 г. – настоящее время – законопроектная работа по легализации территорий с особенностями организации местного самоуправления в соответствии с конституционным принципом единства системы публичной власти.

Список литературы

- Авакьян С.А. 2014. Конституционализм и бюрократизация публичной власти. *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*, 1: 60–66.
- Авакьян С.А. 2015. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. М., Юстицинформ, 639 с.
- Белоусова Е.В. 2011. Муниципальная власть как разновидность публичной власти. *Проблемы в российском законодательстве*, 3: 52–56.
- Воробьева О.А. 2012. Государственная власть как уровень публичной власти. *Общество: политика, экономика, право*, 1: 144–151.
- Минаков П.А. 2008. Публичная власть: политологический аспект. Уфа, РИЦ БашГУ, 199 с.
- Пешин Н.Л. 2005. Проблемы реализации принципа самостоятельности местного самоуправления. *Конституционное и муниципальное право*, 4: 38–40.
- Постовой Н.В., Таболин В.В., Черногор Н.Н. 2016. Муниципальное право России. М., Юриспруденция, 456 с.
- Филиппова А.В. 2020. Конституционные поправки о местном самоуправлении: анализ проекта и проблемы правоприменения. *Государственная власть и местное самоуправление*, 8: 27–31. DOI: 10.18572/1813-1247-2020-8-27-31
- Чиркин В.Е. 2013. Современные модели публичной власти. *Труды Института государства и права РАН*, 3: 42–63.
- Чупилкина А.Ф. 2016. Становление и развитие российского законодательства о местном самоуправлении в период 1990–2003 гг. *Научный поиск*, 1(2): 56–62.
- Шугрина Е.С. 2014. Законодательство о местном самоуправлении: анализ состояния и тенденции развития. *Муниципальное право*, 4: 2–19.
- Щепачев В.А. 2018. Республиканский путь развития России невозможен без сильного местного самоуправления. *Государственная власть и местное самоуправление*, 4: 46–52. DOI: 10.18572/1813-1247-2018-4-46-52
- Югов А.А. 1999. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации. Екатеринбург, Изд-во Урал. гос. юрид. акад., 121 с.

References

- Avak'yan S.A. 2014. Konstitucionalizm i byurokratizaciya publichnoj vlasti [Constitutionalism and Bureaucratization of Public Power]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*, 1: 60–66.
- Avak'yan S.A. 2015. Konstitucionnyj leksikon: gosudarstvenno-pravovoj terminologicheskij slovar' [Constitutional Lexicon: State-Legal Terminological Dictionary]. М., Publ. YUsticinform, 639 p.
- Belousova E.V. 2011. Municipal'naya vlast' kak raznovidnost' publichnoj vlasti [Municipal Power as a Kind of Public Power]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*, 3: 52–56.
- Vorob'eva O.A. 2012. Gosudarstvennaya vlast' kak uroven' publichnoj vlasti [State Power as a Level of Public Power]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 1: 144–151.
- Minakov P.A. 2008. Publichnaya vlast': politologicheskij aspekt [Public Power: A Political Science Aspect]. Ufa, Publ. RITZ Bashgu, 199 p.
- Peshin N.L. 2005. Problemy realizacii principa samostoyatel'nosti mestnogo samoupravleniya [Problems of Implementation of the Principle of Independence of Local Self-Government]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 4: 38–40.
- Postovoj N.V., Tabolin V.V., Chernogor N.N. 2016. Municipal'noe pravo Rossii [Municipal Law of Russia]. М., Publ. YUrisprudenciya, 456 p.
- Filippova A.V. 2020. Konstitucionnye popravki o mestnom samoupravlenii: analiz proekta i problemy pravoprimeneniya [Constitutional Amendments Related to Local Self-Government: Project Analysis and Law Enforcement]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 8: 27–31. DOI: 10.18572/1813-1247-2020-8-27-31 (In Russian)

- CHirkin V.E. 2013. Sovremennye modeli publichnoj vlasti [Modern Models of Public Power]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, 3: 42–63.
- CHupilkina A.F. 2016. Stanovlenie i razvitie rossijskogo zakonodatel'stva o mestnom samoupravlenii v period 1990–2003 gg. [Formation and Development of Russian Legislation on Local Self-Government in the Period 1990–2003]. *Nauchnyj poisk*, 1(2): 56–62.
- SHugrina E.S. 2014. Zakonodatel'stvo o mestnom samoupravlenii: analiz sostoyaniya i tendencii razvitiya [Legislation on Local Self-Government: Analysis of the State and Development Trends]. *Municipal'noe pravo*, 4: 2–19.
- SHCHepachev V.A. 2018. Respublikanskij put' razvitiya Rossii nevozmozhen bez sil'nogo mestnogo samoupravleniya [Further Republican Development of Russia Is Impossible Without Strong Self-Government]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 4: 46–52. DOI: 10.18572/1813-1247-2018-4-46-52
- YUgov A.A. 1999. Pravovye osnovy publichnoj vlasti v Rossijskoj Federacii [Legal Foundations of Public Power in the Russian Federation]. Ekaterinburg, Publ. Ural. gos. jurid. akad., 121 p. (In Russian)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 23.10.2023
Поступила после рецензирования 20.11.2023
Принята к публикации 15.11.2023

Received October 23, 2023
Revised November 20, 2023
Accepted November 15, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мокроусова Ксения Анатольевна, аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Нифанов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kseniya A. Mokrousova, Postgraduate student of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Aleksej N. Nifanov, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 342.15

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-765-779

Взаимодействие органов исполнительной власти и бизнес-сообществ при реализации программ комплексного развития Севастополя

Росенко М.И.

Севастопольский государственный университет
Россия, 299053, Севастополь, ул. Университетская, 33
MIROsenko@sevsu.ru

Аннотация. Цель исследования – выработка подходов к определению организационно-правовых механизмов взаимодействия органов исполнительной власти Севастополя и бизнес-сообществ при реализации программ комплексного развития территории города. Представлена характеристика взаимодействия органов исполнительной власти и бизнес-сообществ при реализации данной программы, проведен анализ результативности комплексного развития территорий города и установлены проблемы практики правоприменения, выявлен ряд сдерживающих факторов в организационной и правовой сфере, сформулированы предложения по усовершенствованию организационно-правовых механизмов в части: а) уточнения принципа сбалансированности системы стратегического планирования путем внесения в определение участников процесса: органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления муниципальных образований, б) включения в систему взаимодействия не только органов государственной исполнительной власти и представителей бизнес-сообществ, но и граждан, их представителей и общественных организаций, в) преодоление градостроительной конфликтности посредством введения прозрачных условий комплексного развития территорий, определения и выделения земельных участков, исходя из принципа соответствия правил землепользования и застройки генеральному плану, первичности генерального плана перед правилами землепользования и застройки.

Ключевые слова: комплексное развитие, развитие территории, программы, инвестиционный климат, конкуренция, качество жизни

Для цитирования: Росенко М.И. 2023. Взаимодействие органов исполнительной власти и бизнес-сообществ при реализации программ комплексного развития Севастополя. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(4): 765–779. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-765-779

Interaction of Executive Authorities and Business Communities in the Implementation of Integrated Development Programs of Sevastopol

Maria I. Rosenko

Sevastopol State University
33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation
MIROsenko@sevsu.ru

Abstract. The purpose of the study is to develop approaches to the definition of organizational and legal mechanisms of interaction between the executive authorities of Sevastopol and business communities in the implementation of programs for the integrated development of the city territory. The characteristics of the interaction of executive authorities and business communities in the implementation of this program

© Росенко М.И., 2023

are presented, the analysis of the effectiveness of the integrated development of the city's territories is carried out and the problems of law enforcement practice are identified. A number of constraining factors in the organizational and legal sphere are defined, proposals for improving organizational and legal mechanisms are formulated in terms of: a) clarifying the principle of balance of the strategic planning system by introducing definition of participants in the process: state authorities of the Russian Federation, state authorities of the subjects of the Russian Federation and local self-government bodies of municipalities, b) inclusion in the system of interaction not only of state executive authorities and representatives of business communities, but also citizens, their representatives and public organizations, c) overcoming urban conflict through the introduction of transparent conditions for the integrated development of territories, the definition and allocation of land plots, based on the principle of compliance of the rules of land use and development with the master plan, the primacy of the master plan before the rules of land use and development.

Keywords: integrated development, territory development, programs, investment climate, competition, quality of life

For citation: Rosenko M.I. 2023. Interaction of Executive Authorities and Business Communities in the Implementation of Integrated Development Programs of Sevastopol. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 765–779 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-765-779

Введение

Уникальное территориальное устройство города Севастополя имеет свои черты: преимущественную площадь занимают земли сельскохозяйственного, рекреационного назначения, лесничеств и лесопарков, особо охраняемых природных территорий и земель Минобороны России, а не земли населенных пунктов. Эта важная особенность предопределяет поиск эффективных способов взаимодействия между различными хозяйствующими субъектами, среди которых федеральные органы, органы исполнительной власти субъекта федерации, органы местного самоуправления города Севастополя, бизнес-сообщество.

Решение задач по повышению привлекательности городских территорий и формирование на них современной и комфортной инфраструктуры предполагает поиск компромисса в выборе стратегий развития территорий, обуславливает необходимость внедрения специального правового режима, обеспечивающего реализацию комплексного решения целевых задач устойчивого развития территорий. Кроме этого, при решении выше поставленных задач необходимо также учитывать то обстоятельство, что территория Севастополя имеет статус свободной экономической зоны и у ее субъектов имеются задекларированные обязательства по застройке территорий.

Выработка теоретических подходов к разработке правового регулирования взаимодействия органов исполнительной власти при реализации программ комплексного и устойчивого развития территорий, структурно-функционального дизайна отношений в заданном контексте является многоаспектной задачей и затрагивает сразу несколько уровней взаимоотношений, в том числе с органами местного самоуправления.

В силу относительно недолгого использования механизма по разработке и реализации программ комплексного развития территорий можно выделить некоторые научные достижения в отдельных вопросах управления территориальным планированием и развитием городов. В частности, в большей степени проработаны вопросы экономического функционирования «регуляторов» управления территориями при использовании земель в проектах комплексного освоения территорий [Свинцова, 2020; Сычев, 2021], образования и развития территорий с учетом административно-правовых режимов [Ткачева, 2018], функционирования института взаимодействия государственно-частного партнерства по освоению территорий города Санкт-Петербурга [Большаков, 2009]. В меньшей степени в

научной литературе освещены вопросы, регламентирующие систему взаимодействия органов исполнительной власти при комплексном развитии территории в отношении городов федерального значения. Так, преимущественно решаются задачи по территориальному планированию в отношении сельскохозяйственных земель и их обращения [Шанцева, 2021], благоустройства дворовых территорий города Москвы [Воскресенская, 2021], административно-правовой организации механизма управления в сфере градостроительства [Бутаева, 2020].

Исследования данного уровня по Севастополю не проводились. Таким образом, на сегодняшнем этапе применения программ комплексного развития территорий требуется исследование в отношении города Севастополя как города, имеющего особый правовой статус и специфику региональной правоприменительной практики, обусловленную динамикой социально-экономического развития.

Целью исследования является выработка подходов к определению организационно-правовых механизмов взаимодействия органов исполнительной власти Севастополя и бизнес-сообществ при реализации программ комплексного развития территории города.

Объекты и методы исследования

Применен структурно-функциональный метод, который позволил исследовать функции и полномочия государственного органа, его структуру, место и роль в системе взаимодействия с другими субъектами реализации программ стратегического планирования и комплексного развития территории, возможности влияния на усовершенствование такого взаимодействия и повышения эффективности государственного управления. Сравнительно-правовой метод применен при изучении опыта стратегического планирования и комплексного развития территории в других субъектах Российской Федерации, с наиболее близкой к Севастополю структурой административно-территориального устройства и системой управления, а именно городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга. Метод обработки статистических данных, графический метод и метод математического прогнозирования применены при обработке больших данных, что позволило проследить тенденцию зависимости полученных результатов от принятых решений и их взаимосвязь, а также динамику региональных социально-экономических процессов, обусловленных в том числе процессами взаимодействия органов исполнительной власти с бизнес-сообществом по вопросам освоения и развития территории не исключая уровень градостроительной конфликтности.

Источниковую базу составили федеральные законы, нормативные акты, регулирующие взаимодействия органов исполнительной власти и бизнес-сообществ при реализации программы комплексного развития территории города Севастополь, аналитические материалы и статистические данные, доклады, находящиеся в открытом доступе.

Результаты исследования

Содержащиеся в Федеральном законе от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» принципы стратегического планирования достаточно полно характеризуют подходы, взятые за основу при разработке управленческого процесса, его этапов, что позволяет получить иерархию целей и задач, а также четко определить участников процесса на каждой его фазе. Вместе с тем обращает на себя внимание принцип сбалансированности системы стратегического планирования, означающий согласованность и сбалансированность документов стратегического планирования по приоритетам, целям, задачам, мероприятиям, показателям, финансовым и иным ресурсам и срокам реализации.

Ввиду того, что существующая редакция данного принципа в ФЗ-172 не содержит указаний на участников процесса, соблюдение данного принципа зачастую приводит к

простому копированию положений документов вышестоящего уровня, что не позволяет учесть территориальные особенности города Севастополя, равно как и территориальные особенности других субъектов РФ. Представляется целесообразной необходимость уточнения заявленного в п. 5 ст. 7 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» принципа сбалансированности системы стратегического планирования путем внесения в определение участников процесса: органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления муниципальных образований.

В соответствии с ч. 2 ст. 63 Градостроительного кодекса РФ (ГрК РФ)¹ в случае, если законами субъектов Российской Федерации – городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя – полномочия в области градостроительной деятельности не отнесены к перечню вопросов местного значения, полномочия, установленные частью 3 статьи 8 ГрК РФ, осуществляются органами государственной власти субъектов Российской Федерации – городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя. По аналогии с городами Москвой и Санкт-Петербургом исключительной компетенцией комплексного развития территорий Севастополя наделено Правительство города, по инициативе которого принимается решение о комплексном развитии территории в Севастополе путем принятия постановления о комплексном развитии территории в соответствии с Градостроительным кодексом Российской Федерации. При этом разработка и реализация таких программ не всегда происходит на основе и с учетом ожиданий социальных групп общества (местного сообщества).

Последствия данной организационной неурегулированности правоотношений носят противоречивый характер, что обусловлено, с одной стороны, отрицательной оценкой предпринимательских структур степени взаимодействия, с другой стороны, официальной оценкой высокоэффективной деятельности в реализации органами исполнительной власти региональных программ по освоению и развитию территорий города.

Предлагается внедрить организационный механизм, посредством которого разработка региональных программ по освоению и развитию территорий города, их реализация будут осуществляться на основе и с учетом ожиданий социальных групп местного сообщества путем консультативного опроса, общественных обсуждений или публичных слушаний, а контроль реализации жителями – через их представителей.

В настоящее время в городе федерального значения Севастополе образовалась нехватка территорий, пригодных для жилищного строительства, соответствующих действующим документам территориального планирования, что в свою очередь влечет избыточные ограничения хозяйственной деятельности и высокие предпринимательские риски застройщиков, связанные с возможностью реализаций решений о комплексном развитии территории. В настоящее время в Севастополе функционирует лишь один механизм поддержки застройщиков, реализующих инвестиционные проекты освоения и застройки территорий – получение статуса участников свободной экономической зоны с последующей возможностью реализации застройки в рамках договоров об участии в свободной экономической зоне. Такая ситуация в условиях отсутствия Генерального Плана развития города Севастополя может привести к повышению уровня градостроительной конфликтности.

В этой связи и в силу требований части 3 статьи 9, частей 9 и 10 статьи 31, пункта 2 части 1 статьи 34 Градостроительного кодекса РФ, обоснована необходимость в закреплении на региональном уровне принципа соответствия правил землепользования и застройки генеральному плану, первичности генерального плана перед правилами землепользования и застройки, как основополагающего документа территориального планирования, определяющего стратегию градостроительного развития территории и содержащего долгосрочные ориентиры их развития.

¹ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190 – ФЗ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 04.10.2023).

Обсуждение

Обеспечение комплексного и устойчивого развития территории на основе территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территории является основной задачей в области градостроительной деятельности, решение которой входит в компетенцию государственных органов исполнительной власти. В свою очередь, территориальное планирование, градостроительное зонирование и планировка территории городов федерального значения являются составными (подготовительными) элементами комплексного развития территорий, реализация которого относится к ведению органов исполнительной власти городов федерального значения.

По данным ведущего аналитического центра фонда «Институт экономики города», занимающегося комплексными исследованиями социально-экономических процессов в России, в городах федерального значения на протяжении пяти последних лет преобладает высокий уровень градостроительной конфликтности, причина которой, по мнению Т.Д. Полиди¹, объясняется протестной активностью по вопросам городской среды и благоустройства, вектором на усиление централизации в городском регулировании и сокращение полномочий муниципалитетов. Некоторые исследователи [Попков, 2022] объясняют высокий уровень градостроительной конфликтности отсутствием достаточного количества земельных ресурсов, спецификой, как региональной структуры исполнительной власти, так и динамичным характером системных геополитических и общественно-политических перемен в России, оказывающих прямое влияние на реализацию региональных программ, в т. ч. на комплексное развитие территорий².

По данным Минстроя России³, положительная динамика реализации механизма комплексного развития территорий характерна лишь девяти регионам страны, в состав которых входят Московская, Калужская, Рязанская, Тамбовская, Белгородская, Челябинская, Курганская области, Ставропольский край и Республика Мари Эл. В данный перечень не вошли такие города федерального значения, как Санкт-Петербург и Севастополь, что предполагает необходимость в рамках данного исследования в установлении причин такой динамики.

Как отмечают исследователи, важность правового поиска в направлении землеустройства территорий городов федерального значения определяется необходимостью выработки и обоснования предложений по совершенствованию системы взаимодействия органов исполнительной власти в различных сферах [Бондарева, 2019; Руденко, Бессонова, 2018; Харченко, Шевцов, 2020; Росенко, 2023]. Другие исследователи отмечают, что концепция устойчивого развития города Севастополя должна заключаться в представлении экономики города и его пространственно-планировочной организации, исходя из роли и функции города в социально-экономическом и оборонном пространстве страны [Смоленкова, 2021, С. 21]. Такого же мнения придерживается А.А. Бруснецов⁴ и Л.В. Ткачева [2018].

Определенную степень оценки процесса взаимодействия органов исполнительной власти с бизнес-сообществом по вопросам освоения и развития территории города Севастополя вносят нормативно установленные критерии⁵:

¹ Полиди Т.Д. 2021. О причинах конфликтности городской среды "Жилье не для тех людей". 02.06.2021. <https://www.urbanomics.ru/centr-obshchestvennyh-svyazey/news/zhile-ne-dlya-teh-lyudey-td-polidi-o-prichinah-konfliktnosti> (дата обращения: 24.10.2023).

² Мониторинг и оценка ситуации в экономике, жилищной и градостроительной сферах российских городов и городских агломераций. <https://www.urbanomics.ru/research/project/monitoring-i-ocenka-situacii-v-ekonomike-zhilishchnoy-i-gradostroitelnoy-sferah> (дата обращения: 04.10.2023).

³ Мониторинг реализации механизма комплексного развития территорий субъектами РФ <https://minstroyrf.gov.ru/trades/kompleksnoe-razvitie-territoriy/> (дата обращения: 04.10.2023).

⁴ Бруснецов А.А. 2015. Каким будет город Севастополь: взгляд главного архитектора. Управление развитием территорий. 31.07.2015: <https://urtmag.ru/public/397/> (дата обращения: 01.11.2023).

⁵ Приказ Министерства экономического развития РФ от 23.04.2019 № 241 «Об утверждении критериев и методики оценки инвестиционной декларации на предмет эффективности реализации инвестиционного

– показатели по состоянию инвестиционного климата в городе Севастополе, которые определяются Автономной некоммерческой организацией (АНО) «Агентство стратегических инициатив» опросным путем ¹;

– уровень содействия конкуренции, который определяется Министерством экономического развития России путем методологического расчета ²;

– количество проектов, включая инвестиционные проекты участников свободной экономической зоны и иные проекты, реализуемые (реализованные) на территории города Севастополя.

Их детализация и наглядное представление позволят определить особенности взаимодействия органов исполнительной власти и бизнес-сообществ при реализации программы комплексного развития территории города Севастополя.

АНО «Агентство стратегических инициатив» ежегодно, начиная с 2014 года, проводит оценку инвестиционного климата. Согласно официальным отчетам АНО «Агентство стратегических инициатив» за 2021 год, город Севастополь по качеству жизни находится на девятой позиции из 20 субъектов страны ³. В 2022 году в данном рейтинге Севастополь сместился на 12 позицию, пропустив Тульскую и Калининградскую области ⁴.

По данным Финансового института при Правительстве РФ, по итогам 1-го полугодия 2023 года Севастополь вошел в список городов с самым высоким качеством жизни, заняв 4 позицию из первых пяти: Сочи, Москва, Санкт-Петербург, Севастополь и Краснодар ⁵. При этом по степени содействия региональных властей в создании благоприятных условий для ведения бизнеса и оценки административного давления на бизнес в национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в топ-5 регионов (Москва, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Тюменская и Тульская области) город Севастополь не входит. Национальный рейтинг рассчитывается по 67 показателям в 4 направлениях: регуляторная среда, институты для бизнеса, инфраструктура и ресурсы, поддержка малого и среднего предпринимательства ⁶.

В Севастополе доля предпринимателей, столкнувшихся с коррупцией, почти в два раза превышает показатель по городу Москве (соотношение 62 к 32 баллам); при этом по городу Севастополю показатель оценки каналов прямой связи инвесторов с местным руководством превышает столичный (соотношение 69 к 57 баллам); показатель по степени содействия органами исполнительной власти почти в семь раз меньше в Севастополе, чем в городе Москве (соотношение 73 балла к 17); также показатель по городу Севастополю на 10 баллов превышает показатель Москвы по степени административного давления на бизнес-сообщества. Полная визуализация бальных оценок представлена на рис. 1.

проекта в свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и г. Севастополя» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327305/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddd518/ (дата обращения: 04.10.2023).

¹ Национальный инвестиционный рейтинг. АНО «Агентство стратегических инициатив»: https://asi.ru/government_officials/rating/ (дата обращения: 04.10.2023).

² Приказ Минэкономразвития России от 17 октября 2019 г. № 670 «Об утверждении методики оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по внедрению стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации»: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/prikaz_minekonomrazvitiya_rossii_ot_17_oktyabrya_2019_g_670.html (дата обращения: 04.10.2023).

³ Агентство стратегических инициатив: https://asi.ru/government_officials/quality-of-life-ranking/

⁴ Там же.

⁵ По итогам 1 полугодия 2023 года города с самым высоким качеством жизни — Сочи, Москва, Санкт-Петербург, Севастополь и Краснодар: http://www.fa.ru/Documents/news/2023/112_LQ_2023_1H.pdf (дата обращения: 04.10.2023).

⁶ Национальный инвестиционный рейтинг. АНО «Агентство стратегических инициатив»: https://asi.ru/government_officials/rating/ (дата обращения: 04.10.2023).

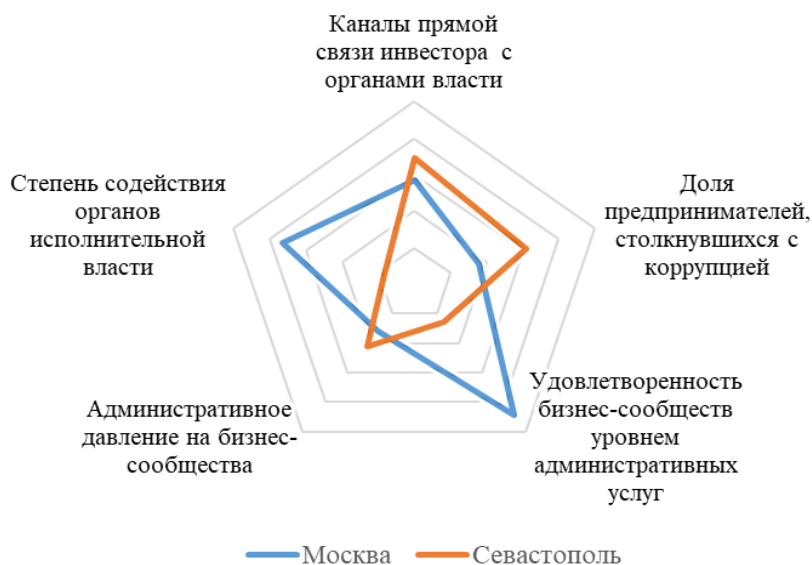

Рис. 1. Степень содействия региональных властей в создании благоприятных условий ведения бизнеса и оценки административного давления (составлено автором на основании отчетов АНО «Агентство стратегических инициатив»¹)

Fig. 1. The degree of assistance of regional authorities in creating favorable business conditions and assessing administrative pressure [compiled by the author on the basis of the reports of the ANO Agency for Strategic Initiatives]

Такие показатели обусловлены в первую очередь тем обстоятельством, что в настоящее время в городе Севастополе образовалась нехватка территорий, пригодных для жилищного строительства, соответствующих действующим документам территориального планирования, что в свою очередь влечет избыточные ограничения хозяйственной деятельности и высокие предпринимательские риски для застройщиков, связанные с возможностью реализаций решений о комплексном развитии территории [Шуневиц и др., 2019, с. 42]. В Севастополе функционирует лишь один механизм поддержки застройщиков, реализующих инвестиционные проекты освоения и застройки территорий, – получение статуса участников свободной экономической зоны с последующей возможностью реализации застройки в рамках договоров об участии в свободной экономической зоне. Такое положение в исследуемой сфере не обеспечивает развитие полноценного государственно-частного партнерства. Если обратиться к рейтингу по уровню содействия развитию конкуренции по субъектам РФ за 2021 год, то и по данному показателю Севастополь имеет наименьшее значение из группы городов федерального значения – 72,0368; Москва – 88,27036, Санкт-Петербург – 74,328².

На фоне представленных общих показателей положительным аспектом для города Севастополя является растущее количество проектов, включая инвестиционные проекты участников свободной экономической зоны и иные проекты, реализуемые (реализованные) на территории города Севастополя, предметы которых связаны с застройкой и освоением территорий города, в том числе следующие:

- разработка градостроительной документации по планировке территории города Севастополя;
- формирование системы документации по планировке территории площадных и линейных объектов;

¹ Национальный инвестиционный рейтинг. АНО «Агентство стратегических инициатив»: https://asi.ru/government_officials/rating/ (дата обращения: 04.10.2023).

² Об итогах реализации стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации в 2021 году. С.14–16): https://www.economy.gov.ru/material/file/96d5c75efc49f9ccfd5c3efbeb754085/doklad_2021g.pdf (дата обращения: 04.10.2023).

– обследование технического состояния, проведение изыскательских работ и оценка предполагаемой (предельной) стоимости объектов;

– обследование технического состояния, проведение изыскательских работ и оценке предполагаемой (предельной) стоимости объектов: «Градостроительные и инвестиционные обоснования для комплексной застройки территории города Севастополя для строительства служебного, стандартного (социального) жилья» (рис. 2).

Второстепенным критерием, характеризующим уровень взаимодействия органов исполнительной власти и бизнес-сообществ, является оценка реализации государственных программ и мероприятий в области градостроительной деятельности. Такая оценка ежегодно проводится Министерством экономического развития города Севастополя и выражается в следующих показателях (рис. 3).

Рис. 2. Количество проектов, предметы которых связаны с застройкой и освоением территорий города (составлено автором по данным Минстроя РФ ¹)

Fig. 2. The number of projects, the subjects of which are related to the development and development of the city's territories (compiled by the author according to the Ministry of Construction of the Russian Federation)

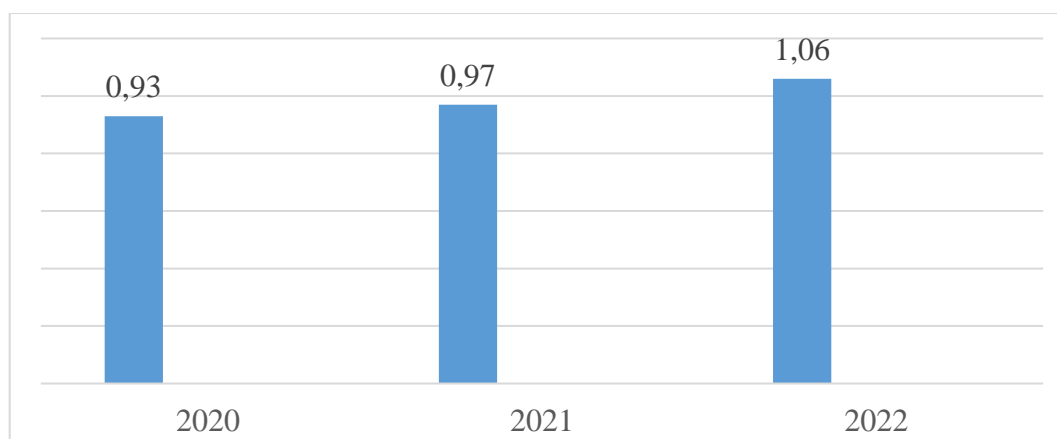

Рис. 3. Уровень эффективности реализации Программы градостроительной деятельности (%) (составлено автором на основании отчетов Департамента экономического развития Севастополя)

Fig. 3. The level of efficiency of the implementation of the Urban Development Program (%) (Compiled by the author on the basis of reports from the Department of Economic Development of Sevastopol)

¹ Минстрой России. Деятельность. Официальный сайт Минстроя России. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/> (дата обращения: 04.10.2023).

Таким образом, правоотношения в рассматриваемой сфере достаточно противоречивы, что обусловлено, с одной стороны, отрицательной оценкой предпринимательскими структурами степени взаимодействия с органами исполнительной власти, с другой стороны, официальной оценкой органами исполнительной власти региональных программ по освоению и развитию территорий города как высокоэффективных. Выявление данного противоречия обуславливает необходимость детального рассмотрения процессов реализации комплексного развития территорий города Севастополя.

Рассмотрим особенности организации взаимодействия органов исполнительной власти в городах федерального значения через их компетенцию.

В соответствии с ч. 2 ст. 63 ГрК РФ¹ в случае, если законами субъектов Российской Федерации – городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя полномочия в области градостроительной деятельности не отнесены к перечню вопросов местного значения, определенному законами указанных субъектов Российской Федерации в соответствии со статьей 79 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»², полномочия, установленные частью 3 статьи 8 ГрК РФ, осуществляются органами государственной власти субъектов РФ – городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя. По общему правилу к полномочиям органов местного самоуправления городских округов в области градостроительной деятельности в соответствии с п. 11 части 3 статьи 8 ГрК РФ относятся: принятие решения о комплексном развитии территории по инициативе органа местного самоуправления [Попков, 2022, с. 54].

В городах федерального значения принятие решения о комплексном развитии территорий не относится к компетенции органов муниципальных образований. Организация муниципального самоуправления в городе Севастополе аналогична организации в городах Москве и Санкт-Петербурге. По аналогии с городами Москва и Санкт-Петербург, исключительной компетенцией комплексного развития территорий Севастополя наделено Правительство города, по инициативе которого принимается решение о комплексном развитии территории в Севастополе путем принятия постановления о комплексном развитии территории в соответствии с Градостроительным кодексом Российской Федерации.

Таким образом комплексное развитие территорий в городах федерального значения осуществляется на уровне публичной политики, в рамках которой органы исполнительной власти разрабатывают и реализуют программы деятельности в области градостроительства. При этом разработка и реализация таких программ должны протекать на основе и с учетом ожиданий социальных групп общества (местного сообщества) через их представителей, т. е. с общественным участием и с учетом сохранения исторического наследия и, что немаловажно, с обеспечением экологической стабильности региона. На последнем акцентируют внимание некоторые ученые [Мильчакова и др., 2022].

Перечень органов исполнительной власти города Севастополя, ответственных за участие в реализации программ по освоению и развитию территорий города, схематично представлен на рис. 4.

Полномочия перечисленные органы исполнительной власти осуществляют на основании разработанных и утвержденных положений применительно к каждому департаменту. Из анализа их содержания усматривается, что ответственными исполнителями программы по развитию государственного управления города Севастополя являются Департамент аппарата правительства г. Севастополя, Департамент аппарата губернатора и Департамент финансов города, а ответственными исполнителями программ комплексного развития тер-

¹ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 04.10.2023).

² Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 04.10.2023).

риторий города Севастополя являются перечисленные на рис. 6 департаменты, при этом степень ответственности варьируется от основной и до второстепенной (вспомогательной), что обусловлено сферой полномочий каждого департамента в отдельности.

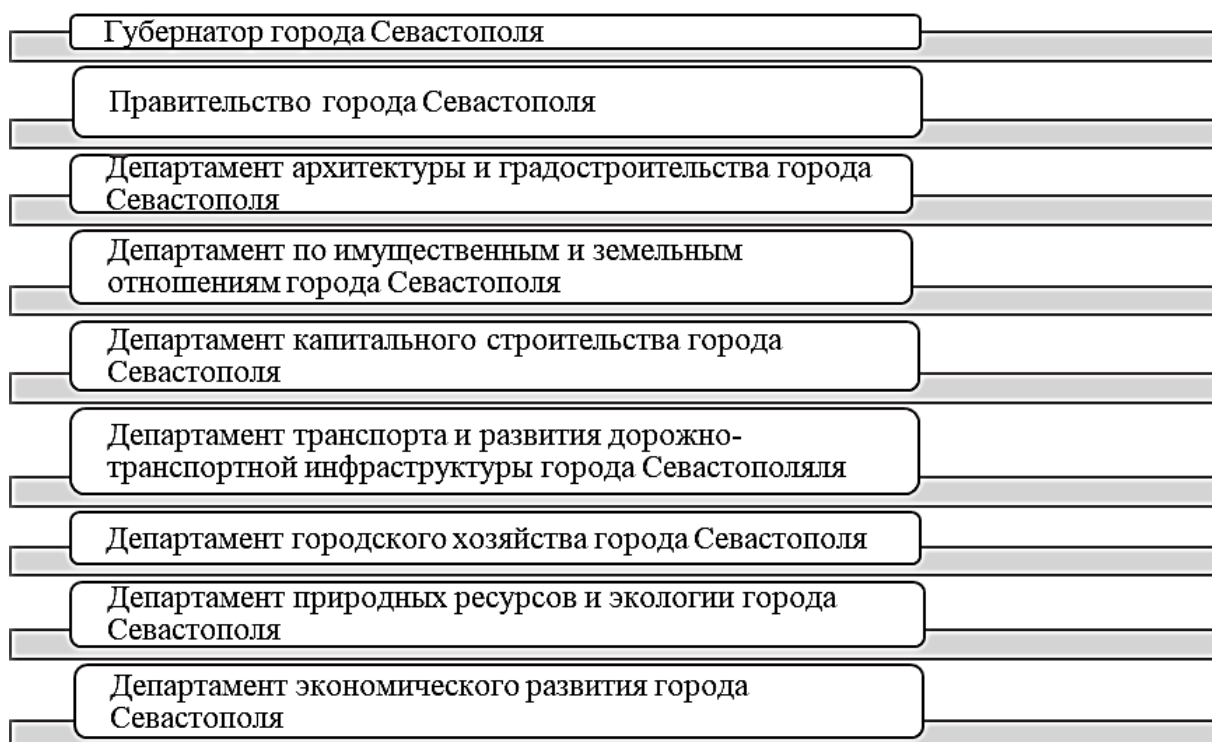

Рис. 4. Органы исполнительной власти города Севастополя¹
Fig. 4. Executive authorities of the city of Sevastopol

Исполнительные органы государственной власти города Севастополя имеют свою структуру управления и подведомственные им организации. Применительно к сфере деятельности по комплексному развитию территорий к подведомственности Департамента капитального строительства города Севастополя относится Государственное казенное учреждение города Севастополя «Единая дирекция капитального строительства» (ГКУГС «ЕДКС») ². Отдельное функциональное значение имеет Государственное автономное учреждение «Научно-исследовательский и проектный институт градостроительства, архитектуры, изысканий и среды» (ГАУС «НИИ ГАИС») ³, созданное в структуре Департамента архитектуры и градостроительства города Севастополя.

В Севастополе Правительством утверждено положение, в соответствии с которым обеспечение разработки документации по планировке территории города Севастополя, принятие решений о ее подготовке и представлении на утверждение Правительства Севастополя, за исключением документации по планировке территории, предусматривающей размещение одного или нескольких линейных объектов, возложено на Департамент архитектуры и градостроительства города Севастополя.

¹ Органы исполнительной власти. Департамент капитального строительства. Структура. Официальный сайт Правительства города Севастополя. URL: <https://sev.gov.ru/government/podrazdeleniya/organy-ispolnitelnoj-vlasti/> (дата обращения: 04.10.2023).

² Департамент капитального строительства Подведомственные организации. Официальный сайт Правительства города Севастополя. URL: <https://dks.sev.gov.ru/podvedomstvennye-organizacii/> (дата обращения: 04.10.2023).

³ Государственное автономное учреждение «Научно-исследовательский и проектный институт градостроительства, архитектуры, изысканий и среды». URL: <https://niigais.com/>

По своей структуре система взаимодействия органов исполнительной власти в области комплексного развития территорий города может быть охарактеризована по принципу вертикального управления (см. таблицу).

Структура взаимодействия органов исполнительной власти города Севастополя
в сфере градостроительной деятельности по реализации программы
«Развитие градостроительной деятельности в городе Севастополе»
The structure of interaction between the executive authorities of the city of Sevastopol
in the field of urban planning activities for the implementation of the program
"Development of urban planning activities in the city of Sevastopol"

Органы исполнительной власти			
Департамент архитектуры и градостроительства города Севастополя	Департамент капитального строительства города Севастополя	ГАУС «НИИ ГАИС»	ГКУС «ЕДКС»
Функциональное назначение			
Ответственный исполнитель	Соисполнитель программы	Участник программы	
Полномочия			
<ul style="list-style-type: none"> - обеспечивает разработку Программы, ее согласование и внесение в установленном порядке на рассмотрение Правительства Севастополя; - формирует структуру Программы, а также перечень соисполнителей и участников Программы; - определяет механизм, регламентирующий управление реализацией Программы; - организует реализацию Программы, осуществляет на постоянной основе мониторинг реализации Программы, несет ответственность за достижение целевых показателей (индикаторов) социально-экономической эффективности Программы и конечных ее результатов; - ежеквартально и по итогам ее реализации за год запрашивает у соисполнителя и участников Программы информацию, необходимую для проведения мониторинга, оценки эффективности реализации Программы;	<ul style="list-style-type: none"> - обеспечивает разработку и реализацию основных мероприятий (Таблица 1.2) путем:<ul style="list-style-type: none"> - согласования Программы с участником в части, соответствующего основным мероприятиям, в реализации которого предполагается его участие; - осуществляет реализацию мероприятий Программы в рамках своей компетенции; - запрашивает у участников Программы информацию, необходимую для проведения мониторинга, для подготовки ответов и проведения оценки эффективности реализации Программы и подготовки годового отчета и доклада; - представляет ответственному исполнителю информацию для подготовки ответов на запросы Департамента экономического развития города Севастополя и Департамента финансов города Севастополя, а также отчет о ходе реализации мероприятий Программы; - представляет ответственному исполнителю в копиях все документы, подтверждающие исполнение обязательств по заключенным государственным контрактам в рамках реализации мероприятий Программы.	<ul style="list-style-type: none"> - осуществляют реализацию мероприятий Программы в рамках своей компетенции; - представляют ответственному исполнителю предложения при разработке Программы в части мероприятий Программы, в реализации которых предполагается их участие; - представляют ответственному исполнителю необходимую информацию для подготовки ответов на запросы, а также отчет о ходе реализации мероприятий Программы; - представляют ответственному исполнителю информацию, необходимую для проведения мониторинга реализации Программы, оценки эффективности реализации Программы и подготовки годового отчета; - представляют ответственному исполнителю копии актов выполнения работ (оказания услуг) и иных документов, подтверждающих исполнение обязательств по заключенным государственным контрактам в рамках реализации мероприятий Программы.	

Департамент архитектуры и градостроительства города Севастополя, Департамент капитального строительства города Севастополя ГАУС «НИИ ГАИС» и ГКУГС «ЕДКС» осуществляют свои полномочия путем реализации утвержденных программ¹. Департамент архитектуры и градостроительства города Севастополя является главным распорядителем бюджетных средств и подотчетен Департаменту финансов города Севастополя.

Исследование структурного взаимодействия правительств городов федерального значения с департаментами архитектуры и градостроительства и с иными органами исполнительной власти показало отсутствие в такой структуре участия общественных палат и общественных объединений, это свидетельствует, что процессы комплексного развития территорий от стадии планирования до стадии реализации не гарантируют должного социального контроля. Это и приводит порой к протестам общественности против реализации программ освоения и развития территорий, итогам которых становится неизбежное приостановление градостроительной деятельности по освоению территорий.

Преодоление сдерживающих эффективное развитие факторов возможно путем повышения функционального участия общественной палаты города Севастополя, как независимого и постоянно действующего коллегиального органа, основанного на добровольном участии в ее работе граждан города, общественных объединений и иных некоммерческих негосударственных организаций, зарегистрированных на территории города. Для этого необходимо формирование комплексной модели взаимодействия не только власти и бизнеса, но и общественных организаций и граждан.

Заключение

Проанализировав вышеизложенное, можно сделать вывод, что в городе Севастополе имеются все функциональные ресурсы и возможности для успешной реализации комплексного развития территорий. Вместе с тем выявлен ряд сдерживающих факторов в организационной и правовой сфере, среди которых недостаточность условий для усиления роли жителей, представителей общественности в разработке, реализации и осуществлении контроля программ комплексного развития территорий города; градостроительная конфликтность, вызванная в том числе неоднозначностью в определении первичности документов территориального планирования, содержащих долгосрочные ориентиры их развития и правила землепользования и застройки; неточность некоторых принципов, что не позволяет учесть территориальные особенности города.

С целью преодоления сдерживающих эффективное развитие организационно-правовых механизмов взаимодействия органов исполнительной власти Севастополя и бизнес-сообществ при реализации программ комплексного развития территорий сформулированы следующие предложения по их усовершенствованию:

а) повышение функционального участия общественной палаты города как независимого и постоянно действующего коллегиального органа при осуществлении контроля реализации программ комплексного развития территорий;

б) формирование комплексной модели взаимодействия при разработке, реализации и контроле программ комплексного развития может быть эффективным при включении в систему взаимодействия не только органов государственной исполнительной власти и представителей бизнес-сообществ, но и граждан, их представителей и общественных организаций;

в) преодоление градостроительной конфликтности посредством введения прозрачных условий комплексного развития территорий, определения и выделения земельных участков, исходя из принципа соответствия правил землепользования и застройки гене-

¹ Государственные программы города Севастополя. Правительство Севастополя. Официальный портал органов государственной власти. URL: <https://sev.gov.ru/government/programs/> (дата обращения: 04.10.2023).

ральному плану, первичности генерального плана перед правилами землепользования и застройки как основополагающего документа территориального планирования, определяющего стратегию градостроительного развития территории и содержащего долгосрочные ориентиры их развития;

г) уточнение принципа сбалансированности системы стратегического планирования путем внесение в определение участников процесса: органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления муниципальных образований, что позволит учесть территориальные особенности города Севастополя.

Список литературы

- Бондарева Е.А. 2019. Власть и бизнес: вопросы взаимодействия в современном государстве. *Конституционализм и государственное устройство*, 1(13): 17–26.
- Большаков П.С. 2009. Формирование организационного механизма комплексного развития городских территорий на основе государственно-частного партнерства (на примере Санкт-Петербурга). Автореф. дис... канд. эк. наук. Санкт-Петербург, 19 с.
- Бутаева Е.М. 2020. Административно-правовая организация механизма управления в сфере градостроительства. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 54 с.
- Воскресенская А.И. 2021. Комплексное благоустройство дворовых территорий городской жилой застройки (на примере города Москвы). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 26 с.
- Милячакова Н.А., Бондарева Л.В., Александров В.В. 2022. Природные ядра регионального экологического каркаса г. Севастополя. *Юг России: экология, развитие*, 17(2): 102–114. DOI: 10.18470/1992-1098-2022-2-102-114.
- Попков Д.Н. 2022. Предложения по совершенствованию процесса взаимодействия органов исполнительной власти при реализации задачи комплексного и устойчивого развития территорий города федерального значения Севастополь. *Modern science*, 9(1): 51–55.
- Росенко М.И. 2023. Аспекты контрольно-надзорной деятельности в государственном управлении (на примере Главного управления государственного жилищного надзора города Севастополя). *Legal Bulletin*, 8(2): 17–28.
- Руденко И.Р., Бессонова Е.А. 2018. Механизм взаимодействия власти и бизнес-структур в развитии инновационного потенциала региона. *Вопросы региональной экономики*, 4(37): 90–95.
- Свинцова Т.Ю. 2020. Развитие экономического механизма комплексного управления землепользованием на урбанизированных территориях. Автореф. дис. ... канд. эк. наук. Москва, 24 с.
- Смоленкова А.В. 2021. Устойчивое развитие города Севастополя после вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации. *S. Colloquium-journal*, 2(89): 20–21. DOI: 10.24412/2520-2480-2021-289-20-21
- Сычев И.Г. 2021. Эффективное использование земли в проектах комплексного освоения территорий. Автореф. дис. ...канд. эк. наук. Москва, 24 с.
- Ткачева Л.В. 2018. Особый административно-правовой режим на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 36 с.
- Харченко Е.В., Шевцов Н.А. 2020. Роль региональных институтов развития во взаимодействии власти, бизнеса и гражданского общества. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*, 4(79): 108–113. DOI: 10.37493/2307-907X.2020.4.13.
- Шанцева Т.А. 2021. Планирование рационального использования земель и их охраны в муниципальных образованиях высокоурбанизированных регионов. Автореф. дис. ... эк. наук. Краснодар – Москва, 23 с.
- Шуневич О.Б., Петрова А.В., Черная Д.С. 2019. Исследование проблем и перспектив социально-экономического развития внутригородских муниципальных образований города Севастополя. *Дискуссия*, 5(96): 36–44. DOI: 10.24411/2077-7639-2019-10039.

References

- Bondareva E.A. 2019. Vlast' i biznes: voprosy vzaimodejstvija v sovremennom gosudarstve [Government and Business: Issues of Interaction in a Modern State]. *Konstitucionalizm i gosudarstvovedenie*, 1(13): 17–26.
- Bol'shakov P.S. 2009. Formirovanie organizacionnogo mehanizma kompleksnogo razvitiya gorodskih territorij na osnove gosudarstvenno-chastnogo partnerstva (na primere Sankt-Peterburga) [Formation of an Organizational Mechanism for the Integrated Development of Urban Areas on the Basis of Public-Private Partnership (On the Example of St. Petersburg)] Abstract. dis. ... cand. economic. Sciences. Sankt-Peterburg, 19 p.
- Butaeva E.M. 2020. Administrativno-pravovaja organizacija mehanizma upravljenja v sfere gradostroitel'stva [Administrative and Legal Organization of the Management Mechanism in the Field of Urban Planning]. Abstract. dis. ... cand. law sciences. Habarovsk, 54 p.
- Voskresenskaja A.I. 2021. Kompleksnoe blagoustrojstvo dvorovyh territorij gorodskoj zhiloz zastrojki (na primere goroda Moskvy) [Complex Improvement of Yard Territories of Urban Residential Development (On the Example of the City of Moscow)]. Abstract. dis. ... cand. law sciences. Moscow, 26 p.
- Milchakova N.A., Bondareva L.V., Alexandrov V.V. 2022. Core areas in the structure of the regional ecological framework of Sevastopol City. *South of Russia: ecology, development*, 17(2): 102–114. DOI: [10.18470/1992-1098-2022-2-102-114](https://doi.org/10.18470/1992-1098-2022-2-102-114).
- Popkov D.N. 2022. Predlozhenija po sovershenstvovaniju processa vzaimodejstvija organov ispolnitel'noj vlasti pri realizacii zadachi kompleksnogo i ustojchivogo razvitiya territorij goroda federal'nogo znachenija Sevastopol' [Proposals for Improving the Process of Interaction of Executive Authorities in the Implementation of the Task of Integrated and Sustainable Development of the Territories of the Federal City of Sevastopol]. *Modern Science*, 9(1): 51–55.
- Rosenko M.I. 2023. Aspekty kontrol'no-nadzornoj dejatel'nosti v gosudarstvennom upravljenii (na primere Glavnogo upravljenja gosudarstvennogo zhilishhnogo nadzora goroda Sevastopolja) [Aspects of Control and Supervisory Activities in Public Administration (On the Example of the Main Department of State Housing Supervision of the City of Sevastopol)]. *Legal Bulletin*, 8(2): 17–28.
- Rudenko I.R., Bessonova E.A. 2018. Mehanizm vzaimodejstvija vlasti i biznes-struktur v razvitanii innovacionnogo potenciala regiona [The Mechanism of Interaction Between Government and Business Structures in the Development of the Innovative Potential of the Region]. *Voprosy regional'noj jekonomiki*, 4(37): 90–95.
- Svincova T.Ju. 2020. Razvitie jekonomicheskogo mehanizma kompleksnogo upravljenja zemlepol'zovanijem na urbanizirovannyh territorijah [Development of the Economic Mechanism of Integrated Land Use Management in Urbanized Territories]. Abstract. dis. ... cand. economic. sciences. Moscow, 24 p.
- Smolenkova A.V. 2021. Ustojchivoe razvitie goroda Sevastopolja posle vhozhdenija Respubliki Krym v sostav Rossijskoj Federacii [Sustainable Development of the City of Sevastopol After the Entry of the Republic of Crimea into the Russian Federation]. *S. Colloquium-journal*, 2(89): 20–21. DOI: [10.24412/2520-2480-2021-289-20-21](https://doi.org/10.24412/2520-2480-2021-289-20-21).
- Sychev I.G. 2021. Jeffektivnoe ispol'zovanie zemli v proektah kompleksnogo osvoenija territorij [Effective Use of Land in Projects of Integrated Development of Territories]. Abstract. dis. ... cand. economic. sciences. Moscow, 24 p.
- Tkacheva L.V. 2018. Osobyj administrativno-pravovoj rezhim na territorii respubliki Krym i goroda federal'nogo znachenija Sevastopolja [Special Administrative and Legal Regime on the territory of the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol]. Abstract. dis. ... cand. law sciences. Ljubercy, 36 p.
- Harchenko E.V., Shevcov N.A. 2020. Rol' regional'nyh institutov razvitiya vo vzaimodejstvii vlasti, biznesa i grazhdanskogo obshhestva [The Role of Regional Development Institutions in the Interaction of Government, Business and Civil Society]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*, 4(79): 108–113. DOI: [10.37493/2307-907X.2020.4.13](https://doi.org/10.37493/2307-907X.2020.4.13).
- Shanceva T.A. 2021. Planirovanie racional'nogo ispol'zovanija zemel' i ih ohrany v municipal'nyh obrazovanijah vysokourbanizirovannyh regionov [Planning of Rational Use of Lands and Their Protection in Municipalities of Highly Urbanized Regions]. Abstract. dis. ... cand. economic. sciences. Krasnodar– Moscow, 23 p.

Shunevych O.B., Petrova A.V., Chernaja D.S. 2019. Issledovanie problem i perspektiv social'no-jekonomicheskogo razvitija vnutrigorodskih municipal'nyh obrazovanij goroda Sevastopolja. Diskussija [Research of Problems and Prospects of Socio-Economic Development of Inner-City Municipal Formations of the City of Sevastopol]. *Discussion*, 5(96): 36–44. DOI: 10.24411/2077-7639-2019-10039.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.08.2023

Поступила после рецензирования 25.09.2023

Принята к публикации 11.11.2023

Received August 20, 2023

Revised September 25, 2023

Accepted November 11, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Росенко Мария Ивановна, доктор наук государственного управления, профессор кафедры «Конституционное и административное право» Юридического института, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия.

Maria I. Rosenko, Doctor of Public Administration, Professor of the Department "Constitutional and Administrative Law" of the Law Institute, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

УДК 351.853.1

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-780-790

Защита культурных ценностей в ситуации вооруженных конфликтов

Сали Азар, Паниотова Т.С.

Южный федеральный университет
Россия, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105
azarsaly6@gmail.com, tspaniotova@sfedu.ru

Аннотация. Военные конфликты первых десятилетий XXI века грозят уничтожением памятникам древнейших цивилизаций на Ближнем Востоке, в Африке. Эта ситуация заслуживает пристального внимания как юристов-международников, так и ученых. Философами и культурологами уделяется много внимания изучению культурных ценностей, традиций, культурного наследия, мемориальной культуры; при этом не достаёт работ, связанных с применением знаний к анализу сложившейся социокультурной ситуации. Цель работы – показать междисциплинарный характер проблемы защиты культурного наследия в ситуации вооруженных конфликтов, значимость ее решения для культурологии как науки, важность, но недостаточность охранительно-правового подхода к защите культурного наследия. Полагаем, что при уточнении масштаба действия законов, которые обеспечивают защиту культурного наследия в контексте вооруженных конфликтов, неизменно возникают вопросы, выходящие за рамки права, но требующие неотложного решения, в том числе о необходимости и возможности сохранения духовных ценностей, культурной памяти в ситуации разрушения материального субстрата.

Ключевые слова: международная защита, культурные ценности, культурное наследие, культура, вооруженный конфликт

Для цитирования: Сали Азар, Паниотова Т.С. 2023. Защита культурных ценностей в ситуации вооруженных конфликтов. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 48(4): 780–790. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-780-790

Protection of Cultural Property in Situations of Armed Conflict

Saly Azar, Taisiya S. Paniotova

Southern Federal University
105 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don 344006, Russian Federation
azarsaly6@gmail.com, tspaniotova@sfedu.ru

Abstract. The military conflicts of the first decades of the 21st century threaten to destroy the monuments of ancient civilizations in the Middle East and Africa. The adoption by the world community of several legal documents is intended to ensure the protection of cultural property. This situation deserves close

attention of both international lawyers and scholars. Philosophers and cultural scientists pay a lot of attention to the study of cultural values, traditions, cultural heritage, memorial culture. However, there is a lack of works related to the application of knowledge to the current sociocultural situation analysis. The purpose of the article is to show the interdisciplinary nature of the problem of protecting cultural heritage in situations of armed conflict, the significance of its solution for cultural studies as a science, the importance, but insufficiency of the protective legal approach to the protection of cultural heritage. The protection of world heritage, its preservation in times of war and conflict are the integral parts of the system of protecting human existence. The encroachment on them is a crime against humanity, the destruction of historical identity and cultural memory. Therefore, the international community is concerned about the need to preserve it as a symbol of the unity of human civilization, despite the existing differences in worldviews and value systems. We believe that due to the interdisciplinary nature of the topic, it is important, in addition to the legal interpretation, to also give a philosophical and cultural understanding, and also to show that when clarifying the scope of laws that ensure the protection of cultural heritage in a situation of armed conflict, questions invariably arise that go beyond the scope of law, but requiring urgent solutions: the possibility of preserving spiritual values, cultural memory in a situation of destruction of the material substrate.

Key words: international protection, cultural values, cultural heritage, culture, armed conflict

For citation: Saly Azar, Paniotova T.S. 2023. Protection of Cultural Property in Situations of Armed Conflict. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 780–790 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-780-790

Введение

Цивилизационное и культурное наследие является историческим источником, обращаясь к которому можно реконструировать образ жизни человека прошлых эпох, модели политической, социальной и экономической жизни, достижения материальной и духовной культуры.

Культурное наследие придает цивилизациям неповторимый облик и отличает их друг от друга. Его сохранность зависит от времени, воздействия природы и человека, и это может стать серьезной проблемой. Ее решение может быть достигнуто благодаря межгосударственному сотрудничеству в деле сохранения культурного достояния, материальных и духовных ценностей, обеспечения их защиты посредством применения сдерживающих правовых мер, применяемых ко всем, кто посягает на культурное наследие.

Стоит отметить, что многочисленные войны и вооруженные конфликты под разными названиями и на протяжении многих веков и сопутствующие им разрушения и вандализм наносят ущерб и причиняют страдания и вред людям, их личному имуществу, жизненно важным объектами государственной собственности. Международное сообщество должно было озаботиться законодательной защитой этого имущества, древностей и исторических, религиозных и художественных объектов, поскольку они являются символами человеческой цивилизации, объединяющими людей, несмотря на разницу в мировоззрениях. Защита всемирного наследия, его сохранение во время войн и конфликтов являются неотъемлемой частью системы защиты человеческого существования, а посягательство на них – это преступление против человечества, разрушение исторической идентичности и культурной памяти.

Цель работы – показать междисциплинарный характер проблемы защиты культурного наследия в ситуации вооруженных конфликтов, значимость ее решения для культурологии как науки, важность, но недостаточность охранительно-правового подхода к защите культурного наследия.

Понятие культуры и культурного наследия в философии и культурологии

Определение культурного наследия варьируется в зависимости от угла рассмотрения. Очевидно, что то, как трактует «наследие» международное право, отличается от понимания в других областях знания.

Но начать следует с определения понятия «культура». В повседневной жизни понятие «культура» употребляется как минимум в трех значениях. Во-первых, под культурой понимается особая сфера общественной жизни, которая существует в виде системы учреждений и организаций, занимающихся производством и распространением духовных ценностей (различные самодеятельные коллективы, клубы, театры, музеи и др.). Во-вторых, под культурой понимается совокупность ценностей и норм, присущих большой социальной группе, обществу, народу или нации (элитарная культура, сирийская и русская культура, молодежная культура и др.) В-третьих, культура трактуется как выражение высокого уровня достижений человека в какой-либо деятельности (культура быта, культурный человек в смысле «образованный и воспитанный» и т. д.). Обыденные представления о культуре часто сводятся к отождествлению ее с художественной культурой (искусством) или с образованием и воспитанием человека. Наиболее распространенное, так называемое обыденное, понимание сводит культуру к совокупности материальных вещей, идей, произведений литературы и искусства и т. д., созданных человеком на протяжении всей его истории. В такой трактовке культура выступает суммой всех достижений человечества, «второй натурой». Сторонники деятельностного подхода понимают под культурой «специфический способ человеческой деятельности, включающий в себя чрезвычайно сложную и многогранную систему внебиологически выработанных механизмов, благодаря которым стимулируется, программируется, координируется и реализуется активность людей в обществе» [Маркарян, 1972, с. 85]. Уточняя это определение, можно сказать, что культура — это не только специфический способ человеческой деятельности, но и совокупность результатов деятельности. А в качестве результатов этой деятельности могут выступать духовные ценности и нормы; материальные объекты, в которых они объективируются; обычаи, ритуалы, способы поведения и общения; наконец, сами люди, которые выступают не только в качестве субъектов, но являются объектами культурного воздействия (социализация, инкультурация индивида).

Не менее разнообразны и подходы к пониманию культурного наследия. При этом, как заметили М.Л. Шуб и Н.Ю. Кособуцкая, «большинство исследователей употребляют данный термин скорее на уровне здравого смысла, нежели в рамках четкого терминологического оформления» [Шуб, Кособуцкая, 2017, с. 34]. Учеными были выделены следующие подходы: феноменологический, ценностный, информационно-коммуникативный, охранительно-правовой, экономический. Похожую классификацию мы находим в работе А.А. Копсаргеновой, которая разделила все имеющиеся трактовки культурного наследия на 3 группы: «1. Определения, в которых наследие понимается, прежде всего, как информационно-культурный феномен. Главное в них, это акцент на информационную составляющую наследия. 2. Определения, демонстрирующие взгляд на наследие с точки зрения правовых и имущественных отношений в обществе. 3. Определения, акцентирующие внимание на перспективах использования историко-культурного наследия в качестве ресурса экономического развития» [Копсаргенова, 2008, с. 24–25]. В подтверждение приведем несколько определений культурного наследия, заметно отличающихся друг от друга. Д.С. Лихачёв в проекте «Декларация прав культуры» определял культурное наследие как «форму закрепления и передачи совокупного духовного опыта человечества»¹. А.А. Мазенкова рассматривает культурное наследие как «информационную подсистему культуры, обладающую значимостью (положительной или отрицательной) и основанную на опыте предшествующих поколений. Операциональной единицей культурного наследия является

¹ Декларация прав культуры (проект). 2001. СПб., СПбГУП. 20 с. С. 11

объект, обладающий ценностью» [Мазенкова, 2009, с. 12]. А Д.Н. Замятин считает, что «наследие по существу может пониматься как определенный медиативный ментально-материальный культурный слой, как “кожа” культуры, необходимая ей для органичной жизни, воспроизводства и развития» [Замятин, 2010, с. 77]. Нам представляется, что наиболее корректным является определение культурного наследия, предложенное М.Л. Шуб и Н.Ю. Кособуцкой. Трактовка культурного наследия как совокупности «актуально значимых, исторически устойчивых и селектированных форм и результатов человеческой деятельности, репрезентированных в материальных, духовных и художественных образцах» [Шуб, Кособуцкая, с. 39] комплементарно пониманию культуры в рамках деятельностного подхода.

Охранительно-правовой подход к пониманию культурных ценностей и культурного наследия

Концепция культурного наследия получила разработку в совокупности международных правовых актов, которые были утверждены большинством государств. Среди них нужно особо выделить Конвенцию о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта¹ и Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия².

В первой статье Конвенции о защите культурных ценностей было дано определение культурных ценностей. Во втором документе присутствует детальное описание объектов культурного наследия, подлежащих защите.

Согласно Гаагской Конвенции, культурными ценностями, независимо от их происхождения и владельца, считаются:

а) ценности, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, такие, как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, которые в качестве таковых представляют исторический или художественный интерес, произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции или важные коллекции книг, архивных материалов или репродукций ценностей, указанных выше;

б) здания, главным и действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых культурных ценностей, указанных в пункте «а», такие, как музеи, крупные библиотеки, хранилища архивов, а также укрытия, предназначенные для сохранения в случае вооруженного конфликта движимых культурных ценностей, указанных в пункте «а»;

в) центры, в которых имеется значительное количество культурных ценностей, указанных в пунктах «а» и «б», так называемые «центры сосредоточения культурных ценностей».

Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта является основным правовым документом, посвященным защите культурного наследия во время войны и оккупации. В этой Конвенции культурные ценности впервые получили всеобъемлющее определение и защиту, поскольку прежде классическое международное право позволяло победителю захватить имущество противника в качестве военных трофеев.

---

¹ Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Гаага, 14 мая 1954 года // Веб-сайт Международного комитета Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-cultural-properties-140554.htm> (дата обращения 10.06.2023).

² Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. Париж, 16 ноября 1972 года // Веб-сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения 10.06.2023).

В Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия осуществлен переход от понятия культурных ценностей к понятию культурного наследия. В этом документе дается характеристика трех групп объектов универсальной ценности, которые составляют культурное наследие, а именно:

- памятники: произведения архитектуры, скульптуры и живописи, предметы и композиции археологического характера, надписи, гроты;
- коллекции: группы изолированных или комбинированных зданий, архитектуры;
- достопримечательные места действия человека или совместные творения человека и природы, а также территории, в том числе включающие археологические достопримечательности.

В дополнение к юридическому аспекту соглашение содержит три критерия:

1. Установление исторического или художественного значения культурного наследия.
2. Признание, что культурные ценности являются общим наследием всего человечества, оставаясь при этом под суверенитетом государства, либо в собственности частных или государственных учреждений [Cornu, 2003].
3. Это наследие связано с культурной самобытностью народа и международное общество заинтересовано в его сохранении и использовании.

Охрана наследия связана не просто с его эстетической и художественной ценностью, но и с его исключительной важностью, как невосполнимого богатства всего человечества. Таким образом, «исчезновение любого объекта культурного и природного наследия представляет собой обеднение наследия всех народов мира» [Томан, 1994, р. 20].

Таким образом, содержащийся в этих правовых документах перечень культурных ценностей наглядно показывает, что понятие и содержание культурных ценностей ограничивается материальными артефактами, объектами, территориями, а о духовных ценностях и нематериальном культурном наследии речь не идет, что существенно сужает поле правовой защиты.

В России основополагающим нормативным актом в сфере охраны культурных ценностей является документ «Основы законодательства РФ о культуре»¹. В статье 3 указанного закона к культурным ценностям отнесены нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, здания и сооружения, имеющие историко-культурную значимость, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объект.

Как мы видим, российские нормативные акты преодолевают это упущение. В них к культурным ценностям наряду с объектами материальной культуры отнесены также и явления духовной культуры. Однако отсутствие в тексте документа самого определения культурных ценностей делает этот перечень практически неисчерпаемым.

Таким образом, нет общепринятого понятия культурных ценностей и культурного наследия – это «живые», т. е. развивающиеся понятия. В настоящее время «культурное наследие» уже трактуется шире, и наряду с продуктами человеческой деятельности включает в себя и природное наследие. А охрана и управление ресурсами культурного наследия рассматриваются как способ обеспечения их максимально возможной жизнеспособности, ценности и функционирования на благо нынешнего и будущих поколений.

¹ Закон РФ от 9 октября 1992 г. N 3612-1 "Основы законодательства Российской Федерации о культуре" (ред. от 29.05.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102018866> (дата обращения 10.06.2023).

Историческое развитие представлений о необходимости законодательной защиты культурного наследия

Причинами разрушения культурного наследия могут выступать разные факторы – природные, временные, антропогенные. Основной причиной разрушения древних памятников и исторических зданий на сегодняшний день остаются вооруженные конфликты. Войны имеют тяжелые последствия для культурного наследия человечества, что заставило международное сообщество бить тревогу и говорить о необходимости разработки правовой системы для сохранения и защиты этого наследия от порчи, рассредоточения, разграбления и уничтожения [Lemelle, 2014]. Ведь на протяжении тысячелетий для победителя было естественно захватить после победы имущество врага, его сокровища, и только некоторые из тех, которые были связаны с религией, могли быть пощажены, причем исключительно из-за религиозного характера, а не из-за их художественной ценности.

XVIII век можно считать периодом, когда были предприняты первые попытки принять документы, касающиеся уменьшения воздействия военного фактора на участников боевых действий, на гражданское население и гражданские структуры и, следовательно, на культурные ценности. Именно тогда стало распространяться осознание необходимости исключения культурного наследия из войн. В эпоху Просвещения и торжества принципов Французской революции Ваттель де Эмер, считающийся одним из отцов международного права, писал: «Какова бы ни была причина разрушения страны, мы не должны жалеть усилий для сохранения зданий, прославляющих человечество, и несколько не способствующих усилению силы врага: храмов, гробниц, общественных зданий и всех произведений, достойных уважения к их красоте. Уничтожить их? Лишить человеческий род этих художественных произведений и этих свидетельств хорошего вкуса, значит, объявить себя врагами всего человеческого рода» [Nahlik, 1967, p. 89]¹.

Первые попытки законодательно защитить культурные артефакты были предприняты уже в XIX в. Так, в Декларации Брюссельской конференции 1874 года говорилось, что культурные ценности, здания и сооружения культурного характера или те, которые предназначены для отправления культа, являются гражданскими объектами, которым запрещается причинять вред, потому что они не являются жизненно важными для ведения военных действий. Это было впервые закреплено в статье 8 Декларации, где утверждалось: «Имущество учреждений, посвященных богослужению, благотворительности и образованию, искусствам и наукам, даже если оно является государственной собственностью, считается частной собственностью. Любое присвоение, уничтожение или повреждение таких учреждений, исторических памятников, художественных или научных произведений должно преследоваться компетентными органами»². Эта Декларация сыграла решающую роль в исключении культурных ценностей из сферы действия вооруженных конфликтов.

Когда разразилась Первая мировая война (1914–1918 гг.), несмотря на уже существовавшие законы, культурные ценности, если они оказывались на линии соприкосновения воюющих сторон, продолжали уничтожаться, даже если речь шла об археологических памятниках большой исторической ценности, защиту которым гарантировало международное право.

¹ Во время Второй опиумной войны (1856–1860), разразившейся в Китае, англо-французские части, чтобы заставить Поднебесную империю капитулировать, захватили летнюю резиденцию императора, состоящую из полного комплекта дворцов и павильонов, содержащую огромную коллекцию произведений восточного искусства. Эти памятники были преднамеренно уничтожены, причем не бандитами, а по прямому приказу британского посла Джеймса Брюса Лорда Элгина, лично наблюдавшего за уничтожением.

² Project of an International Declaration concerning the Laws and Customs of War. Brussels, 27 August 1874 // Веб-сайт Международного комитета Красного Креста. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/brussels-decl-1874?activeTab=undefined> (дата обращения 10.06.2023).

В годы Второй мировой войны в Европе действовали только положения Гагской конвенции¹, принятые в 1907 году. Миллионы потерянных жизней и разрушения, нанесенные зданиям, культурным памятникам и артефактам, оказались невосполнимы. Повреждения, перемещения или уничтожение культурных ценностей – все это демонстрировало, до какой степени обычное право и положения, относящиеся к началу двадцатого века, недостаточны или не действуют. Для защиты культурного наследия и привития государствам уважения к нему воюющие государства, особенно Франция и Великобритания, декларировали высокие принципы и подтверждали свое стремление сохранить «вехи человеческой цивилизации» [Bugnion, 2004, p. 313–314]. Однако, несмотря на декларации, именно армии этих стран вместе с войсками США стерли с лица земли исторический монастырь Монтекассино в Италии и уничтожили другие достопримечательности.

В годы Гражданской войны в Испании противоборствующие стороны разрушали все, что могло служить символами противоположной стороны и ее культурного наследия. Эта война привлекла внимание к тому факту, что опустошение происходит не только от военных действий между государствами, но и от внутренних политических потрясений [Breucker, 1975, p. 528]. Она также выявила масштаб ущерба, нанесенного культурному наследию страны в результате бомбардировок немецкой авиацией и артиллерией, которую генерал Франко применил против враждебной стороны [Clément, 1993, p. 528].

Таким образом, Вторая мировая война продемонстрировала огромные масштабы нарушений обычного права ведения военных действий, поскольку противоборствующие стороны без колебаний уничтожали культурные ценности под предлогом военной необходимости.

Защита культурных ценностей на современном этапе и пробелы в законодательстве

В 1949 году по инициативе Международного комитета Красного Креста были приняты четыре Женевские конвенции, во многом укладывающиеся в давнюю традицию международного права ведения военных действий, в частности Гагских конвенций 1899 и 1907 годов [Boylan, 1993, p. 25].

В 1954 году была принята Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, ее первый дополнительный протокол, а затем второй протокол к Гагской конвенции 1999 года, посвященный защите культурных ценностей во время вооруженного конфликта не международного характера.

Культурные ценности, которые впервые получили всеобъемлющее определение в Гагской конвенции, ранее не пользовались никакой защитой, поскольку классическое международное право позволяло победителю захватить и присвоить имущество противника в виде военных трофеев. Однако развитие международного гуманитарного права (Гагские конвенции 1899 и 1909 годов, четыре Женевские конвенции 1949 года и Дополнительный протокол к ним 1977 г.) включило культурное наследие в гуманитарное право в качестве объекта гражданской собственности. Отныне запрещалось использовать его в качестве военных целей под страхом наказания за совершение преступления. Логично, что культурное наследие так же, как и гражданская собственность, пользуется защитой в дополнение к тому факту, что теперь оно было признано достоянием всего человечества, а не только народа, которому непосредственно принадлежит, а в соответствии с Декларацией, «причиненный ущерб не может затрагивать культурное наследие, принадлежащее всему человечеству»².

¹ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 18 октября 1907 года // Веб-сайт Международного комитета Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (дата обращения 10.06.2023).

² Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Гаага, 14 мая 1954 г. // Веб-сайт Международного комитета Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-cultural-properties-140554.htm> (дата обращения 10.06.2023).

Однако Гаагская конвенция касалась только дел, представляемых для защиты культурных ценностей во время конфликтов между государственными субъектами, и игнорировала конфликты, которые возникают на территории самого государства. Ни Гаагская конвенция 1954 года, ни Дополнительный протокол к ней 1999 года не затрагивали непрекращающихся вооруженных конфликтов в арабском регионе и уничтожения его культурного наследия, поскольку они распространялись на конфликты между государствами как субъектами международного права, а не на конфликты внутри государств. К последним относятся, например, конфликты между регулярными силами и вооруженными повстанческими группами, политические или религиозные беспорядки, взятие оппозиционными силами под контроль значительной части территории страны, как это происходит сегодня в Сирии и Ираке.

Кроме того, в этой конвенции оставалась лазейка, которая заключалась в том, что вводилось понятие «военный императив», предполагавшее некоторые исключения из правил, которые могли оправдать военные действия против культурных ценностей, даже если они являются наследием всего человечества и в принципе не должны подвергаться нападению и разрушению. Например, если во время вооруженного конфликта военная группа использовала памятник культуры в целях укрытия, то необходимость военных действий могла оправдать его разрушение. При этом международным правом налагались ограничения на право прибегать к возмездию или взаимности, даже если в отношении потерпевшей стороны были совершены тяжкие преступления.

К сожалению, сегодня, как и в прошлом, культурные ценности подвергаются беспрецедентному разрушению в результате войн во многих регионах мира, что угрожает культурному наследию разрушением и исчезновением.

По словам генерального директора ЮНЕСКО Ирины Боковой¹, культурное наследие в современной истории подвергается нарушениям и уничтожению как никогда ранее, особенно в Сирии и Ираке. В этих двух странах, считающихся колыбелью человеческой цивилизации, уничтожение культурных ценностей достигло беспрецедентных масштабов. Согласно отчету ООН, основанному на спутниковых снимках, за более чем три года разрушено, повреждено или разграблено более 300 объектов сирийского культурного наследия, особенно в Алеппо и Пальмире. Институт Организации Объединенных Наций по обучению и исследованиям (Юнитар – Unitar) проанализировал 18 районов и проконтролировал 290 объектов прямого поражения, из которых 24 были разрушены, 104 серьезно повреждены, 84 частично повреждены, а 77 из них также могли быть повреждены. Эти объекты включают Великую мечеть Омейядов в Алеппо, внешние постройки и минареты которой были превращены в руины, в дополнение к повреждению ее главной площади. Истинное количество пострадавших участков может быть намного больше, поскольку институт не смог получить данные из семи других регионов страны. Несмотря на нанесенный ущерб, который «вызывает беспокойство», военные действия продолжаются, и доступ к историческим местам для более подробного расследования все также невозможен.

Что касается тех снимков, которые были распространены международными СМИ после захвата ИГИЛ² иракского города Мосул в 2014 г., на которых видно, что участники этой организации нападают с лопатами на предметы старины и артефакты тысячелетней давности, повергают их на землю и уничтожают, они заставили Генерального директора ЮНЕСКО сказать: «Эти теракты являются военными преступлениями, и они должны быть наказаны как таковые»³.

¹ L'Etat islamique fait aussi la guerre contre la culture // Le Monde. 03.03.2015. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2015/03/03/l-etat-islamique-fait-aussi-la-guerre-contre-la-culture_4586558_3232.html (дата обращения 10.06.2023).

² Запрещенная на территории Российской Федерации организация. – прим.

³ L'Etat islamique fait aussi la guerre contre la culture // Le Monde. 03.03.2015. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2015/03/03/l-etat-islamique-fait-aussi-la-guerre-contre-la-culture_4586558_3232.html (дата обращения 10.06.2023).

И. Бокова выразила эту позицию по поводу решения, вынесенного Международным уголовным судом в конце 2016 г. по делу «Аль-Махди аль-Фики», связанному с уничтожением человеческого наследия в Тимбукту, Мали, и добавила: «Становится ясно, до какой степени защита наследия является серьезной ставкой»¹, в особенности для обеспечения безопасности народов и защиты человеческих жизней. Это важно подчеркнуть, тем более что нападения на культуру стали оружием войны в рамках используемой некоторыми силами стратегии этнических чисток.

Таким образом, на сегодня нет ничего более информативного, чем эта проверка, связанная с уничтожением, повреждением и разграблением культурных ценностей в результате вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера. В Сирии и Ираке, как и в Йемене и Мали, культурные памятники подвергаются систематическому уничтожению. Это страны изобилуют археологическими памятниками, древними монументами и артефактами, которые являются культурной памятью не только этих народов, но и памятью всего человечества.

Заклучение

Завершая статью, можно сделать вывод, что культурные ценности, находящиеся под угрозой повреждения и уничтожения в результате разрушительных войн, уже имеют правовую базу для их защиты и сохранения. Гаагская конвенция о защите культурных ценностей (1974 г.) и Второй протокол к ней (1999 г.) являются основными документами, в которых содержатся соответствующие положения об этой защите в случае международного или внутригосударственного вооруженного конфликта. Их исполнение обязательно даже для тех стран, которые не присоединились к двум вышеупомянутым конвенциям. Наконец мировое сообщество обратило внимание, что культурные ценности оснащены строгой правовой системой, ведь вооруженные конфликты являются основной причиной ущерба, несмотря на наличие других, не менее серьезных причин, наименьшими из которых являются грабежи и контрабанда. Но даже эти незаконные действия возможны только в контексте хаоса, причиняемого войнами. Если международное сообщество не в состоянии вообще предотвратить вооруженные конфликты, то оно хотя бы должно сделать все, чтобы обеспечить защиту культурных ценностей, учитывая, что последние являются достоянием человечества, а не только достоянием государства, на территории которого идет война. Принимаемые меры среди прочего еще должны служить укреплению межнационального и межцивилизационного диалога, ведь историческая память и общее культурное наследие являются колоссальным ресурсом в достижении понимания и мира. И здесь важно иметь в виду и нематериальное культурное наследие – духовные ценности, нравственные нормы, религиозные верования и т. п., которые в результате военных конфликтов могут деформироваться, подвергаться переоценке, утрачивать свою регулятивную роль в обществе. А это чревато еще более серьезными последствиями, чем утрата материальных культурных ценностей.

Сегодня международное сообщество признало, что его невосполнимому наследию грозит гибель. Впервые Совет безопасности ООН единогласно принял 24 марта 2017 г. постановление², посвященное исключительно защите культурного наследия. Это выражение первостепенной важности, которую международное сообщество придает защите своего наследия во имя мира и безопасности.

¹ Mali : à Tombouctou, la procureure de la CPI se félicite de la reconstruction des mausolées // Le Monde. 01.04.2021. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2021/04/01/mali-a-tombouctou-la-procureure-de-la-cpi-se-felicite-de-la-reconstruction-des-mausolees_6075248_3212.html (дата обращения 10.06.2023).

² Резолюция 2347 (2017), принятая Советом Безопасности на его 7907-м заседании 24 марта 2017 года // Веб-сайт Совета безопасности ООН. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/sres2347-2017> (дата обращения 10.06.2023).

Список литературы References

- Замятин Д.Н. 2010. Образ наследия в культуре. Методологические подходы к изучению понятия наследия. *Социолог. исслед. Социология культуры*, 2: 75–82.
- Zamyatin D.N. 2010. The image of heritage in culture. Methodological approaches to the study of the concept of heritage. *Sociologist. research. Sociology of culture*, 2: 75–82. (in Russian).
- Копсергенова А.А. 2008. Культурное наследие: философские аспекты анализа. Дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 184 с. (in Russian).
- Kopsergenova A.A. 2008. Cultural heritage: philosophical aspects of analysis. Dis. ... candidate of Philos. sciences'. Stavropol, 184 p. (in Russian).
- Мазенкова А.А. 2009. Культурное наследие как самоорганизующаяся система. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 22 с. (in Russian).
- Mazenkova A.A. 2009. Cultural heritage as a self-organizing system. Autoref. dis. ... candidate of Philos. sciences'. Tyumen, 22 p. (in Russian).
- Маркарян Э.С. 1972. Системное исследование человеческой деятельности. *Вопросы философии*, 10: 77–86.
- Markarian E.S. 1972. Systematic study of human activity. Questions of Philosophy, 10: 77–86 (in Russian).
- Романенко М. А. 2018. Межцивилизационный диалог в контексте исторической памяти. *Научная мысль Кавказа*, 3(95): 23–27.
- Romanenko M. A. 2018. Intercivilizational dialogue in the context of historical memory. *Scientific thought of the Caucasus*, 3(95): 23–27 (in Russian).
- Шуб М. Л., Кособуцкая Н. Ю. 2017. Культурное наследие в свете современных гуманитарных подходов. *Вестник КемГУКИ*, 41: 34–40
- Shub M. L., Kosobutskaya N. Y. 2017. Cultural heritage in the light of modern humanitarian approaches. *Bulletin of KemGUKI*, 41: 34–40 (in Russian).
- Boylan P. 1993. Réexamen de la Convention pour la protection des biens culturels en cas de conflit armé (Convention de La Haye de 1954) [Review of the Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict (The Hague Convention of 1954)]. Paris, UNESCO, 179 p.
- Breucker J. 1975 Pour les vingt ans de la Convention de la Haye du 14 mai 1945 pour la protection des biens culturels [For the Twenty Years of the Hague Convention of 14 May 1945 for the Protection of Cultural Property]. *Revue belge de droit international*, 11: 525–547.
- Bugnion F. 2004. La genèse de la protection juridique des biens culturels en cas de conflit armé dans le cadre du droit international humanitaire conventionnel et coutumier [The Genesis of the legal Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict Within the Framework of Conventional and Customary International Humanitarian Law]. *International Review of the Red Cross*, 86 (854): 313–324.
- Clément E. 1993. Le concept de responsabilité collective de la communauté internationale pour la protection des biens cultures dans les conventions et recommandations de l'UNESCO [The Concept of the Collective Responsibility of the International Community for the Protection of Cultural Property in the Conventions and Recommendations of UNESCO]. *Revue belge de droit international*, 26: 534–551.
- Cornu M. 2003. Droit des biens culturels et des archives [Law of Cultural Property and Archives]. URL: <https://docplayer.fr/2148296-Droit-des-biens-culturels-et-des-archives-marie-cornu-novembre-2003.html> (дата обращения 10.06.2023).
- Lemelle G. 2014. La protection du patrimoine culturel en temps de conflits armés non internationaux [The Protection of Cultural Heritage in Times of Non-International Armed Conflict]. URL: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-01151658/document> (дата обращения 10.06.2023).
- Nahlik E.S. 1967. La protection internationale des biens culturels en cas de conflit armé [The International Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict]. In: Collection of courses of the Hague Academy of International Law, vol. 120. 103 p.
- Toman J, 1994. La Protection des biens culturels en cas de conflit armé: commentaire de la Convention et du Protocole de La Haye du 14 mai 1954 pour la protection des biens culturels en cas de conflit

armé ainsi que d'autres instruments de droit international relatifs à cette protection [The Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict: Commentary on the Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict and its Protocol, signed on 14 May 1954 in the Hague, and on Other Instruments of International Law Concerning Such Protection]. Paris, Editions Unesco, 490 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 25.10.2023

Received October 25, 2023

Поступила после рецензирования 27.11.2023

Revised November 27, 2023

Принята к публикации 30.11.2023

Accepted November 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Азар Сали, аспирант кафедры теории культуры, этики и эстетики, Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия.

Saly Azar, Postgraduate Student, Institute of Philosophy and Social and Political Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Паниотова Таисия Сергеевна, доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Taisiya S. Paniotova, D. Sci. (Philos.), full professor, Institute of Philosophy and Social and Political Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

УДК 130.2. 37.(8)

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-791-802

Философские модусы экзистенциального диалога в практике реконструкции литературного стиля

¹ Сухоруких А.В., ² Куркина А.С.

¹ Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф.Морозова
Россия, 394087, г. Воронеж, ул. Тимирязева, 8;

² Воронежский государственный университет,
Россия, 394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 10.

sukhorukikh.al@yandex.ru

Аннотация. На примере уникальной методической находки – интуитивной реконструкции учащимся авторского стиля классика русской литературы, изложенной в критериях этико-экзистенциального «оклика гения» в новых онтологических реалиях – автопрами рассмотрены философские аспекты и аксиологическая символика возможной педагогической практики на уроке литературы в современной российской школе, выдвинуты воспитательные задачи формирования нравственного опыта учащихся в процессе реализации ими самостоятельного творческого замысла в рамках освоения экзистенциального континуума того или иного художественного произведения с позиций сопричастности общей литературной традиции отечественной культуры. С точки зрения философии образования намечаются основания методической инноватики для возрождения системного принципа мышления учащихся в контексте раскрытия ими «созвучных смыслов» классического литературного произведения.

Ключевые слова: образование, философия, язык, символизм, мышление, инноватика

Для цитирования: Сухоруких А.В., Куркина А.С. 2023. Философские модусы экзистенциального диалога в практике реконструкции литературного стиля. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 48(4): 791–802. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-791-802

Philosophical Moduses of Existential Dialogue in the Practice of Literary Style Reconstruction

¹Alexey V. Sukhorukikh, ²Alla S. Kurkina

¹ Morozov Voronezh State Forestry Engineering University,
8 Timiryazeva St., Voronezh 394087, Russian Federation

² Voronezh State University, 10 Lenin Square, Voronezh 394018, Russian Federation
sukhorukikh.al@yandex.ru

Abstract. Using the example of a unique methodological finding – intuitive reconstruction by a student of the author's style of the classic of Russian literature, set out in the criteria of the ethical-existential principle "call to a genius" in the new ontological realities – the article examines the philosophical aspects and axiological symbolism of possible pedagogical practice in a literature lesson in a modern Russian school. The educational tasks of forming the students' moral experience in the process of realizing their independent creative idea within the framework of mastering the existential continuum of a particular work of art from the standpoint of participation in the general literary tradition of national culture are also put forward. From the point of view of the philosophy of education, the foundations of methodological innovation are outlined for

the revival of the systemic principle of students' thinking in the context of their disclosure of the "consonant meanings" of a classical literary work.

Keywords: education, philosophy, language, symbolism, thinking, innovation

For citation: Sukhorukikh A.V., Kurkina A.S. 2023. Philosophical Moduses of Existential Dialogue in the Practice of Literary Style Reconstruction. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 791–802 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-791-802

Введение

Современная педагогическая практика, обусловленная фактическим релятивизмом нормативно-информационной составляющей, не часто обнаруживает в тематике предмета обучения возможность реализации философской концептуальности, предоставляя условие для выявления подлинно междисциплинарного характера образовательного процесса [Гафиатулина, Самыгин, 2020, с.17-21]. Не менее важно актуализировать ключевой воспитательный аспект педагогической науки, расширить возможности взаимодействия преподавателя и учащегося до фундаментальных констант обучения, до метафизических проекций познания: символизма ученика и учителя в обретении абсолютной ценности знания.

Философия образования всегда была уполномочена подчеркивать концептуальность знания как лично пережитого нравственного акта, как реальности рождения для ребёнка высших смыслов его жизни. В этой связи видится необходимым с философских позиций сформулировать принципы, в полной мере реализующие для учащегося «силовое поле» этических значений, обозначающие для него реальность и «энергичность» сконцентрированных в слове нравственных смыслов. Органичность их в логосе обуславливает, и тот факт, что отечественная литературная классика предстаёт имманентно философичной, а собственно русская философия в «золотом» литературном наследии неизменно обретает нравственный лейтмотив.

Уместно заметить, что философия как особого рода искусство мысли «конструирует определённый идеальный мир, пространство культуры» [Бейлин, Гончаров, 2021, с. 86], но вдвойне верно утверждение, что непосредственно «слово... создаёт свой целостный мир, соединяя в себе эстетическую и коммуникативную функцию как континуум в духовном времени и пространстве» [Бейлин, Гончаров, 2021, с. 91], и также, «как языковый символ» рождает «отдельную сферу художественного мира культуры» [Бейлин, Гончаров, 2021, с. 85], философская идея того или иного литературного замысла обращается к «внеличностным глубинам человека, где для сознания человека сфера абсолютного бытия необходимо существует» [Бейлин, Гончаров, 2021, с. 87].

Взаимосвязанность литературного текста и философского слова, феномен того, как размышление, искание истины мыслителя и художественная выразительность писателя способны преобразиться в трансцендентное, контекстность диалога автора с современной и будущей ему философией и литературой, наконец, сами критерии философской канвы литературного произведения – все эти вопросы достаточно полно проработаны современной культурософской традицией [Римский, Римская, 2020].

Мы выделяем этическую канву литературно-философской проблематики в её императивном значении – в символизме личностной метанойи, преобразующей персональную экзистенцию погружённого в глубины выдающегося текста читателя. В этой эмпирике соотносимых образов-смыслов обнаруживается превосходящая саму себя диалектика сопричастия метафизическому измерению бытия личности, её экзистенциальная диалогичность с вечным, и в этом аспекте безусловно прав В.Ю. Даренский, заметивший, что, к примеру, «текст Достоевского – это своего рода экзистенциальный удар по сознанию» [Даренский, 2021, с.79]. В этом – близкое к литературному гению исихастское вопрошание всей русской философии «предельных вопросов»: великое «вымалчивание» «со-бытия

в» таинстве духовного единения. В этом – тайна русской литературы, являющей, «что бытие может быть лишь пережито» и тем познано подлинно [Бобков А.А., Бобков А.И., 2020, с. 39, 40].

Вневременным, абсолютизирующим гуманистические смыслы фактором остаётся запрос на культуру «духовного исцеления человека», актуализирующий созидательную идеологию «разума сердца», его «деятельную любовь», становление этического мировоззрения [Сорокин, 2021]. В той мере, в которой понимание абсолютности этических факторов обуславливает начала культуры человека, понимание идеальности истока знаний детерминировано степенью ответственности за символизм индивидуальной картины мира, приоритеты мировоззренческих принципов.

Мышление идеи знаково и символично, что контрастирует с современным массовым потреблением типичного информационного продукта [Самыгин, Ничипуренко, 2015]. Образовательный контент в первую очередь должен быть избавлен от аксиологической нейтральности, быть в канве императивной морали гуманистических стратегий педагогики, направленным на формирование морального символа человека даже в формальных значениях дидактики. И философия, и педагогика как неотъемлемые части культуры становления человека в его идеальных нравственных потенциалах в равной мере целенаправляют иерархичность онтологических смыслов и ценностей, вневременность трансляции нравственных презумпций, а в стремлении выявить природу человеческого гения – сопричастность ему.

В этой связи важнейшим принципом образовательной практики в современных реалиях, а по большому счёту, актуальнейшей задачей философии педагогической культуры предстаёт аксиологическая методология: не релятивистское оценивание, но отнесение к ценностям, критическая аналитика самого существенного, что в конечном итоге предполагает выявление подлинной значимости реальных фактов-феноменов и теоретическую объективацию социально-гуманитарного знания в целом. Критерием подлинности педагогических новаций, как и любой творческой реализации, выступает экзистенциальная в своей сути интенция этоса. Ей определяется фундаментальность и гуманитарное измерение культуры, в любых контекстах которой не может присутствовать этически нейтральных значений.

В этой связи целью нашей работы становится актуализация этического наполнения педагогического мастерства не как суммы технологий, но как залога реализации философского дискурса образования с наглядностью иллюстрации в нём трансцендентального фактора. В частности, мы говорим о современном воплощении литературного замысла без компиляций и продуцирования нейросети как о возможности ментальных интуиций, духовно-когнитивной апперцепции «идеального мира» мыслителя-творца, наличествующего во вневременных реалиях пространства культуры.

Онтология языка как этико-экзистенциальный символ

Социальный аспект культуры – это всегда трансляция ценностных смыслов, императивов морали, запечатленных в традиции социально-исторического опыта. В предметность социального гнозиса онтологически и субъектно включен человек, поэтому воспитующие акценты педагогики и этическая символика философии образования соединяют «две реальности»: «мир человека» как персонального созидателя культуры и объективное «бытие» социокультурной деятельности человеческого сообщества. По существу, человек обречён на «авторство» своей онтологии и культуры. Культурный гнозис по сути гуманитарен, и М.М.Бахтин, говоря о «выразительном и говорящем» бытии гуманитарного знания, наук не о «безгласной вещи и естественном явлении», но о феномене «глубины проникновения» в человеческое существо, справедливо подчеркивает принципиальную диалогичность этого акта познания: проникновения, открытия, откровения и выражения себя [Бахтин, 2000, с. 227, 228].

Выражение себя потенциально диалогично – таковым может быть персональный поступок, моральный акт: он не только формирует духовное достояние личности, но становится и сообщением её сущности миру, её откликом на него, её сопричастностью сходному. Такие субъект-субъектные отношения указывают не только на сложность «извлечения» непреходящих общечеловеческих смыслов, бытийствующих вне обусловленности разных социально-исторических контекстов, но и заостряют внимание на генезисе человеческого гения, его вневременной природе. Сопричастность гению – отзвук высоких символов культуры в новых реалиях – событийна. Однако насколько природа гениальности, рождающей шедевр, остаётся уникальной, или она индивидуально созвучна и может быть аналогично выражена новой экзистенцией, – или же здесь явна целесообразность репродукции, субъективно-иное прочтение знаковых значений?

«Говорящее бытие» предполагает «вопрошающего человека», специфика существования которого – выразительность: непосредственное мышление, переживание, поиск соответствия миру. Подлинно «гласящее» слово, художественный образ или произведение, наконец, центральное понятие современной герменевтики, текст – именно попытка «извлечь» непосредственность бытия в его первичном качестве. Хайдеггеровское ли это «бытие языка», творение человеческого гения в последовательности образующих единое целое знаков [Бондаренко, 2009], или же бахтинское «выражение сознания, что-то отражающего» [Корниенко, 2010] – текст предстаёт не только осуществлением некоего персонального замысла, авторским феноменом, но и в качестве ноумена, как интенция «вне автора», замысел замысла, приглашающий к пониманию изложенного как причастию бытию, к мысли и сочувствованию, к перевоплощению замысла, а не интерпретациям авторского сюжета. Событие текста через языковое событие реализует событие сознаний: идеаторный диалог, трансформацию духовной природы, потенциалов ещё не проявленных, ноуменальных смыслов. Знаковость такого диалога в духе тем значительнее, чем органичнее: глубокое созвучие мышления и стиля в конечном счёте делает относительным непосредственное авторство. Проникновение в текст, как и проникание духа, – всегда в глубину.

Практический опыт реконструкции литературного стиля

Философская проблематика в непосредственном образовательном процессе приобретает принципиальную значимость в аспектах детского творчества, в проявлении сущностных человеческих качеств, уникальности учащихся. Суть вдохновения как интуитивного знания за пределами аргументации, «внезапность» этической риторики для объяснения онтологических констант и целей познания, причастность «гениальной» стилизации художественно-языковых форм, «близость гения» [Давыдова, Самыгин, 2020] как доверительность подлинному изложению абсолютных экзистенциальных значений – всё это не лишено практической значимости на уроках литературы в современной российской школе.

Знание предмета, компетентностная оснащённость и погружённость в материал художественного произведения не стали основанием для интуитивной попытки учащегося индустриализировать стилистические языковые средства и манеру письма Ф.М. Достоевского, однако позволили педагогу закрепить методический навык экспериментальной практики.

Ниже мы приводим пример автономного текста – своего рода результата нравственной интуиции взявшего перо читателя и, следовательно, «второго рождения» автора в нашей современности. Итак, великий писатель «якобы становится» непредвзятым повествователем сложнейшей душевной коллизии своих новых героев в принципиальных для самого себя обстоятельствах. При этом непосредственность «уявления» новым автором этического ядра экзистенциального континуума позволило ему самостоятельно перенести сюжет оригинальной новеллы в иные темпоральные, но не нравственные координаты.

«Ангельчык мой, бесценная сестрыца!»

Вот уж несказанно рад отписать вам: точнёхонько, как в воображении за- светлится приветливая ваша улыбочка, так я уж и рад, голубчик мой, – уж как будто и повидался с вами.

Тут вот какова придумочка моя вышла, изволите ли, затейливая одна исто- рийка, право же, запишу когда-нибудь: не так, чтобы уж чего, а Бог весть! Одна- ко ж преоригинальная вещица, авось и тиснёт кто-нибудь в журналец.

Доложу вам, сердечный дружочек мой, что случилось происшествие сие в Петербурге в последнюю германскую войну. Проживало на Литейном семейство, уж и не вспомню где, да только уж после, как сиживал я у них в гостях, и совсем в других нумерах, то надобно сказать, что со всех них дочка одна, барышня моло- дая, только в живых и остались. У барышни той, особы прехорошенькой, около самого её глазика как бы след был какой, четыре крохотных белых шрама, ни пуд- рой, ни белилами не спрятанные. И как не спрашиваю её: графиничка, голубушка, отчего это? молчит, да только улыбается в ответ – так! – а сама в ридикюль, и платочком слезу смахивает. Да что же это, говорю, маточка, плакать изволите, слезами горю не помочь, это я наверное знаю, и всё жалею её, а кого ж не пожа- леть? Ну-с, вот однажды, после просьбы моей настойчивой и открылась она, так я всё вам, любезная сестрыца, поведаю.

А и надобно сказать, что уж очень любила она, та барышня, кошечек, ну, да это ничего, их и матушка её любила. Была она женщица кроткая, добрая, так и дочка в неё. Всё помню, перед войною ещё, у неё их аж три, этих кошечек-то было, а уж потом, в войну-то, они как естъвсе и потерялися. Ох, голубушка моя! как война, да блокада эта самая сделалась, тут и всё семейство ихнееот холода да от голода так всё и померло, и остались, значит, барынька, да мамаша её, да кошечка эта, самая её любимая, Мусенька.

Вот уж, как и сказать-то не найдусь, каких трудов стоило им каждый день- то прожить, а уж как бомбил супостат! и в зиму ту холод прямо лютый, так со всех комнат они и съехали, да в чуланчик-то и перебрались, спать и тесно, и не- удобно, а сами себе, не у чужих людей углы нанимая, хоть и тяжело, не в при- мер теперешнего жили.

Только голодно, голодно, душа моя! вот от голода все-то пораспухли да по- мерли, всё семейство, как есть, померли. Там такое горе, что сердце рвётся при одном воспоминании! Одна барышня и осталися с мамашей своей. Да уж и всё едой стало, всё в ход шло, нешто не знаете, гужи да сбрую и ту варили, а уж ко- шечек-собачек, тех так сразу и поели. А барышня та кошечку свою, Мусеньку, спрятала, никому не показывала, да и правду сказать: что уж та кошечка, одни косточки и оставались, а всё-то играетя бывало с нею, хозяйшкой своею, мур да мур, будто сказки начинает сказывать, и на сердечке как бы и теплее стано- виться, и не голодно так. Только уж скоро молодая графиничка совсем плоха ста- ла, и у мамашы её всё сердце изныло, всё мысли черные, тяжелые: помрёт, как Бог есть, доченька моя, так уж поймать кошку-то, сварить её и накормить доченьку. Недельку бы, думает, ещё и пожила, а там солдатики на подводы заберут и по льду, слышь-ко, по озеру-то, и из города её и вывезут. Всё попривольнее с харчами- то будет. Только бы не разбомбили в пути, убереги Господи! А раз так, то, стало быть, и кошечке той не жить. Только и барышня себе решила: не отдам Мусень- ку. Спрятала её понадёжнее. А мамаша-то ищет, ан напрасно. А та ей: «Оставь- те, мамаша, кошечку!» На первый раз уговорились. На другой раз хватилась – нету Мусеньки! Взмолилась, себя не помня: «Мамаша!», – кричит, – «родимая, где ж Мусенька? где она, пропала, ты ли забрала, отдай! она моё счастьеце единственное. Я люблю её, а помнишь, как и ты её любила, матушка, голубушка,

не забирай! от неё ещё котятки будут!» Криком кричит девонька, а сама-то, сама, откуда силы-то кричать и взялись, дрожит, бедняжечка, да шатается. А мамаша её, не ровён час поминать, тоже в крик: «Да что же ты, дура неблагодарная, это же кошка только! сварю её, и еда будет! Всех собак поели, уж и мышей всех – ты пощи! Зачем теперь Муська, ей и ловить-то некого! Девочка моя родная, послушай! Мусеньке и не больно будет, она ведь косточки уже только, смотри уж и не шевелится вовсе! Она, доченька, уже не живая совсем, а тебе, дитячко моё, жить надо!» А графиничка своё: «Живая! Живая она! матушка, родимая, посмотри! У неё глазки живые! отдай её, не губи! Я её накормлю, я её выхожу, вот увидишь!» А та в ответ: «Выходишь, падаль этакую! Эка же дрянь ты такая! это мне тебя выхаживать надо! Выходит она! Я мать тебе и мне тебя спасти надобно – или не дочь ты мне?! А коли не дочь так и помирай! Что есть-то будем?! Или из меня, мамаша своей, кровушку выпьешь?!» Сказала, и как в столб соляной превратилась. А то и я, право же, виноват кругом, такое рассказывать, вот ведь как случается человеку заблудиться в собственных чувствах. Да только барынька-то моя, молодая графиничка, уж так была решительна – сама былиночка, а топни ножкой: «Видит Бог», – говорит, – «живите вы, мамаша, а без Муси и я уйду из дома!» Тут только её и видели. Натурально, такое себе представляете? А мамаша и прямо остолбенела, ан что же делать-то? и сил нет бежать за дочерью-то. К стеночке прислонилась, и кошечку то, едва живую, на руки, и ну гладить, гладить её, точь-в-точь, как до войны, привычно, а слезы по щекам текут и льдинками мерзнут тут же... Вот, стало быть, эта кошечка тогда ей рассудок-то и спасла...

А барынька моя что удумала: по улице прокралась тихо так, ведь через двор пройти надобно, а не то дозоры заметят, расспрашивать станут, а то ещё и кто пострашнее, ведь бывало и ребетёнки малолетние пропадали совершенно. А надобно-то ей было одно – найти еды какой, чтобы матушка Мусеньку не погубила.

Не могу и помыслить, голубчик ты мой, сестрица, где бы ей той еды найти было, да только видно Господь устроил – упала она, слабенькая. А и посмотрела на мостовой, в самом снегу, как чернеет что-то, а что не разглядишь, замерзло, лёд совсем. Она-то, родименькая, пальчиками своими и ну отрывать! А мороз, кожа-то на ручках и порвалась! и вот ведь что: кровушка её и согрела находочку, она-то и оттаяла! Тут смотрит она, и глазам не верит, а глазки-то в слезах, не поймешь сразу, что нашла, а это... мясо это смерзшее!

Да-с, сестрица! Ей-богу, мясо! Маленький огрызок такой, а понятно, стало быть, что мясо-то! И домой она как на крыльях полетела, уж и не знаю, как сказать-то, да только возвращалась, бедная, час и два, насилу дошла. А как дошла, так и слёзки утерла, и кровиночку с ладошек по щечкам размазала, чтобы румяные были, думает: обрадую мамашу в самом привлекательном для неё виде. «Мамаша!» – кричит, – «милая, да ведь вы ещё и не знаете, как оно всё устроилось!» А мамаша её едва жива, а себя от счастья не помнит, обнялись, рыдают – ну, да что тут говорить! И стала она мамаше, стало быть, то мясо найденное и совать: мол, теперь все сыты будем. А мамаша, как Господь её упросил, ей и говорит: «Доченька, прости меня! Нет у меня роднее тебя, тебя и твоей Муси! Прости меня, она у меня на руках тебя, родную, как в колыбельке крохотную, напомнила, и грех смертный отвела! Ну, давай ей, твоей кошечке, мяса-то первой и дадим! На вот, отдай ей, доченька!»

И тут-то, душенька моя, и случилось! Как учуяла кошечка мясо-то – откуда злость и взялась, на чём кошачья душа и держалась, а держалась видно, крепко: как ощерилась вся, зашипела, да лапкой, лапкой-то по лицу барышню и ударила. Коготочки, знать, выпустила, кровь пошла! Чисто пощечиной одарила!

*Голубушка ты мая, а веда мяса-то, найденное да замерзшее, кошацьым ока-
залось, находочка-то эта окаянная! И вот веда, рассуди: как не голодна божья
тварь была, а своих сородничков плоти есть не стала, не в пример нам, грешным!
И вот после того кошечка та пропала навовсе, как есть пропала, сколько её не
кликали. Решительно, думаю, потому пропала, чтобы не скорбеть, не рвать сер-
дечко хозяйке её, авось скоро где-то и померла совсем.*

*На том и порешили – а видно, урок впрок пошёл. Уж что там да как, не
знаю, да мамаша всё ж померла в ту пору, а графиничку мою, барыньку молодую,
Господь уберёт. И сколько жить определил, а не позабыть ей Мусичкино настав-
ление!*

*Да вот так-то выходит, что и я уж про то дело не забуду. А барынь-
ка моя с тех самых пор шрам от когтёток кошечкиных и не пудрит, и не скрыва-
ет никак, чтобы помнить: не за то, что выжила, Бог дал, а что, стало быть, че-
ловеком не пропала! Так-то, значит!*

*Ох, и не взывайте на меня, любезная сестрица, за то, что я вам такое письмо
написал. Как перечитал, так и вижу, что всё такое бессвязное! Я уж старый, не-
ученый человек, смолоду не выучился – да что же и начинать, а только я к тому
пишу, что есть ещё, то есть приходят ко мне, всякие мысли разные – да Бог с ни-
ми! – как было бы хорошо всяким добрым людям ужиться на свете, веда во всяком
добро есть, ну и прочая разные разности. Прошу вас ещё раз не сердиться на меня
и быть уверенной во всегдашнем моём, совершеннейшем к вам почтении.*

Прощайте же, прощайте, ангельчик мой!»

Эмерджентный результат написания такого текста, а не его длительная «фабри-
кация» ставит вопрос: о чьём авторстве здесь с уверенностью можно говорить? В какой
мере здесь присутствует стилизация, подражание, а в какой – попытка «окликнуть»
классика: взглянуть его глазами на иное время, перенести его мировоззренческий лад в
другой век – желание «вжиться» в экзистенциальный образ, а не выстроить сюжетно-
композиционный ряд?

Ответы на вопросы такого порядка открывают континуум вневременного творче-
ского поиска – явно большего, чем просто стилистическая интерпретация: это экзистен-
циальное переживание, вход в единое смысловое поле, соучастие художественному за-
мыслу как реализации нравственного высказывания, стремление не подражать, но
вновь выразить гения как вечно бытийствующую «субъектность». Такой акт творчества –
«личностное откровение» [Энгельмейер, 2010], такой текст – поступок, находящий от-
клик в новых контекстах времени, а в конечном итоге, в диалоге со временем – с приро-
дой исторического времени и природой общественного сознания этого времени. В этом
случае происходит новое авторство текста, когда новая эпоха углубляет замысел и об-
новляет диалог времён на уровне вечных этических ценностей. Новый текст делается
продолжением культурной традиции, обращением к культурной памяти в её лучших ли-
тературных образцах.

Авторская цель даже в литературном аспекте – не столько реконструировать или
повторить стилистику классика, но проговорить его языком экзистенциальные начала,
выразить себя в опосредованных гением формах, максимально наполненных аутентич-
ными языковыми средствами, как если бы «подсказанная» автором мысль гения прониза-
ла само время.

Думается, таков ноумен гения и феномен возможности субъект-субъектного диало-
га, подразумевающего то попеременное «молчание» каждого из субъектов, то «вслушива-
ние» в иное. Подобный диалог существует внутри текста, он идёт с читателем и в равной
мере происходит диалог читателя с собою. Всё это – событие, обретающее свой язык, вы-
ражение. Даже воспроизведение читателем оригинального текста это уже раздумье, сов-

местное бытие с ним. Здесь же мы говорим о своего рода «реинкарнации» гения, во всяком случае, на границе двух субъективных сознаний: классика и нового автора. И если, по М.М. Бахтину, гений, его дух, действительно предстаёт нам через текст [Бонецкая, 2022], и в этом уникальная ценность текста: он – непосредственное свидетельство духа, бытия мысли, – то, в свою очередь, лишь духовный субъект, и здесь прав Риккерт, способен стать сопричастным тексту как духовной действительности и соотнести его к ценностям культуры как таковым, имманентно утверждая, в конечном итоге, «особую, трансцендентную реальность смысла», в которой «ценности трансцендентны по отношению к сознанию..., а сам субъект познания понимается как трансцендентальный субъект» [Бурханов, Соловьева, 2014, с. 46, 47].

В данном случае мы видим не креатив «литературного репоста», не подражание Ф.М. Достоевскому, но «непосредственность» его бытия «век спустя». Философичность литературного эскиза здесь обуславливается тайной творчества, ценностью воссозданного в новых реалиях образа-слова, экзистенция которого восходит в метафизику сопричастия, в сам исток гениального, к созвучию мышления и только потом – стиля. Когда же, мы говорим о метафизике «прикосновения» гения к нашему современнику, мы говорим о субъектном диалоге, о «встрече субъектов диалога» (Бахтин), о ««встрече» с гением» [Липич, 2014].

Образовательный критерий для методической инноватики

Возвращаясь к педагогическим аспектам, отметим на приведённом примере, что методическая инноватика и образовательные технологии не являются критериями открытия знания на уроках литературы современной школы. Собственно уроками в дидактическом смысле (формирующими образ личности посредством художественного образа) они могут быть названы лишь отчасти. Дифференциация некогда целостной методической системы ознакомления учащихся с несколькими смысловыми гранями литературного произведения, искажённое представление о тексте как об узкоспециальном дискурсе, а не творении «живого слова», наконец, его фрагментация как сугубо информационного ресурса, – всё это исключают для учащихся самостоятельность работы с книгой, погружённость в чтение, саму способность долгого и глубокого размышления над прочитанным. Именно качественные потенциалы урока литературы наглядно демонстрируют отличие педагогической системы от образовательных технологий [Лепешкина, 2017], акцентируют принципиально иные категории мышления и миропонимания: «продуктивность» здесь по существу не имеет определяющего значения – литературное произведение может и должно быть высказыванием, но не продуктом, постижение сложности мира героев и образов исключает «игру» как принцип удовольствия для гарантий успеха запрограммированного обучения. В свою очередь подлинный учитель литературы, понимающий свой педагогический долг воспитания эстетики высоконравственного: что волнует, восхищает, воодушевляет? – по определению не будет обеспечивать «эффективность усилий, направленных на полную капитализацию человеческого потенциала» [Мапеа, 2015, р. 310]. В открытии учащимися знания, в личной причастности к диалогу мысли с героями литературного произведения или с его автором нет ни «компетентностной эффективности», ни условий «усвоения базового компонента», ни «преобразования модели базисных знаний»: «алгоритм проектирования обобщающего логического конструкта» отсутствует. А значит, нет и «гарантированности результата» как основного признака «обучающих технологий», ведь зачастую нет «комфортности для обучающихся» и даже «инструментария измерения результатов деятельности» [Колесникова, 2020].

Зато подлинное инновационное значение приобретают методические находки «оптимальных моментов обучения», демонстрирующих сильнейшую эмоциональную включённость, определяющую «долгосрочное удержание в памяти» самого ценного: внезапно обрётённого морального опыта соучастия. Действительно, «наша способность учиться

связана с нашим душевным состоянием» в той мере, в какой наши ментальные возможности и чувства в «оптимальные моменты обучения», наша глубокая вовлечённость в определённый смысл или погружённость в сюжет, наш имманентный «гений» – «способны перенести нас в новую реальность: реальность этического измерения, сформированного направленной силой когнитивных процессов» [Innovating Pedagogy, 2021, с. 10]. В известном смысле именно так, целостно проживая, мы обретаем «мир истин и образов»: наш собственный или же того или иного писателя. Мы формируем произведение, а не информативно потребляем или же инструментально продуцируем текст – стихийность мышления не соотносима интеллектуальной репликации.

Для постижения замысла литературного произведения объективен единственный критерий – сформированный процесс мышления, диалогичность сознания, вырабатываемая не просто разворачивающейся проекцией самостоятельно мыслимой идеи, но и нравственным усилием: волей услышать «монолог совести». Особую ценность приобретает в этой связи сам когнитивный замысел учащегося, стремящегося обнаружить и раскрыть «созвучные» ему смыслы, рождённые образами литературной классики. Это личностно обновленное, персонально ответственное авторство нравственных презумпций: конкретика принципиального выбора и манифестации убеждений, а не бессодержательность экспликации «прототекста» до «метатекста» [Кузнецова, 2020, с. 269].

Такое «пространство образования смыслов», требующее зрелости понятийного мышления и системности умозаключений, недостижимо в рамках концепции «эдыютейнмента» на современных уроках литературы с принципами экспонентного «развития игровой динамики» и «поддержания игровой атмосферы», детерминирующей в конечном итоге перманентный инфантилизм учащегося, его «искусственную стилизацию жизни как игры» [Подлиняев, 2012, с. 30–35]. Наличие собственного нравственного опыта по определению не может быть названо «индикатором эффективности» [Образовательно-инновационные..., 2008].

Распознавание себя в экзистенциальном континууме значимо для учащегося только с момента его стремления «кликнуть» гениальное, постичь хоть примерный его масштаб. Это, пожалуй, наивысший критерий сотворчества, предлагаемый учащемуся наставником на уроке как возможный опыт «взаимопроникновения» одарённостей» [Алпатова, 2021]. Ориентир на гения, его стиль, его формы мышления, его вневременную моральную константу обуславливает начало педагогического процесса принципиально иного уровня, ставящего дилемму обучения: кто является учителем? и «государственный стандарт» ли это?

Тем не менее даже «стандартная» практика нравственной включенности учащегося в процесс обучения демонстрирует на порядок больший масштаб его интеллектуальных усилий, тогда как его личная заинтересованность буквально визуализирует для преподавателя формирующуюся идеаторику мышления. Достаточно красноречив сам образ, глаза учащегося, читающего страницу книги или же записывающего свои мысли: они разительно отличны от глаз, смотрящих в дисплей гаджета. Практический критерий «близости гению» позволяет вывести частный образовательный аспект на уровень философской рефлексии, в которой теряется субъективное авторство и обретается онтологическая подлинность, включающая гносеологические интенции. Атмосфера читающего, «слышащего» и сочиняющего школьного класса способна запечатлеть давно забытую поэтику грандиозности человеческого мышления, «бытие сознания», размах воображения, сделать концентрацию энергии нравственно-акцентированной мысли «осязуемо рельефной»: уже свершившимся, хотя не воплощенным в деталях замыслом. Такие критериисозидающих технологий образования далеко не «игровые».

Заключение

Подлинная педагогика пронизана тайной обретения знания. Модель «экзистенциального диалога» с гением «столь же парадоксальна по своей сути: этого нельзя объяснить, можно только понять» [Пацьорка, 2020, с. 23]. Здесь уместна аналогия сложного му-

зыкального строя, созвучие которому не обретается техникой воспроизведения. Тайна обучения потенциальна рождением таланта сопричастия, как и смыслы контекстуального творческого замысла, ожидающие часа своего дальнейшего развития в сходных интерпретациях: «в благоприятных для этого развития смысловых культурных контекстах последующих эпох» [Бахтин, 2013, с. 322]. Философское осмысление проблематики образования такого уровня, равно как и понимание самого феномена «внезапной» причастности гению, вполне исчерпывающее для объяснения нашей ситуации, мы находим в «интеллектуальных зарисовках» одного из самых интуитивных русских мыслителей – В.В. Розанова: «Достоевский трогает... [он] всадник в пустыне, с одним колчаном стрел. И капает кровь, куда попадает его стрела. Достоевский дорог человеку [он] *живет* в нас. Его музыка никогда не умрёт» [Розанов, 2023, с. 251, 252].

Добавим, что мера таланта философского или литературного эскиза детерминируется не просто единичной «интеллектуальной инициативой» [Богоявленская, 2020, с. 59], но целостной этической доминантой – фундаментальной «человекомерной» составляющей педагогического и любого иного подлинно творческого процесса.

Список литературы

- Алпатова Т.Н. 2021. Организация работы с одарёнными детьми на уроках литературы. В кн.: Педагогика одарённости: вызовы, достижения, перспективы: Сборник научно-методических статей по итогам межрегиональной научно-практической конференции «Педагогика одарённости: вызовы, достижения, перспективы» (Самара, 25–26 марта 2021 года). Самара: 114–118.
- Бахтин М.М. 2000. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб., Азбука, 322 с.
- Бахтин М.М. 2013. Эстетика словесного творчества. М., RUGRAM, 444 с.
- Бейлин М.В., Гончаров Г.Н. 2021. Вселенская мудрость и христианская суть бытия в творческих поисках И.А.Бунина. *Наука. Искусство. Культура*, 1(29): 82-92
- Бобков А.А. Бобков А.И. 2020. «Русские темы» как соединение русской литературы и философии в контексте решения вопроса об этнокультурной идентичности. *Наука. Искусство. Культура*, 4(28): 31–45.
- Богоявленская Д.Б. 2020. О понятии одаренности. *Образование личности*, 4: 52-59.
- Бондаренко А.В. 2009. Язык: бытие и сущность. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2(36): 8–11.
- Бонецкая Н. 2022. Бахтин как философ. Поступок. Диалог. Карнавал. СПб., Алетейя, 556 с.
- Бурханов Р.А., Соловьева Н.С. 2014. Метафизические основания философии культуры и аксиологии Генриха Риккерта. *Вестник Нижневартковского государственного университета*, 1: 39–49.
- Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. 2020. Вектор разработки образовательной парадигмы в контексте персонифицированного образования в эпоху развития цифровых технологий. В кн.: Образование и молодёжь в условиях цифровой экономики будущего: Материалы международной научной конференции «Образование и молодёжь в условиях цифровой экономики будущего» (Новочеркасск, 11–13 ноября 2020). Новочеркасск: 17–21.
- Давыдова Г.И., Самыгин С.И. 2020. Формирование личности в теории и практике рефлексивно-диалогического подхода. М., Русайнс, 219 с.
- Даренский В.Ю. 2021. Духовное преображение человека как сверхзадача Достоевского. *Наука. Искусство. Культура*, 4(32):77–92.
- Колесникова Г.И. 2020. Современные риски преподавателей гуманитарных дисциплин высшей школы в условиях модернизации российской системы образования. *Гуманизация образования*, 2: 16–25.
- Корниенко Е.Р. 2010. Текст сквозь призму философии М.М. Бахтина. *Знание. Понимание. Умение*, 1: 128–133.
- Кузнецова А.В. 2020. Метатекст в художественном тексте: прагматика и функции. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 13(9): 265–269.
- Лепешкина А.Б. 2017. Понятие, сущность, структура, классификация и роль педагогической технологии в образовательном процессе. *Символ науки*, 02-1: 155–157.
- Липич Т.И. 2014. Диалог как форма взаимодействия культур. *Научный результат. Серия: Социальные и гуманитарные исследования*, 1: 63–69.

- Образовательно-инновационные технологии: теория и практика. 2008. Под. общ. ред. О.И.Кирикова. Воронеж, Издательство ВГПУ, 420 с.
- Пацьорка Е.И. 2020. Ценностный потенциал экзистенциального диалога в системе педагогических идей Ф.М. Достоевского (на материале «Дневника писателя» и эго-документов 1863–1880 гг.). *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 3(209): 22–29.
- Подлиняев О.Л. 2012. Личностно-центрированный подход как альтернатива технологизации современного образования. *Школьные технологии*, 4: 30–35.
- Римский В.П., Римская О.Н. 2020. Философская проза Варлама Шаламова. *Наука. Искусство. Культура*, 4(28): 45–64.
- Розанов В.В. 2023. Опавшие листья. М., Издательство Юрайт, 301 с.
- Самыгин С.И. Ничипуренко В.Н. 2015. Философско-методологические основы педагогики высшей школы. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*, 4-5: 24–39.
- Сорокин П.А. 2021. Заветы Достоевского. Ф.М. Достоевский: pro et contra: Антология, СПб., Русская Христианская гуманитарная академия (РХГА), 705 с.
- Энгельмейер П.К. 2010. Теория творчества. М., Книжный дом Либерком, 208 с.
- Kukulska-Hulme A., Bossu C., Coughlan T., Ferguson R., FitzGerald E., Have M., Herodotou C., Rienties B., Sargent J., Scanlon E., Tang J., Wang Q., Whitelock D., Zhang S. 2021. Innovating Pedagogy 2021: Open University Innovation Report 9 Milton Keynes: The Open University. [URL: https://oro.open.ac.uk/74691/1/innovating-pedagogy-2021.pdf](https://oro.open.ac.uk/74691/1/innovating-pedagogy-2021.pdf) (Accessed: January 15, 2023).
- Manea A.D. 2015. Innovation in the management of educational institutions. *Procedia. Social and Behavioral Sciences*, 209: 310–315.

References

- Alpatova T.N. 2021. Organization of work with gifted children in literature lessons. In: Pedagogy of giftedness: challenges, achievements, prospects: Collection of scientific and methodological articles based on the results of the interregional scientific and practical conference "Pedagogy of giftedness: challenges, achievements, prospects" (Samara, March 25–26, 2021) Samara: 114–118. (in Russian).
- Bahtin M.M. 2000. Avtor i geroj: k filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk. [Author and Hero: Towards the Philosophical Foundations of the Humanities]. Saint-Petersburg, Publ. Azbuka, 322 p.
- Bahtin M.M. 2013. Jestetika slovesnogo tvorcestva. [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Publ. RUGRAM, 444 p.
- Bejlin M.V., Goncharov G.N. 2021. Universal wisdom and the Christian essence of Being in I.A. Bunin's creative Search. *The science. Art. Culture*, 1(29): 82–92. (in Russian.)
- Bobkov A.A., Bobkov A.I. 2020. "Russian Themes" as a combination of Russian literature and philosophy in the context of solving the issue of ethno-cultural identity. *The science. Art. Culture*, 4(28): 31–45 (in Russian).
- Bogoyavlenskaya D.B. 2020. About the concept of giftedness. *Personality Education*, 4: 52–59 (in Russian).
- Bondarenko A.V. 2009. Language: being and essence. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 2(36): 8–11 (in Russian).
- Boneckaja N. 2022. Bahtin kak filosof. Postupok. Dialog. Karnaval. [Bakhtin as a philosopher. Act. Dialogue. Carnival]. Saint-Petersburg, Publ. Aletejja, 556 p.
- Burkhanov R.A., Solovyova N.S. 2014. Metaphysical foundations of the philosophy of culture and axiology of Heinrich Rickert. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 1: 39–49. (in Russian)
- Gafiatulina N.H., Samygin S.I. 2020. The vector of the educational paradigm development in the context of personalized education in the era of digital technology development. In: Education and Youth in the Digital Economy of the Future: Proceedings of the international scientific conference "Education and Youth in the Digital Economy of the Future" (Novocherkassk, November 11–13, 2020). Novocherkassk: 17–21. (in Russian).
- Davydova G.I., Samygin S.I. 2020. Formirovanie lichnosti v teorii i praktike refleksivno-dialogicheskogo podhoda. [Personality formation in the theory and practice of the reflexive-dialogic approach]. Moscow, Publ. Rusajns, 219 p.
- Darenskij V.Ju. 2021. Spiritual transformation of a person as Dostoevsky's super task. *The science. Art. Culture*, 4(32): 77–92 (in Russian).
- Kolesnikova G.I. 2020. Modern risks of teachers of humanities of higher education in the conditions of modernization of the Russian education system. *Humanization of Education*, 2: 16–25 (in Russian)

- Kornienko E.R. 2010. The text through the prism of M.M. Bakhtin's philosophy. *Knowledge. Understanding. Skill*, 1: 128–133 (in Russian).
- Kuznetsova A.V. 2020. Metatext in a literary text: pragmatics and functions. *Philological sciences. Questions of Theory and Practice*, 13(9): 265–269 (in Russian).
- Lepeshkina A.B. 2017. The concept, essence, structure, classification and role of pedagogical technology in the educational process. *Symbol of Science*, 02-1: 155–157 (in Russian).
- Lipich T.I. 2014. Dialogue as a form of interaction between cultures. *Scientific result. Series: Social and Humanitarian Studies*, 1: 63–69 (in Russian).
- Educational and innovative technologies: theory and practice. 2008. Voronezh, VSPU Publishing House, 420 p. (in Russian).
- Patsyorka E.I. 2020. The value potential of existential dialogue in the system of pedagogical ideas of F.M. Dostoevsky (based on the material of the Writer's Diary and ego documents of 1863-1880). *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 3(209): 22–29 (in Russian).
- Podlinyaev O.L. 2012. A personality-centered approach as an alternative to the technologization of modern education. *School Technologies*, 4: 30–35 (in Russian).
- Rimskij V.P., Rimskaja O.N. 2020. Philosophical prose by Varlam Shalamov. *The science. Art. Culture*, 4(28): 45–64 (in Russian).
- Rozanov V.V. 2023. Оправшие list'ja. [Fallen leaves]. Moscow, Publ. Jurajt, 301 p.
- Samygin S.I. Nechipurenko V.N. 2015. Philosophical and methodological foundations of higher school pedagogy. *Context and Reflection: Philosophy about the World and Man*, 4-5: 24–39. (in Russian)
- Sorokin P.A. 2021. Zavety Dostoevskogo. F.M. Dostoevskij: pro et contra: Antologija. [The Testaments of Dostoevsky. F.M. Dostoevsky: pro et contra: Anthology]. Saint Petersburg, Publ. Russian Christian Humanitarian Academy, 705 p.
- Jengel'mejer P.K. 2010. Teorija tvorčestva. [Theory of creativity]. Moscow, Publ. Liberkom, 208 p.
- Kukulska-Hulme A., Bossu C., Coughlan T., Ferguson R., FitzGerald E., Have M., Herodotou C., Rienties B., Sargent J., Scanlon E., Tang J., Wang Q., Whitelock D., Zhang S. 2021. Innovating Pedagogy 2021: Open University Innovation Report 9 Milton Keynes: The Open University. [URL: https://oro.open.ac.uk/74691/1/innovating-pedagogy-2021.pdf](https://oro.open.ac.uk/74691/1/innovating-pedagogy-2021.pdf) (Accessed: January 15, 2023).
- Manea A.D. 2015. Innovation in the Management of Educational Institutions. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 209: 310–315.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 25.10.2023

Поступила после рецензирования 27.11.2023

Принята к публикации 30.11.2023

Received October 25, 2023

Revised November 27, 2023

Accepted November 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сухоруких Алексей Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, г. Воронеж, Россия.

Куркина Алла Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы XX–XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey V. Sukhorukikh, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Morozov Voronezh State Forestry Engineering University, Voronezh, Russia.

Alla S. Kurkina, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Russian Literature of the XX–XXI centuries, Theory of Literature and Humanities, Voronezh State University, Voronezh, Russia.

УДК 008: 316.4

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-803-811

Субкультурная революция 1968 года в контексте цивилизационной динамики модерна

Трунов А.А.

Белгородский университет кооперации, экономики и права
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116а
trunovv2013@yandex.ru

Аннотация. Предпринята попытка синхронизации и теоретического осмысления «феномена 1968 года». На основе сравнительного анализа событий в США, Германии, Франции, Италии и Японии сделан вывод о том, что глобальная революция 1968 года носила неклассический, многовариантный, диффузный характер. Основным коллективным субъектом революционной динамики являлись представители радикально настроенных молодёжных субкультур, которые выступали против капитализма и матриц дисциплинарного контроля позднего индустриального общества. Идеология революции 1968 года была эклектичной и диффузной. Романтики, бунтари и лидеры мнений довольно хорошо понимали то, против чего они ведут свою борьбу. Гораздо хуже обстояло дело с позитивной программой изменения позднего индустриального общества. Революция 1968 года закончилась поражением, однако её долговременные цивилизационные последствия, которые проявились в субкультурной эрозии ценностей и институтов зрелого модерна, мы ощущаем до сих пор.

Ключевые слова: молодёжь, субкультуры, капитализм, позднее индустриальное общество, идеология, протест

Для цитирования: Трунов А.А. 2023. Субкультурная революция 1968 года в контексте цивилизационной динамики модерна. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 48(4): 803–811. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-803-811

The Subcultural Revolution of 1968 in the Context of the Civilizational Dynamics of Modernity

Anatoly A. Trunov

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
116a Sadovaya St., Belgorod 308023, Russian Federation
trunovv2013@yandex.ru

Abstract. The article attempts to synchronise and theoretically comprehend the "phenomenon of 1968". Based on a comparative analysis of the events in the USA, Germany, France, Italy and Japan, it is concluded that the global revolution of 1968 had a non-classical, multivariant, diffuse character. The main collective subject of the revolutionary dynamics was the representatives of radical youth subcultures, who opposed capitalism and the matrices of disciplinary control of late industrial society. The ideology of the 1968 revolution was eclectic and diffuse. Romantics, rebels, and opinion leaders understood quite well what they were fighting against. Far worse was the positive program of change in late industrial society. The 1968 revolution ended in defeat. But its long-term civilisational consequences, which manifested themselves in the subcultural erosion of the values and institutions of mature modernity, are still being felt today.

Keywords: youth, subcultures, capitalism, late industrial society, ideology, protest

For citation: Trunov A.A. 2023. The Subcultural Revolution of 1968 in the Context of the Civilizational Dynamics of Modernity. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 803–811. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-803-811

Введение

1968 год стал переломным в жизни Европы, США, СССР, да и, пожалуй, целого мира. Однако отношение исследователей к событиям 1968 года трудно назвать однозначным. Нередко учёные вынуждены делать выбор между до крайности упрощёнными антиномиями: «то ли это была настоящая мировая революция, то ли легкомысленное культурное приключение буржуазной молодёжи» [Hendrickson, 2018, p. 1]. В.П. Римский и представители его научной школы при анализе событий 1968 года предлагают использовать концепт субкультурной революции [Аббасов, Римский, 2018]. Этот концепт действительно обладает большим эвристическим потенциалом, поскольку позволяет рассматривать субкультуры, способные радикально ставить вопросы о власти, обладающие проектным и креативным мышлением, волей к социальному действию, в качестве основных инициаторов и субъектов революционной динамики.

Не менее важно изучить не только 1968 год, но также и те события, которые ему предшествовали и за ним последовали, выявив общее и особенное, глобальное и локальное, закономерное и случайное, системное и субъектное, теоретически возможное и реализованное на практике [Пленков, 2023; Bertelsen, Rio, 2019; Brown, 2014; Derluguian, 2020; Gilcher-Holtey, 2008; Hendrickson, 2018; Hewlett, 2018; Müller, 2002; Sedlmaier, Malinowski, 2011].

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы охарактеризовать то влияние, которое революция 1968 года оказала на динамику позднего модерна. В основу методологии исследования положены компаративный, цивилизационный и морфологический подходы.

Гипотеза исследования. Мы исходим из предположения о том, что революция 1968 года носила неклассический, многовариантный, диффузный и субкультурный характер. И именно этим она принципиально отличалась от классических революций эпохи модерна.

В качестве основных причин классических революций раннего и зрелого модерна представители марксистской традиции обычно называют фундаментальное противоречие между новыми производительными силами и устаревшими производственными отношениями. Революции действительно являются тараном истории. Капитализм постоянно расширяет свои границы, устраняя всё, что стоит у него на пути, а амбициозные буржуа выступают своеобразными революционерами поневоле [Трунов, Рындин, 2020]. Не меньшую популярность имеет концепция относительной депривации, суть которой заключается в том, что в результате экономического кризиса происходит резкое снижение привычного уровня потребления, что вызывает массовые протестные настроения [Гарр, 2005]. Люди бунтуют, когда их надежды терпят крах.

Однако применительно к ситуации 1968 года эти объяснительные модели не работают. В период с 1945 по 1975 год экономика Западной Европы, США, Японии стремительно развивалась. Были успешно решены многие социальные проблемы. Сформировался средний класс, который получил немалую долю общественных благ. Были созданы различные варианты государства всеобщего благосостояния. Угроза умереть от голода, холода или нищеты в странах ядра капиталистической мир-системы модерна превратились в химеру. Были успешно преодолены последствия Второй мировой войны. Показателем всех этих позитивных изменений стало резкое увеличение рождаемости.

По сути, послевоенное поколение, представляющее преимущественно средние слои населения, получило такие экономические возможности, о которых их предшественники могли только мечтать. О.Ю. Пленков пишет о том, что отличительным признаком экономики рассматриваемого периода «были невероятно высокие и устойчивые темпы развития Запада, достижение полной занятости населения – совершенно беспрецедентные до этого и до сих пор» [Пленков, 2023, с. 12]. Однако сытая послевоенная жизнь так и не стала прививкой от распространения революционных идеологий и желания изменить существующее общество. Революция 1968 года является очередным подтверждением известной евангельской истины о том, что «не хлебом одним будет жить человек» (Мф. 4:4).

Революционные события 1968 года и молодёжь

Попытаемся взглянуть на предпосылки формирования революционной ситуации 1968 года с несколько иной стороны, обратив внимание на молодёжь. В событиях 60–70-х годов прошлого века её роль была исключительно велика. «В 68-м молодёжь именно в глобальном масштабе впервые проявила себя в качестве социальной группы. До этого молодые люди, конечно, играли важную роль в революциях и войнах, но в них молодые люди не выступали от своего имени» [Пленков, 2023, с. 69]. Особое внимание нужно уделить студенчеству, которое как раз в это время начало обретать свою субъектность. Студенты всегда отличались нонконформизмом и радикальностью взглядов. Однако система их социализации в обществах раннего и зрелого модерна была устроена так, что значительная часть студенчества либо пополняла ряды правящего класса, навсегда забывая о своём былом радикализме, либо становилась его интеллектуальной службой.

Причина активного участия молодёжи в событиях революции 1968 года нам видится в том, что после Второй мировой войны количество студентов резко увеличилось (в среднем в 3–4 раза), а вот система университетского образования осталась прежней. Поэтому радикально настроенные студенты протестовали против архаичной системы образования, активно выступали против начётничества и морального угнетения со стороны «нафталиновых профессоров», которые превратились в особую касту носителей власти и полностью игнорировали реальные потребности студентов. Даже те, кто позднее подавлял революцию, так или иначе признавали, что основные претензии студентов и молодых преподавателей к существовавшей в то время системе высшего образования, засилью геронтократии и университетской бюрократии не были такими уж безосновательными. В этой связи уместно привести слова великого Ш. де Голля: «Мы даём людям возможность выбирать любую специальность и не хотим понять, что в амфитеатрах сгрудились люди, которым там нечего делать. Многие не могут дойти до конца. Они сидят на одном курсе по два-три года. Сроки обучения безмерно растянуты» [цит. по: Пленков, 2023, с. 294].

Удивляет здесь именно то, что проблемы, которые, по идее, не должны были выйти за пределы лекционных аудиторий или студенческих кампусов, неожиданно нашли массовую поддержку (хотя, конечно же, далеко не везде). Например, во Франции студенческие волнения «красного мая» 1968 года практически слились с массовыми демонстрациями, в которых приняло участие почти всё трудоспособное население страны, составлявшее на тот момент 10 миллионов человек. «Широкая массовая мобилизация подразумевала, что более одного из пяти жителей Франции участвовало в протестах, которые распространились на все слои общества» [Bertelsen, Rio, 2019, p. 625]. Однако в более консервативной Германии студентам так и не удалось раскачать маятник общественных настроений и вывести на улицы своих потенциальных сторонников [Brown, 2014]. Даже на пике волнений в Федеративной Республике Германия в демонстрациях принимали участие 53 % студентов и 5 % неакадемической молодёжи. При этом студенты и старше школьники в Германии составляли 10 % (или 300 тысяч человек) от общего количества молодёжи [Пленков, 2023, с. 343].

Синхронность, диффузность, глобальный контекст

Ещё один момент, на который также стоит обратить внимание, заключается в своеобразной синхронности революционных событий. По этому показателю события 1968 года можно сравнить с событиями знаменитой Весны народов 1848–1849 годов, благодаря которой, собственно, и стал возможен последующий триумф капитализма и модерна [Мизеров, 2022]. И хотя классические европейские революции 1848–1849 гг. потерпели поражение, они оказали значительное влияние на последующий демонтаж основных институтов и эрозию базовых ценностей Старого порядка. Силы реакции ради сохранения господствующих позиций частично восприняли и реализовали программу революции 1848–1849 годов, добившись критически важных и необратимых изменений. Несколько хуже изучена мировая революционная волна 1918–1923 годов, которая способствовала не только возникновению СССР как альтернативного антибуржуазного варианта цивилизации модерна, но и появлению фашистских и нацистских режимов как её главных антиподов [Шубин, 2020]. При этом силы фашистской и нацистской реакции в Западной Европе оказались настолько сильны, что были уничтожены практически все позитивные достижения модерна. Ситуацию исправила только Вторая мировая война. Однако и эта революционная волна оказала определённое воздействие на революцию 1968 года.

Синхронность событий 1968 года также говорит о некоей взаимосвязи революционных процессов, хотя никакого единого «руководящего центра», который занимался бы координацией и управлением протестными движениями по типу Коминтерна, не существовало. В качестве такого центра могла бы выступить Коммунистическая партия Советского Союза. Однако её номенклатурным выдвиженцам было совсем не до мировой революции. Чтобы закрыть эту тему, отметим крайне вялую и выжидательную позицию руководства СССР, для которого революционные события 1968 года стали неожиданностью и серьёзной проблемой. Да и ввод советских вооружённых сил в Чехословакию был серьёзной ошибкой. Это резко снизило число сторонников Советского Союза за рубежом.

Если обратиться к изучению тех процессов, которые разворачивались в ядре и на периферии мир-системы модерна, то можно говорить о диффузной революции, когда радикальные настроения легко перемещались из одной страны в другую, формируя новые очаги городской герильи и молодёжного протеста. «В конце 1960-х гг. произошла мировая революция молодёжи, которая быстро и практически синхронно распространилась по континентам... <...> Пять стран были эпицентрами 68-го: США, Германия, Франция, Италия, Япония» [Пленков, 2023, с. 71, 82]. Эту синхронность довольно легко объяснить, если учитывать высокий уровень развития массовых коммуникаций. Тем не менее можно говорить и о том, что в разных странах события 1968 года развивались по-разному.

Как известно, формирование молодёжной субкультуры началось в США. Помимо её широкого распространения, основными факторами радикализации общественных настроений в США в 60-е гг. XX в. были: борьба с расизмом и ксенофобией, которая вылилась в массовое движение за гражданские права депривированных категорий населения, гражданское неповиновение и демократия участия, негативная реакция молодёжи и студенчества на войну во Вьетнаме, появление «новых левых», предлагавших альтернативные пути развития американского общества [Пленков, 2023]. В 1968 году в США проживало порядка 200 миллионов человек, 7,5 миллионов из них являлись студентами. При этом только 1,3 миллиона студентов поддерживали революционные идеи.

В Германии массовые выступления студентов не нашли широкой общественной поддержки, но позднее трансформировались в гораздо более жёсткие и кровавые формы сопротивления, включавшие в себя не только радикальную революционную риторику, но и терроризм. Это было своеобразное антиавторитарное восстание, которое растянулось на полтора десятилетия [Brown, 2014]. «Студенты клеймили своих родителей как соучастников и пособников нацистских преступлений» [Пленков, 2023, с. 331]. При этом разрыв в

ценностях конфликтующих поколений в Германии был наиболее высоким по сравнению с другими странами, охваченными революцией 1968 года.

Во Франции всё быстро началось и так же быстро закончилось (массовые демонстрации, баррикады, потасовки с полицией, сожжённые автомобили, разбитые витрины, утопические проекты самоорганизации и идеи учреждения нового социального порядка). При этом количество убитых было относительно невелико (около 7 человек, по различным подсчётам [Hewlett, 2018, p. 2]. Безусловно, «красные флаги и бесконечные студенческие митинги в Нантере и Сорбонне не были революцией в собственном смысле» [Пленков, 2023, с. 323]. Однако властями они воспринимались как серьёзная политическая угроза. Репрессии против студентов не давали желаемого эффекта, поскольку вызывали ответное массовое сопротивление [Hewlett, 2018]. Впрочем, ситуация довольно быстро нормализовалась, поскольку к радикальным переменам французское общество оказалось не готово. Смена власти и дальнейшая демократизация произошли в 1969 году путём референдума.

В Италии события начинались по французскому, а закончились по германскому варианту. Студенты возмущались низким качеством получаемого образования, нехваткой профессоров, «почти феодальной властью и полномочиями доцентов» [Пленков, 2023, с. 271]. Можно выделить три фазы студенческих протестов: начальную (с января 1966 г. по ноябрь 1967 г.), эскалации (с ноября 1967 г. по март 1968 г.) и затухания (с марта 1968 г. по сентябрь 1968 г.). Здесь также предпринимались попытки подключить к волнениям рабочих. В некоторых случаях дело дошло даже до временного захвата рабочими предприятий и попыток организации самоуправления. Однако в целом студенческие волнения начали стихать уже к осени 1968 г. Определённая часть итальянской молодёжи примкнула к левацким группировкам и встала на путь террора. Что здесь происходило в инициативном порядке, а что выступало проектом спецслужб, – вопрос открытый.

Несколько хуже изучена революционная ситуация в Японии. О.Ю. Пленков рассматривает послевоенную ситуацию, отмечая значительный рост левых настроений среди студенческой молодёжи, во многом обусловленный неприятием шовинизма, рецидивов имперского прошлого, а также послевоенной оккупации, превратившей Японию в верного сателлита США. Позднее к этому добавились протесты против войны во Вьетнаме, урбанизации и загрязнения окружающей среды. «В октябре 68-го в Токио развернулись настоящие бои между студентами и полицией» [Пленков, 2023, с. 423]. Постепенно массовые студенческие волнения в Японии сошли на нет, но деятельность отдельных радикальных молодёжных группировок продолжалась примерно до середины семидесятых годов прошлого века. В этом обнаруживается типологическое сходство японской городской герильи с ситуациями в Италии и Германии.

Заметим, что активными участниками событий довольно часто выступали молодые социологи и философы. Некоторые из них (И. Валлерстайн, П. Бурдьё, Дж. Арриги, Ж. Делёз, Ф. Гваттари) позднее стали учёными мирового уровня и отнюдь не отказались от идеалов времён своей мятежной молодости. В Италии одним из поводов студенческих волнений стала борьба за официальное признание социологии как науки. И эта борьба увенчалась успехом.

Специфика протестной идеологии

Важнейшей составляющей классических революций модерна была идеология. Нередко она драпировалась в религиозную форму и представляла собой актуализированную разновидность хилиастических народных утопий Средневековья и раннего Нового времени. Среди влиятельных революционных идеологий особо следует выделить различные версии либерализма и марксизма, под знамёнами которых осуществлялись демонтаж Старого порядка и учреждался порядок новый.

Однако в случае с революцией 1968 года мы можем говорить скорее о неклассической идеологии, которая носила эклектичный и диффузный характер. В её основе –

хаотичная мешанина идей и концептов, разработанных К. Марксом, М. Бакуниным, В. Лениным, Л. Троцким, А. Грамши, Д. Лукачем, Ги Дебором, Э. Че Геварой, Ф. Кастро, Мао Цзэдуном, Хо Ши Мином. В этом хаосе – сила и слабость протестной идеологии 1968 года.

Если осуществить морфологический анализ идеологического пространства субкультурной революции 1968 года, то можно выделить несколько взаимосвязанных тенденций:

1. Осуществлялись попытки синтеза марксизма с психоанализом и экзистенциализмом.

2. Шло конструирование новой модели желаемого общества, в основу которого были положены не столько идеи национализации средств производства или захвата политической власти, сколько идеи преодоления отчуждения.

3. Велось создание новой культуры. Высказывались мысли о том, что «изменения в культурной сфере должны предшествовать социальным и политическим трансформациям» [Gilcher-Holtey, 2008, с. 203].

4. Декларировался приоритет конкретных действий над организацией революционного движения.

5. Основной акцент делался на формировании нового субъекта революционных изменений. И это был отнюдь не пролетариат.

Пьянящее воздействие протестной идеологии порождало возможности для создания широкого революционного фронта, но лишь в краткосрочной перспективе. В среднесрочной перспективе это привело к расколу левого движения на множество течений сектантского типа, ведущих бесконечные теоретические споры, не способного к самоорганизации и сопротивлению. В долгосрочной перспективе можно говорить об упадке левого движения, которое перестало быть значимым фактором цивилизационной динамики.

Заметим, что революционная риторика 1968 года нередко носила провокационный характер и была обращена на критику мировоззрения не только господствующих классов, но и тех условных левых, которые попытались интегрироваться в капиталистическую систему. Наибольшее влияние на революционеров 1968 года оказали идеи Ж.-П. Сартра, В. Райха и Г. Маркузе. Однако здесь мы сталкиваемся с парадоксом: события 1968 года можно рассматривать одновременно как пик влияния марксистских и либеральных идеологий, так и в качестве своеобразного апофеоза безыдейности, театральных жестов и бессмысленных действий. Лидеры революции (например, Д. Кон-Бендит) вели себя крайне экстравагантно, вызывая раздражение и ненависть обывателей (что объединяет их с резонёрами и политическими клоунами эпохи постмодерна), но пользовались большой популярностью у революционного авангарда студенческой молодёжи.

Молодёжь довольно хорошо представляла то, против чего она протестует (чаще всего критиковались капитализм и американский империализм, особенно в связи с многолетней войной во Вьетнаме, которая благодаря телевидению ворвалась буквально в каждую семью). Не меньшую популярность имела тема скрытого нацизма и возможного тоталитарного реванша. Многие участники событий видели, что демократия в западных обществах носит имитационный характер (Франция). За её фасадом скрываются расизм, ксенофобия, свирепая полицейская диктатура (США). Бывшие фашисты и милитаристы «перекочевали» только на словах (Италия, Япония). Денацификация носила поверхностный характер (Федеративная Республика Германия). Некоторые наиболее одиозные военные преступники действительно предстали перед судом. Однако основная масса нацистов, фашистов и милитаристов, запятнавших себя преступлениями против человечности, избежала наказания. Демократическая форма скрывала антидемократическое содержание. Социальная стабильность создавалась путём массовой деполитизации и формирования потребительского общества. К этому следует добавить уже отмеченный нами межпоколенческий конфликт. Дети обвиняли родителей в конформизме, культурной неразвитости

и мещанстве. И эти обвинения во многом соответствовали действительности. Родители, в свою очередь, плохо понимали детей и совсем не разделяли их увлечённость политикой.

Как видим, причины для того, чтобы протестовать, у молодёжи имелись. Гораздо хуже обстояло дело с позитивной программой действий. Её, в общем-то, не было. Ядро молодёжи отождествляло себя с авангардом «третьего мира», испытывало чувство стыда за экономическую эксплуатацию бывших колоний и предлагала различные варианты сопротивления капитализму, начиная от эскапизма битников или хиппи и заканчивая созданием левацких коммун. Наиболее радикальные представители студенческой молодёжи предлагали открыть «второй фронт» в Западной Европе и США, однако эти идеи не получили массовой поддержки. Среди участников революции 1968 года было критически мало прагматиков и избыточно много идеалистов. Хватало здесь безыдейных, малообразованных молодых людей, бездельников и психопатов, склонных к аморальному образу жизни и всевозможным перверсиям. Подобные индивиды охотно примыкают к любой революции, особенно в ситуациях, когда резко ослабевает дисциплинарный контроль. Всё это свидетельствует о неклассическом, многовариантном, диффузном и субкультурном характере революции 1968 года. Довольно сложным образом здесь переплетались локальное и глобальное, случайное и закономерное, системное и субъектное, карнавальное и проектное. Хаос на улицах крупных городов был следствием хаоса в головах.

Заключение

В целом же революцию 1968 года можно рассматривать как первый в мировой истории массовый стихийный выход молодёжи, которая занимала активную гражданскую позицию и боролась за своё человеческое достоинство в обществе сытых. Романтики и бунтари хорошо понимали, против чего они борются, но довольно плохо представляли позитивные цели своей борьбы. Позднее кто-то из участников революции подался в хиппи, кто-то – в яппи, а кто-то превратился в яростных защитников капитализма, сделал карьеру или занял крайне правые позиции, осуждая грехи бурной молодости. Революция 1968 года породила новые массовые ожидания и не меньшее массовое разочарование.

События 1968 года наглядно показали, что классического модерна больше нет. В политическом смысле революция 1968 года потерпела полное поражение. Капитализм устоял. Гораздо более существенное последствие революции 1968 года заключалось в том, что под её влиянием произошла фундаментальная трансформация основных сфер жизнедеятельности и институтов позднего индустриального общества (экономики, политики, образования, науки, искусства), в результате чего сформировался новый тип глобальной цивилизационной динамики. 1968 год можно назвать тем рубежом, который знаменует собой начало перехода в постиндустриальное и посткапиталистическое общество. Изменились мораль, стилистика потребления, стратегии социальной адаптации и интеграции, возникли новые идентичности и культура отмены. На смену былого воодушевления пришли цинизм и экзистенциальное недоверие к любым политическим идеологиям. Стали ли люди после революции 1968 года свободнее и счастливее – это тот вопрос, на который сегодня мы не можем дать однозначного ответа.

Список литературы

- Аббасов Р.Г., Римский В.П. 2018. 1968 год: первая субкультурная революция. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия, Социология, Право*, 43(3): 437–422.
- Гарр Т.Р. 2005. Почему люди бунтуют. СПб., Питер, 461 с.
- Мизеров И. 2022. Весна народов. Предыстория и ход европейской революции 1848–1849 годов. М., Наше Завтра, 534 с.
- Пленков О.Ю. 2023. «Революция» 1968-го: эпоха, феномен, наследие. СПб., Владимир Даль. 473 с.

- Трунов А.А., Рындін Е.В. 2020. Возможен ли капитализм без революции? *Наука. Искусство. Культура*, 1(25): 88–108.
- Шубин А.В. 2020. Мировая революционная волна (1918–1923). Прилив. М., Академический проект, 773 с.
- Bertelsen B.E., Rio K. 2019. 1968 and its other worlds: Global events and (anti-)state dynamics in France, Mozambique and Vanuatu. *History and Anthropology*, 30(5): 622–643. DOI: 10.1080/02757206.2018.1524759.
- Brown T.S. 2014. 1968 in West Germany: the antiauthoritarian revolt. *The Sixties: A Journal of History, Politics and Culture*, 7(2): 99–116. DOI: 10.1080/17541328.2015.1014172.
- Derluguian G. 2020. 1968/89: The Historical Peak and Fracture of Modernity. *Russian Politics & Law*, 57(3-4): 88–107. DOI: 10.1080/10611940.2020.1863058.
- Gilcher-Holtey I. 2008. The Dynamic of Protest: May 1968 in France. *Critique: Journal of Socialist Theory*, 36(2): 201–218. DOI: 10.1080/03017600802185332.
- Hendrickson B. 2018. Why do we still care about 1968? *The Sixties*. DOI: 10.1080/17541328.2018.1541663.
- Hewlett N. 2018. Disorder, les forces de l'ordre and the reordering of capitalism in May – June 1968. *Modern & Contemporary France*, DOI: 10.1080/09639489.2018.1437128.
- Müller J-W. 2002. 1968 as event, milieu and ideology. *Journal of Political Ideologies*, 7(1): 15–37.
- Sedlmaier A., Malinowski S. 2011. '1968' – A Catalyst of Consumer. *Society, Cultural and Social History: The Journal of the Social History Society*, 8(2): 255–274.

References

- Abbasov R.G., Rimskiy V.P. 2018. 1968 god: pervaya subkul'turnaya revolyuciya [1968: The First Subcultural Revolution]. *Scientific bulletins of Belgorod State University. Series: Philosophy, Sociology, Law*, 43(3): 437–422.
- Garr T.R. 2005. Pochemu lyudi buntuyut [Why People Rebel]. St. Petersburg, Publ. Peter, 461 p.
- Mizerov I. 2022. Vesna narodov. Predystoriya i hod evropejskoj revolyucii 1848–1849 godov [Spring of Nations. The Prehistory and Course of the European Revolution of 1848–1849]. Moscow, Publ. Nashe Zavtra, 534 p.
- Plenkov O.Y. 2023. "Revolyuciya" 1968-go: epoha, fenomen, nasledie ["Revolution" of 1968: Era, Phenomenon, Legacy]. St. Petersburg, Publ. Vladimir Dal. 473 p.
- Trunov A.A., Ryndin E.V. 2020. Vozmozen li kapitalizm bez revolyucii [Is Capitalism Possible Without Revolution]? *Science. Art. Culture*, 1(25): 88–108.
- Shubin A.V. 2020. Mirovaya revolyucionnaya volna (1918–1923). Priliv [World Revolutionary Wave (1918-1923). Tide]. Moscow, Publ. Academic Project, 773 p.
- Bertelsen B.E., Rio K. 2019. 1968 and its other worlds: Global events and (anti-)state dynamics in France, Mozambique and Vanuatu. *History and Anthropology*, 30(5): 622–643. DOI: 10.1080/02757206.2018.1524759.
- Brown T.S. 2014. 1968 in West Germany: the antiauthoritarian revolt. *The Sixties: A Journal of History, Politics and Culture*, 7(2): 99–116. DOI: 10.1080/17541328.2015.1014172.
- Derluguian G. 2020. 1968/89: The Historical Peak and Fracture of Modernity. *Russian Politics & Law*, 57(3-4): 88–107. DOI: 10.1080/10611940.2020.1863058.
- Gilcher-Holtey I. 2008. The Dynamic of Protest: May 1968 in France. *Critique: Journal of Socialist Theory*, 36(2): 201–218. DOI: 10.1080/03017600802185332.
- Hendrickson B. 2018. Why do we still care about 1968? *The Sixties*. DOI: 10.1080/17541328.2018.1541663.
- Hewlett N. 2018. Disorder, les forces de l'ordre and the reordering of capitalism in May – June 1968. *Modern & Contemporary France*, DOI: 10.1080/09639489.2018.1437128.
- Müller J-W. 2002. 1968 as event, milieu and ideology. *Journal of Political Ideologies*, 7(1), 15–37.
- Sedlmaier A., Malinowski S. 2011. '1968' – A Catalyst of Consumer. *Society, Cultural and Social History: The Journal of the Social History Society*, 8(2): 255–274.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 20.03.2023
Поступила после рецензирования 20.06.2023
Принята к публикации 30.07.2023

Received March 20, 2023
Revised June 20, 2023
Accepted July 30, 2023

ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРЕ

Трунов Анатолий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Белгородский университет кооперации, экономики и права, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly A. Trunov, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Humanities and Social Disciplines, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia.

УДК 316.723

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-812-820

Субкультура кибербездомных: философско-культурологический аспект

Хасуев А.Э., Балиев И.В.

Чеченский государственный университет им А.А. Кадырова
Россия, 364024, г. Грозный, ул. А. Шерипова, 32
alarih95@gmail.com, chechwittq@gmail.ru

Аннотация. Субкультура кибербездомных представляет собой новую форму самоидентификации личности, отличную от традиционных представлений о месте человека в социуме, которая возникает в «цифровом мире». В последние годы наблюдается увеличение числа людей, которые выбирают жизнь без привязки к определенному месту благодаря использованию современных технологий, что порождает проблемы, привлекающие внимание ученых. В связи с этим автором впервые предпринята попытка рассмотреть субкультуру кибербездомных с философско-культурологической точки зрения. В работе на основе анализа научных трудов, описаны предпосылки возникновения, а также последствия развития данного явления; актуализирован ряд философских вопросов о природе идентичности, сообщества и личностной субъектности в цифровую эпоху. Сделан вывод о том, что возникновение субкультуры кибербездомных является поводом глубже задуматься о том, как технологии формируют нашу жизнь и наше понимание самих себя. Исследование ставит вопросы, требующие дальнейшего изучения.

Ключевые слова: кибербездомные, социальный, сообщество, цифровые технологии, идентичность, виртуальный, пространство

Для цитирования: Хасуев А.Э., Балиев И.В. 2023. Субкультура кибербездомных: философско-культурологический аспект. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(4): 812–820. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-812-820

Subculture of the Cyber Homeless: Philosophical and Cultural Aspect

Aslanbek E. Khasuev, Islam V. Baliev

Kadyrov Chechen State University
32 A. Sheripova St, Grozny, Czech Republic 364024, Russian Federation
alarih95@gmail.com, chechwittq@gmail.ru

Abstract. The subculture of cyber homeless is a new form of self-identification of a person, different from traditional ideas about a person's place in society, which arises in the "digital world". In recent years, there has been an increase in the number of people who choose to live without being tied to a particular place due to the use of modern technologies, which creates problems that attract the attention of scientists. In this regard, the author for the first time attempted to consider the subculture of cyber homeless from a philosophical and cultural point of view. Based on the analysis of scientific works, the paper describes the prerequisites for the emergence, as well as the consequences of the development of this phenomenon. The work also actualizes a number of philosophical questions about the nature of identity, community and personal subjectivity in the digital age. It is concluded that the emergence of cyber homeless subculture is an occasion to think more deeply about how technologies shape our lives and our understanding of ourselves. The study raises questions that require further study.

Keywords: cyber homeless, social, community, digital technologies, identity, virtual, space

For citation: Khasuev A.E., Baliev I.V. 2023. Subculture of the Cyber Homeless: Philosophical and Cultural Aspect. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 812–820. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-812-820

Введение

Субкультуры и субкультурные стратификации в современном мире стали онсовным маркером специфики жизнедеятельности и идентификации человека, особенно молодого. Однако единого, общепринятого определения не существует. Тем не менее можно считать однозначным «признак» представителей той или иной субкультуры, то общее, что их объединяет, – это люди, которых не удовлетворяют общепринятые стандарты и ценности. Кроме того, для возникновения субкультуры в обществе нужно совпадение нескольких разных факторов. Такими факторами могут быть распространение новых технологий, неустойчивость духовных ценностей, социальные и культурные события [Голобоков, Шалапута, 2016].

Мы будем опираться на понимание субкультур, которое мы находим в работах В.П. Римского и О.Н. Римской [Римская, Римский, 2010; Римский, Римская 2012]. Авторы дают следующее ёмкое определение: «Под "субкультурами" мы понимаем *практики отдельных социальных групп*, институализированные и неинституализированные, образующие *ценностные локальные миры*, противостоящие базовой – "большой", "взрослой", "материнской", "доминирующей" – культуре; индивидуальные и коллективные *стереотипы поведения и способы деятельности*, воплощенные в специфических *знаково-символических формах, социокодах*, мифологизированных *формах сознания* и структурах *личностной идентичности*. С этим связана субсистема стилей и стилового поведения, отличающая образ жизни той или иной субкультуры; групповые формы общинной жизни, культурные и жизненные стандарты как специфические продукты неинституализированного (маргинального, «теневого» и т.п.) духовного производства и неофициальной массовой культуры» [Римская, 2016, с. 77].

Субкультура кибербездомных представляет собой новую форму самоидентификации личности, отличную от традиционных представлений о месте человека в социуме. Ее представителями являются люди, которые отдают предпочтение виртуальному (медийному и цифровому) пространству, отвергая «ограниченный» реальный мир. При этом в восприятии таких людей различия между тем и другим стираются, «виртуальное не противопоставляется реальному, оно реально в первую очередь» [Делёз, 1998, с. 255]. Однако такого рода «стирание» касается не только внешней среды – представители данной субкультуры создают сложные виртуальные личности, которые для них также действительны, как и их физические личности.

Начало формированию субкультуры кибербездомных можно отнести к концу 1990-х – началу 2000-х годов, когда появились первые онлайн-сообщества в Интернете, и люди, не имеющие постоянного места жительства или предпочитающие жить без привязки к конкретному месту, нашли взаимопонимание и поддержку друг у друга. Развитие технологий позволило использовать Интернет в качестве пространства для профессиональной деятельности и сохранять некую степень «социальной» свободы и независимости.

Было бы неверным связывать возникновение субкультуры «кибербездомных» с конкретной страной, она не имеет четкой географической привязки. Люди, объединенные идеей мобильности и независимости, принадлежат к различным национальностям и находятся в разных странах. Таким образом, субкультуру «кибербездомных» можно рассматривать как международное явление, которое возникло в сетевом пространстве и привлекает людей со всего мира.

Наиболее значительные масштабы кибербездомность приобретает в Японии. В этой стране распространение «цифровой» субкультуры обусловлено множеством факторов, включая экономический спад, социальную изоляцию, увеличивающийся цифровой разрыв

(неравный доступ к цифровым технологиям), и имеет уникальные культурные особенности, которые ярко характеризуют данное явление.

В России также существует представительство субкультуры «кибербездомных». Ощущение свободы и независимости в сочетании с использованием современных технологий делает субкультуру «кибербездомных» привлекательной для некоторых людей в России, которые ищут альтернативные формы жизни и работы. «Каждый человек имеет свой собственный путь к счастью. Никто не может выработать стандартный рецепт для всех» [Фромм, 2010].

В последние годы наблюдается увеличение числа людей, которые выбирают жизнь без привязки к определенному месту благодаря использованию современных технологий. Интернет-ресурсы, виртуальные сообщества и социальные сети позволяют им работать, поддерживать связь с другими членами субкультуры и делиться опытом и информацией. Однако Интернет, предоставляя эти возможности, меняет мышление и способность к концентрации. Как пишет Николас Карр, «...мы становимся поверхностными в своем мышлении и теряем способность к глубокому погружению в информацию» [Кар, 2011]. Ряд «последствий» еще предстоит продолжить исследователям из разных областей наук, однако уже сейчас очевидны многие проблемы, требующие внимания ученых. Интерес представляют работы таких исследователей, как В.А. Луков [2002], С.И. Левикова [2004], Е.Л. Болескина [2000], Е. Омельченко [2000], Д.В. Громов [2008].

С точки зрения философии субкультура кибербездомных – относительно новое и интригующее явление. Поскольку технологии продолжают формировать наш образ жизни, неудивительно, что в ответ на их развитие будут возникать и новые субкультуры. Субкультура кибербездомных – одно из таких сообществ, которая корректирует наше представление о философском осмыслении природы идентичности, субкультурных сообществ и принадлежности человеческой субъектности в эпоху цифровых технологий.

Что за этим стоит: причины развития кибербездомности

Как было сказано выше, предпосылками возникновения той или иной субкультуры могут являться различные факторы, их совокупность, в том числе и развитие новых технологий, в частности цифровых. Согласно исследованию, которое проводила компания Медиалогия, специализирующаяся на анализе данных в сфере медиа, социальных сетей и Интернета, в 2021 году в России количество пользователей Интернета составляло около 109 миллионов человек, это примерно 74 % от общего населения страны. В течение последних лет наблюдается постепенный рост числа интернет-пользователей. При чем возрастной диапазон пользователей интернета в России достаточно широкий. Самая активная группа пользователей – молодые люди в возрасте от 18 до 34 лет, которые составляют около 60 % от общего числа интернет-пользователей¹. Однако интернет-пользователи представлены во всех возрастных категориях, включая детей, подростков, взрослых и пожилых людей. Это привело к появлению виртуальных сообществ, где люди могут общаться с другими людьми, имеющими схожие интересы, убеждения и опыт. При глобальных масштабах вовлеченности в Сети растет вероятность возникновения субкультур при наложении других определяющих факторов. Так, для субкультуры кибербездомных виртуальные сообщества служат основным источником социального взаимодействия и поддержки.

Рассмотрим это явление более подробно на примере Японии, где оно имеет характерные особенности. Одной из основных причин роста числа кибербездомных в Японии является экономика страны. Высокая стоимость жизни, в том числе дорогое жилье, мешает многим людям сводить концы с концами. Кроме того, многие компании в Японии перешли на непостоянную и неполную занятость, что затрудняет получение работниками ста-

¹ Количество пользователей интернета в России в настоящее время Электронный ресурс. 2023. URL: <https://autohelp52.ru/kolicestvo-polzovatelei-interneta-v-rossii-v-nastoyashhee-vremya>.

бильного дохода и жилья. Как результат – выбор между жизнью на улице или кибербездомностью, которая дает возможность заработка.

Понятие «кибербездомные» в Японии соотносится с другим, более определенным – «беженцы из интернет-кафе». Последнее обусловлено практикой использования интернет-кафе в качестве временного убежища теми, кто потерял свой дом или не может позволить себе снять квартиру. Интернет-кафе, открытые 24 часа в сутки и предлагающие частные кабинки с доступом в Интернет, стали популярным убежищем для кибербездомных, тем не менее в качестве ночлега или временного жилья могут использоваться другие общественные места, такие как вокзалы, парки и круглосуточные магазины.

Еще одним фактором, способствующим росту кибербездомности в Японии, является проблема социальной изоляции. В Японии один из самых высоких показателей социальной изоляции в мире, многие люди чувствуют себя оторванными от общества и лишеными системы поддержки. Для людей, особенно оказавшихся в сложных жизненных условиях, Интернет и онлайн-сообщества стали источником необходимого общения, что заставляет их проводить все больше времени в интернет-кафе и других общественных местах.

Субкультура кибербездомных в Японии находится под влиянием уникальных культурных и социальных норм страны. В Японии, на фоне господства конформизма, большое внимание уделяется поддержанию социальной «гармонии». Это может привести к тому, что люди, которые чувствуют, что они не вписываются или не могут оправдать ожидания общества, полностью уходят из социума. Интернет же дает кибербездомным ощущение анонимности и свободы самовыражения без осуждения или отказа.

Проблемы, с которыми сталкиваются кибербездомные в Японии, пытаются решать специально ориентированные организации. Одним из примеров является Sakura Net Project, некоммерческая организация, которая оказывает помощь беженцам из сетевых кафе. Организация предлагает ряд услуг, включая доступ к душевым, прачечным и программам профессионального обучения. Кроме того, правительство Японии реализовало такие инициативы, как «капсульные отели», которые предлагают недорогую альтернативу традиционному жилью.

К чему ведет кибербездомность: угрозы личности и обществу

Х. Фукуяма, который изучает влияние информационных и коммуникационных технологий на общество и социальные отношения, утверждал: «Интернет имеет потенциал для укрепления гражданского общества, расширения общественной активности и повышения доступности информации, но он также может вызывать новые проблемы, такие как уязвимость к онлайн-манипуляциям и потерю приватности» [Фукуяма, 1995]. Субкультура кибербездомных, поскольку является своего рода «продуктом» Интернета, в полной мере сталкивается и с названными Фукуямой, и с другими серьезными проблемами, включая киберзапугивание, социальную изоляцию и зависимость.

Философ С. Жижек рассматривает зависимость от Интернета как проявление современного потребительского общества. Он указывает на то, что зависимость от Интернета может быть обусловлена иллюзией свободы выбора, однако в то же время Сеть ограничивает свободу и «контролирует» наши мысли и поведение [Жижек, 1998]. Философ и общественный деятель Э. Морозов анализирует тему интернет-зависимости с точки зрения политической и социальной критики. Он подчеркивает, что манипуляция и контроль, осуществляемые через интернет-платформы и социальные медиа, могут оказывать влияние на наши убеждения, привычки и поведение, что может угрожать демократическим ценностям и индивидуальной свободе [Морозов, 2014]. Мишель Фуко утверждает, что контроль осуществляется через механизмы наблюдения, регистрации и наказания, которые позволяют поддерживать социальные нормы и дисциплинированность [Фуко, 2019].

Исследование Университета Питтсбурга показало, что люди, которые проводят больше времени в социальных сетях, чаще испытывают чувство одиночества и депрессии.

Это особенно верно для субкультуры кибербездомных, поскольку их виртуальному пространству часто не хватает физического присутствия и близости реальных социальных отношений. «Матрица – это мир, который построил человек. Жизнь в нем – рекурсия, загнутая в себя. Мы не рождаемся; мы виртуально создаем себя в среде, сделанной другими. Все, что мы видим, слышим, ощущаем, воспринимаем, есть смысл, изначально наложенный на нас другими» [Гибсон, 2021], – так Уильям Гибсон описывает виртуальный мир, который выбирает для себя представитель субкультуры кибербездомных. Подмена истинных ценностей «виртуальным субстратом» может привести если не к распаду, то к перерождению личности. Тем не менее вопрос ценностей и ценности виртуального общества далеко не однозначен, и будет ли дан на него исчерпывающий ответ в ближайшем будущем?

Таким образом, в силу своего особого образа жизни, кибербездомные могут столкнуться с духовными и психологическими проблемами. Отнесем к ним следующее:

– отчуждение: отсутствие физического места жительства и постоянного социального окружения может привести к чувству отчуждения и изоляции от общества. Профессор Шерри Теркл, являющаяся известным исследователем в области взаимодействия человека с технологиями, так говорит о людях, погруженных в виртуальный мир: «Зависимость от Интернета и социальных медиа может привести к потере самоидентификации, отчуждению от реального мира и отрицательным последствиям для психического здоровья. Важно найти баланс между цифровым миром и реальной жизнью» [Теркл, 2013];

– потеря цели и смысла: отсутствие устойчивых связей и постоянного места проживания может вызвать чувство потери цели и смысла в жизни. Современный немецкий философ Петер Слотердайк, так описывает результат потери жизненного ориентира: «Потеря смысла – это признак кризиса современности, вызванного недостатком трансцендентных ценностей и духовного ориентира» [Слотердайк, 2021];

– депрессия, тревожность, одиночество и низкая самооценка. Выдающийся немецко-американский психолог и философ Эрих Фромм, раскрывает одну из скрытых причин возникновения чувства одиночества в современном обществе: «Одиночество заключается не в отсутствии других людей, а в том, что нам необходимо что-то более глубокое, чем просто присутствие других людей» [Фромм, 2018]. Так же он определяет смысл понятия низкой самооценки современного человека: «Низкая самооценка проистекает из нашей зависимости от одобрения и признания со стороны других людей» [Фромм, 2018];

– потеря связи с реальностью: интенсивное погружение в виртуальный мир и отсутствие прочных связей с реальным миром могут привести к потере связи с реальностью и развитию дезориентации. «Мы живем в эпоху, когда реальность полностью поглощена моделями, копиями, имитациями. У нас возникает иллюзия связи с реальностью, но это всего лишь поверхностная маска, за которой скрывается бездна симулякров» [Бодрийяр, 2019];

– потребность в духовности и поддержке: кибербездомные, как и другие люди, могут искать смысл и утешение в религиозных или духовных практиках. «Подлинная духовность в том, чтобы давать жизнь духу как творчеству нового, которое всегда встречает на своем пути закостенелые, рутинные и отжившие формы социальной жизни» [Римский, 2019].

Важно отметить, что каждый кибербездомный имеет свои индивидуальные духовные потребности и проблемы, и подход к их решению может быть уникальным для каждого человека.

«Уроки» кибербездомности

Несмотря на существующие проблемы, субкультура кибербездомных продолжает расти, поскольку все больше людей обращаются к виртуальным пространствам как к средству связи и формирования идентичности. Это поднимает важные философские вопросы о природе личности и сообщества в эпоху цифровых технологий. Как отмечает Ш. Теркл: «Технологии предлагают себя в качестве архитектора наших интимных отношений» [Теркл, 2021]. Субкультура кибербездомных представляет собой новую форму близости,

которая бросает вызов традиционным представлениям о физическом присутствии и социальном взаимодействии.

Кроме того, субкультура кибербездомных воплощает уникальный взгляд на социальные проблемы бедности и бездомности. В то время как традиционная бездомность часто вызвана экономическими и социальными факторами, кибербездомность для «беженцев из интернет-кафе» является результатом цифрового разрыва и отсутствия доступа к технологиям. Это подчеркивает важность обеспечения доступности к Интернету и технологическим ресурсам.

Одним из наиболее интересных аспектов субкультуры кибербездомных является вызов традиционным представлениям об идентичности, которая в значительной степени связана с физическим присутствием и местоположением. Например, личность человека может быть привязана к месту его рождения, семье, в которой он родился, или к сообществу, в котором он вырос. В противопоставление члены субкультуры кибербездомных часто имеют несколько онлайн-идентификаций, каждая из которых имеет свой уникальный набор характеристик и связей. Эта «множественность» идентичности привела некоторых философов к вопросу о том, является ли идентичность вообще стабильным и фиксированным понятием. В книге «Тела имеют значение» философ Джудит Батлер утверждает, что идентичность – это не фиксированная сущность, а скорее текучий и постоянно меняющийся набор действий. Она предполагает, что наша идентичность конструируется через то, как мы ведем себя, одеваемся и представляем себя, и что эти представления могут меняться в зависимости от ситуации, в которой мы оказываемся [Батлер, 1993].

Субкультура кибербездомных бросает вызов традиционным представлениям о сообществе и принадлежности. Онлайн-сообщества могут предложить ощущение принадлежности к группе и поддержку тем, кто чувствует себя изолированным от социума в физическом мире. «Когда человек бездомен в реальной жизни, ему остается только одно место, где он может быть дома» [Клайн, 2018]. Кроме того, трансформации подвергаются и традиционные представления об основах, на которых сообщества возникают. В эпоху цифровых технологий сообщества можно формировать различными способами, в том числе посредством общих интересов, онлайн-взаимодействий и виртуальных пространств, – непосредственное взаимодействие и общий опыт становятся не обязательными. Кибербездомные и представляют такую форму сообщества, основанную лишь на общих интересах в цифровом мире.

Некоторые философы выразили обеспокоенность по поводу влияния этой новой формы сообщества на традиционные представления о гражданстве и принадлежности. В книге «Глобальное состояние» философ Гаятри Чакраворти Спивак предполагает, что развитие глобальных коммуникационных технологий привело к появлению новой формы гражданства, не привязанной к физическим границам [Спивак, 2012]. Она утверждает, что эта новая форма гражданства требует от нас переосмысления традиционных представлений о принадлежности и идентичности, а также разработки новых способов понимания нашего места в мире.

Заклучение

По своей сути субкультура кибербездомных – это группа людей, которые решили отказаться от традиционного представления о физическом доме в пользу «кочевого» существования в цифровом мире. Многие представители этой субкультуры хорошо разбираются в технологиях и используют свои навыки для создания и поддержания онлайн-личностей, которые позволяют им общаться теми способами, которые вне Сети были невозможны. Они часто образуют сообщества с другими кибербездомными, что создает чувство принадлежности и связи, подобное тому, что можно найти в физическом сообществе.

На фоне масштабного охвата цифровыми технологиями различных социальных и возрастных слоев населения и других факторов, возрастают предпосылки для развития

субкультуры кибербездомных, представители которой сталкиваются с разного рода проблемами, представляющими опасность для личности «беженца», а значит и для сообщества в целом: это социальная изоляция и интернет-зависимость, потеря цели и смысла жизни, одиночество, потеря связи с реальностью.

Как новая форма сообщества субкультура кибербездомных – увлекательное и сложное явление, которое поднимает ряд философских вопросов о природе идентичности, сообщества и принадлежности в цифровую эпоху. Отвергая традиционные представления о физическом доме и сообществе, представители этой субкультуры призывают нас глубже задуматься о том, как технологии формируют нашу жизнь и наше понимание самих себя. Поскольку мы продолжаем решать эти вопросы, становится ясно, что субкультура кибербездомных по-прежнему будет важной областью изучения для философов, социологов и других ученых, интересующихся пересечением технологий, идентичности и сообщества.

С философской точки зрения субкультура кибербездомных привлекает внимание к природе реальности и достоверности онлайн-опыта. Можно ли онлайн-взаимодействия и отношения считать реальными или подлинными? Как цифровой мир формирует наше восприятие себя и других? Это важные вопросы, требующие дальнейшего изучения и рассмотрения.

Список литературы

- Батлер Д. 2014. Тела имеют значение. М., Ad Marginem, 400 с.
- Бодрийяр Ж. 2019. Симулякры и симуляция. М., Логос, 264 с.
- Болескина Е.Л. 2000. Потребители игровой компьютерной культуры. *Социс*, 9: 80–87.
- Голобоков А.С., Шалапуга С.А. 2016. Отечественные и зарубежные исследователи о сущности и признаках современных молодежных субкультур. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*, 8-3: 460–463.
- Громов Д.В. 2008. Изучение молодежных субкультур России: современное состояние и проблемы *Этнографическое обозрение*, 1: 3–7.
- Делез Ж. 1998. Различие и повторение. Пер. с фр. Н.Б. Маньковской и Э.П. Юровской. Санкт-Петербург, Петрополис, 384 с.
- Жижек С. 1998. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия. *Искусство кино*, 1-2. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25>
- Клайн Э. 2018. Первому игроку приготовиться. М., АСТ, 450 с.
- Левикова С.И., Пилюгина Е.В. 2015. Адекватность положений философии постмодернизма для понимания феноменов общества постмодерна (на примере неформальной молодежной субкультуры). *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 5(1): 1756–1771. DOI: <https://doi.org/10.12731/wsd-2015-5.5-1756-1771>
- Луков В.А. 2002. Особенности молодежных субкультур в России. *Социологические исследования*, 10: 79–87.
- Морозов Е. 2014. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М., Corpus, 528 с.
- Омельченко Е. 2000. Молодежные культуры и субкультуры = Youth Cultures and Subcultures. М., Ин-т социологии РАН, 261 с.
- Римская О.Н. 2016. Субкультуры и субкультурные религии в постсекулярную эпоху. *Наука. Искусство. Культура*, 2(10): 76–83.
- Римская О.Н., Римский В.П. 2010. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 4. Конфигурации молодежных субкультур в пространстве российского региона. *Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право»*, 20(14): 71–78.
- Римский В.П., Римская О.Н. 2012. Современное мифосознание и субкультурные религии. *Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право»*, 8(20): 67–74.
- Слотердайк П. 2021. Критика цинического разума. СПб., Издательство Ивана Лимбаха, 800 с.
- Спивак Г.Ч. 2012. Глобальное состояние: Доклад о современной гуманитарной науке. М., Институт экспериментальной социологии, 272 с.
- Теркл Ш. 2021. Живым голосом. Зачем в цифровую эру говорить и слушать. М., АСТ, Corpus. 560 с.
- Фромм Э. 2010. Бегство от свободы. М., Эксмо, 304 с.

- Фромм Э. 2018. Искусство любить. М., АСТ, 288 с.
Фуко М. 2019. Надзирать и наказывать. М., Университетская книга. 448 с.
Фукуяма Х. 1995. О доверии: культурные аспекты информационного общества. М., АСТ, 457 с.
Шерри Т. 2013. Жизнь на экране: Идентичность в эпоху интернета. М., Эксмо 432 с.

References

- Batler D. 2014. Bodies matter. M., Ad Marginem, 400 p. (in Russian).
Bodriyar Zh. 2019. Simulacra and simulation. M., Logos, 264 p. (in Russian).
Boleskina E.L. 2000. Potrebiteli igrovoi komp'yuternoї kul'tury. [Consumers of Gaming Computer Culture]. *Sotsis*, 9: 80–87.
Golobokov A.S., Shalaputa S.A. 2016. Otechestvennye izarubezhnye issledovateli o sushchnosti i priznakakh sovremennykh molodezhnykh subkul'tur. [Domestic and Foreign Researchers on the Essence and Characteristics of Modern Youth Subcultures]. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 8-3: 460–463.
Gromov D.V. 2008. Izuchenie molodezhnykh subkul'tur Rossii: sovremennoe sostoyanie i problemy. [Study of Youth Subcultures of Russia: The Current State and Problems]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1: 3–7.
Delez Zh. 1998. Distinction and repetition. Trans. with fr. N.B. Mankovskaya and E.P. Yurovskaya. St. Petersburg, Petropavlovsk, 384 p. (in Russian).
Zhizhek S. 1998. Kiberprostranstvo, ili Nevynosimaya zamknutost' bytiya. [Cyberspace, or the Unbearable Isolation of Being]. *Iskusstvo kino*, 1-2. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25>
Klain E. 2018. The first player to get ready. M., AST, 450 p. (in Russian).
Levikova S.I., Pilyugina E.V. 2015. Adekvatnost' polozhenii filosofii postmodernizma dlya ponimaniya fenomenov obshchestva postmoderna (na primere neformal'noi molo-dezhnoi subkul'tury). [The Adequacy of the Provisions of the Philosophy of Postmodernism for Understanding the Phenomena of Postmodern Society (On the Example of an Informal Youth Subculture)]. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 5(1): 1756–1771. DOI: <https://doi.org/10.12731/wsd-2015-5.5-1756-1771>.
Lukov V.A. 2002. Osobennosti molodezhnykh subkul'tur v Rossii. [Features of Youth Subcultures in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 10: 79–87.
Morozov E. 2014. The Internet is like an illusion. The reverse side of the network. M., Corpus, 528 p. (in Russian).
Omel'chenko E. 2000. Youth Cultures and Subcultures. M., Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 261 p. (in Russian).
Rimskaya O.N. 2016. Subcultures and subcultural religions in the post-secular era. *Nauka. Art. Culture*, 2(10): 76–83. (in Russian).
Rimskaya O.N., Rimskiy V.P. 2010. Methodology of subculture research in the social sciences and humanities. Article 4. Configurations of youth subcultures in the space of the Russian region. *Scientific Bulletin of the Belarusian State University. Philosophy. Sociology. Right*, 20(14): 71–78. (in Russian).
Rimskiy V.P., Rimskaya O.N. 2012. Modern myth consciousness and subcultural religions. *Scientific Vedomosti BelSU. Philosophy. Sociology. Law*, 8 (20): 67–74.
Sloterdaik P. 2021. Kritika tsinicheskogo razuma. [Criticism of the Cynical Mind]. St. Petersburg, Ivan Limbach Publishing House, 800 p. (in Russian).
Spivak G.Ch. 2012. Global'noe sostoyanie: Doklad o sovremennoi gumanitarnoi nauke. [The global State: A Report on Modern Humanities]. M., Institute of Experimental Sociology, 272 p.
Terkl Sh. 2021. With a live voice. Why talk and listen in the digital era. M., AST, Corpus. 560 p. (in Russian).
Fromm E. 2010. Flight from freedom. M., Eksmo, 304 p. (in Russian).
Fromm E. 2018. The art of loving. M., AST, 288 p. (in Russian).
Fuko M. 2019. To supervise and punish. M., University Book. 448 p. (in Russian).
Fukuyama Kh. 1995. About trust: cultural aspects of the information society. M., AST, 457 p. (in Russian).
Sherri T. 2013. Life on the screen: Identity in the Internet era. Moscow, Eksmo 432 p. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.03.2023
Поступила после рецензирования 20.06.2023
Принята к публикации 30.07.2023

Received March 20, 2023
Revised June 20, 2023
Accepted July 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Хасуев Асланбек Эйляевич, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Чеченский государственный университет им А.А. Кадырова; г. Грозный, Россия.

Aslanbek E. Khasuev, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work, Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia.

Балиев Ислам Виситович, старший преподаватель кафедры теории и технологии социальной работы, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный, Россия.

Islam V. Baliev, Sr. Lecturer of the Department of Theory and Technology of Social Work, Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

УДК 321.01

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-821-829

Патриархальная теория Аристотеля о происхождении государства и ее значение для социального учения Церкви

¹ Горячев Д.А., ² Дагаев Р.Р.

¹ Белгородская православная духовная семинария
308000, Россия, Белгород, Белгородский проспект, 75

² Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,
Россия, Чеченская Республика, 364037, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 33
rasumihin@yandex.ru

Аннотация. Автор ставит целью изложить взгляд на происхождение государства, который бы вполне соответствовал христианской традиции. Наиболее близкой этой традиции, наряду с теологической теорией, исследователь считает патриархальную теорию происхождения государства в ее классическом варианте. В работе исследуются тезисы Аристотеля, в том числе с помощью богословского метода – соотнесения каких-либо идей с вероучением Церкви. Результаты работы, обосновывая идею изначальной упорядоченности семейной жизни (в противоположность эволюционной гипотезе), призваны способствовать нравственной апологетике Церкви. В отношении же раскрытия природы государства патриархальная теория его происхождения, как следует из итогов исследования, обладает значительным познавательным и аксиологическим потенциалом.

Ключевые слова: христианская философия, креационизм, политогенез, протосемья, иерархия, патриархализм, диакритический метод, сакральное и профанное

Для цитирования: Горячев Д.А., Дагаев Р.Р. 2023. Патриархальная теория Аристотеля о происхождении государства и ее значение для социального учения Церкви. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 48(4): 821–829. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-821-829

Aristotle's Patriarchal Theory of the Origin of the State and Its Significance for the Social Teaching of the Church

¹ Daniil A. Goryachev, ² Rashid R. Dagaev

¹ Belgorod Orthodox Theological Seminary
Belgorod Avenue, 75, Belgorod 308000, Russian Federation

² A.A. Kadyrov Chechen State University,
33 Subry Kishieva St, Grozny 364037, Chechen Republic, Russian Federation
rasumihin@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to present such a view of the origin of the state, which would fully correspond to the Christian tradition. The author considers the patriarchal theory of the origin of the state in its classical Aristotelian version to be the closest to this tradition, along with the theological theory. At the same time, neither secular nor ecclesiastical science, according to the author, seriously considers

this theory, which gives rise to a philosophical and theological clarification of its principles. Thus, the article examines the theses of its generally recognized authors, including using the theological method – the method of correlating any ideas with the doctrine of the Church. In the light of patriarchal theory, the phenomena of state culture and ideology ("Fatherland", "Homeland-Mother", "tsar-father", "father of peoples", "katekhon" (κατέχων) and others) find their explanation. The results of the work, substantiating the idea of the original orderliness of family life (as opposed to the evolutionary hypothesis), are intended to contribute to the moral apologetics of the Church. As for the disclosure of the nature of the state, the patriarchal theory of its origin, as follows from the results of the article, has significant cognitive and axiological potential.

Keywords: Christian philosophy, creationism, politogenesis, proto-families, hierarchy, patriarchalism, diacritical method (diakrisis), sacred and profane

For citation: Goryachev D.A., Dagaev R.R. 2023. Aristotle's Patriarchal Theory of the Origin of the State and Its Significance for the Social Teaching of the Church. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 821–829 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-821-829

Введение

Сложно переоценить значимость института государства, значимость, доходящую порой до отождествления общества с государством, когда сама история человечества излагается как политическая история или история государств. На фоне того, какое место – едва ли не всеохватное, тотальное – занимает государство в жизни современного человека, удивительным кажется ситуация с выяснением происхождения государства.

Обратившись к литературе по теории государства и права, можно убедиться, что подход к пониманию этого вопроса является зачастую *вариативным*. В литературе упоминаются следующие теории: потестарная (теория авторитета) [Морозова 2010, с. 29], теологическая, патриархальная, семейная, общественного договора, экономическая, классовая (марксистская), теория насилия, расовая, органическая, психологическая, теория инцеста, патримониальная (теория собственности), ирригационная (гидравлическая) и даже спортивная.

Вопрос о происхождении государства весьма важен, т. к. именно он предваряет вопрос о *природе* государства, который, в свою очередь, находится в том же положении больше вопроса, чем ответа: государство – это благо или зло? Нужно ли идти по пути государственного строительства, государственничества, или даже культивирования государства (в смысле не только повышения общей государственно-правовой культуры-качества, но и в исконном понимании культа, в данном случае религиозного культа по типу египетского или римского государства)? Или же стоит держаться другого полюса, согласно которому государство есть отступление от гуманистической нормы, всегда потенциальный левиафан, и то общество более цивилизованно, где роль государства (теснимого этим цивилизованным/гражданским обществом) стремится к минимуму?

Сразу отметим, что христианской традиции ближе первая позиция, которая находит свое подтверждение в Священном Предании. Так, церковная экзегеза слов апостола Павла *ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь* (2Фес. 2:7) преимущественно понимает под *удерживающим* (греческое *κατέχων*, церковнославянское *держай*) государственную власть.

Одно из первых толкований этого места принадлежит Тертуллиану: «Кто же это, если не римское государство <...>» [Тертуллиан 1994, с. 209]. Схожим образом высказывается священномученик Ипполит Римский: «Кто же этот удерживающий до времени, как не четвертый зверь <...>» [Ипполит 2008, с. 164], понимая под последним также римское правление [Ипполит 2008, с. 152].

Такое понимание влечет соответствующую духовную практику, на что и указывает Тертуллиан, когда говорит об особенной причине молиться за государственную власть:

«Нам известно, что конец мира со всеми ужасами, которые будут сопровождать его, отлагается по причине существования Римской империи. Следовательно, молясь об удалении этого страшного переворота, мы молимся и о продолжении империи Римской» [Тертуллиан 2005, 164–165].

Данная экзегетическая традиция будет развиваться в трудах святителей Василия Великого («О суде Божиим»), Иоанна Златоуста («Гомилии на Второе послание к Фессалоникийцам»), блаженного Августина («О граде Божиим»), вплоть до наших дней. Преподобный Амвросий Оптинский относит апостольские слова *держай ныне* к власти предрезающим: в целях упразднения этой власти и восстают «предтечи антихриста», потому что антихрист «должен прийти во время безначалия на земле. А пока он ещё сидит на дне ада, то действует через предтечей своих» [Амвросий 2012, с. 55].

Государственная власть, согласно предложенным высказываниям, получает не просто социально положительное, а метафизическое значение, оставляющее один шаг до её сакрализации. В итоге намечается парадоксальное заключение: римская империя, призванная не допустить приход антихриста, управлялась его предшественниками – гонителями христиан. Как III век, так и XX век – времена жестоких преследований верующих людей – должны были бы серьезно обострить понимание государства как угрозы христианству. Однако уже сформировавшаяся церковно-государственная традиция несколько не пошатнулась ни в III веке, ни в XX.

Казалось бы, еще библейское повествование о появлении царской власти у евреев даёт повод усомниться в ценности этой формы правления. Согласно Священному Писанию, инициатива перехода от судейства к царству исходила от старейшин Израиля, просивших пророка Самуила поставить над ними царя, как у прочих народов. *И не понравилось слово сие Самуилу, когда они сказали: дай нам царя, чтобы он судил нас. И молился Самуил Господу. И сказал Господь Самуилу: послушай голоса народа во всём, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними* (1 Цар. 8:6–7).

Однако ни у кого из церковных писателей древности, кажется, не встречается понимание приведённого рассказа как обосновывающего ущербность царской власти или тем более противность её Богу. Из тех немногих ссылок на данное повествование делается общий вывод: Господь порицает недоверие и маловерие Своего народа, но не наступившее царское правление как менее совершенное в сравнении с теократией. Из наиболее резких (по отношению к выбору израильтян) святоотеческих комментариев можно привести слова священномученика Киприана Карфагенского по поводу отвержения израильским народом своего Господа: «В отмщение за это Он воздвиг над ними царя Саула, который теснил их столь тяжкими бедами, топтал и давил гордый народ всякими обидами и наказаниями, – таково отмщение Бога гордецам за осмеяние священника» [Киприан Карфагенский 2009, с. 269]. Именно в обоснование власти *священства* приводится данный библейский текст, что прослеживается и в других толкованиях (например, священномученика Игнатия Богоносца [Игнатий 2009, с. 269] и в Апостольских постановлениях [2009, с. 271]).

Попытка увидеть в приводимом ветхозаветном тексте негативную оценку царской власти, предпринятая в XX в., не увенчалась успехом (см. критику этой попытки: [Серафим, 2008]). Святитель Серафим (Соболев) убедительно показал смысл рассматриваемого отрывка, требующего различать отвержение израильтянами Бога и их желание иметь царя. Если бы последнее действительно было грехом, то Господь «не повелел бы пророку послушать голоса народа, напротив, приказал бы ему побудить народ покаяться в греховном желании иметь царскую власть, как у прочих народов, и не осуществлять его» [Серафим 2008, с. 68].

Итак, оценивая церковное отношение к государственной власти, возможно охарактеризовать его в качестве амбивалентного, т. е. совмещающим почитание и презрение, ло-

яльность и антагонизм. Во всяком случае, трудно не согласиться с протоиереем Георгием Митрофановым, который говорит о парадоксе XX века: «Церковь пыталась выжить, не противостоя, а сотрудничая с теми, кто хотел её уничтожить» [Митрофанов, 2021]. XXI век в определённой и довольно широкой церковной среде оказывается не менее парадоксальным: абсолютистско-монархические настроения в этой среде уживаются с ожиданиями тотального государственного контроля (т. н. «чипирование»).

Объяснение и, может быть, разрешение указанных противоречий кроется, на наш взгляд, в истоках феномена государства. Наиболее же оправданной богословски, философски и исторически (патрилинейность, патрилокальность) видится патриархальная теория происхождения государства.

Основные положения патриархальной теории Аристотеля

Описание патриархальной теории происхождения государства в учебной литературе обычно начинается со ссылки на Аристотеля (384–322 гг. до н. э.), и это обращение к отцу научного теоретизирования является показательным фактом, означающим историческое первенство данной теории как научного подхода. Его трактат «Политика» как раз и открывается указанием на «научное объяснение» [Аристотель 1983, с. 376] и научный метод в деле раскрытия того, что есть государство: «Здесь, как и повсюду, наилучший способ теоретического построения состоял бы в рассмотрении первичного образования предметов» [Аристотель 1983, 377]. По отношению к государству таким первичным элементом оказывается, по Аристотелю, *семья (oikía)* – «общение, естественным путем возникшее для удовлетворения повседневных надобностей» [Αριστοτέλους 1989, 1252b]. Обратим внимание на две эти составляющие семьи: 1) «естественное общение» (κοινωνία κατὰ φύσιν), которое можно воспринять в качестве указания на кровное, природное, родство и на брачную связь, т. е. горизонтальную (муж – жена) и вертикальную (родители – дети) родовые линии; и 2) «удовлетворение повседневных надобностей» (οὐν εἰς πᾶσαν ἡμέραν συνεστηκυῖα) – используя современную терминологию, скажем, для ведения совместного хозяйства, т. е. экономики. Понятия «семья» (в новогреческом οἰκογένεια), «дом» (οἶκος) и «экономика» (от древнегреческих «дом» (οἶκος) и «закон» (νόμος) буквально – «правила ведения домашнего хозяйства» [Райзберг 2007, с. 495]) в греческом языке являются однокоренными, что открывает возможности для концептуальных подходов (в качестве примера укажем монографию с характерным названием «Οἶκος – Οἰκία – Οἰκονομία, Πόλις – Πολιτική – Πολιτισμός» [Πουλάκη-Παντερμαλή, 2014], перевод которого даже на современный греческий язык вызывает сложности: условно, исходя из текста самой работы, его можно передать словами «дом – имение – хозяйство, город – граждане – управление» [Πουλάκη-Παντερμαλή, 2014, с. 7]). Эти термины обильно представлены в «Политике» Аристотеля (за исключением πολιτισμός).

Пользуясь тем же аналитическим методом, что и для понимания феномена государства, Аристотель применяет его в отношении семьи: «Уяснив, из каких элементов состоит государство, мы должны прежде всего сказать об организации семьи» [Аристотель, 1983, с. 380]. И далее он обращается к уже намеченным выше составляющим её элементам (родство и хозяйство), подразделяя их на три пары: «Первоначальными и мельчайшими частями семьи являются господин и раб, муж и жена, отец и дети» [Аристотель, 1983, с. 380]. Если супружество и кровное родство, образующие семейные узы, не вызывают вопросов, то присутствие института рабства (δοῦλος) в аристотелевском понимании семьи создают познавательную проблему. Её первоначальное разрешение видится как раз в этимологическом плане, где οἶκος является одновременно и семьёй, и домом. Словарь И.Х. Дворецкого содержит вообще 10 значений слова οἶκος: 1) домашний, хозяйский; 2) родственник, находящийся в родстве; 3) дружеский, дружественный; 4) союзный; 5) семейный, свой собственный, родной; 6) личный, частный; 7) внутренний, междуособный; 8) особый; 9) подходящий, годный, достойный, подобающий; 10) собственный, под-

линый [Дворецкий 1958, 1155]. А слово οἰκέτης означает одновременно и домочадца, и раба [Дворецкий 1958, 1155]. Однако вряд ли стоит ограничиваться данным объяснением проблемы, сводящимся к неразвитости языка, т. к. это не свойственно богатству греческого языка, а напротив, открывает определённую закономерность.

На эту закономерность указывает евангельский эпизод, когда ко Христу подходит римский сотник со словами (укажем в церковнославянском переводе): *Господи, отрок мой [ὁ παῖς μου] лежит в дому расслаблен, люте стражда* (Мф. 8:6).

А.П. Лопухин поясняет: «Относительно греческого слова “мальчик” (παῖς) следует сказать, что оно употребляется и в смысле “сын”, – так переводится оно у Ин. 4:51; Деян. 3:13, 26, и “раб” или “слуга” у Лк. 12:45; 15:26. В рассматриваемом месте слово несомненно означает “раб”, потому что оно пояснено так у Луки (7:2 – δούλος)» [Лопухин, 2009, с. 210]. Забота сотника о своём слуге, а главное – сам язык, указывают на тесную связь между древними господами и рабами.

В итоге, семья, οἶκος, согласно Аристотелю, – это люди, находящиеся под одной крышей дома, объединённые как родственными, так и экономическими связями. Последний признак вполне существенен для Аристотеля, уделившего основное внимание в «Политике» именно этой стороне. Отсюда становится понятным его тезис о совершенной (телеологичной, достигшей своей цели) семье: «В совершенной семье два элемента: рабы и свободные» [Аристотель 1983, 380] (οἰκία δὲ τέλειος ἐκ δούλων καὶ ἐλευθέρων [Ἀριστοτέλους 1989, 1253b.]). Существенным будет и другое уточнение Аристотеля: «...про членов такой семьи Харонд говорит, что они едят из одного ларя [ὀμοσιτύους], а Эпименид Критянин называет их “питающимися из одних яслей” [ὀμοκάτους]» [Аристотель, 1983, с. 377].

Совокупность таких семей составляют селение (κώμη), а селения – завершённое государство (τέλειος πόλις) [Аристотель, 1983, с. 378]. Отсюда следует, заключает Аристотель, что всякое государство есть «продукт естественного возникновения» [Аристотель, 1983, с. 378] (διὸ πᾶσα πόλις φύσει ἔστιν).

И наконец, как решается Аристотелем собственно политический вопрос, вопрос о власти? «Во всякой семье старший облечён полномочиями царя. И в колониях семей – селениях поддерживали в силу родственных отношений между их членами тот же порядок» [Аристотель, 1983, с. 378]. Если государство является формой организации власти, то, согласно Аристотелю, принципом этой организации или упорядоченности является старшинство в роду. Этот принцип, как можно понять аристотелевские построения, представляет собой не право сильного, не войну всех против всех, не экономическое могущество, а издревле сложившийся патриархальный порядок, аналогом которого является главенство родоначальников-патриархов 12 колен Израиля (см.: Быт. 49:28).

Отношение к власти является у Аристотеля критерием различения понятий семьи и государства (с этого вопроса и начинается трактат «Политика»): власть «государственного мужа» есть «власть над свободными по природе»; власть отца семейства есть «власть над рабами». «Власть господина в семье – монархия (ибо всякая семья управляется своим господином монархически), власть же государственного мужа – это власть над свободными и равными» [Аристотель, 1983, с. 386].

Обратим внимание ещё на одну принципиальную идею Аристотеля: «Полезно рабу и господину взаимное дружеское отношение, раз их взаимоотношения покоятся на естественных началах» [Аристотель, 1983, с. 386]. Под естественными началами он понимает «рабство по природе»: от рождения иные обладают свободной человеческой природой, а иные – рабской человеческой природой. Неприемлемая для христианства подобная интерпретация природы (а не состояния) человека оказывается вполне уместной в аристотелевской телеологии: живущие под одной крышей, питающиеся одной пищей и имеющие одни экономические цели раб и господин находятся в естественном состоянии. Именно телеос, цель – цельность – завершение – совершенство, становится оправданием «рабства

по природе»: раз семья является совершенной и естественной формой организации жизни, то и её составные части, *мёрос*, являются естественными; если раб – естественный элемент семьи, то рабство – естественно само по себе.

С этим принципиальным положением связан ещё один аристотелевский постулат – требование *относительного* единства как семьи, так и государства. Речь идёт о критике сократовского и платоновского государства с их радикальным коммунизмом (общих жён, детей, имущества). Вывод Аристотеля: «Если это единство зайдет слишком далеко, то и само государство будет уничтожено; если даже этого и не случится, всё-таки государство на пути к своему уничтожению станет государством худшим, всё равно как если бы кто симфонию заменил унисоном или ритм одним тактом» [Аристотель, 1983, с. 412]. Таким образом, господские отношения и социальная иерархичность обеспечивают естественный ритм государственной жизни.

Итак, семья, понимаемая как раскрывающееся и умножающееся «семя» государства, как базовый элемент его структуры, позволяет отнести автора этой концепции к родоначальникам патриархальной теории. Вместе с тем Аристотель проводит разграничение между властью отца и властью государя, акцентируя внимание на том, что последний управляет свободными людьми, и, следовательно, его власть требует легитимации, в отличие – от природной отцовской. Этот же принцип, по-видимому, лежит в различии «между большой семьей и небольшим государством» [Аристотель, 1983, с. 376], где семья является естественным образованием, а государство – социальным конструктом. Необходимо учитывать проводимую Аристотелем дистинкцию этих понятий, позволяющую избежать вульгаризации патриархальной теории, начавшейся с Нового времени.

Аристотелевская теория происхождения государства приводит к следующим заключениям.

1. Возникновение первоначального государства как организованной власти на определённой территории происходит на основе уже имеющейся социальной структуры, а именно семейной формы жизни общества.

2. Существенным признаком семьи является её иерархичность – порядок отношений членов семьи, признающий наличие старших и младших. Данным отношениям свойственны взаимозависимые качества заботы, уважения, почтительности и подчинения.

3. В процессе усложнения социальной жизни и её перехода к собственно государственному устройству (наличие аппарата власти, правовые нормы, территория, налоги, символы государства) семейные отношения перестают действовать в иерархической структуре государства.

4. Семья как протогосударство выполняет функцию идеала, который не является вымыслом по типу утопических произведений, но основывается на реальном опыте, что наделяет его статусом архетипа (общечеловеческой памяти). Об этом идеале как историческом феномене свидетельствует его мощный идеологический потенциал.

5. Понятия «Отечество» и «Родина-мать» в общественном сознании имеют сакральное значение, их профанация – всегда общественно порицаема. Именно профанирующим (сведение к не-священному) становится неправомерный перенос семейных (сакральных) терминов в государственную (профанную) область. Отсюда возникают несерьёзные коннотации с такими понятиями, как «царь-батюшка» и «отец народов».

6. Другое отношение к явно семейной лексике наблюдается в её переносе на церковную почву – сакральную по преимуществу. «Отцы и матери», «братья и сёстры», «батюшка и матушка», «духовный отец и духовное чадо», «патриарх», «святой отец» – примеры терминов, имеющих строго определённое применение в церковной среде, т. к. обозначают статус её конкретного представителя; более того, «Отец» и «Сын» являются именами Бога.

Таким образом, патриархальная теория происхождения государства тесно связана с областью религии, в особенности – с авраамическими течениями.

Богословские основания патриархальной теории происхождения государства

Главными источниками для выяснения богословских оснований патриархальной теории происхождения государства являются Священное Писание и святоотеческая литература. Вопрос возникновения государства в Священном Писании восходит к теме появления человека, которого на языке аристотелевской философии можно назвать «человеком политическим» [Аристотель, 1983, с. 378] (буквально – политическим животным, *πολιτικὸν ζῷον* [Αριστοτέλους 1989, 1253a], а по сути – человеком общественным). Итак, исходные библейские основания для рассматриваемой теории: человек *сотворён* (*ἐπλασεν*, Быт. 2:7), во-первых, как мужчина и, во-вторых, *создан* (*ᾠκοδόμησεν* – устроен из той же природы, что и мужчина, Быт. 2:22) как женщина; человек призван к общению, ибо *нехорошо быть человеку одному* (Быт. 2:18).

Наверное, наиболее непримиримое отношение к патриархальной теории наблюдается со стороны феминистского движения [Шенли, Пейтмен, 2005]. Но насколько оправданы претензии по поводу принижения женщины, если эта теория основывается на следующем видении человека? Ева является последним творением Бога, совершенством («совершеннейший Художник [Бог] <...> восполнил то, чего не доставало» [Иоанн Златоуст, 1898, 120]); она создана в раю, из одухотворённой материи, ребра Адама, материи, близко расположенной к сердцу. Последнее тоже весьма значимо для христианского мировоззрения, где сердце – речь идёт уже о духовной составляющей человека, где действует символизм – есть орган познания и источник мотивации (Мф. 15:19) [Флоренский, 2017].

Грехопадение Адама и Евы лишило человечество рая на земле, однако остаток этого рая сохранился – это их семья. С.В. Троицкий пишет, что первородный грех не касался супружеских отношений первой четы, «он не был изменой их друг другу» [Троицкий 2015, с. 98]. В подтверждение своих слов он приводит множество источников, среди них встречается мнение блаженного Августина: «Супруг последовал супруге не потому, что, введённый в обман, поверил ей, как бы говорящей истину, а потому, что покорился ей ради супружеской связи. <...> Он не захотел отделиться от неё даже и в грехе» [Августин, 1998, с. 28]. И этот остаток рая на земле отдан, в первую очередь, в женские руки.

Именно с этого угла зрения можно посмотреть на апостольскую заповедь *а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии* (1 Тим. 2:12) – как на исключение из широкого круга полномочий хозяйки семьи. И это исключение дополнительно оговаривается святоотеческой экзегезой: «Это тогда, когда и муж благочестив, и имеет ту же веру, и участвует в той же мудрости; а когда он неверный и заблуждающийся, тогда апостол не лишает её власти учить» [Иоанн Златоуст, 1887, с. 186]. Более того, апостол «разумеет учение с амвона, беседу в общем собрании, свойственную священникам; а частным образом увещевать и советовать он не запретил» [Иоанн Златоуст, 1887, с. 186].

Обсуждение данного частного момента призвано показать, что патриархальная теория имеет определённое назначение – прояснить начальный момент возникновения государства, но не его устройство. Последнее может лишь ориентироваться на идеал, напоминаемый этой теорией. Поскольку семья хранит опыт Золотого времени, постольку идеал это действителен, в том числе и в государственной идеологии (можно вспомнить обращение к советским гражданам «отца народов» летом 1941 г. «Братья и сёстры!»). Однако патриархальная теория среди своих ограничительных норм требует и диакритического подхода (*διάκρισις, рассуждение*, 1 Кор. 12:10) [Рябинин, 2020, с. 125] – различения семейной и государственной сфер, идеального и реального на основе духовного опыта.

Основное же значение патриархальной теории происхождения государства заключается в том, чтобы показать начальный момент государственности, а именно – иерархичность семьи. Последнее положение находит своё обоснование в области веры. Таким образом, данная теория имеет богословскую почву и является вполне приемлемым инструментом познания в рамках христианского мировоззрения. Косвенно на эту приемлемость

и востребованность указывают «Основы социальной концепции» Русской Церкви: «Первоначальной ячейкой человеческого общества являлась семья. <...> До ухода в Египет братьев Иосифа государства у ветхозаветного народа не было, а существовала патриархальная родовая община. <...> В результате сложного исторического развития, которым руководит Промысл Божий, усложнение общественных связей привело к образованию государств» [Основы, 2000, III.1.]. Конкретизации данного положения и служит наше исследование.

Список источников

- Августин Гиппонский, св. 1998. О граде Божием, XIV, 11. СПб, Алетейя; Киев, УЦИММ-Пресс, 589 с.
- Амвросий Оптинский, преп. 2012. Собрание писем. Козельск, Изд-во Введенского ставропигиального мужского монастыря «Оптина Пустынь», 767 с.
- Апостольские постановления. 2009. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий завет. Том IV. Тверь, Герменевтика, 560 с.
- Аристотель. 1983. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 4. М., Мысль, 830 с.
- Диоген Лаэртский. 1979. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., Мысль, 571 с.
- Игнатий Антиохийский, свщмч. 2009. Послания подлинные. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий завет. Том IV. Тверь, Герменевтика, 560 с.
- Иоанн Златоуст, свт. 1897. Беседа первая на слова: «приветствуйте Прискиллу и Акилу». Творения. Т. 3. Кн. 1. СПб., Санкт-Петербургская духовная академия, 962 с.
- Иоанн Златоуст, свт. 1898. Беседы на Книгу Бытия. Творения. Т. 4. Кн. 2. СПб., Санкт-Петербургская духовная академия, 925 с.
- Ипполит Римский, свщмч. 2008. О Христе и антихристе. Толкование на книгу пророка Даниила. СПб., Библиополис, 400 с.
- Киприан Карфагенский, свщмч. 2009. Послания. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий завет. Том IV. Тверь, Герменевтика, 560 с.
- Митрофанов Г., прот. 2021. О свободе, истории и уроках пандемии. [Электронный ресурс]. Православие и мир: www.pravmir.ru/protoierej-georgij-mitrofanov-delo-ne-v-kovide-maskah-i-lozhkah-a-v-krizise-czerkovnogo-soznaniya (дата обращения: 10.01.2023).
- Основы социальной концепции РПЦ. 2000. Приняты Архиерейским Собором РПЦ 13–16 августа 2000 г. [Электронный ресурс] www.patriarchia.ru/db/text/419128.html (дата обращения: 10.01.2023).
- Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. 2007. Современный экономический словарь. М., Инфра-М, 495 с.
- Тертуллиан. 2005. Апологетик (пер. с лат. А.Ю. Братухина). СПб., Изд-во Олега Абышко, 256 с.
- Тертуллиан. 1994. О воскресении плоти (пер. Н. Шабурова и А. Столярова). Избранные сочинения. М., Прогресс, 448 с.
- Лопухин А.П. 2009. Толковая Библия в 7 тт. Т. 6. М., Дар, 1232 с.
- Флоренский П., свящ. 2017. Столп и утверждение Истины. М., Академический проект, 905 с.
- Αριστοτέλους. 1989. Πολιτικά / Μτφρ. Β. Μοσκόβης. Αθήνα, Νομική Βιβλιοθήκη, 799 σ.
- Πουλάκη-Παντερμαλή Ε. 2014. Οίκος – Οικία – Οικονομία, Πόλις – Πολιτική – Πολιτισμός. Θεσσαλονίκη, 178 σ.

Список литературы

- Дворецкий И.Х. 1958. Древнегреческо-русский словарь в 2-х тт. Т. 2. М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1906 с.
- Морозова Л.А. 2010. Теория государства и права. М., Эксмо, 510 с.
- Рябинин Г., свящ. 2020. Дар различения (διακρίσις) в учении блж. Диадокха Фотикийского. *Диакрисис*, 2(6): 108–128.
- Серафим (Соболев), свт. 2008. Об истинном монархическом мирозерцании. Самодержавие и спасение России. М., Сибирская благовонница, 543 с.
- Троицкий С.В. 2015. Христианская философия брака. М., ФИВ, 304 с.
- Шенли М.Л., Пейтмен К. 2005. Феминистская критика и ревизия истории политической философии. М., РОССПЭН, 400 с.

References

- Dvoreckij I.H. 1958. Drevnegrechesko-russkij slovar' [Ancient Greek-Russian dictionary]. V. 2. Moscow, Publ., Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1906 p.
- Morozova L.A. 2010. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of state and law]. Moscow, Publ., Eksmo, 510 p.
- Riabinin G., priest. 2020. Dar razlicheniya (διάκρισις) v uchenii blzh. Diadoha Fotikijskogo [The Gift of Discernment (διάκρισις) in the Teaching of saint Diadoch of Photike]. *Diakrisis*, 2(6): 108–128.
- Serafim (Sobolev), st. 2008. Ob istinnom monarhicheskom mirosozercanii. Samoderzhavie i spasenie Rossii [About the true monarchical worldview. Autocracy and the salvation of Russia]. Moscow, Publ., Sibirskaya blagozvonnica, 543 p.
- Troickij S.V. 2015. Hristianskaya filosofiya braka [Christian philosophy of marriage]. Moscow, Publ., FIV, 304 p.
- Shenly M.L., Pitmen K. 2005. Feministskaya kritika i reviziya istorii politicheskoy filosofii [Feminist criticism and revision of the history of political philosophy]. Moscow, Publ., ROSSPEN, 400 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 11.01.2023

Поступила после рецензирования 11.04.2022

Принята к публикации 31.10.2023

Received January 11, 2023

Revised April 11, 2023

Accepted October 31, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горячев Данил Аркадьевич, кандидат богословия, старший преподаватель Белгородской православной духовной семинарии, священник Русской Православной Церкви, Белгород, Россия.

Дагаев Рашид Рамазанович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры теории и технологии социальной работы, Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, г. Грозный, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Daniil A. Goryachev, Candidate of Theology, Senior Lecturer of the Belgorod Orthodox Theological Seminary, priest of the Russian Orthodox Church, Belgorod, Russia.

Rashid R. Dagaev, Candidate of Philosophy, senior lecturer departments of theory and technology of social work Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia.

КУЛЬТУРОЛОГІЯ І ФІЛАСОФІЯ ІСКУСТВА CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

УДК 17.035.3

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-830-838

Понятие «народное настроение» в работе П.И. Новгородцева «Политическая народная поэзия в Италии во времена Возрождения»

Варава М.В.

Институт философии РАН,
Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12/1
margarita.varava@gmail.com

Аннотация. Вопрос о самобытности русской философии до сих пор является одним из наиболее обсуждаемых в современной историко-философской науке. Он решается как правило в парадигме pro et contra, которая уходит в XIX в., когда возникла проблема начала русской философии. Фигура П.И. Новгородцева, видного представителя русской философско-правовой школы, находится в русле данной проблематики, поскольку вопрос о принадлежности философа к ортодоксальной неокантианской школе ставит под сомнение оригинальность его собственных построений. В работе представлен анализ уникального материала – черновика не публиковавшейся ранее рукописи П.И. Новгородцева «Политическая народная поэзия в Италии во времена Возрождения», в результате приведены новые аргументы в пользу самобытности его философских воззрений. Реконструировано главное понятие этой работы – «народное настроение», посредством которого народное творчество трактуется П.И. Новгородцевым не только как феномен национальный культуры, но и как один из существенных факторов формирования общественного идеала. Показано, что народное сознание, выраженное в политической поэзии, является для философа одной из форм чувственности, что дает возможность рассматривать его как синтез этико-правовых воззрений и эстетического восприятия. Сделан вывод, что методология анализа народной поэзии П.И. Новгородцева, с одной стороны близкая к идеям Ф. Якоби, с другой, – уходящая вглубь отечественной традиции этико-эстетического синтеза, ставит под сомнение однозначность отнесения П.И. Новгородцева к неокантианской школе.

Ключевые слова: философия права, П.И. Новгородцев, Ф. Якоби, русская философия, архивные источники по русской философии, народная поэзия, этика, эстетика, политические воззрения народа, общественный идеал

Финансирование: работа выполнена в рамках научного проекта РНФ (гранта) № 22-28-01805/23 «Первоисточники русской философии XIX–XX вв. в государственных архивах России: состояние и перспективы изучения».

Для цитирования: Варава М.В. 2023. Понятие «народное настроение» в работе П.И. Новгородцева «Политическая народная поэзия в Италии во времена Возрождения». *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 48(4): 830–838. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-830-838

The Concept of the “Folk Spirit” in the Work of P.I. Novgorodtsev “Political Folk Poetry in Italy During the Renaissance”

Margarita V. Varava

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
12/1 Goncharnaya St., Moscow 109240, Russian Federation
margarita.varava@gmail.com

Abstract. Every national philosophical tradition has its own “permanent” topics and questions. For Russian philosophy the question of authenticity is still one of the most debatable in contemporary history of philosophy. Typically, it is placed in the paradigm “pro et contra”, which stems from 19th-c., when the problem of the origins of Russian philosophy emerged, and which divided thinkers into two opposing camps. The attitude towards to the West, towards is a marker of the philosopher’s belonging to one direction or another. The figure of P.I. Novgorodtsev, a prominent representative of the Russian philosophical and legal school, is in line with this issue, since the question of whether the philosopher belongs to the orthodox neo-Kantian school calls into question the originality of his own constructions. The article analyzes unique materials – a draft of a previously unpublished manuscript by P.I. Novgorodtsev “Political folk poetry in Italy during the Renaissance”, as a result of which new arguments are presented in favor of the originality of his philosophical views, which are largely in line with the traditions of Russian philosophical culture. The main concept of this work “folk spirit” is reconstructed, through which folk political creativity is interpreted by P.I. Novgorodtsev not only as a phenomenon of national culture, interesting for historical, cultural and ethnographic research, but also as one of the essential factors in the formation of a social ideal. It is shown that popular consciousness, expressed in political poetry, is one of the forms of sensibility for the philosopher, which makes it possible to consider it as a synthesis of ethical and legal views and aesthetic perception. This is a significant difference from Western European philosophy, in which “truth,” “goodness,” and “beauty” are separated by intradisciplinary boundaries. As a result, it was concluded that the methodology of analyzing the folk poetry of P.I. Novgorodtsev, on the one hand close to the ideas of F. Jacobi, on the other, going deep into the domestic tradition of ethical-aesthetic synthesis, casts doubt on the unambiguity of classifying P.I. Novgorodtsev as a neo-Kantian school adherent.

Key words: philosophy of law, P.I. Novgorodtsev, F. Jacobi, Russian philosophy, archival sources on Russian philosophy, folk poetry, ethics, aesthetics, political views of the people, social ideal

Funding: the work was carried out within the framework of the scientific project of the Russian Academy of Sciences (grant) No. 22-28-01805/23 "Primary Sources of Russian Philosophy of the XIX–XX Centuries in the State Archives of Russia: State and Prospects of Study".

For citation: Varava M.V. 2023. The Concept of the “Folk Spirit” in the Work of P.I. Novgorodtsev “Political Folk Poetry in Italy During the Renaissance”. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 830–838 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-830-838

Введение

Сегодня Россия находится перед необходимостью уяснения своего цивилизационного пути, который определяется прежде всего освобождением от диктата западных моделей и возвращением к традиционным ценностям культуры. Особенно актуальным становится обращение к наследию тех классических русских мыслителей, которые развивали свои идеи преимущественно в русле традиций отечественной философии, во многом и формируя ее. В контексте обретения Россией своего мировоззренческого и политико-правового суверенитета особую значимость приобретает разработка русскими мыслителями философско-правовых идей.

Фигура одного из ведущих представителей отечественной философии права П.И. Новгородцева представляет особый интерес, поскольку, как правило, исследователи

относят его к традиции «юридического неокантианства». Важной для этой школы является мысль о приоритете этики над правом в становлении правового идеала, которая присутствует у П.И. Новгородцева, а также идея нравственной автономии личности, необходимая для реализации общественного идеала. Действительно, в его построениях имеются некоторые черты, которые позволяют отнести его к этой школе мысли. Это прежде всего идеалистическая установка относительно сущности права, которая представляет собой «идеи индивидуальной свободы, справедливости, формально-юридического равенства, естественных прав и правового государства (правления права, верховенства права), “правозаконности”» [Соломко, 2012 (а), с. 27]. Как последователь неокантианского направления в философии П.И. Новгородцев воспринимается также из-за своей приверженности концепции естественного права [Белов, 2019 с. 151].

Однако в таком случае мы были бы вынуждены признать вторичность философско-правовых идей П.И. Новгородцева как последователя неокантианской школы. Исследователь Б.А. Чагин, критикуя «неокантианство» П.И. Новгородцева с позиций советского марксизма, пишет: «Что же касается защиты прав личности, то подавляющее большинство неокантианских принципов (“автономная моральная личность”, “естественное право”, “человек – самоцель” и т.п.) были настолько бессодержательными и абстрактными, что могли в равной степени обслужить одновременно и знаменитых щедринских генералов, и кормящего их на необитаемом острове мужика» [Чагин, 1968, с. 268]. Однако это было бы справедливо, если П.И. Новгородцев просто бы перенес неокантианские идеи в свои построения.

В работах других исследователей [Кацапова, 2005, Счастливец, Бархоленко, 2020] отнесение П.И. Новгородцева к неокантианству скорее осмысливается в вопросительном ключе. И.А. Кацапова отмечает, что «Новгородцев не был ортодоксальным последователем философии Канта, как и не был догматическим приверженцем его нравственной философии (Канта). Определенно, здесь речь должна идти лишь *о принятии и интерпретации Новгородцевым ряда ключевых идей Канта*» [Кацапова, 2005, с. 40].

Е.А. Счастливец и М.А. Бархоленко, анализируя интеллектуальную биографию П.И. Новгородцева, заключают о невозможности вынесения безапелляционного вердикта о принадлежности всего наследия философа «неокантианству», обращая внимание на поворот, который сделал философ в сторону идей Вл. Соловьева, Достоевского и славянофилов [Счастливец, Бархоленко, 2020, с. 60–61]. В.Н. Жуков полагает, что «корень его философии права – глубинные пласты русской духовности, которая веками формировалась в лоне православия» [Жуков, 2018, с. 66].

Кроме этого, отличие построений П.И. Новгородцева от идеалистического направления еще и в том, что «он не ограничивался анализом одних только идей, но и рассматривал их в контексте социально-культурного развития общества» [Куляскина, 2022, с. 5].

Это ставит вопрос о необходимости дальнейшего исследования наследия П.И. Новгородцева, включая изучение ранее не изданных работ философа, в которых делается акцент на значимости социокультурных феноменов в формировании общественного идеала.

Сведения о рукописи

Исследование проведено на основе ранее не привлекавшейся к рассмотрению рукописи П.И. Новгородцева «Политическая народная поэзия в Италии во времена Возрождения» (черновик рукописи, отдел хранения до 1917 г., Центральный архив г. Москвы, без даты).

Произведенная нами историко-философская реконструкция данного текста позволяет датировать рукопись средним периодом творчества философа и утверждать, что она была написана между 1899 (дата самого позднего цитируемого в рукописи источника) и 1917 (принадлежность соответствующему отделу хранения). Важно отметить, что в 1901 году П.И. Новгородцевым была выпущена работа «Идея права в философии

Вл. Соловьева», в которой содержатся близкие исследуемой рукописи идеи относительно роли народного самосознания в формировании общественного идеала и нравственного отношения к общественно-политическим событиям. Тем самым вводимая в оборот рукопись помогает рассмотреть позицию П.И. Новгородцева этого периода более полно и целостно, установив идейный контекст, который не позволяет безоговорочно причислять его к сторонникам неокантианской школы.

Документ имеет следующую структуру.

В первой части раскрывается ценность народного проживания политических событий. Это находит отражение в народном творчестве, которое является альтернативой официальной исторической науке, не утрачивая при этом эвристического характера. Здесь же обосновывается значимость обращения к народной политической поэзии для понимания механизмов формирования общественного идеала, подчеркивается критическая функция народной поэзии в качестве нравственного регулятора поведения.

Во второй части автор переходит к анализу конкретных примеров народной политической поэзии Италии периода Возрождения, сопровождая его своими комментариями и оценками в контексте исторических событий того периода. После этого поднимаются общеполитические вопросы значимости искусства как средства выражения нравственных исканий человеческого духа.

Завершается рукопись дискуссией с этическим учением Ф. Якоби. В качестве материала берутся романы немецкого философа «Альвилл» и «Вольдемар». Комментарии П.И. Новгородцева свидетельствуют о его симпатиях к идеям Якоби, в том числе о солидарности с ним в отказе от крайностей односторонней рассудочности или сентиментализма.

Привлечение к рассмотрению этой рукописи позволяет не только ввести в оборот новые архивные материалы философского наследия П.И. Новгородцева, но также прояснить вопрос об аутентичности отечественной школы философии права, которая является не маргинальной линией развития в западной традиции, как утверждает З.В. Соломко в своей статье [Соломко, 2012 (б)], но скорее усваивает некоторые мотивы европейской философии, представляя в то же время достаточно самобытную философию.

«Народная политическая песня...»

В исследуемой рукописи осуществляется синтез этико-правовых воззрений с теорией чувственности и эстетического восприятия. Сам автор указывает, что цель данной работы состоит в «уяснении отношения нравственного сознания народа к политическим событиям» [Новгородцев, б/д, лист 6]. Реализуется автором эта цель на материале анализа политической народной поэзии, на основании которого выводится понятие «народное настроения» в процессе проживаемых исторических событий: «Отражение политических событий в народной поэзии представляет, бесспорно, глубокий многосторонний интерес. В относящихся сюда памятниках народного творчества, или творчества личного, но вдохновленного преобладающими настроениями масс и являющегося живыми, наивными и непритворными отголосками души, желаний и чувств народных, нередко раскрываются тайны души народной с того драгоценного непосредственного и правдивого, которых тщетно приходится искать в других исторических свидетельствах» [Новгородцев, б/д, лист 4].

Образцы народной поэзии представлены как альтернатива «официальной», академической исторической науке, делающей свои выводы на основе анализа фактов и документов, а не живых и непосредственных проявлений народной жизни: «История создается народом, но не пишется им. Никакой эрудиции, никакой точности и осторожности критического анализа, никакому добросовестному сопоставлению исторических памятников не восстановить во всей полноте и живости первоначального настроения народного сознания и народных чувств по отношению к минувшим событиям на том основании, что настроение это, даже от самых мелких моментов событий, не находит себе достаточно полного,

достаточно ясного выражения документального, письменного или иного» [Новгородцев, б/д, лист 4].

Позиция, выраженная в этом пассаже, резонирует с типичным для Новгородцева критицизмом историзма в философии права, однако материалы этой рукописи предоставляют наглядную и развёрнутую иллюстрацию отношения Новгородцева к «кабинетному» этико-правовому мышлению.

Автор подчеркивает роль общественного творческого воображения в формировании исторической памяти в противовес лишь «каноническим» артефактам, признаваемым исторической наукой. Именно общество, народ, как показывается в данной работе, являются движущими факторами в этом процессе, подчеркивая творческий потенциал народа в создании общественного идеала. В следующем пассаже мы видим, какая роль приписывается чувственному познанию в формировании этической позиции относительно общественно-политических событий: «Ценны эти безыскусственные отголоски прошлого как исторические памятники; еще драгоценные они как выразители народной психологии, как показатели яркости народной совести и ее суда над событиями жизни. Это и есть суд народной совести, суд внутренний, “в тайне сокровенный”, голос которого, часто смиренный и тихий, не все умеют слушать, не все хотят слышать, но который, что бы ни возражали, никогда не остается бесплодным голосом в пустыне, и, по своей наивности и прямоте, подобен гласу младенцев, часто более близкому к истине и справедливости, нежели голоса мудрецов века и сильных мира» [Новгородцев, б/д, лист 6].

Здесь Новгородцев объединяет исторические события, народ и нравственный идеал. Подчеркивается особая роль отношения народного сознания к историческим событиям, так как это не просто отношение людей, а определенное мерило истинности, поскольку самому народному сознанию придается следующее значение: «Исторические отголоски этого настроения, выраженного в народной политической поэзии, представляют глубокую ценность не только историческую, но и психологическую, и этическую. Народная политическая песня, бесхитростное выражение ее надежд и опасений, упований и разочарований, радостей и скорбей, отражала на себя, конечно, не одни доблести народа, но и грехи его: нередко задавалась она дурными страстями, забывала справедливость, подчас выражала месть и злорадство по поводу неудач врагов, наконец, содействовала раздору и общественному неустройству; но от уклонения в область предосудительного встречались в ней все же значительные проявления противоположного нравственно-оздоровляющего направления» [Новгородцев, б/д, лист 6].

Через понятие «народного настроения» Новгородцев выводит продукты народного творчества за рамки этнографического подхода, рассматривая его в качестве фактора, формирующего историческое знание, что в свою очередь является также способом формирования общественного идеала. Так как народное сознание, выраженное в политической поэзии, является одной из форм чувственности, то это понятие синтезирует философию права и эстетику.

Особое значение автор усматривает в принципиальной «сниженной» художественности продуктов политической поэзии. Они ценны не только и не столько как предметы искусства, но как свидетельства переживания народом происходящих событий: «Политические песни менее каких-либо иных задавались художественными целями; они являлись его [народного чувства. – *М.В.*] наивными, безыскусственными выражениями – и только! <...> Как добрые, так и злые инстинкты народной массы, отражались здесь непосредственно ярко и живо» [Новгородцев, б/д, лист 7]. Однако при этом «популярная политическая песня в других и очень частых случаях стремилась к поощрениям добродетельных чувств» [Новгородцев, б/д, лист 7].

Выражение «добродетельные чувства» проявлялось и в качестве социальной критики, выражение которой П.И. Новгородцев видит в анализируемых им памятниках народного творчества: «Народная песня бесстрашно и безнаказанно обдавала своей сатирой ко-

го хотела, кого считала нужным» [Новгородцев, б/д, лист 12]. Он приводит пример, как «во Флоренции в 1420 г. уличные мальчишки... расклеивали на стенах стихи о том, что “папа не стоит и полушки”» [Новгородцев, б/д, лист 12]. Для П.И. Новгородцева такие действия народа являлись выражением нравственного неприятия произвола итальянских властей тех времен, где народная поэзия выступала своеобразным камертоном: «Как бы то ни было, совокупность вышеназванных условий сообщала критическому и сатирическому настроению народной массы в Италии и его произведению популярной политической песни могучую силу и смелость, даже дерзость, до тех пор неслыханную. От ударов народного мнения так выражавшегося никто не был застрахован» [Новгородцев, б/д, лист 15].

Важный момент в рукописи П.И. Новгородцева – обращение к этическим идеям Ф. Якоби, высказанных им в романах «Альвилл» и «Вольдемар», в которых он находит «естественность и непосредственность», которые «сообщают и художественную прелесть и глубокий философский смысл» [Новгородцев, б/д, лист 60]. Интерес отечественного философа права к идеям Якоби важен еще и потому, что последний является одним из главных оппонентов немецкой трансцендентальной философии, поставивший под вопрос понятие «вещи в себе». Якоби показывает невозможность отказа от чувственности, которая аффицируется предметами внешнего опыта: «Сколь ни противоречит духу кантовской философии допущение предметов, воздействующих на чувства и вызывающих таким образом представления, то, все же, не совсем ясно, каким образом без этого предположения философия Канта могла бы найти впервые доступ к себе самой и прийти к какому бы то ни было изложению своего учения» [Якоби, 2006, с. 203].

П.И. Новгородцев, комментируя взгляды немецкого философа, пишет: «Лучше всех своих единомышленников понимал Якоби, что права индивидуальности в области чувств и страстей, доведения до неограниченной свободы, грозят перейти в полную нравственную и умственную анархию, и поэтому отлично сознавал неотлагательную необходимость установления какого-либо положительного учения, способного хотя бы как-нибудь упорядочить это хаотическое смятение противоположных друг другу стремлений» [Новгородцев, б/д, лист 56]. При этом он обращает внимание на «этическую сторону учения Якоби о “прекрасной душе”, где учение о чувстве приобретает статус морального регулятива [Новгородцев, б/д, лист 57].

П.И. Новгородцев особенно отмечает умеренную и благоразумную позицию Якоби, которая венчается прославлением «правды жизни». Именно это чувство в равной мере не приемлет ни «одностороннюю рассудочность», ни редукцию всего к чувству. В идеях Якоби Новгородцев находит адвоката «правды жизни»: «Якоби защищает чувство, прославляет его, даже поклоняется ему лишь потому, что оно – сила жизни, возможность и орган деятельности и лишь в этом смысл, насколько оно есть средство и условие действия, поступка, живого акта, лишь настолько оно и полезно, и могуче, и прекрасно, и свято» [Новгородцев, б/д, лист 60]. Именно эта «правда жизни» и находит в политической народной поэзии наивысшее воплощение. Эту идею Якоби, которая придает дополнительные оттенки в вопросе о формировании политико-правовых идей, русский философ воспринимает весьма позитивно. Это позволяет заключить, что его философская платформа не исчерпывается влиянием неокантианства, для которого примат разума как законодателя нравственных основ права был определяющим.

За рамками неокантианства

Рассмотренные фрагменты рукописи П.И. Новгородцева демонстрируют его методологию анализа политической поэзии, предполагающей синтез эстетики и философии права. В обращении к искусству, в частности к народной поэзии, главным для П.И. Новгородцева является не категория «прекрасного», а категория «добра». Аппелляция к «чувству» для Новгородцева необходима не для эстетических целей, но для раскрытия подлинного народного переживания общественно-политических событий. Это в полной мере свиде-

тельствует о принадлежности П.И. Новгородцева к традиции отечественной философской культуры, в которой «добро» и «красота» представляли собой единство ради достижения высшей «истины», в отличие от редукционизма, свойственного западной философской традиции.

Через характеристики, которые дает Новгородцев народной политической поэзии, можно сделать вывод, что чувственность здесь выступает не как искажение рационалистической установки, а в качестве критерия подлинности нравственного отношения к общественно-исторической реальности. На первом плане здесь не историческая фактичность как продукт «кабинетного» исследования, свойственного академической науке, а непосредственное проживание политических событий, отраженных в продуктах наивного народного искусства. И эти продукты также имеют значимость для воссоздания исторической достоверности, поскольку в них отражается «правда жизни».

Характерно пристальное внимание П.И. Новгородцева к идеям Ф. Якоби и его очевидная симпатия по отношению к сбалансированной позиции немецкого философа, которая не отдает предпочтения ни единичному приоритету чувства, ни гегемонии всеобщего разума. Философ не высказывает явную солидарность с учением Якоби, но подчеркивает недопустимость крайностей впадения в «путь сердца и чувства» или оторванной от нравственной интуиции «рационалистической» позиции.

Это в свою очередь заставляет пересмотреть представления о «неокантианстве» П.И. Новгородцева, так как такие существенные расхождения с ключевыми положениями данного направления мысли свидетельствуют не о недостаточном усвоении им неокантианской доктрины, а скорее о самобытности его воззрений. Нельзя отрицать, что русский философ был близок к В. Виндельбанду в вопросах приоритета этики перед правом, в выходе за рамки правового историзма, позитивизма и социологизма в изучении идеи права и правового идеала, которые выводятся из требований самого разума, а не из исторического праксиса, а также в обосновании идеи о движении человечества к реализации этого «этического идеала». Вместе с тем для баденской школы неокантианства, которая остается в парадигме кантовского трансцендентализма, обращение к народной политической поэзии как к достоверному источнику исторического знания было бы противоречием самой сути этого учения. Опираясь в работе на аргументы учения Якоби, Новгородцев вносит в философско-правовой дискурс не только этику, но и эстетику как особую форму чувственности, раскрываемой в политической народной поэзии. Представленный в данной работе материал говорит о большом внимании П.И. Новгородцева к феномену народной поэзии, что свидетельствует о самобытности его воззрений, которые выходят за строгие рамки неокантианства.

Заключение

Рассмотрение рукописи П.И. Новгородцева позволяет вывести дискуссию о степени самобытности русской философии права на новый уровень. Философ разделял идеи баденского неокантианства об устремленности к идеалу и абсолютных ценностях, однако реализация данных идей осуществлялась при характерных для отечественной нравственной философии установках на цельное знание, предполагающие синтез чувственного (сердечного, интуитивного) и рационального (идеального, абстрактного). В этом смысле народное сознание, выраженное в народной поэзии, выступает в качестве подлинного нравственного начала, в котором раскрывается смысл общественно-политических и исторических событий. Это является существенным в понимании того, как устроен общественный идеал, к каким истокам он восходит, какие принципы и ценности его формируют.

Методология анализа народной поэзии П.И. Новгородцева близка, с одной стороны, идеям Ф. Якоби, прежде всего к его неприятию чисто рационалистического подхода к трансцендентному, с другой, – она коренится в отечественной традиции этико-эстетического синтеза, триединства истины, добра и красоты, культивируемого, в том числе и В.С. Соловьевым.

Это позволяет внести коррективы в трактовку П.И. Новгородцева как адепта неокантианской школы и выявить черты самобытности в его философии как виднейшего представителя отечественной философской традиции.

Список источников

- Новгородцев П.И. Черновики рукописи Новгородцева Павла Ивановича о политической народной поэзии в Италии в веке Возрождения. Центральный государственный архив г. Москвы. отдел хранения до 1917 г., Ф. 1346, О. 16.
- Новгородцев П.И. 1901. Идея права в философии Вл. Соловьева. Речь, произнесенная на торжественном заседании Психологического общества в память Вл. С. Соловьева 2 февраля 1901 года. В кн.: Вопросы философии и психологии. М., Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, кн. 56 (I). С. 112–129.

Список литературы

- Белов В.Н. 2019. Неокантианство П.И. Новгородцева: к полемике Новгородцева и Савальского. *Lex Russica*, 2(147): 151–162. DOI: 10.17803/1729-5920.147.2.151-162
- Гаман И.Г., Якоби Ф.Г. 2006. Философия чувства и веры. СПб., РТП ЛГУ, 487 с.
- Жуков В.Н. 2018. П.И. Новгородцев: консервативный либерал и религиозный философ права. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*, 4(44): 65–73. DOI: [10.17803/2311-5998.2018.44.4.065-073](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.44.4.065-073)
- Кацапова И.А. 2005. Философия права П.И. Новгородцева. М., ИФ РАН, 188 с.
- Куляскина И.Ю. 2022. П.И. Новгородцев о генезисе и перспективах правового государства. *Вестник АмГУ*, 98: 3–6. DOI: 10.22250/20730268_2022_96_3
- Соломко З.В. 2012а. Конечные основания права в неокантианской и марксистской перспективах. *Бизнес в законе*, 5: 27–32.
- Соломко З.В. 2012б. На кругах юридического неокантианства: к вопросу о феномене рецепции кантовской философии права в российском правопонимании. *Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал*, 1: 229–232.
- Счастливецова Е.А., Бархоленко М.А. 2020. П.И. Новгородцев: универсальные ценности или славянофильство, неокантианство или что-то другое? *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 11-2(50): 59–61. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11383
- Чагин Б.А. 1978. Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Ленинград, Наука. Ленинградское отделение, 416 с.

References

- Belov V.N. 2019. P. I. Novgorodtsev's Neo-Kantianism: Novgorodtsev and Savalskiy Debate. *Lex Russica*, 2(147): 151–162. DOI: 10.17803/1729-5920.147.2.151-162
- Gaman I.G., Jacobi F.G. 2006. Philosophy of feeling and faith. St. Petersburg, Publ. RTP LSU, 487 p. (in Russian).
- Zhukov V.N. 2018. P.I. Novgorodtsev: The Conservative Liberal and Religious Philosopher of Law. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*, 4(44): 65–73 (in Russian). DOI: [10.17803/2311-5998.2018.44.4.065-073](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.44.4.065-073)
- Kacapova I.A. 2005. Filosofija prava P.I. Novgorodceva. Institut Filosofii [Philosophy of Law by P.I. Novgorodtsev]. Moscow, Publ. RAN, 188 p.
- Kulyaskina I.Ju. 2022. [P.I. Novgorodtsev about the Genesis and Prospects of the Constitutional State]. *Vestnik AmGU*, 98: 3–6. DOI: 10.22250/20730268_2022_96_3
- Solomko Z.V. 2012a. Konechnye osnovaniya prava v neokantianskoj i marksistskoj perspektivah [The Ultimate Foundations of Law in Neo-Kantian and Marxist Perspectives]. *Biznes v zakone*, 5: 27–32.
- Solomko Z.V. 2012b. On the circles of legal neo-kantianism: to the question about the phenomenon of reception of kantian legal philosophy in russian Understanding of law. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. Yuridicheskii zhurnal*, 1: 229–232.
- Schastlivceva E.A., Barkholenko M.A. 2020. P.I. Novgorodtsev: Universal Values or Slavophilism, Neo-Kantianism or Something Else? *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 11-2(50): 59–61 (in Russian). DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11383

Chagin B.A. 1978. Sociological thought in Russia. Essays on the history of non-Marxist sociology of the last third of the 19th and early 20th centuries. Leningrad, Publ. Nauka. Leningrad Branch, 416 с. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 25.10.2023
Поступила после рецензирования 27.11.2023
Принята к публикации 30.11.2023

Received October 25, 2023
Revised November 27, 2023
Accepted November 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Варава Маргарита Владимировна, сотрудник
Института философии РАН, Москва, Россия.

Margarita V. Varava, An employee of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

УДК 7.01

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-839-849

Семантика трагического в фортепианной музыке Л. Бетховена

¹ Ткач Н.В., ² Аотгенхуар

¹ Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского, Россия, Луганская Народная Республика, 291001, г. Луганск, Красная площадь, 7
tkach.nataliia2014@yandex.ru

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308009, Белгород, ул. Победы, 85

Аннотация. Понимание «механизмов» выражения трагического мироощущения в музыке необходимо для определения семиотической трансформации музыкальной культуры. Семиотический анализ бетховенской сонаты показал, что целостная структура музыкального произведения и ее отдельные элементы транслируют семантику и символику трагического мироощущения. В исследовании выявлено несколько уровней музыкальной поэтики в индивидуальном стиле композитора: 1) семантический – как анализ значений, а порой и содержания элементов музыкального языка с предоставлением им дополнительной семантики, специфической в каждом отдельном случае; 2) эстетический – как селекция средств выразительности и комплекция компонентов содержания, обусловленных трагическим миропереживанием: особая фортепианная фактура, динамика и другие авторские ремарки; 3) символический – как придание элементам музыкального произведения значений, моделирующих трагическое миропереживание. Сделан вывод о том, что главным принципом воплощения трагического мироощущения в произведениях Бетховена стал принцип гармонического контраста образных жанровых, гармонических, ритмических, мелодических структур.

Ключевые слова: семантика, фортепиано, программность, трагическое, миропереживание

Для цитирования: Ткач Н.В., Аотгенхуар. 2023. Семантика трагического в фортепианной музыке Л. Бетховена. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 48(4): 839–849. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-839-849

Semantics of the Tragic in L. Beethoven's Piano Music

¹ Nataliia V. Tkach, ² Aotgenhuar

¹ Matusovsky Luhansk State Academy of Culture and Arts,
7 Red Sq., Lugansk 291001, Luhansk People's Republic, Russian Federation
tkach.nataliia2014@yandex.ru

² Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

Abstract. Understanding the “mechanisms” of expressing a tragic worldview in music is necessary to determine the semiotic transformation of musical culture. The semiotic analysis of the Beethoven sonata showed that the integral structure of the musical work and its individual elements convey the semantics and symbolism of the tragic worldview. The study revealed several levels of musical poetics in the individual style of the composer: 1) semantic – as an analysis of the meanings and sometimes the content of the elements of a musical language with the provision of additional semantics specific to each individual case; 2) aesthetic – as a selection of means of expression and a complete set of content components due to tragic world experience: a special piano texture, dynamics and other author's remarks; 3) symbolic – as giving the elements of a musical composition of meanings that model tragic world experience. It is

© Ткач Н.В., Аотгенхуар, 2023

concluded that the main principle of the embodiment of the tragic worldview in Beethoven's works is the principle of harmonic contrast of figurative genre, harmonic, rhythmic, melodic structures.

Keywords: semantics, piano, programming, tragic, world experience

For citation: Tkach N.V., Aotgenhuar. 2023. Semantics of the Tragic in L. Beethoven's Piano Music. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 839–849. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-839-849

Введение

При отсутствии единой точки зрения на понятие музыкальной семиотики её толкование до сих пор является дискуссионным как относительно содержания, так и относительно сфер проявлений и механизмов функционирования. Музыкальная семиотика все чаще привлекает внимание исследователей, расширяя границы анализа музыкального произведения и композиторского стиля. В современной российской эстетике основы семиотического анализа музыки были заложены в 1970-х годах В.В. Медушевским и М.Ш. Бонфельдом [Медушевский, 1976; Бонфельд, 2007], а в настоящее время активно развиваются целым рядом авторов, в частности Л.О. Акопяном, М.Г. Арановским, С.С. Гончаренко, Г.В. Денисенко, И.С. Стогний и др. [Акопян, 1995; Арановский, 1998; Гончаренко, 1993; Денисенко, 2012; Стогний, 2013]. Проблемы музыкальной поэтики предоставляют возможность раскрыть стилистические предпочтения и причины селекции средств выразительности. Семиотический анализ музыки касается жанрово-стилевого, образно-эмоционального и других аспектов и приобретает значение определенной иерархии духовно-эстетических ценностей, отраженных в музыкальном содержании. Общим «механизмом» функционирования этих норм в стиле композитора является система актуализированных символов, содержащая иерархию значений элементов содержания его произведений и соответствующих средств художественной выразительности.

Особенно ценен семиотический анализ музыки для анализа её общекультурного содержания, которое фиксируется в основных эстетических категориях. В частности, трагическое мироощущение является константой художественного сознания, хотя и меняет свои конкретные формы выражения в искусстве разных эпох. Трагическое определяется как «философско-эстетическая категория, характеризующая губительные и невыносимые стороны жизни, неразрешимые противоречия действительности, представленные в искусстве в виде неразрешимого конфликта. Столкновение между человеком и миром, личностью и обществом, героем и роком выражается в борьбе сильных страстей и великих характеров»¹. Очень ярко категория трагического раскрылась в музыкальной культуре романтиков. Особое выражение принципы романтизма получили в музыке, где переход от классицизма к романтизму наиболее четко просматривается в творчестве и в особенностях личности Л. Бетховена. Во времена композитора совершенствуется фортепиано, рояль, инструмент с динамической градацией (*forte*, *piano*). Это расширило возможности создавать более масштабные сочинения концертного стиля.

32 сонаты – огромный шаг в развитии фортепианной музыкальной культуры, творческая лаборатория, в которой выковывался стиль художника. Л. Бетховен был первым композитором, сделавшим фортепиано ведущим сольным инструментом. Б.В. Асафьев писал: «Сонаты Бетховена в целом – это вся жизнь человека. Кажется, нет эмоциональных состояний, которые так или иначе не нашли бы здесь своего отражения, нет душевных конфликтов, которые не преломились бы здесь» [Асафьев, 1971, с. 159]. О сущностной связи трагического мироощущения с музыкой А.Ф. Лосев пишет следующим образом: «Трагедия произошла из ощущения бесформенной, хаотической качественности бытия, поселяющей в душе тот же диссонанс, принципиальный и существенный. Но если иметь в

¹ Любимова Т.Б. Трагическое // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / ред. В. С. Степин. М., Мысль, 2010. С. 85.

виду какой-нибудь конкретный прецедент трагического мироощущения, то из всех искусств, а также из всего человеческого творчества и всех достижений таковым ближе всего является музыка и дух ее» [Лосев, 1989, с. 317].

Таким образом, актуальной и мало исследованной остается проблема сущностной связи трагического мироощущения с мировоззрением романтизма в целом и частности в его личностных воплощениях, одним из которых является творчество Бетховена.

Следует отметить, что в современной российской эстетике и музыковедении творчество Бетховена рассматривается явно недостаточно. Наиболее содержательной теоретической работой на русском языке, обращающейся к сонатам Бетховена, является книга Ю. Кремлева «Фортепианные сонаты Бетховена» [Кремлев, 1970]. Эта работа носит в большей степени научно-популярный характер и не обращается к чисто теоретическим проблемам (формообразованию, средствам выразительности, возможностям различной интерпретации и т.д.). В первую очередь, его работа касается вопросов образно-эмоциональной характеристики содержания сонат. Также существует ряд работ о сонатах Бетховена немецких авторов. Ярким примером является работа Карла Райнеке «Die Beethovenschen Klaviersonaten-Briefe an eine Freundin» [Reinecke, 1912], однако он преимущественно занимался вопросами исполнительской интерпретации, не уделяя внимания теоретическому анализу.

В 2023 году вышло второе, исправленное и дополненное издание антологии «Л. Ван Бетховен: pro et contra», посвященное российской рецепции личности и творчества Бетховена¹. В ней в разделе «Бетховен в постсоветское время» представлены, помимо прочих, три статьи Л.В. Кириллиной, ведущего специалиста по Бетховену в России: «Классический стиль в музыке XVIII – начала XIX веков», «Самосознание эпохи и музыкальная практика», «Бетховен и “Религия искусства”». Она является автором 2-томной научной биографии Бетховена и ряда специальных статей о его творчестве [Кириллина, 2009; 2014; 2021].

Проблематика трагического у Бетховена в них почти не затрагивается. В статье С.С. Гончаренко «К вопросу о двойном финале в Квартете № 13 Бетховена» [Гончаренко, 2014] применен структурно-семиотический подход. Автор этой статьи исходит из своей концепции «зеркальная симметрия в музыке» [Гончаренко, 1993]. Принцип такой «зеркальной симметрии» она находит и у Бетховена, причем именно как основу выражения трагического мироощущения. Автор статьи пишет: «Цепь вариантов на неизменный звуко-высотный комплекс далее разворачивается в доследование двойных фуг, причем фуги располагаются в порядке обратном первоначальному экспонированию. Зеркальная симметрия укрепляет центрирующие силы всей композиции. Метод создания контраста на основе единого “тематического контура”, который ярко проявился в 9-й симфонии, в данном случае “выведен” на поверхность структуры» [Гончаренко, 2014, с. 56].

В данном исследовании будет рассмотрен принцип «гармонического контраста» в фортепианных сонатах Бетховена как основа выражения его трагического мироощущения.

Целью данной работы является семантический анализ структуры сонат Л. Бетховена, на примере которых будут выявлены приемы воплощения трагического переживания с опорой на уже существующие исследования семантических сонат Бетховена.

Особенности фортепианных сонат Бетховена

По своему значению в творчестве Бетховена фортепианные сонаты занимают такое же место, как «Хорошо темперированный клавир» у И.С. Баха. Хотя сонаты Л. Бетховена и можно назвать «творческой лабораторией композитора», но ни одна из них не содержит недостатков, характерных для искусства импровизационного («лабораторного») состава.

---

¹ Л. ван Бетховен: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. и доп. Сост., вступ. статья, коммент. Г. В. Ковалевского. СПб.: РХГА, 2023. 800 с.

Именно жанр сонаты, опережавший по развитию все остальные, утвердил творческую индивидуальность композитора и преодолел зависимость от клавирного стиля XVIII века.

В творчестве многих композиторов выделяется определенное направление, которое отражает наиболее смелые их замыслы и поиски и одновременно подготавливает слушателя к восприятию выразительных особенностей стиля композитора в целом. Основным носителем мыслей и чувств, главных художественных направлений и поисков для Л.В. Бетховена были его фортепианные сонаты. Учитывая виртуозное владение Бетховена инструментом, представляется естественным, что именно в жанре фортепианной сонаты композитор выразил наиболее тонкие черты своего мировоззрения [Kinderman, 2009].

Характерные для Бетховена темы, манера их изложения и развития, драматизированная трактовка сонатной схемы, новая ритмика, новые тембровые эффекты и т.д. впервые проявились именно в фортепианной музыке, впоследствии воплотившись в других произведениях композитора. Бетховен много работал над проблемами фортепианной виртуозности. В поисках своеобразного звукового образа он все время вырабатывал собственный оригинальный фортепианный стиль. Ощущение широкого пространства, достигаемое сопоставлением дальних регистров, массивные аккорды, многослойная, густая фактура, тембровые приемы, использование эффектов педали – это лишь некоторые из новаторских черт фортепианного стиля Бетховена. Благодаря масштабности творчества композитора соната для фортепиано стала похожей на симфонию для фортепиано [Кириллина, 2014].

Путь от первой до последней из 32 сонат Бетховена представляет целую эпоху мировой музыкальной фортепианной музыки [Альшванг, 1966, с. 88]. Этот путь может быть условно распределен на три периода в соответствии с изменениями композиторского стиля: ранний период, 1792–1802 гг. (сонаты оп. 2 – оп. 49); средний период, 1802–1812 гг. (сонаты оп. 53 – оп. 90); поздний период, 1812–1827 гг. (5 последних сонат оп. 101 – оп. 111) Периодизация творческого пути Бетховена в его фортепианных сонатах совпадает с общепринятым делением его жизненных периодов. Соответственно, глубокие различия в произведениях, созданных на разных жизненных этапах вызваны изменениями в мышлении композитора. Этим объясняются и трансформации в трактовке сонатного цикла, манере письма, характере музыкальных образов [Кириллина, 2014; 2021].

Особенно важную роль в выражении романтического трагизма у Бетховена играют сонаты, созданные в первый период творчества Бетховена. Из семнадцати больших сонат почти каждая является носителем индивидуальных, своеобразных особенностей и черт. При их детальном разборе становится очевидным, что новые задачи в сонатах композитор решал раньше, чем в симфонических произведениях и ансамблях. Бетховен широко разработал принцип сонатности, основанный на противопоставлении и развитии контрастирующих тем, а также противоречивых элементов в середине отдельных тем. Бетховенские сонаты отличаются масштабами построения: основной тематический материал подвергается интенсивному развитию, углубляется связь между разделами формы, обостряются противоречия между контрастными эпизодами, темами. Особую роль приобретают звуковые коды. Они призваны утвердить результат развития основных образов произведения.

Структурный анализ сонат

Три сонаты оп. 2, изданные в 1796 году и посвященные И. Гайдну – не первый опыт Бетховена в области создания фортепианных сонат, ведь несколько сонат уже были написаны композитором во время пребывания в Бонне. Рассматривая ранние произведения Бетховена, иногда говорят об их относительной несамостоятельности, о приближении их к традиции предшественников [Харлап, 1971], особенно заметно влияние В.А. Моцарта, Й. Гайдна, а также И.С. Баха. Бесспорно, черты такого сходства мы находим в применении устоявшихся особенностей клавирной фактуры [Харлап, 1971], в квадратности по-

строений, четко формально отделенных периодах, общем стиле и использовании определенных музыкальных идей ушедшей эпохи. Однако уже в первых сонатах ор. 2 мы находим много новаторских, своеобразных черт Л. В. Бетховена [Кириллина, 2014].

В первой сонате ор. 2-f moll между главной партией (ГП) и началом первой части (ПП) устанавливаются новые для того времени отношения. ПП является отражением главной. Однако обе представляют собой использование принципа единства и связи тематических элементов при их контрастном сопоставлении. Уже в этих первых сонатах новое значение приобретают мелизмы, типичные для музыки конца XVIII века. Многие элементы первой части сонаты № 3 заимствованы Бетховеном из его юношеского фортепианного квартета до мажор, созданного в 1758 году. Скерцо же из этой сонаты, напротив, стало прообразом первого симфонического скерцо композитора. Тем не менее эта соната показывает значительный прогресс фортепианного творчества Бетховена. Часть критиков она отталкивала многочисленными токкатными элементами, принадлежащими к виртуозным приемам. Однако очевидным является развитие определенной линии пианизма Бетховена, что затем было блестяще воплощено в Сонате C dur ор. 53 № 21 «Аврора».

Токкатность Бетховена не была формальным приемом, но находилась в гармоничном сочетании с кругом образов: с интонациями фанфар, маршей и т.п. [Харлап, 1971, с. 373]. В ранних опусах частым является колебание между использованием 4- и 3-х частных циклов, что впоследствии приведет к сжатию цикла и появлению ранних сонат [Donald, 1976, p. 55]. Соната № 3 состоит из 4 частей: 1. Allegro con brio (C dur) – сонатная форма. 2. Adagio (E dur) – рондоподобная форма. 3. Scherzo (C dur) – простая трехчастная репризная форма. 4. Аллегро Ассаи (C dur) – Рондо. Первая часть сонаты (Allegro con brio) привлекает внимание своей масштабностью. Богатство эмоций находит свое выражение в разнообразии тематического склада. Начало ГП с ее чеканным ритмом звучит затаенно. Тема ГП состоит из двух мотивов, которые в дальнейшем будут отделяться и приобретать индивидуальное развитие [Donald, 1976, p. 59]. ГП имеет форму периода с расширенным вторым предложением за счет имитаций темы нижним голосом. Первое предложение состоит из двух секвентных фраз по 2 такта (тональная секв. № 1) – 2 + 2. Второе – 4 такта (1 + 1 + 2) + 4 (1 + 1 + 2) завершается полным кадансом, приводящим к новому периоду – второй главной партии.

ГП2 вступает в свои права с 13-го такта – внезапным грохотом фанфар до-мажорного трезвучия. Фанфары – в виде арпеджио и ломаных октав. В тактах 15–16 они образуют нисходящую тональную секвенцию (№ 2) из 8 звеньев, которая во втором предложении обернется на модулирующую секвенцию (т. 19 – секвенционирование, № 2). Ярким и как будто реальным является этот образ трубного зова [Bloomberg, 2007, p. 11]. Разомкнутый период из двух предложений 4 + 4 построен по принципу переменной повторяемости. Не останавливаясь, ГП2 переходит в стремительное движение ритмического фона шестнадцатыми нижнего голоса. Так появляется связующая партия (С.П). Модуляция как таковая в ней отсутствует, но через 5 тактов нисходящим пассажем она останавливается на доминанте, которая благодаря этому вызывает ощущение устойчивости. Согласно принципам классицизма, композитор относится к ней, как к модуляции. Поэтому после генеральной паузы, согласно явлению тональности «мажоро-минора», начинается первая из двух побочных партий (ПП1) (т. 27–45) в тональности минорной доминанты к основной тональности – g moll.

Новая тема (т. 27–39) возникает нежными интонациями просьбы: краски минорных трезвучий, широкие построения (вместо коротких двухтактов ГП) [Kinderman, 2009, p. 66]. ПП1 состоит из двух периодов 12 + 8. Первый период – из двух предложений по 6 тактов (2+2+2). Нижний голос в тактах 29–32 образует нисходящую модулирующую секвенцию (секв. № 3). Второе предложение повторяет первое, начинаясь в тональности d moll. Оба предложения проходят серию отклонений (см. доп Б), выполняемых постепенным движением баса от «g» к «Gis». Каденция второго предложения приводит к новому

периоду в минор(т. 39-46). Ласковые интонации, сменяющиеся бегом шестнадцатых и акцентами, заставляют вспомнить о ГП и показывают, что Бетховен далек от следования простой механической антитезе [Kinderman, 2009, p. 69]. Структура периода – два предложения 4 + 4 (2 + 2). Каденция второго предложения (т. 45–46) модулирует в G dur и приводит к ПП2.

Мелодия ПП2 с чертами dolce целиком построена на движении по звукам аккордов, украшенных вспомогательными хроматизмами. Имеет форму периода из двух предложений 8 + 6, которые целиком выстроены на чередовании. Первое – 2+2 + 4 (т. 47–54) начинается тему в нижнем голосе, ее имитирует нижний. Второе – 2+2+2 (т. 55–60) продолжается предыдущей темой, которая теперь начинается в нижнем голосе, а затем имитируется верхним. Последние 2 такта – гармонический сдвиг в C dur – приводят к заключительной партии (ЗП). ЗП (т. 61–77) имеет форму 16-тактного периода из двух предложений (8 + 8), строящихся по 2 такта. Начинает свое движение в C dur, но уже через 2 такта меняется на G dur. Последние 2 такта первого предложения (т. 67–68) 1 + 1 строятся на точном повторении. Второе предложение 4 + 4 (т. 69–77) начинается как последовательность нисходящих аккордов в синкопированном ритме. Аккорды ведут свое происхождение из мотива «b» ГП1 [Donald, p. 55] и развиваются с помощью тональной секвенции (№ 4). Характерным моментом является появление во второй фразе увеличенного трезвучия до шестой ступени (т. 74), которая, приобретая свое разрешение, создает ощущение прерванной каденции [Harding, 1901, p. 39].

Вторая фраза строится из 4-х тактов 1+1+1+1. Переход на коду подчеркивается использованием в т. 76 эффекта ритмического торможения, когда после бега 16-х, спуска на синкопах и трехкратных восходящих арпеджио верхнего голоса – октавы до-ре-соль, разделенные паузами, воспринимаются подобно энергии, разбившейся о неизвестное препятствие. Кода в форме периода из двух предложений 4 + 10 (второе – с дополнением в 6 тактов). Первое заставляет вспомнить о ГП1 и является как бы ее отражением в расширенном ритме. Через 4 такта мотив «с» превращается в модулирующую секвенцию (№ 5) из 4 звеньев (т. 82–83), которая начинает модуляцию в G dur. После ритмичного торможения – снова возглас фанфарами ломаных октав и окончательное утверждение доминантной тональности. Так образовалась *трагическая экспозиция: с одной стороны – воинственная, героическая фанфарность, с другой – лирическая мягкость и нежность*. Обычные признаки бетховенского трагического героя здесь очевидны.

Небольшая по объему разработка открывается темой коды и быстро переходит в с moll с помощью моделирующей секвенции (№ 6) с размером звена – 2 такта. Второе звено секвенции – отклонение в f moll (т. 92–94). Следующее звено отделяет элемент темы «с» и образует собственную восходящую секвенцию (№ 5 – т. 95–96). За два такта она прерывается взрывом нового элемента сонаты – ломаных арпеджио (с т. 97) на D7 до Es dur, которые прекрасно передают *образ тревоги и смущения*. Этот эпизод из 12 тактов содержит энгармоническую модуляцию в тактах 103–104, которая приводит к фальшивой репризе в D dur [Shedlock, 1905, p. 31]. Это подчеркнуто басом, который поднимается по полутонам от B1 до Cis. Кажущаяся реприза (т. 109–129) начинается как точное повторение ГП1 в D dur. В т. 113–124 она превращается в две модулирующие секвенции. Первая (№ 7) – с длиной звена в 4 такта является развитием мотивов «a» и «b» по 2 + 2 такта. Пройдя гармонические G dur и C dur, третье звено секвенции завершается в f-moll. Следующая 4-тактная сборка имеет структуру 1 + 1 + 2 и включает в себя 2 звена секвенции (№ 8 – т. 125–126), с длиной звена в 1 такт [Shedlock, 1905, p. 37]. Используя в т. 128 энгармонизм ступеней III=IIIb f moll и G-dur, построение переходит в 10-тактный предикт к репризе на доминантной гармонии (т. 129–138).

Предикт имеет структуру периода из двух предложений 6 + 4. Первое построено на переключках темы ГП1 между Альтовым и теноровым голосами. Его структура 2 + 2 + 2 строится на принципе повторения. Второе предложение – нисходящая секвенция (№ 7')

мотива «а» из 7 звеньев, приводящего к репризе. Реприза динамическая, измененная за счет элементов разработки. Подобное стремление к преодолению механистичности репризы типично для Бетховена и не раз проявляется в других сонатах. В тактах 139–146 – ГП1 с новыми элементами в нижних голосах. ГП2 заменена новым развитием элемента «б» (т. 147–154) и имеет форму периода 4 + 4. Предложение построено за счет двух секвенций. Первая (секв. № 8) имеет три звена по 2 такта с отклонениями в C dur и F dur при третьем проведении меняет голоса местами и в т. 152, что должен был привести в D dur, обнаруживает свою доминантную функцию и отделяет секвенцию (№ 9). Эта секвенция приводит в G-dur (т. 153) и уже в следующем такте делает отклонения в F-dur. Такт 154 открывает раздел сонаты, который является точным повторением тем экспозиции с соответствующими для классического периода изменениями тональных планов: связующая партия – C dur, ПП1 – c-moll, ПП2 – G-dur.

Заключительная партия репризы в такте 218 прерывается сложной трехчастной кодой. Кода открывается ярким аккордом шестой пониженной ступени – ля-бемоль мажорным трезвучием. Это еще один из ярких примеров применения явления «мажоро-минора». Аккорд переходит в нисходящее ломаное арпеджио длиной в 4 такта и прерывается 10-тактовым эллипсисом из череды уменьшенных септаккордов в виде прямых арпеджио. Первая часть коды завершается импровизационного типа каденцией (т. 232). Длинный аккорд с фермой сменяется двумя секвенциями. Первая (№ 10) взлетает вверх, кульминацию этого движения подчеркнута новой фермой. Вторая (№ 7') поворачивается вниз, сужается к повторяющимся мотивам и в конце концов оказывается просто трелью. Трель выводит к очередной ферме, а далее – нисходящий пассаж ведет ко второму разделу коды, напоминающему новую репризу (т. 232 и далее).

Первые 4 такта повторяют ГП1. Следующие 12 тактов – новое развитие мотива «б» за счет буквального повторения и трех различных секвенций. После генеральной паузы начинается третий раздел коды (т. 249–258) – победные фанфары из аккордов и ломаных октав, которые уже неоднократно встречались. Этот раздел утверждает торжественное настроение сонаты. Главной мелодией этой части сонаты, ее движущей силой можно считать тему ГП1. Украшенная второй в терцию, ее вполне можно считать вокальной, инструментальная ее природа обличается лишь группой шестнадцатых и стаккато штрихом восьмых. Учитывая эти особенности, можно было бы полностью причислить подобную мелодию к разделу итальянского *bell canto* с их многочисленной мелизматикой и предпочтением разнообразных штрихов. Тем не менее, поданная в окружении многочисленных мелодических линий очевидно инструментального происхождения, она и сама окончательно утверждает соответствующий характер.

Основа мелодии, как уже упоминалось, – два мотива: «а» в диапазоне терции с горизонтальным типом движения, что в любых преобразованиях сохраняет свой вид; и «б», претерпевающая разнообразные изменения. В мотиве «а» половинная продолжительность контрастирует с группой шестнадцатых *legato*, которая напоминает трель, завершающуюся восьмыми *staccato*. Мотив «б» – два ярких аккорда доминантной гармонии изложены четвертными нотами. Основным средством развития становится повторность, секвенция и имитация. Мелодическая линия ГП2 движется преимущественно плавно по звукам аккордов и постепенно. В широком диапазоне двух октав она то стремительно взлетает вверх, то тяжело падает вниз. Мелодия связующей партии строится на вариантном повторении. Особенного характера ей придает восходящая трель на слабой доле, которая затем спадает вниз тридцать вторыми или секстолями, превращаясь в маленькую секвенцию из двух звеньев. В целом это напоминает пение маленькой птички – образ, к которому Бетховен еще не раз будет обращаться в своем творчестве (напр., в Сонате № 23 – «Авроре»). В мелодии ПП1 преобладает волнообразное движение.

Группетто, форшлаг, прыжок на сексту, нисходящая м2 с последующим 4-кратным повторением VII ступени гармонического минора – все это придает мелодии *печальный*,

вопросительный характер. Следующие 4 такта воспринимаются как ответ и сочетают в себе разнообразные виды движения: волнообразность и плавность, а также заполнение прыжков. Мелодическая линия ПП2 строится на подъеме по звукам аккордов в виде ломаного арпеджио, украшенного вспомогательным хроматизмом и плавного спуска вниз. В последнем построении (т. 56–59) тема обогащается мордентом, который будто призван, компенсировать недостаток ноты на сильной судьбе. Заключительная партия, строящаяся на материале главной, закрывает экспозицию и основной круг мелодических линий первой части сонаты. Основным строем всех частей сонаты является мажор, главной тональностью – до мажор, который издавна считается самой светлой тональностью и лучше всего соответствует торжественному, концертному характеру сонаты. Именно она является ведущей тональностью части, которая, однако, чаще всего делит свое господство с тональностью доминанты – соль мажором. Тем большее значение при этом приобретают отклонения и модуляции как средство развития и изменения образа.

Так, разработка и первый раздел коды схожи по принципу построения на интонационной игре разноцветных гармоний. Опираясь на волнообразные арпеджио, эти разделы создают впечатление свободного импровизационного характера и ощущения интермедийности. Во всех остальных главах сонаты легко прослеживается типичный для классической эпохи принцип четкого чередования устойчивости с неустойчивостью примерно в равном отношении. Воплощается это за счет взаимодействия тонической и доминантной гармоний.

Особое выразительное значение в музыке Бетховена приобретает метро-ритм. Основные длительности, используемые в данной части сонаты, тесно связаны по характеру тем. Так, чеканный ритм ГП1 сразу заставляет прислушиваться, а пауза длительностью в полутакт привносит элемент ожидания. Стремительность ГП2 и ее торжественность всецело связаны с бегом 16-х верхнего голоса и фанфарными интонациями 8-х нижнего голоса. Укрупнение длительностей к движению восьмыми в побочных партиях подчеркивает кантиленную их природу и лиризм. Наряду с типичными ритмическими группами половинок, четвертей, восьмых и шестнадцатых, встречаются отдельные группы тридцать вторых (т. 21, 232), секстолей в связующей партии (т. 24), а также триолей в ГП1 (т. 8) и ЗП (т.73–75).

Одним из наиболее характерных элементов ритмики Бетховена является использование синкопы. Уже с 5-го такта в виде паузы на сильной доле в нижнем голосе вступает в права этот аспект музыки композитора. В следующих тактах темы впечатление от синкоп усиливается динамическим подчеркиванием слабой доли. Пауза на слабой доле появляется во второй ПП (т. 56–59) и репризе (т. 153–154). Первая сложная синкопа, продолжающаяся 2 такта, встречается в Нижнем голосе ГП1 (т. 11–13) и ведет к появлению ГП2 (т. 13). ГП2 в свою очередь также завершается использованием внутритактовой синкопы, готовя связующую партию (т. 20). Сложные синкопы встречаются на грани построений ПП1 (т. 31–32 и 37–38). Также очень характерным является использование синкопирующего ритма аккомпанемента при развитии мотива «b», например, в ЗП (т. 69–76). Более сложным становится этот элемент в разработке (т. 115–28), где сочетание внутритактовых синкоп нижнего голоса с межтактовыми верхнего образует причудливую игру ритма и метра. Подобный прием будет использован в коде (т. 237–240).

Для Бетховена как представителя классического направления характерным является гомофонно-гармонический состав музыкального мышления. В данной сонате он представлен разнообразными видами фактуры. ГП1 сочетает в себе элементы «педали» в первом такте с аккордовой фактурой во втором. Далее происходит усложнение фактуры за счет вступления новых голосов, которые в тактах 12 и 20 образуют удержанные звуки в гармонии. Связующая партия развивается на фоне типичной для классического периода аккордовой фигурации, а заканчивается нисходящим пассажем гаммо-подобных октав. Первая ПП – на фоне новой аккордовой фигурации в т. 39 заменяется трехголосной фак-

турой гитарного изложения. ПП2 полна имитаций и выдержанных аккордов аккомпанемента. ЗП вносит новые фактурные элементы в виде аккордовой фактуры и октавных унисонов. В разработке (т. 97–108) и коде (т. 222–231) верхний голос движется аккордовыми фигурациями на органном пункте. Подобный прием использован в разделе на доминантном предикте (т. 129–139) в четырехголосном изложении.

Музыка Бетховена – это музыка контрастов образных, жанровых, гармонических, ритмических, мелодических, а также динамических. Именно в резких (*subito*) контрастах *pp* и *ff* и *sf* можно усматривать ключ к пониманию бетховенских идей. Например, таинственное *pp* может прерываться резким *sf* нового элемента (с т. 97). Подъем баса по полутонам и постоянное *sf* аккордов вызывают ожидание дальнейшего увеличения напряжения, которое, несмотря на доминантную гармонию тактов 107–108, превращается в неожиданное *calando*, готовящее появление фальшивой репризы. Важным является сопоставление упоминаемого элемента с эллипсисом (т. 222–231) в динамическом аспекте. Несмотря на сходство фактурных и мелодических элементов, динамика обличает совершенно противоположные смыслы этих построений. Резкое *sf* разработки в коде представляет *pp*. В дальнейшем развитии коды динамика вполне соответствует апофеозному характеру музыки. И часть сонаты ор. 2 № 3 имеет концертный характер. Это подтверждается комплексным анализом средств выразительности: темп-*Allegro con brio*; большое количество токатных элементов; блестящие пассажи; яркая аккордовая и октавная техника; наличие виртуозной каденции в конце репризы. Особенности формы: две ПП, две ГП; наличие большой сложной коды: использование многоточия.

Главные средства развития мелодической линии: использование секвенций; повторяемость; мотивная разработка. Яркая черта сонаты – наличие явлений «мажоро-минора»: трезвучие VI ступени в *C dur*; переход в тональность *g moll* с *C dur*. Особенности метро ритма: использование большого количества синкоп; наличие особых групп ритмического деления: триоли, секстоли. Отличительной чертой бетховенской мелодики является широкое использование мелизмов в качестве мотивно-значимых элементов. В данной части сонаты они представлены: форшлагами; группетто; мордентами; трелями. Чаще всего композитор использует их в лирических разделах, в данном случае – в побочных партиях.

Значимым средством выразительности музыки Бетховена является контрастность динамических оттенков: сопоставление *ff* и *pp*; использование неожиданного каландо; большое количество *sf*, заостряющих трагическое звучание композиции.

Выводы

Таким образом, семиотический анализ бетховенской сонаты показал, что целостная структура музыкального произведения и ее отдельные элементы транслируют семантику и символику трагического мироощущения в рамках его романтической специфики. В процессе анализа семантики трагического выявлено несколько уровней музыкальной поэтики в индивидуальном стиле композитора: 1) семантический – как анализ значений, а порой и содержания элементов музыкального языка с предоставлением им дополнительной семантики, специфической в каждом отдельном случае; 2) эстетический – как селекция средств выразительности и комплектация компонентов содержания, обусловленных трагическим миропереживанием: особая фортепианная фактура, динамика и другие авторские ремарки; 3) символический – как придание элементам музыкального произведения значений, моделирующих трагическое миропереживание.

В результате анализа интонационных структур отдельных произведений Бетховена сделан вывод о том, что главным принципом воплощения трагического мироощущения в них стал принцип гармонического контраста образных жанровых, гармонических, ритмических, мелодических структур. Семиотический анализ музыки можно считать одним из важнейших эстетических методов, который следует применять при исследовании музыкальных произведений, в частности их экзистенциально-психологического содержания.

Список литературы

- Акопян Л.О. 1995. Анализ глубинной структуры музыкального текста. М., Практика. 256 с.
- Альшванг А. 1966. Людвиг ван Бетховен. Очерк жизни и творчества. М., Музыка, 630 с.
- Арановский М.Г. 1998. Музыкальный текст: Структура и свойства. М., Композитор. 341 с.
- Асафьев Б.В. 1971. Музыкальная форма как процесс. Л., Музыка, 207 с.
- Бонфельд М.Ш. 2007. Семантика музыкальной речи. Музыка как форма интеллектуальной деятельности. М., URSS: 82–120.
- Гончаренко С.С. 1993. Зеркальная симметрия в музыке. Новосибирск. 234 с.
- Гончаренко С.С. 2014. К вопросу о двойном финале в Квартете № 13 Бетховена. *Вестник музыкальной науки*, 2(4): 52–60.
- Денисенко Г.В. 2012. Семиотические аспекты исследований музыкальной культуры. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 1-2: 242–247.
- Кириллина Л.В. 2009. Бетховен. Жизнь и творчество. В 2-х томах. М., Московская консерватория.
- Кириллина Л.В. 2021. Бетховен: выражаемое и невыразимое. *Вестник Саратовской консерватории. Вопросы искусствознания*, 1(11): 43–50.
- Кириллина Л.В. 2010. Поздний стиль Бетховена: художник и эпоха. Культура, эпоха и стиль. В кн.: Классическое искусство Запада. Сб. статей в честь 70-летнего юбилея М.И. Свицкерской. М., Галарт: 146–173.
- Кремлев Ю. 1970. Фортепианные сонаты Бетховена. Изд. 2-е М., Советский композитор, 335 с.
- Лосев А.Ф. 1995. Форма. Стиль. Выражение. М., Мысль: 5–320.
- Медушевский В.В. 1976. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки. М., Музыка. 256 с.
- Стогний И.С. 2013. Коннотативные свойства музыкального текста. М., РАМ им. Гнесиных. 224 с.
- Харлап М.Г. 1971. Ритмика Бетховена. В кн.: Бетховен. М., Музыка: 370–421.
- Bloomberg C. 2007. Beethoven's Piano Sonatas: An Analysis of Compositional Trends from 1795–1822 – WC: Advisor School of Music College of Liberal Arts, 44 p.
- Donald F. 1976. Companion to Beethoven's Pianoforte Sonatas: Analysis L.: The Associated board of the Royal Schools of Music, 298 p.
- Harding H.A. 1901. Analysis of form in Beethoven sonatas. L., Novello, 87 p.
- Kinderman W. 2009. Beethoveen. NY., Oxford press, 414 p.
- Reinecke Carl. 1912 Die Beethovenschen Klaviersonaten. Briefe an eine Freundin, Leipzig, 126 p.
- Shedlock J.S. 1905 Beethoven. L., G.Bell & Sons, 60 p.

References

- Akopyan L.O. 1995. Analysis of the deep structure of a musical text. M., Publ. Praktika. 256 p. (in Russian).
- Alshwang A. 1966. Ludwig van Beethoven. An essay on the life and work. M., Publ. Music, 630 p. (in Russian).
- Aranovsky M.G. 1998. Musical text: Structure and properties. M., Publ. Composer. 341 p. (in Russian).
- Asafyev B.V. 1971. Musical form as a process. L., Publ. Music, 207 p. (in Russian).
- Bonfeld M.S. 2007. The semantics of musical speech. *Music as a form of intellectual activity* : [collection of articles]. M. Publ. URSS: 82–120.
- Goncharenko S.S. 1993. Mirror symmetry in music. Novosibirsk. 234 p. (in Russian).
- Goncharenko S.S. 2014. On the question of the double finale in Beethoven's Quartet No. 13. *The Bulletin of Musical Science*, 2(4): 52–60.
- Denisenko G.V. 2012. Semiotic aspects of musical culture research. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 1-2: 242–247.
- Kirillina L.V. 2009. Beethoven. Life and creativity. In 2 volumes. M., Moscow Conservatory.
- Kirillina L.V. 2021. Beethoven: the expressible and the inexpressible. *Bulletin of the Saratov Conservatory. Questions of art history*, 1(11): 43–50.
- Kirillina L.V. 2010. Beethoven's Late Style: the Artist and the Epoch. Culture, epoch and style. Classical art of the West. Collection of articles in honor of the 70th anniversary of M. I. Sviderskaya. M., Publ. Galart: 146–173 (in Russian).
- Kremlev Yu. 1970. Beethoven's Piano Sonatas. 2nd Editionю M., Publ. Soviet Composer, 335 p. (in Russian).

- Losev A.F. 1995. Form. Style. Expression. M., Publ. Thought: 5–320 (in Russian).
Medushevsky V.V. 1976. On the patterns and means of the artistic effect of music. M., Publ. Music, 256 p. (in Russian).
Stogniy I.S. 2013. Connotative properties of a musical text. M., Publ. Gnesin RAM. 224 p. (in Russian).
Kharlap M.G. 1971. Beethoven's rhythmic. In: *Beethoven. Collection of art.* M., Publ. Music: 370–421. (in Russian).
Bloomberg C. 2007. Beethoven's Piano Sonatas: An Analysis of Compositional Trends from 1795–1822: Advisor School of Music College of Liberal Arts, 44 p.
Donald F. 1976. Companion to Beethoven's Pianoforte Sonatas: Analysis L.: The Associated board of the Royal Schools of Music. 298 p.
Harding H.A. 1901. Analysis of form in Beethoven sonatas. L., Publ. Novello. 87 p.
Kinderman W. 2009. Beethoveen. NY., Publ. Oxford press. 414 p.
Reinecke Carl. 1912. Die Beethovenschen Klaviersonaten – Briefe an eine Freundin, Leipzig. 126 p.
Shedlock J.S. 1905. Beethoven. L., Publ. G.Bell & Sons. 60 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.07.2023

Поступила после рецензирования 18.10.2023

Принята к публикации 30.08.2023

Received July 18, 2023

Revised October 18, 2023

Accepted August 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ткач Наталия Валентиновна, старший преподаватель Луганской государственной академии культуры и искусств им. М. Матусовского, г. Луганск, Луганская Народная Республика, Россия.

Аотгенхуар, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nataliia V. Tkach, Senior Lecturer at the Matusovsky Lugansk State Academy of Culture and Arts, Lugansk, Luhansk People's Republic, Russia.

Aotgenhuar, graduate student at the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESIS

УДК 241.523

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-850-860

Угрозы формированию национально-религиозной идентичности российской молодежи

Рудь И.С., Липич В.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308009, Белгород, ул. Преображенская, 78
ilya.rud.2013@mail.ru

Аннотация. Национальная и религиозная идентичности членов общества являются условием сохранения духовно-нравственных ценностей, исторической памяти и традиций, лежащих в основе государственности. Формирование национальной и религиозной идентичности российской молодежи XXI века требует внимания со стороны как государственных, общественных и религиозных деятелей, так и научного сообщества. Цель исследования заключается в актуализации данного вопроса путем анализа сегодняшних внутренних и внешних угроз духовно-нравственному и патриотическому воспитанию молодого поколения. В работе раскрыты понятия национальной и религиозной идентичности. Показано, что своевременное формирование этих качеств является ключевым фактором и необходимым условием предотвращения духовно-нравственного и культурного упадка в молодежных кругах, разжигания национальной розни и распада Российской Федерации. В результате исследования выявлена актуальность внутренних (религиозный экстремизм, фейковый и негативный контент в средствах массовой информации и Интернете, низкий уровень воспитания и образования) и внешних (санкционное давление, вмешательство западных идеологов во внутренние дела нашей страны и в процессы воспитания молодежи) угроз формированию национальной и религиозной идентичности российской молодежи; акцентировано внимание на государственных механизмах противодействия этому явлению. Сделан вывод о том, что только через сознательное и активное информационно-аналитическое воспитание молодежи можно защитить Россию от внешних влияний и сохранить ее идентичность и ценности для будущих поколений.

Ключевые слова: начало XXI века, национальная идентичность, религиозная идентичность, религия, духовные ценности, историческая память, патриотизм, внешние и внутренние угрозы

Для цитирования: Рудь И.С., Липич В.В. 2023. Угрозы формированию национально-религиозной идентичности российской молодежи. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 48(4): 850–860. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-850-860

Threats to the Formation of National-Religious Identity of Russian Youth

Ilya S. Rud, Vasily V. Lipich

Belgorod State National Research University,
78 Preobrazhenskaya St, Belgorod 308009, Russian Federation
ilya.rud.2013@mail.ru

Abstract. The national and religious identity of the members of society is a condition for the preservation of spiritual and moral values, historical memory and traditions underlying statehood. The formation of the national and religious identity of the Russian youth of the XXI century requires attention from both state,

© Рудь И.С., Липич В.В., 2023

public and religious figures and the scientific community. The purpose of the study is to actualize this issue by analyzing today's internal and external threats to the spiritual, moral and patriotic education of the younger generation. The paper reveals the concepts of national and religious identity. It is shown that the timely formation of these qualities is a key factor and a necessary condition for preventing spiritual, moral and cultural decline in youth circles, inciting national discord and the disintegration of the Russian Federation. As a result of the study, the relevance of internal (religious extremism, fake and negative content in the media and the Internet, low level of upbringing and education) and external (sanctions pressure, interference of Western ideologists in the internal affairs of our country and in the processes of educating young people) threats to the formation of national and religious identity of Russian youth is revealed; attention is focused on state mechanisms of countering this phenomenon. It is concluded that only through conscious and active information and analytical education of young people it is possible to protect Russia from external influences and preserve its identity and values for future generations.

Keywords: beginning of the XXI century, national identity, religious identity, religion, spiritual values, historical memory, patriotism, external and internal threats

For citation: Rud I.S., Lipich V.V. 2023. Threats to the Formation of National-Religious Identity of Russian Youth. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 850–860 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-850-860

Введение

Вопрос формирования и сохранения национальной и религиозной идентичности российской молодежи начала XXI века продолжает быть актуальным для многих российских исследователей в области теологии, философии, правоведения, политологии, культурологии, психологии, педагогики, а также государственных деятелей, представителей различных общественно-патриотических организаций и религиозных деятелей. Это объясняется тем, что в России после 90-х годов XX века – периода «разрушения духовного единства нашего общества, стирания жизненных ориентиров молодежи и деформации традиционных для России норм и нравственных установок» [Данилюк, Кондаков, Тишков, 2009, с. 4], а также в условиях прежнего существования, указанных в данной работе внутренних и внешних угроз, углубляются процессы духовно-нравственного и патриотического воспитания российской молодежи. По мнению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, «если весь наш народ, народ исторической России сможет сопрягать небесное и земное, Божественное и человеческое, веру и знания, нравственность и проявления человеческой личности в социуме, мы будем сильнее всякого кризиса. Но если снова соблазнимся на очередные «-измы», на очередные псевдофилософии, которые в этом информационном потоке обрушиваются на нас знаменем постмодернистской реальности, то, может быть, страна этого уже и не выдержит»¹. Так, именно данные виды воспитания, согласно мнению Патриарха, помогают сформировать успешное будущее и для самой молодежи, и для самого государства.

По мнению многих современных отечественных философов (Т.С. Прониной [2015], В.Н. Бадмаева [2005], П.Л. Зайцева [2017]), историков (Т.Г. Чекменевой, А.А. Прибыткова [2020], О.В. Вольтер [2020]), религиоведов (М.В. Федоровой [2016], С.Д. Батомункуева [2018]), политологов (В.В. Титова [2016], Е.И. Бурковой [2021]), психологов (К.Г. Туаевой [2014], М.Т. Хасхановой [2019]) преодолению внешних и внутренних угроз духовно-нравственному и патриотическому воспитанию способствует формирование ключевых для жизни человека и общества типов идентичности, которые составляют основу как воспитания личности человека, так и существования и развития общества. К ним можно отнести именно религиозную идентичность и национальную идентичность.

¹ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на встрече с молодежью в рамках XIII Всемирного русского народного собора. 2009. Официальный сайт Московского Патриархата URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/653345.html> (дата обращения: 06.09.2023).

Важно отметить, что вопрос формирования идентичности личности или групповой идентичности (например, трудовой, религиозной и национальной) — это многоаспектная проблема, интерес к которой продолжает сохраняться на протяжении всей истории научной мысли. Различные дисциплины изучают эту проблему с учетом своих теоретических и методологических подходов, что позволяет получить более полное понимание этого явления, а также разработать новые механизмы или улучшать проверенные временем прежние механизмы формирования идентичности.

Для определения актуальности существующих внешних и внутренних угроз формированию национальной и религиозной идентичности современной российской молодёжи в данном исследовании были использованы отечественные научные работы, российские законодательные акты, информация из отечественных новостных источников.

Понятия «идентичность», «национальная идентичность» и «религиозная идентичность» в научно-исследовательской литературе

В первую очередь необходимо отметить, что как для одного человека, так для группы людей или всего общества идентичность является основой саморазвития, самопонимания и самоопределения. Идентичность личности относится к осмысленному осознанию и ощущению каждым человеком собственной индивидуальности и уникальности. Идентичность включает в себя ее внутренние частности, такие как ценности, убеждения, интересы, желания, способности. Она формируется в результате самоопределения и процессов самоосознания, а также взаимодействия индивидуума с окружающей средой и культурой. Личность, которая смогла сформировать свою идентичность благодаря различным детерминантам (семья, образование и воспитание, патриотизм, история страны, религия), а также под влиянием собственных убеждений, интересов и опыта, сможет ответить на вопрос «Кто я?».

Идентичность общества относится к значениям, нормам, установкам и культурным особенностям, которые характеризуют его специфику. Она определяет то, что является общим для всех его членов и объединяет их в рамках определенной культурной, религиозной, этнической, социальной или национальной группы. Идентичность общества формируется и поддерживается процессами социализации и включает в себя регулирующие нормы и ожидания, ролевые стереотипы, ценности и традиции. Общество с сформированной групповой идентичностью даст ответ на вопрос «Кто мы?». Идентичность формируется на основе главных для данного общества ценностей, таких как, к примеру, семья, образование, религия, национальные традиции, культура, история. По мнению американского исследователя Э. Эриксона, который в середине XX века ввел в научный оборот термин «идентичность», достижение идентичности является важным шагом в развитии зрелой личности, и позволяет человеку ощущать себя уверенным и связанным с другими людьми и социальной действительностью [Эриксон, 1996, с. 12].

Одним из ключевых типов идентичности для воспитания человека и общества является национальная идентичности, которая, определяется, как результат осознание и принятие собственной принадлежности к определенной нации, этносу или государству. Она включает в себя чувство патриотизма, уважения к своей стране, культуре, языку, истории и обществу. Национальная идентичность может формироваться через язык, религию, общие традиции, обычаи, историческое наследие и генеалогическую принадлежность. Национальная идентичность может быть важной основой для формирования личности и человеческого общества.

Согласно исследованию Л.Р. Валилаевой и Н.Р. Абдуллаевой, «национальная идентичность или национальное самосознание – одна из составляющих идентичности человека, связанная с ощущаемой им национальной или этнической принадлежностью. Хотя национальная идентичность не тождественна понятиям национальности или гражданства, они могут быть факторами, оказывающими на нее сильное влияние. По воздействию национальной идентичности, общность людей превращается в общность национальную, способ-

ную отличать себя от «чужих» и создать собственную культуру, систему моральных и общественных ценностей, культурных норм и идеалов» [Валилаева, Абдуллаева, 2020, с. 27].

Национальная идентичность в России имеет особую значимость, так как страна является многонациональной и многокультурной. Российская национальная идентичность включает в себя осознание принадлежности к русскому народу, а также уважение и признание других этнических групп, составляющих многообразие страны. Законодательная и политическая система страны обеспечивает защиту прав и свобод различных этнических групп, межэтническую толерантность и равенство перед законом.

Другим ключевым типом идентичности является религиозная идентичность. Религиозная идентичность — это осознание и признание человеком или обществом своей религиозной принадлежности и активное участие в религиозных обрядах, практиках и верованиях своей религиозной традиции. Религиозная идентичность может быть культурной, социальной, семейной или индивидуальной. С помощью религиозной идентичности люди формируют свое миропонимание и ценности, определяют свое место в обществе и роль в нем. Она обуславливает ключевые принципы морали, этики, общественной ответственности и личностного развития. Религиозная идентичность может служить основой для социальной идентичности. Подчеркнем, что именно религиозная идентичность стала первым и основным видом идентификацией Российского государства, которая смогла сплотить народ и по-прежнему играет ведущую роль в развитии национального самосознания России. В России религия играет значительную роль в формировании идентичности как личности, так и общества в целом. Официально в России существует множество религиозных конфессий, включая православие, ислам, индуизм, буддизм и различные верования малых народов нашей страны.

По определению современного философа В.И. Ивлевой, «религиозная идентичность — это результат процесса осознания индивидом себя как носителя определенного религиозного сознания, степень отождествления себя с определенной религиозной группой и одновременно обособление от представителей других религий. Религиозная идентичность конструируется религиозным сознанием и в дальнейшем отражается в религиозном поведении индивида. Так, например, неприятие определенных религиозных правил и норм приводят к конфликту в сознании и поведении верующего человека, который провоцирует кризис идентичности. Это, в свою очередь, становится спусковым механизмом для освоения индивидом новых ценностей, а следовательно, формирования ложной религиозной идентичности» [Ивлева, 2017, с. 27].

Таким образом, можно констатировать, что национальная и религиозная идентичность играют важную роль в развитии российской молодежи начала XXI века, так как они помогают формировать личность человека, его духовно-нравственные качества, основанные на традиционных ценностях, историческую память и чувство гордости за свою страну.

Внешние и внутренние угрозы формированию национальной и религиозной идентичности и противодействие им со стороны Российского государства

На протяжении последних 30 лет руководители западных стран открыто ведут борьбу против России не только с целью подмены традиционных духовно-нравственных ценностей и национальной и религиозной идентичности российской молодежи на западные ценности и идентичность, но и с целью полного распада России на большое количество «национальных государств». Для этого они на официальном уровне сотрудничают с запрещенными в России сепаратистскими движениями, признанными в нашей стране экстремистскими организациями. К примеру, 31 июля 2023 года в здании европарламента в Брюсселе (Бельгия) прошел так называемый «Пятый форум свободных народов пост-России», в котором принимали участие как бывшие российские политики (например, бывший депутат Государственной думы РФ И.В. Понамарев, входящий в перечень экс-

тремистов и террористов Росфинмониторинг¹) и представители национальных сепаратистских организаций, так и политики европейского уровня (например депутат Европарламента Анна Фотыга от фракции Европейских консерваторов и реформистов). Согласно информации сайта «Мировой кризис – хроника и комментарии», «форум поднял проблему «освобождения угнетенных наций, регионов» на высший уровень и заставил многих в Европе и мире говорить о «деколонизации России» как о неизбежной перспективе. Участники форума свободных народов пост-России приняли общую декларацию. Также представители пяти регионов России (Урала, Калининградской области, Ленинградской области, Сибири и Кубани) объявили о начале подготовки «референдума» за свою независимость»². На наш взгляд, проведение подобных мероприятий, в которых принимаются решения об отделении территорий страны, является именно попыткой отчуждения части территории нашей страны, которая, согласно пункту 2.1 статьи 67 Конституции РФ, не допускается, так как «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности»³.

С момента распада СССР и отказа России от коммунистической и атеистической идеологии руководство западных стран активно работают над разрушением нашей страны. Особое внимание они уделяют молодежи. Согласно пункту 1 статьи 2 Федерального закона № 489-ФЗ от 30.12.2020 «О молодежной политике в Российской Федерации», «молодежь, молодые граждане – социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно (за исключением случаев, предусмотренных частью 3 статьи 6 настоящего Федерального закона), имеющих гражданство Российской Федерации»⁴. Именно молодежь, по мнению Президента Российской Федерации В.В. Путина⁵, чаще всего считается уязвимой категорией для манипуляции сознанием, так как она обычно более восприимчива к поиску идентичности (в том числе национальной и религиозной идентичности), ищет признания и ищет смысл своей жизни.

Сегодня, для манипуляции сознанием молодежи они активно используют средства массовой информации, такие как телевидение, журналы и реклама, а также интернет-ресурсы, включая социальные сети (ВКонтакте), мессенджеры (Телеграмм, запрещенный в России Инстаграм), видеохостинги (YouTube, TikTok) и новостные сайты, который стал не только хорошим средством для воспитания и формирования идентичности, но и удобной площадкой, чтобы манипулировать сознанием молодых людей. К сожалению, чаще всего СМИ и интернет-ресурсы используются именно для насаждения отрицательной информации, включая жестокость, насилие, безнравственность в обществе, экстремизм (в том числе и религиозный), терроризм, суицид, экономические проблемы, пропаганду наркотиков и психотропных веществ, все возможные фейки для разжигания ненависти против нашей страны, власти и народа. В.Г. Газзаев на заседании совета по межнациональным отношениям в 2021 году указывал о деятельности многих интернет-ресурсов на разрушения традиционных ценностей и основ воспитания нашей молодежи из-за пропаганды вышеуказанных отрицательной информации и контента, альтернативой которых должны быть образование, патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи⁶. На наш взгляд, целью такого массового распространения отрицательного контента

¹ Перечень экстремистов и террористов. 2023. Росфинмониторинг URL: <https://fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act> (дата обращения: 06.09.2023).

² Форум свободных народов в Брюсселе: солидарность с Украиной, диалог с ЕС и начало референдумов. 2023. Мировой кризис – хроника и комментарии URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/4229991> (дата обращения: 06.09.2023).

³ Конституция Российской Федерации. 2020. Президент России URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item> (дата обращения: 15.09.2023).

⁴ Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» 2023. Президент России URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 15.09.2023).

⁵ Путин назвал молодежь наиболее уязвимой категорией для экстремистов. 2023. РИА Новости URL: <https://ria.ru/20230228/ekstremizm-1854871062.html> (дата обращения: 15.09.2023).

⁶ Заседание Совета по межнациональным отношениям. 2021. Президент России URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65252> (дата обращения: 15.09.2023).

в России является разрушения традиционных ценностей и морали, исторической памяти, религиозной и национальной идентичности [Рудь, 2022, с. 4].

За последние пять лет количество угроз, направленных и против национальной и религиозной идентичности молодежи, и против всей России не только не изменилось, но и в условиях внешнего давления западных стран на Россию увеличилось. Глава временного комитета Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации по защите государственности и предотвращения вмешательства в дела России А.А. Климов отмечал, что «наши иностранные оппоненты беззастенчиво эксплуатируют отсутствие у части молодых людей глубоких знаний и должного жизненного опыта. Попытки деструктивного воздействия извне на российскую молодежь за минувшие 3–5 лет существенно возросли, приняли агрессивный характер»¹. Именно поэтому необходимы меры для защиты традиционных ценностей и морали, нашей истории и культуры от негативного влияния, а также для формирования и сохранения религиозной и национальной идентичности, развития и существования России в будущем. В противном случае молодежь сформирует ложную идентичность на основе либеральных ценностей и норм западной толерантности, которые противоречат российским традиционным духовно-нравственным ценностям, нормам, и враждебно настроенную по отношению к традиционным для России конфессиям, исторической памяти и культуре нашей страны. В результате единство России может быть разрушенным, а традиционные нормы и ценности нашего многонационального народа будут уничтожены.

Первая угроза формированию национальной идентичности российской молодежи – это активное распространение ложного и запрещенного контента в СМИ и особенно во всемирной сети Интернет, который направлен на подрыв духовно-нравственного воспитания и идентичности молодежи. Так, по мнению И.А. Акимова, роль современных СМИ и Интернета неоднозначно. С одной стороны, для человека они открывают невиданные возможности по получению огромного потока информации, но с другой стороны, «они способны сформировать «новую реальность», далекую от реальности, создавая иллюзию участия и сопричастности к событиям и явлениям в мире и обществе. Это приводит к тому, что человек начинает мифологически воспринимать мир. Но миф способен и обогатить духовный мир человека, и разрушить его. Мифология массового потребления, ненависти к людям, эгоизма, космополитизма и развлечений, агрессивно насаждаемая СМИ и Интернетом, разрушает духовный мир личности. Через средства массовой коммуникации индивид проникается иллюзией собственной просвещенности и исключительности. Фрагментарность предлагаемой реальности порождает «лоскутную» и неустойчивую идентичность» [Акимов, 2022, с. 12].

С массовым распространением запрещенной и искаженной информации или «фейков» работа по манипулированию сознанием молодежи, неспособной анализировать информацию, сильно упростилась. Сегодня популярными площадками получения информации для молодежи стали социальные сети и мессенджеры. Как отмечается в работе Е.С. Абрадовой и Е.В. Кисловской, «самой популярной сетью среди молодежи от 14 до 22 лет (100 % опрошенных) стала ВКонтакте» [Абрадова, Кисловская, 2018, с. 151]. Молодежи, принадлежащей к поколению «Z» (родившиеся с 1995 по 2010 годы), которые формируют свою идентичность с помощью интернета, на наш взгляд, легче донести информацию, подрывающую безопасность и основы национального единства народов России, духовно-нравственное воспитание и формирование религиозной и национальной идентичности.

С целью защиты российской молодежи от негативного влияния СМИ и Интернета действуют следующие нормативные акты: Федеральный закон № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их

---

¹ Климов заявил об усилении влияния извне на российскую молодежь 2021. Парламентская газета URL: <https://www.pnp.ru/politics/klimov-zayavil-ob-usilenii-vliyaniya-izvne-na-rossiyskuyu-molodezh.html> (дата обращения: 17.09.2023).

здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ от 28.07.2012, Федеральный закон № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»² от 18.03.2019, которые призваны обеспечить информационную безопасность российской молодежи. Важно проводить просветительскую работу среди молодежи, чтобы они понимали и принимали моральные и духовно-нравственные ценности, культуру и историю нашей страны. Также необходимо обучать их критическому мышлению, чтобы они могли распознавать фейковые новости и манипуляции. Для этого общеобразовательные учреждения должны активно использовать современные средства коммуникации, такие как социальные сети и видеохостинги, чтобы предоставлять им правдивую информацию о нашей стране, ее истории и ценностях. Важно поддерживать национальные и религиозные традиции, чтобы молодежь чувствовала себя частью нашего народа и страны. Только через сознательное и активное информационно-аналитическое воспитание молодежи, можно защитить нашу страну от внешних влияний и сохранить ее идентичность и ценности для будущих поколений.

Еще одна угроза формированию национальной и религиозной идентичности – религиозный экстремизм в молодежной среде, а также распространение новых религиозных объединений деструктивного характера. Необходимо уточнить, термин «экстремизм», в соответствии с № 1 статьи 282 Уголовного кодекса РФ, это «действия, направленные на возбуждение ненависти, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо сети Интернет»³. Особую опасность несет такой вид экстремизма, как религиозный экстремизм. Данный вид экстремизма напрямую угрожает национальной безопасности и духовно-нравственным основам нашей страны, так как связан с деятельностью новых религиозных объединений деструктивного характера или другими организациями и объединениями, осуществляющими экстремистскую деятельность на основе религиозной идеологии. Данная идеология выражается в призывах к религиозной нетерпимости и осуществлению противоправных деяний по религиозному признаку. На сентябрь 2023 года в России, согласно перечню террористов и экстремистов по данным Росфинмониторинга, «были призваны в качестве экстремистов 547 организаций и 13 577 физических лиц»⁴. Также за январь – сентябрь 2023 года, поданным МВД России «зарегистрировано 1020 преступлений экстремистского характера» [Состояние преступности в России, 2023, с. 4].

С массовым развитием СМИ и Интернета представителям экстремистских организаций стало проще внушить свою идеологию молодым людям, которые по какой-то причине еще не определились с целями в жизни и находятся в процессе становления как личность. Отечественный исследователь А.К. Рузавина в своей работе подчеркивала, что экстремистские организации, распространяя информацию через СМИ и Интернет как массовый и молниеносный источник распространения информации, применяют следующие формы: «использование непроверенной информации или информации из недостоверных источников; публикация материалов с яркой ангажированностью автора в сторону экстремизма;

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.07.2012 N 139-ФЗ (последняя редакция) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133282/ (дата обращения: 10.04.2023).

² Федеральный закон «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 18.03.2019 N 31-ФЗ (последняя редакция) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320401/ (дата обращения: 10.04.2023).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 14.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d350878ee36f956a74c2c86830d066eafce20149/ (дата обращения 16.04.2023).

⁴ Перечень террористов и экстремистов (весь список). 2023. РОСФИНМОНИТОРИНГ URL: <https://fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act> (дата обращения: 17.09.2023).

использование материалов критикующее органы государственной власти, подвергая сомнению из действия по борьбе с экстремизмом, которые авторы данных материалов называют неоправданно жестокими и нарушающие права человека; заброс экстремисткой информации в социальные сети, трансляция запрещённой экстремисткой символики; прямое цитирование изречений тех лиц, чьи действия были призваны экстремистскими» [Рузавина, 2021, с. 27–29]. По нашему мнению, молодежь, впитавшая данную идеологию, не только полностью потеряет свою национальную и религиозную идентичность, связь с обществом и государством, но и будет стремиться разрушить страну и традиционные верования народов России. Подчеркнём, что поданным официальной статистике МВД России, «96,8% преступлений экстремистского характера совершается молодыми людьми мужского пола 16-30 лет» [Буданов, Колесников, 2022, с. 140].

Для защиты национальной безопасности страны от распространения религиозного экстремизма были приняты: «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года»¹, утвержденная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 29 мая 2020 г.; Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»² от 25 июля 2002 года. Также, для предотвращения влияния религиозно-экстремистских идей на российскую молодежь в образовательных учреждениях проводят профилактические мероприятия. Подобные мероприятия проводятся для объяснения непросвещенной молодежи смыслов понятий «экстремизм», «терроризм»; виды экстремизма и методы их деятельности; меры по противодействию экстремизму. К примеру, согласно интерактивной карте профилактической деятельности, «в России в 2023 году в образовательных учреждениях было проведено 4 049 мероприятий, в Белгородской области – 109 мероприятий»³.

Кроме указанных в данной работе угроз формированию национальной и религиозной идентичности, также в настоящее время к угрозам можно, на наш взгляд, отнести: современные глобализационные процессы; снижение уровня воспитания и образования; криминализация общества; социальное неравенство и культурная деградация современного общества, санкционное давление, вмешательство западных идеологов во внутренние дела нашей страны и в процессы воспитания молодежи.

Необходимо указать, что современные отечественные исследователи разрабатывают новые (к примеру, создание тематического контента на разных интернет-платформах [Резанова, 2013, с. 39-40]) и модернизируют старые, проверенные временем механизмы духовно-нравственного и патриотического воспитания российской молодежи (например, российское образование, организация тематических мероприятий, конкурсов, миссионерство [Хайбулаев, Асваров, Салманов, Сулейманова, 2022]), помогающие в настоящее время преодолевать внешние и внутренние угрозы формированию и сохранению национальной и религиозной идентичности.

Заключение

Таким образом, представители коллективного Запада для уничтожения России изнутри в качестве своей основной цели выбрали российскую молодежь как будущее нашей страны. В настоящее время к угрозам формированию и сохранению национальной и религиозной идентичности российской молодежи можно отнести: религиозный экстремизм в молодежной среде, а также распространение новых религиозных объединений деструктивного характера; использование ложного и запрещённого контента в средствах массовой информации и Интернете; современные глобализационные процессы;

¹ Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/> (дата обращения: 16.04.2023).

² Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 N 114-ФЗ (последняя редакция) URL: <https://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 16.04.2023).

³ Интерактивная карта профилактической деятельности. 2023. URL: <https://map.ncpti.ru/events> (дата обращения: 17.09.2023).

снижение уровня воспитания и образования; криминализацию общества; социальное неравенство и культурную деградацию современного общества; санкционное давление со стороны западных стран. Все вышеуказанные внешние и внутренние угрозы направлены на разрушение духовно-нравственных ценностей, норм морали, исторической памяти нашего народа и, главное, на уничтожение национальной и религиозной идентичности российской молодежи. Именно поэтому формирование и сохранение национальной и религиозной идентичности является первостепенной задачей, особенно для дальнейшего успешного развития и существования России.

Однако, несмотря на все угрозы национальной и религиозной идентичности российской молодежи, наше общество продолжает активно развиваться. Сегодня, для развития идентичности молодежи в образовательных учреждениях проводят мероприятия, направленные на профилактику религиозного и этнического экстремизма в молодежной среде; создают тематический контент в СМИ и Интернете; организуют тематические молодежные форумы (например, форумы, организованные Федеральным агентством по делам молодежи), конференции и т.д.

Так, только через сознательное и активное информационно-аналитическое воспитание молодежи можно защитить нашу страну от внешних влияний и сохранить ее идентичность и ценности для будущих поколений.

Список литературы

- Абрадова Е.С., Кисловская Е.В. 2018. Молодежь в социальных сетях. *Власть*, 3: 150–153.
- Акимова И.А. 2009. Средства массовой информации как фактор формирования идентичности личности в современном обществе. *Сервис плюс*, 1: 10–14.
- Бадмаев В.Н. 2005. Феномен национальной идентичности (социально-философский анализ). Автореф. ... дис. док. филос. наук. Волгоград, 52 с.
- Батомункуев С.Д. 2018. Национальная идентичность и феномен гражданской религии. *Вестник КИГИ РАН*, 5 (39): 79–88.
- Буданов С.А., Колесников Р.В. 2022. Молодежный экстремизм: особенности структуры личности преступника. *Вестник ВИ МВД России*, 1: 139–145.
- Буркова Е.И. 2021. Религиозная идентичность как фактор политического развития России. *Дискурс-Пи*, 18(42): 91–113.
- Велилаева Л.Р., Абдуллаева Н.Р. 2020. Понятие «Национальной идентичности»: теоретико-литературный аспект исследования. *Universum: филология и искусствоведение: научный журнал*, 6(73): 26–28.
- Вольтер О.В. 2020. Роль традиционных религий в процессе формирования российского государства и национальной идентичности. *Историческая психология и социология истории*, 13(1): 18–34.
- Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. 2009. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М., Просвещение, 24 с.
- Зайцев П.Л. 2017. История изучения религиозной идентичности и инвариантов религиозного опыта: К.Г. Юнг, И.А. Ильин, Ю.В. Балакин. *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*, 4(16): 203–206.
- Ивлева В.И. 2017. Специфика формирования религиозной идентичности в современном российском обществе. Дис. канд. ... филос. наук. Уфа, 159 с.
- Пронина Т.С. 2015. Религиозная идентичность как психосоциальный феномен. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, 16(2): 154–166.
- Резанова З.И. 2013. Институциональная и личностная презентация национально-культурной идентичности в интернет-коммуникации: жанровые формы и дискурсивные стратегии. *Вестник Томского государственного университета*, 375: 33–41.
- Рузавина А.К. 2021. Влияние средств массовой информации на рост экстремизма в среде молодежи. *Общество: политика, экономика, право*, 2(91): 26–29.
- Рудь И.С. 2022. Религиоведческий анализ процессов формирования и сохранения духовной идентичности современной российской молодежи. Выпускная квалификационная работа. Белгород, 113 с.
- Состояние преступности в России. 2023. М., ГИАЦ МВД России, 67 с.

- Титов В.В. 2016. Национально-государственная идентичность: проблема интерпретации понятия в политической науке. *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*, 3: 92–102.
- Туаева К.Г. 2014. Философские основы национальной идентичности. *Вестник ГУУ*, 8: 287–292.
- Федорова М. В. 2016. Религиозная идентичность в концептуальном пространстве наук о религии. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Вопросы теории и практики*, 4(2): 168–171.
- Хайбулаев М.Х., Асваров Н.А., Салманова Д.А., Сулейманова Р.В. 2022. Механизмы формирования российской идентичности студенческой молодежи. *Chronos: мультидисциплинарные науки*, 11(73): 48–54.
- Хасханова М.Т. 2019. Религиозная идентичность чеченских студентов: результаты пилотажного исследования. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 2: 105–120.
- Чекменева Т.Г., Прибытков А.А. 2020. Исторический аспект формирования российской национальной идентичности. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*, 8(10): 2–15.
- Эриксон Э. 1996. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М., Издательская группа «Прогресс», 344 с.

References

- Abradova E.S., Kislovskaya E.V. 2018. Molodezh' v social'nyh setyah. [Youth in social networks]. *Vlast'*: 3: 150–153.
- Akimova I.A. 2020. Sredstva massovoj informacii kak faktor formirovaniya identichnosti lichnosti v sovremennom obshchestve [Mass media as a factor in the formation of personal identity in modern society], *Servis +*, 1: 10–14.
- Badmaev V.N. 2005. Fenomen nacional'noj identichnosti (social'no-filosofskij analiz) [The phenomenon of national identity (socio-philosophical analysis)], avtoref. dis. doktora filosofskih nauk: 09.00.11 - social'naja filosofija. Volgograd, 52 p.
- Batomunkuev S.D. 2018. Nacional'naja identichnost' i fenomen grazhdanskoj religii [National identity and the phenomenon of civil religion]. *Vestnik KIGI RAN*, 5(39): 79–88.
- Budanov S.A., Kolesnikov R.V. 2022. Molodezhnyj ekstremizm: osobennosti struktury lichnosti prestupnika [Youth extremism: features of the criminal's personality structure]. *Vestnik VI MVD Rossii*, 1: 139–145.
- Burkova E.I. 2021. Religioznaja identichnost' kak faktor politicheskogo razvitiya Rossii [Religious Identity as a Factor of Russia's Political Development]. *Diskurs-Pi*, 18-1(42): 91–113.
- Velilaeva L.R., Abdullayeva N.R. 2020. Ponyatie «Nacional'noj identichnosti»: teoretiko-literaturnyj aspekt issledovaniya [The concept of «National identity»: theoretical and literary aspect of the study]. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie: nauchnyj zhurnal*, 6(73): 26–28 (in Russian).
- Voltaire O.V. 2020. Rol' tradicionnyh religij v processe formirovaniya rossijskogo gosudarstva i nacional'noj identichnosti [The role of traditional religions in the formation of the Russian state and national identity]. *Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii*, 13(1): 18–34.
- Danilyuk A.Y., Kondakov A.M., Tishkov V.A. 2009. Konceptiya duhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina issledovaniya Rossii [The concept of spiritual and moral development and education of the personality of a citizen of Russia]. М., Enlightenment, 24 p.
- Zajcev P.L. 2017. Istorija izuchenija religioznoj identichnosti i invariantov religioznogo opyta: K.G. Jung, I. A. Il'in, Ju. V. Balakin [History of the study of religious identity and invariants of religious experience: K. G. Jung, I. A. Ilyin, Yu. V. Balakin]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija Istoricheskie nauki*, 4(16): 203–206.
- Ivleva V.I. 2017. Specifika formirovaniya religioznoj identichnosti v sovremennom rossijskom obshchestve [The specifics of the formation of religious identity in modern Russian society], dis. cand. philos. sciences. Ufa, 159 p.
- Pronina T.S. 2015. Religioznaja identichnost' kak psihosocial'nyj fenomen [Religious identity as a psychosocial phenomenon]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnej akademii*, 16(2): 154–166.
- Rezanova Z.I. 2013. Institucional'naja i lichnostnaja prezentacija nacional'no-kul'turnoj identichnosti v internet-kommunikacii: zhanrovyje formy i diskursivnyje strategii [Institutional and personal presentation of national and cultural identity in Internet communication: genre forms and discursive strategies]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 375: 33–4.

- Ruzavina A.K. 2021. Vliyanie sredstv massovoj informacii na rost ekstre-mizma v srede molodezhi [The influence of mass media on the growth of extremism among young people]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2 (91): 26–29 (in Russian).
- Rud I.S. 2022. Religiovedcheskij analiz processov formirovaniya i sohraneniya duhovnoj identichnosti sovremennoj rossijskoj molodyozhi [Religious studies analysis of the processes of formation and preservation of the spiritual identity of modern Russian youth]. Belgorod, 113 p.
- The state of crime in Russia. 2023. Moscow, GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 67 p. (in Russian).
- Titov V.V. 2016. Nacional'no-gosudarstvennaja identichnost': problema interpretacii ponjatija v politicheskoj nauke [National-State identity: the problem of interpretation of the concept in political science]. *Lokus: ljudi, obshhestvo, kul'tury, smysly*, 3: 92–102.
- Tuaeva K.G. 2014. Filosofskie osnovy nacional'noj identichnosti [Philosophical foundations of national identity]. *Vestnik GUUpred*, 8: 287–292.
- Fedorova M. V. 2016. Religioznaja identichnost' v konceptual'nom prostranstve nauk o religii [Religious Identity in the Conceptual space of the Sciences of Religion]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, Gramota*, 4(2): 168–171.
- Hajbulaev M.H., Asvarov N.A., Salmanova D.A., Sulejmanova R.V. 2022. Mehanizmy formirovaniya rossijskoj identichnosti studencheskoj molodezhi [Mechanisms of formation of the Russian identity of students]. *Chronos: mul'tidisciplinarnye nauki*, 11(73): 48–54.
- Hashanova M.T. 2019. Religioznaja identichnost' chechenskih studentov: rezul'taty pilotazhnogo issledovanija [Religious identity of Chechen students: results of a pilot study]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija*, 2: 105–120.
- Chekmenjova T.G., Pribytkov A.A. 2020. Istoricheskij aspekt formirovaniya rossijskoj nacional'noj identichnosti [The historical aspect of the formation of the Russian national identity], *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*, 8(10): 2–15.
- Erikson E. 1996. Identichnost': junost' i krizis [Identity: youth and crisis]. M., Publ. Progress, 344 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.03.2023
Поступила после рецензирования 20.06.2023
Принята к публикации 30.07.2023

Received March 20, 2023
Revised June 20, 2023
Accepted July 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рудь Илья Сергеевич, ассистент кафедры философии и теологии, аспирант 2 курса, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Липич Василий Васильевич, профессор кафедры философии и теологии ИОНиМК Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ilya S. Rud, assistant of the Department of Philosophy and Theology, 1st year postgraduate student, Institute of Social Sciences and Mass Communications Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Vasily V. Lipich, Professor of the Department of Philosophy and Theology of the IONyMK Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.